

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В РОССИИ XX ВЕКА

*к 140-летию со дня рождения
академика А.С. Лаппо-Данилевского*

**Санкт-Петербургские чтения
по теории, методологии и философии истории**

Санкт-Петербургский институт российской истории РАН
Институт международных образовательных программ СПбГУ
Санкт-Петербургский общественный
«Фонд культуры и образования»

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В РОССИИ XX ВЕКА

**К 140-летию со дня рождения
академика А. С. Лаппо-Данилевского**

Санкт-Петербург
Издательство
«Северная Звезда»
2003

УДК 94(47)
ББК 63

Редакционная коллегия:
С.Н. Погодин, Г.Н. Попов,
Е.А. Ростовцев, А.Н. Цамутали

Ответственный редактор:
А.В. Малинов

*Издается при поддержке
Санкт-Петербургского общественного
«Фонда культуры и образования»*

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В
РОССИИ XX века: К 140-летию со дня рождения академика
А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по
теории, методологии и философии истории. Выпуск I. / Отв.
ред. А.В. Малинов. СПб.: Издательство «Северная Звезда»,
2003. – 415 с.

ISBN 5-901-954-09-x

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге в Институте международных образовательных программ 21 апреля 2003 г., посвященной 140-летию со дня рождения одного из основоположников петербургской-ленинградской исторической школы академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919).

Для всех интересующихся историей русской науки и исторической мысли, методологией истории.

ISBN 5-901-954-09-x

© Издательство
«Северная Звезда», 2003
© Авторы статей, 2003
© А. Семаш, обложка, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

А.Н. Цамутали. А.С. Лаппо-Данилевский и его наследие7

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В РОССИИ

- О.И. Ивонина.* К вопросу об эвристических
возможностях христианского историзма14
- В.П. Золотарев.* Договоримся о словах!19
- С.П. Рамазанов.* Методологические искания отечественной
исторической мысли XX века:
новации и традиции29
- О.Ф. Русакова.* Историсофия как отрасль философии
истории: предмет и дискурс37
- С.В. Синяков.* Исследовательские традиции и противоречия
познавательной деятельности историка46
- А.И. Филюшкин.* Произошла ли методологическая
революция в современной российской
исторической науке?59

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

- А.В. Макушин.* Магистерская диссертация А.С. Лаппо-Да-
нилевского в оценке П.Н. Милюкова69
- С.Н. Погодин.* Исторические работы
А.С. Лаппо-Данилевского85
- Е.А. Ростовцев.* Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в
отечественной науке99
- О.В. Синицын.* Историк среди историков:
теоретико-методологические труды
А.С. Лаппо-Данилевского в оценке Н.И. Кареева ...143
- Н.А. Трапш.* Проблемы русской истории
XVII – XVIII столетий в ранних
произведениях А.С. Лаппо-Данилевского148
- С.В. Чирков.* А.С. Лаппо-Данилевский — археограф160
- Т.В. Чумакова.* А.С. Лаппо-Данилевский и
изучение истории русской науки205

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

- Л.Н. Барышникова.* Некоторые аспекты методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского215
- Н.М. Дорошенко.* А.С. Лаппо-Данилевский — основоположник российской методологии истории217
- А.В. Малинов.* «Методология истории»
А.С. Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории226
- О.М. Медушевская.* Концептуальное единство философии и эмпирической науки236
- И.Д. Осипов.* Политическая культурология
А.С. Лаппо-Данилевского247
- М.Ф. Румянцева.* Эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского в контексте европейской философии второй половины XIX – начала XX вв.258

ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

- О.Б. Леонтьева.* Субъективная школа и проблема кризиса позитивизма в русской науке рубежа XIX – XX вв..261
- Е.В. Леушина.* П.П. Митрофанов о реформировании церкви эпохи просвещенного абсолютизма276
- Е.А. Овчинникова.* Этическая мысль в России XVII – XVIII вв.284
- Г.Н. Питулько.* Из истории русско-английских контактов в век Просвещения: Джереми Бентам и Василий Малиновский299
- А.В. Свешников.* Образ А.С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П. Карсавина308
- П.А. Трибунский.* Эпистолярные материалы А.С. Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства ...316
- В.А. Филимонов.* Н.И. Кареев о соотношении объективного и субъективного в дискурсивной практике историка: эпистемологический аспект ...344

ПРИЛОЖЕНИЕ

- А.С. Лаппо-Данилевский.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. (Пред. *Е.А. Ростовцева*)..354

«Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского» – так называется первый выпуск «Санкт-Петербургских чтений по теории, методологии и философии истории». Юбилейный для Санкт-Петербурга 2003 г. отмечен еще рядом знаменательных дат. На конец января 2003 г. пришлась 140-летняя годовщина со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), одного из признанных основоположников петербургской-ленинградской исторической школы. Этому событию была посвящена всероссийская научная конференция, проходившая в Институте международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета при поддержке Санкт-Петербургского общественного фонда культуры и образования. Материалы конференции и составили данное издание и, надеемся, положили начало серии научных исследований, охватывающих многообразные аспекты теоретико-методологических проблем гуманитарных наук и, в частности, истории. Организаторы «Санкт-Петербургских чтений по теории, методологии и философии истории» рассчитывают, с одной стороны, возродить лучшие традиции Санкт-Петербургской школы методологии и философии истории, у истоков которой стояли А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин, а, с другой, привлечь к обсуждению теоретико-методологических вопросов молодых исследователей, в том числе и из других регионов России, что способствовало бы интеграции российского научного сообщества.

В этой связи особо хочется подчеркнуть широкий географический размах состоявшейся конференции – в ней приняли участие ученые из Петербурга, Казани, Москвы, Омска, Воронежа, Рязани, других городов. Конференция показала, что сегодня российская исто-

рическая наука вполне оправилась от идеологического прессинга советской эпохи и не только освоила круг теоретических и методологических идей и вопросов, дискутирующихся в последние десятилетия в западной и мировой науке, но и способна к созданию собственных оригинальных теоретических конструктов. Другим важным итогом конференции стала актуализация методологического опыта дореволюционной историографии, следует подчеркнуть, что, например, методологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского стало не просто предметом исследования ряда участников конференции, но было востребовано как исходный материал для собственных интеллектуальных построений. Иными словами, материалы данной конференции позволяют пусть пока и с осторожностью, говорить о возрождении национальной традиции историко-методологической мысли.

Президент
Санкт-Петербургского общественного
«Фонда культуры и образования»
Г.Н. Попов

А. Н. Цамутали (Санкт-Петербург)

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Одна из отличительных черт истории исторической науки и философской мысли в России во второй половине XIX – начале XX в. – обилие непохожих друг на друга талантливых людей. Неординарность одного из них – Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского – усугублялась тем, что он стоял особняком от сложившихся в эти годы научных школ. Принадлежавший к числу петербургских историков, он и среди них занимал особое место. Это особенно бросалось в глаза тем, кто приезжал в Санкт-Петербург из других городов. Так, при первом знакомстве с петербургскими историками, присматриваясь к кружкам, которые сложились в их среде, приехавший из Москвы П.Н. Милюков в первую очередь выделил кружок, «который заслуженно возглавлял С.Ф. Платонов», тут же отметив, что А.С. Лаппо-Данилевский и Н.П. Павлов-Сильванский «стояли несколько в стороне от этого кружка», а в своих суждениях высказывали «больше независимости и основательности от основного течения». Лаппо-Данилевский, по мнению П.Н. Милюкова, отличался от большинства петербургских историков тем, что подходил «к вопросам истории более широко и отвлеченно, как и подобает юристу»¹. Другой питомец Московского университета, как и П.Н. Милюков, ученик В.О. Ключевского, А.А. Кизеветтер вспоминал, что для него человеческие черты Лаппо-Данилевского раскрылись постепенно. По его словам, внешняя сдержанность и чопорность манер Лаппо-Данилевского означали «не сухость сердца и не надменность», а «дисциплину духа, которая не мирится ни с какой распущенностью, ни с какой фамильярностью». Как считал А.А. Кизеветтер, именно такое «строгое целомудрие души» мешало Лаппо-Данилевскому «свободно и легко общаться с другими». После же близкого знакомства Лаппо-Данилевский предстал перед А.А. Кизеветтером как «сдержанный и как будто суровый профессор», который «проявлял чрезвычай-

ную притягательную силу к своим юным ученикам, которых нисколько не отпугивала сдержанность его обращения и которые влеклись к нему, полные доверчивой симпатии». Дополняя этот, казалось бы, и без того привлекательный образ Лаппо-Данилевского, А.А. Кизеветтер писал, что «около этого кабинетного затворника всегда роилась многообещающая молодежь, почерпавшая в его суровой школе и серьезный научный интерес, и высокий моральный закал», подчинявшаяся «обаятельной силе этого ученого затворника»².

Сложность личности Лаппо-Данилевского подчеркивали и близко знавшие его коллеги и ученики. И.М. Гревс вспоминал: «А[лександра] С[ергеевича] любили немногие, не любили, пожалуй, многие, но за что? Обвиняли его в безмерном самолюбии. Но самолюбие это вытекало из большой строгости к себе. Оно протестовало против задевания другими очень наболевших от самокритики мест, при постоянном мучительном стремлении к самосовершенствованию, под давлением высокого нравственного самоопределения при установлении горизонта “обязанностей”. Самолюбие у А.С. было отзвуком неослабевающего стремления вперед и ввысь». На протяжении десятилетий спорят историки, какую школу представлял Лаппо-Данилевский, к какому течению в исторической науке принадлежал, как сказались его отношения с «петербургской школой историков» во главе с В.Г. Васильевским и С.Ф. Платоновым, как он оценивал наследие и взгляды В.О. Ключевского и его учеников, какую школу создал он сам, как повлиял на своих прямых учеников и последователей других направлений, тому в исторической литературе приведено немало примеров.

А.Е. Пресняков, по мнению С.Н. Валка, «по научной части ученик В.Г. Васильевского и ближайшим образом Платонова»³, не только одним из первых прошел школу Лаппо-Данилевского, но и очень много сделал для увековечения его памяти. Размышляя о воздействии, оказанном Лаппо-Данилевским не только на его непосредственных учеников, С.Н. Валк приводил в пример Б.Д. Грекова в годы формирования его взглядов, связанных сначала с Варшавским, затем с Московским университетом, вспоминавшего, что «счастливая судьба» сделала его «одним из учеников А.С. Лаппо-Данилевского», который «в своих семинариях» «тре-

бывал прежде всего строго научного метода: голословному утверждению или фантастическому выводу не было места в его кружке», что «строжайшая научная выправка оставалась отличительной чертой учеников А.С. и в их последующих самостоятельных работах»⁴.

Широкий кругозор, редкая эрудиция предопределили разносторонность научных интересов Лаппо-Данилевского. Далеко не все из того, над чем он начал работать, а тем более из того, что было в его замыслах, нашло воплощение в опубликованных книгах, статьях, рецензиях. Но и то, что выходило в свет, при жизни ли автора, как это было с его магистерской диссертацией «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований»⁵, посмертным изданием той же «Методологии истории»⁶ или появившейся спустя семьдесят лет после смерти автора части монографии «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.»⁷ и многими другими, всегда оказывалось в центре внимания исторической общественности, поражало оригинальностью, глубиной и смелостью мысли.

Жизнь Лаппо-Данилевского оборвалась в феврале 1919 г. Его смерть была тяжелой утратой для русской исторической науки не только потому, что она потеряла одного из самых верных своих служителей, но еще и потому, что революционная буря грозила прервать преемственность тех традиций, носителем которых был Лаппо-Данилевский. Этого боялись его друзья и коллеги. Не только боль от тяжелой утраты, но и тревогу за судьбу наследия Лаппо-Данилевского увидели в прощальных словах друзей, коллег, учеников. Именно этим настроением были проникнуты появившиеся в 1919–1921 гг. некрологи, статьи, книги, в которых близко знавшие Лаппо-Данилевского ученые писали и о его необыкновенной личности, и о его ученых трудах, тесно связанных с культурной традицией, в годы революции и гражданской войны оказавшихся под угрозой исчезновения.

Напомним еще раз, что писал после смерти Лаппо-Данилевского А.Е. Пресняков, кстати сказать, ученый, среди представителей старой школы проявивший наибольшую гибкость во взаимоотношениях с советской властью, умевший сотрудничать с ее представителями: «Буря революции не вывела его из научной, академической среды. Но крайне

тягостно переживал он распад той культуры, которая его вскормила, и подрыв многого в той традиции, которая, при всей ее исторической условности, была носителем дорогих ему «абсолютных ценностей». И когда заболевание, казавшееся случайным и негрозным, унесло его из жизни 7 февраля 1919 г. по старому стилю, у близко его знавших осталось смутное чувство связи этой безвременной кончины с историческим моментом. Носитель глубоких культурных традиций не перенес ее трагической ломки»⁸.

В том же духе писал и И.М. Гревс, тем более что, по его мнению, для Лаппо-Данилевского «насилие всегда было недопустимо для его нравственного сознания». Как казалось И.М. Гревсу, «может быть», смерть Лаппо-Данилевского, «неожиданная и преждевременная, явилась протестом против свершающегося, разливавшегося кругом зла, мрака, невежества, хаоса, насилия, кровопролития»⁹.

Ученики и коллеги не только оставили воспоминания о своеобразии педагогических приемов Лаппо-Данилевского, о его семинариях, лекциях, о руководимом им студенческом кружке, о предоставленной каждому возможности приходить к профессору по пятницам, но и в трудные времена старались поддерживать традицию. В качестве примера можно привести С.Н. Валка, сумевшего отметить в статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» и преподавательскую деятельность Лаппо-Данилевского, и его руководство студенческим научным кружком, и его «неоспоримое влияние на развитие не только исторической науки, но и на содержание умонастроения основных петербургских кадров»¹⁰. А.И. Андреев, заведя кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московском государственном историко-архивном институте, в 1946 г. пытался, к сожалению безуспешно, провести заседание, посвященное 25-летию со дня смерти Лаппо-Данилевского¹¹. Вскоре А.И. Андреев стал объектом жесткой критики. Помимо других, ему было предъявлено обвинение в «преклонении перед буржуазной наукой» и в том, что он находится под влиянием взглядов Лаппо-Данилевского. А.И. Андреев признал, что он и его коллеги «преклонялись» перед буржуазной наукой, объяснив это тем, что вспомогательные исторические дисциплины зародились на Западе, и обещал исправить такого рода ошибки. Тут же он сказал, что от «частной привержен-

ности» к Лаппо-Данилевскому ему отказаться трудно: «...все-таки он был моим учителем»¹².

Постепенно, хотя и прошло много времени, отношение к наследию Лаппо-Данилевского стало меняться. Появились работы, в которых обращалось внимание на те или иные достоинства трудов Лаппо-Данилевского, высоко оценивался его вклад в развитие теории и практики источниковедческих исследований. Среди историков, способствовавших восстановлению объективной оценки наследия Лаппо-Данилевского, в том числе и его теоретических изысканий, были С.О. Шмидт, Л.Н. Хмылев, А.Л. Шапиро.

Во второй половине и особенно в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. вновь усилилось внимание к наследию Лаппо-Данилевского. При этом, и это вполне естественно, предприняты попытки серьезно обобщить и критически пересмотреть все, что написано о Лаппо-Данилевском, начиная с прижизненных рецензий и отзывов на его труды и взгляды и специальных работ о Лаппо-Данилевском. В качестве примера можно привести «Приложение» к книге А.В. Малинова и С.Н. Погодина «Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ», содержащее «Обзор работ, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому»¹³, «Библиографию основных работ об А.С. Лаппо-Данилевском»¹⁴, «Список трудов А.С. Лаппо-Данилевского»¹⁵ и обстоятельную историографическую статью Е.А. Ростовцева «А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе»¹⁶. Названные историографические очерки позволяют получить более отчетливое представление и о Лаппо-Данилевском, и о том, что сделано для изучения его наследия, но еще и – это может быть главное – о перспективах дальнейшего изучения как взглядов выдающегося ученого, так и философских и исторических проблем, им затронутых.

Одна из наиболее сложных сторон в творчестве Лаппо-Данилевского – связь между его теоретическими взглядами и конкретными исследованиями. Методологические построения Лаппо-Данилевского были сложны для восприятия даже для близко знавших его коллег и учеников. В.М. Панеях в монографии, посвященной Б.А. Романову, приводит его критические замечания, относящиеся к тексту доклада Л.В. Черепнина о кризисе буржуазной исторической науки, предназначенного для чтения на заседании ученого совета Ин-

ститута истории СССР. Б.А. Романов один из недостатков доклада видел в том, что Л.В. Черепнин «очень много внимания и места уделяет Лаппо-Данилевскому с его “Методологией истории”, придавая ему, видимо, некое руководящее значение в тогдашней исторической науке...» «Между тем, — продолжал Б.А. Романов, — едва ли можно назвать среди перечисляемых исторических публикаций этого периода что-либо более мертворожденное, чем этот двухтомный курс...»¹⁷ Отмечая «резко критическое отношение» Б.А. Романова к «научному наследию (но не к личности) А.С. Лаппо-Данилевского», В.М. Панеях полагает, что «неверно было бы противопоставлять» их «прочувствованным речам Б.А. Романова» о Лаппо-Данилевском, замечает вместе с тем, что Б.А. Романов с годами «все с большим сомнением относился к методологическим штудиям А.С. Лаппо-Данилевского, особенно в связи с осязательным разрывом между теоретическими установлениями и их практической реализацией в его собственных трудах»¹⁸.

Оценивая приведенные выше высказывания Б.А. Романова, учитывая то, что он сознавал, как пишет В.М. Панеях, «свою принадлежность к той ветви петербургской исторической школы, которую олицетворяли С.Ф. Платонов и, особенно, А.Е. Пресняков (вовсе относивший его [Лаппо-Данилевского. — А.Ц.] к иной школе)», заметим, при всем уважении к авторитетному Б.А. Романову, что его отрицательное отношение к теоретическому наследию Лаппо-Данилевского не должно быть преградой к дальнейшему изучению методологических исканий Лаппо-Данилевского и выявлению в них своих достоинств.

Упомянутое выше историографическое исследование Е.А. Ростовцева содержит в целом очень обстоятельный и серьезный разбор обширной литературы, в которой в той или иной степени рассматривались труды и взгляды Лаппо-Данилевского. Вместе с тем работы самого последнего времени охарактеризованы кратко, так как, по мнению Е.А. Ростовцева, они «носят очерковый характер и связаны с изложением сюжетов, как правило, уже рассмотренных в литературе». Впрочем, «появление» этих работ, как отмечает Е.А. Ростовцев, «объективно способствует популяризации научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского в историографии и активизации изучения его творчества»¹⁹.

Дополняя сказанное Е.А. Ростовцевым, можно заметить, что в работах последних лет уточняется истолкование Лаппо-Данилевским понятия «методология истории»²⁰, объединенными усилиями философа и историка выявляются черты его конкретно-исторической концепции²¹, дается более честное представление о той роли, которую Лаппо-Данилевский играл в русской исторической науке конца XIX – начале XX в.²²

Дальнейшая работа по изучению названных выше и других проблем, связанных и с творчеством Лаппо-Данилевского, и с общей ситуацией в русской исторической науке конца XIX – начала XX в., позволит преодолеть тот недостаток, который, по мнению Е.А. Ростовцева, выражается в том, что, несмотря на несомненные достижения, «современная историография продолжает ходить по кругу в изучении творчества А.С. Лаппо-Данилевского»²³.

На это и направлены объединенные в настоящий сборник статьи и материалы.

Примечания

¹ Миллюков П.Н. Воспоминания. Том первый (1859–1917). М., 1990. С. 163.

² Кизеветтер А.А. А.С. Лаппо-Данилевский // Голос минувшего. 1920–1921. С. 167.

³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет / Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 36.

⁴ Греков Б.Д. Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой комиссии. 1919. Т. 56. С. 154.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть 1. Теория исторического знания. Пособие к лекциям, читаемым студентам Санкт-Петербургского университета в 1909–1910 году. СПб., 1910; Выпуск 2. Пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петербургского университета в 1910–1911 году. СПб., 1913; Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания. Вып. 1. Пг., 1923.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.

⁸ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 44–45.

⁹ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 78–79.

¹⁰ *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. С. 59.

¹¹ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.А.* «Мы учим советских людей, а не древних греков» (Из истории вузовской исторической науки конца 30–40-х гг.) // История СССР. 1989. № 6. С. 94.

¹² Там же. С. 99.

¹³ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 236–246.

¹⁴ Там же. С. 247–261.

¹⁵ Там же. С. 262–283.

¹⁶ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2000. С. 171–247.

¹⁷ Цит. по: *Панелях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 402.

¹⁸ Там же. С. 403.

¹⁹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе. С. 244.

²⁰ *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века). СПб., 1999; *Малинов А.В.* Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001.

²¹ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ.

²² *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 частях. Часть 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград, 1999. С. 94–112; *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в отечественную историографию. Учебное пособие. Омск, 2001. С. 174–222.

²³ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе. С. 246.

О. И. Ивонина (Новосибирск)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВРИСТИЧЕСКИХ
ВОЗМОЖНОСТЯХ ХРИСТИАНСКОГО
ИСТОРИЗМА**

Обращение современных исследователей к наследию русской христианской историософии вызвано различными обстоятельствами и мотивами. Сходство идейно-политического и исторического контекста возникновения религиозного течения отечественной общественной мысли в начале XIX в. с переходным состоянием России рубежа XX и XXI вв. объединяет историков разных поколений и школ – представителей дореволюционной, советской, эмигрантской и современной российской историографии – в общем диалоге о прошлом, настоящем и будущем России. Постоянная альтернативность ситуации выбора страной своего пути развития в контексте мировой цивилизации объясняет особую притягательность и практическую востребованность идей русской религиозной историософии, сформировавшей единое проблемное поле отечественного исторического сознания с его размышлениями о смысле исторического бытия всего человечества и судьбах своего Отечества, национально-культурном своеобразии России и всемирном значении ее исторического опыта.

«Верующий разум» русских религиозных авторов определил особый подход и оценочный масштаб изучения проблем отечественной и всемирной истории – «с точки зрения вечности» – *sub specie aeternitatis*. Представления русских мыслителей о направленности и цели исторического движения выражались религиозными категориями Царства Божьего, Богочеловечества, теофании, соборности. Присущий русской христианской мысли синтез базовых категорий православия с гуманизмом, антропоцентризмом и прогрессизмом

европейского сознания объясняет напряженный нравственный тонус ее исканий, понимание истории как манифестации свободы и самоопределения человека, поиск смысла бытия отдельной личности, общества, государства, культуры как уникальной индивидуальности, обладающей непреходящей ценностью для всего человечества. Взаимодействие с европейской интеллектуальной традицией сформировало особый методологический инструментарий русских религиозных авторов, производный от их представлений об объективной закономерности исторического процесса и универсальности исторического субъекта в лице единого человечества. Отечественная историософия продемонстрировала богатые эвристические возможности исторической компаративистики, герменевтики, синтеза социальной истории с культурной антропологией и историей ментальностей, отразив, а отчасти и предвосхитив поворот современной науки к новому пониманию предмета и методов исторического исследования.

Центральной темой и предметом размышлений русской христианской исторической мысли стала, по меткому определению Г.Г. Шпета, «загадка-проблема» России – ее религиозно-исторической идентичности, исторической судьбы и всемирного призвания. В решении проблемы судьбы России христианские мыслители демонстрировали устойчивую тенденцию критики западной цивилизации как ограниченного, далекого от универсального образца исторической эволюции. Разрушение эталонного образа Европы как средства исторической идентификации России проявилось уже в работах историков XIX в., придавших вопросу о судьбе России характер историософской проблемы направленности всемирной истории. Критерием нормативности и русской, и мировой истории стали не локально ограниченные образцы буржуазной цивилизации Запада, а всеобщие идеалы свободы, братства, социальной солидарности и справедливости, впервые сформулированные христианством. Сознание русских религиозных авторов оказалось неожиданно созвучным катастрофическому XX в., наполненному революциями и войнами, чудовищным насилием над природой и разумом человека, исходящим из цитадели мирового прогресса. На завершающем этапе своего существования русская христианская историософия в лице Л.П. Карсавина, Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева реализовала свои переживания трагических катаклизмов

XX в. в предчувствии глобальных угроз в ходе мирового развития. Предупреждения христианских мыслителей о возможности гибели культуры и торжества технократии, кризиса гуманизма, конфликта цивилизаций, противоборства традиционализма и модернизма сформировали новый контекст обсуждения проблемы направленности отечественной и всемирной истории, до сих пор сохраняющий свою актуальность.

Христианская историческая мысль России XIX – первой половины XX в. как целостное единство философии и методологии истории, исторической антропологии и истории культуры еще не стала объектом историографического анализа, поэтому многие методологические и философские ее поиски остались вне поля зрения современных исследователей.

Христианская историческая мысль рассматривается как сложное образование, предполагающее исследование исторического процесса одновременно на уровне *историософии* и *историографии*. Двухуровневый характер христианской исторической мысли, обусловленный наличием в христианстве сложной религиозно-метафизической концепции, обязывает историка к изучению и оценке конкретных исторических сюжетов на основе его специфических представлений о природе истории как взаимодействию божественного и человеческого планов бытия. Авторы христианского направления придерживались последовательно идеалистического подхода, сводя историю событий к истории идей, производных от типа религиозности как наиболее действенного и долгосрочного фактора, определяющего характер развития исторического субъекта. Отличительной чертой христианской мысли была неизменная ориентация на поиск смысла истории, который реализовывался в различных тенденциях и закономерностях исторического развития. В понимании религиозно ориентированного мыслителя исторический факт приобретает форму сложного многомерного образования, отражая не только уникальное, неповторимое своеобразие определенного события в масштабе реального времени, но и его религиозную, т. е. всеобщую и непреходящую, ценность.

Предметом конкретно-исторического изучения в отечественной христианской исторической мысли были ключевые эпохи мировой истории, сформировавшие единую для всех авторов данного направления проблематику исследований: религиозная эволюция древнего Востока, место антич-

ности в истории человечества, политико-религиозный синтез эпохи эллинизма и Римской империи, переход от античности к средневековью в Европе, религиозно-культурная роль Византии в мировой истории, эволюция западноевропейского христианства, Ренессанс, процесс секуляризации, генезиса и эволюции капиталистического общества XVII–XIX вв., Великая французская революция 1789 г. и общеевропейская «весна народов» 1848 г., зарождение и развитие христианства в России, политическая эволюция России в контексте межкультурного взаимодействия со странами Запада и Востока, церковный раскол XVII в., реформы Петра и модернизационные процессы в России XVIII–XIX вв. Поколение мыслителей эпохи русского религиозного ренессанса рубежа XIX–XX вв. включило в предмет своих исследований мировые войны 1914–1918 и 1939–1945 гг., русские революции 1905 и 1917 гг., феномен западноевропейского и российского тоталитаризма XX в.

Приверженность христианских авторов к теме судьбы России, поставленной и решаемой в контексте направленности всемирной истории, объединила их в своеобразное течение русской общественной мысли, отличающееся общностью исследовательских подходов и способов исторической оценки, понимания основных детерминант и содержания всемирно-исторического процесса, пространственных и временных параметров исторической эволюции. Своеобразным следует считать и характер научного дискурса русских христианских мыслителей. Тесная связь глубоких философских обобщений с необходимостью ответов на практические проблемы переустройства мира и человека, понимание истории одновременно как науки и искусства, морального суда и пророчества обусловили своеобразие жанра исторических исследований христианских авторов. Вечные вопросы о судьбе человека и человечества облекались в форму художественных образов и метафор; историософия чаще вырастала из журнальной полемики и публицистики, поэзии, литературной критики, писем и эссе, нежели из специальных научных трактатов. Парадигма целостного знания, соединявшего в себе философию, науку, религию и художественное творчество, сознательно противопоставлялась всеми представителями русской христианской исторической мысли формальным стандартам научности и дисциплинарной ограниченности.

ДОГОВОРИМСЯ О СЛОВАХ!

В теоретической отрасли современной российской исторической мысли господствуют негативизм и анархия. Одни ученые, если мягко сказать, не придают какой-либо ценности изыскам в теории истории. Такие историки всегда были и есть в любой национальной историографии. Ее яркий представитель в России Ф.Ф. Соколов (1841–1909), профессор древней истории Санкт-Петербургского университета. Его не без основания называли «фактопоклонником», а профессоров, не ценящих обобщений, Орест Федорович Миллер (1833–1889) называл крохоборами¹. Однако до сих пор далеко не все ученые отдают себе отчет в значении теоретико-методологических оснований своей работы. Примером могут служить вариации на «методологические» темы в соответствующих разделах диссертаций и авторефератов.

В связи со сказанным полезно будет задать вопрос: какой терминологический аппарат бытовал в пору зарождения, формирования и развития теоретической отрасли исторической науки? Ответ на него поможет упорядочить современную номенклатуру и терминологию названного направления истории как науки.

Термин «философия истории» впервые употребил Вольтер в 1765 г., написавший статью под таким названием. Его содержание, подразумеваемое Вольтером, – универсальное историческое обозрение человеческой культуры². С этого времени словосочетание «философия истории» получило широкое распространение в теоретико-исторических исследованиях. Его «гражданство» особенно укрепил Г.-В.-Ф. Гегель (1770–1831), читавший в 20–30 гг. XIX в. лекции по философии истории в Берлинском университете, впервые изданные отдельной книгой в 1837 г. Российские историки, как и зарубежные, тяготевшие к изучению теоретических вопросов истории, пользовались этим словосочетанием³. Содержание и проблематика «философии истории» существенно изменились с того времени. Это нетрудно проследить по наиболее авторитетным энциклопедическим изданиям – отечественным и за-

рубежным. Так, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», выходявшем с 1890-го по 1904 г., указано: «Под этим названием разумеют: 1) философское обозрение прошлых судеб всего человечества, а также истории какого-либо народа (философия истории Франции), какой-либо эпохи (философия истории Французской революции) и т. п.; 2) философское исследование общих законов исторического процесса, отвлеченно взятого; 3) философскую теорию знания, а иногда и 4) практические уроки морального либо политического характера, которые могут быть извлечены из истории»⁴. В словниках «Большой Советской энциклопедии» (1-е изд., в 65 т. М., 1926–1937; 2-е изд., в 50 т., М., 1949–1957) термина «философия истории» нет. Он впервые появляется в «Советской исторической энциклопедии» и в третьем издании «БСЭ» (в 30 т., М., 1969–1977). И.С. Кон, написавший обе статьи под одинаковым названием «Философия истории» (они идентичны и по содержанию), утверждает: «В системе современной марксистской науки философско-историческая проблематика разрабатывается преимущественно в рамках исторического материализма, который в известном смысле и есть марксистская философия истории (поскольку он исследует общие принципы и критерии интерпретации истории, проблему объективности и критерии истины общественно-исторического познания и т. д.), а также в рамках логики научного исследования (логическая специфика исторического метода, виды и формы исторического описания, структура исторического объяснения и т. п.) и, наконец, в рамках самого исторического исследования (принцип периодизации всемирной истории, анализ конкретно-исторических понятий и т. д.)»⁵. В «БСЭ» И.С. Кон более ясно определяет предмет философии истории, «связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания (выд. мною. – В.З.)»⁶. Нетрудно заметить, что И.С. Кон возвращается к тому пониманию «философии истории», которое было до середины XIX в.

Аналогичную попытку предпринял и известный отечественный ученый А.С. Панарин в «Новой философской энциклопедии» (т. 1–4. М., 2000–2001)⁷. Он трактует философию истории как раздел философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического процесса. Философия истории решает вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего. Далее в ее предмет впи-

сываются несколько задач: онтологическая (осмысление исторического бытия) и эпистемологическая (познание этого бытия), ценностная (судить историю по своему идеалу). Как видно, современное понимание философии истории — повторимся! — возвращает нас к тому смыслу, который этот термин получил во время его возникновения. Обоснованно ли такое понимание? Как известно, теми же проблемами занимаются социология и методология истории. Первая, как известно, отыскивает закономерности исторического процесса, а вторая формулирует эпистемологическую теорию познания мира истории.

Поучительно обратиться в этой связи к знаменитой энциклопедии «Brittanica». Патрик Ланкастер Гардинер (Patriek Lanckaster Gardiner), сотрудник Оксфордского университета, в своей объемной статье «Philosohohy of history»⁸ вначале пишет о двояком смысле слова «история»: 1) события и действия, которые совместно составляют человеческое прошлое, и 2) оценки прошлого и методы научного исследования, посредством которых эти оценки достигаются и создаются. Далее Гардинер замечает, что философские размышления об истории можно истолковывать различно. Одно понимание философии истории он называет традиционным, классическим (или еще умозрительным); считается, что оно рассматривает исторический процесс в целом, его ход и направления. Другое понимание он именует критическим или аналитическим. Оно характеризуется «как исследования» все того же процесса, но в меньшем объеме. Здесь внимание теоретизирующих историков, по его мнению, сосредоточивается «не на актуальном ходе событий самом по себе», а «на действиях и категориях», используемых историками-практиками в исследовании. Но не только этим, согласно Гардинеру, отличаются умозрительная и критическая философии истории. Умозрительная философия истории — результат весьма длительного осмысления истории (начиная, вероятно, с Блаженного Августина (354–430), создавшего первую универсальную концепцию истории человечества). Критическая (аналитическая) же философия истории «достигла выдающегося положения в XX в.».

Поразмышляем над словами английского историка-теоретика. В начале своей энциклопедической статьи Гардинер дал определение философии истории в общепринятом для

XIX в. и первых трех десятилетий XX в. понимании этого термина, выделив два, а не три содержательных его аспекта (философское обозрение истории человечества, какой-либо нации и эпохи; отыскание законов истории как процесса и постижение объективной исторической правды).

Однако нам представляется, что предложенное Гардинером определение мало проясняет суть проблемы, особенно если учесть, что во второй половине XIX в. появляется ряд новых дисциплин, изучающих общество. В частности, к социологии отошла та область философии истории, которая занималась поиском законов истории. Несколько позже немецкие ученые ввели термин «Historika», который обозначал, говоря современным языком, «технологию» труда историков. Заметим: уже во второй половине XIX в. за философией истории закрепляется первое понимание этого термина – философское обозрение истории, которое своей обобщенностью существенным образом отличается от исторического освещения. С высоты философского постижения просматривается «большая дорога» истории (термин С.М. Соловьева). Но упускаются более «мелкие» детали.

Итак, разброс мнений о содержании философии истории в отечественной и зарубежной теоретико-исторической мысли значителен. Со времен Гегеля это словосочетание понимается как философское освещение исторического процесса. На наш взгляд, первоначальное понимание философии истории следует восстановить и отделить его от другого основополагающего термина – методологии истории.

Методология истории как теория исторического познания сформировалась в качестве специальной научной дисциплины сравнительно недавно – в середине, а точнее, во второй половине XIX в., хотя ее генезис, конечно, можно обнаружить в греко-римской общественно-исторической мысли, особенно у Лукиана (ок. 120 – ок. 190) в его коротком трактате «Как следует писать историю»⁹. Прежде всего следует избегать любого предубеждения, не становиться ни на чью сторону, не примыкать ни к какому сообществу и не быть подверженным никакой страсти – так суммировал искусство историописания Лукиана французский историограф П.Ф. Гюден де ля Бренейери в своем дополнении к книге Г.Б. де Мабли (1709–1785) «Об изучении истории. О том, как писать историю».

И грек Лукиан, и почти 1600 лет спустя после него француз Мабли писали об одном и том же: как в познании истории достичь максимально объективной правды и каково должно быть искусство описания прошлого. Разумеется, ни тот, ни другой не употребляли термин «методология истории». Н.И. Кареев — редактор исторического отдела «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона», — готовя в 1896 г. к изданию тридцать седьмой том, написал для него статью «Методология историческая», в которой изложил ее классическое понимание. «В состав полной исторической методологии, — писал он, — должны были бы войти следующие вопросы: методы исторической критики, исследование скрытых фактов, определение генетической или эволюционной связи между отдельными культурными явлениями, вопрос об историческом объективизме и субъективизме и приемы сравнительно-исторического изучения»¹⁰.

В таком же, я бы сказал, классическом понимании термин «методология истории» раскрывается и в зарубежных энциклопедиях.

В знаменитой энциклопедии «Brittanica» помещена анонимная статья «Methodology of historiography», в которой справедливо отмечается, что в общих чертах эта дисциплина не отличается от других исторических разделов (установление фактов, создание гипотез). Тем не менее методология истории имеет, по мнению редакторов английской энциклопедии, и свою специфику, сводящуюся к четырем аспектам: эвристика, знание общепринятых толкований, исследование и документ¹¹.

В этом они совпадают с мнением Н.И. Кареева. Надо отметить, что термин «Historika» и использовался в основном в немецкой исторической науке. Российские, французские, английские и другие историки чаще использовали термин «методология истории»¹², понимаемый как учение об историческом познании, его специфике, принципах и методах использования исторических источников, языке и стиле, жанровом многообразии научных работ по истории и т. д.

Во второй половине XIX и первых трех десятилетиях XX в. едва ли кто употреблял термин «методология истории» к интерпретации исторического процесса¹³. Однако исторический материализм распространил выражение «методология истории» и на трактовку исторического процесса.

Не исключено, что это было сделано с целью преодоления теории исторического знания (методология истории) и теории исторического процесса (философии истории). Этот разрыв существует и поныне. Как в конце XIX – начале XX в., так и теперь статьи и монографии по методологии истории пишутся, как правило, вне зависимости от того, какой концепции исторического процесса следуют их авторы. Если автор придерживается теологического понимания исторического процесса, то теория познания одна. Если же он следует формационному подходу к истории, то технология ее исследования будет иной. Цивилизационный подход также предполагает свою теорию познания. Теория исторического процесса обуславливает технологию его познания.

Наряду с терминами «философия истории» и «методология истории» в начале ушедшего столетия стали употребляться словосочетания «общая теория истории», «частная теория истории». Вероятно, их впервые ввел в 1906 г. Н.И. Кареев, начавший читать на Высших женских (Бестужевских) курсах в Санкт-Петербурге лекции по теоретическим вопросам исторической науки, позже опубликованные им в трех книгах под общим заголовком «Из лекций по общей теории истории»¹⁴. Вслед за Н.И. Кареевым термином «теория истории» воспользовался Н.Д. Кондратьев в статье о 25-летию научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919)¹⁵. Впоследствии термины «общая теория истории» и «частная теория истории» исчезли из употребления в советских историко-теоретических работах. С начала 1930-х гг. все реже стали употреблять и выражение «философия истории». Ее сменил «исторический материализм». В последние годы вновь вошел в употребление термин «теория истории»¹⁶, чего, однако не скажешь о выражении «общая теория истории»¹⁷.

Между тем давно уже назрела необходимость упорядочить терминологический аппарат теории истории, чтобы изжить негативизм и анархию в этой важнейшей отрасли исторической науки. В связи с этим стоит обратиться к наследию таких выдающихся ученых, как Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский.

Как уже было отмечено, Н.И. Кареев в начале XX в. начал чтение курса по теоретическим проблемам исторической науки. При их публикации он, в частности, отмечал: «Выпускаемая вторым изданием “Историка”, как я назы-

ваю теорию *исторического знания*, представляет собой первую часть “Общей теории истории”, вторую часть которой является выпущенная мною в 1915 г. “Историология”, каковым термином обозначается у меня теория *исторического процесса*. В связи с этой *общей теорией истории* (выделено мною. – В.З.)... я предполагаю издать дополнительную книжку, которая будет посвящена вопросам преподавания истории... своего рода теории *исторического преподавания*. Прибавляю, что каждая из этих работ может рассматриваться как самостоятельное целое с законченным содержанием»¹⁸.

Чрезвычайно важно заметить, что каждая из трех частных теорий, составляющих общую теорию истории, вобрала в себя несколько разделов. Поясним это тремя примерами. Так, теория исторического процесса в понимании Н.И. Кареева состояла из учений: о закономерности исторического процесса, об исторических факторах, о роли личности и народных масс, об эволюции и революции, об источниках исторических времен и т. д.¹⁹ В свою очередь теория исторического знания включала в себя также несколько учений: о специфике исторического познания, об исторических источниках, об объективной исторической истине, о национализме, партийности и классовом подходе в исторических исследованиях, о языке и стиле трудов по истории и т. д.²⁰ Что касается теории исторического преподавания (методики истории), то она состоит из следующих учений: о содержании учебного предмета истории в общеобразовательных учреждениях, о целях и задачах изучения учащимися истории в школах, о достижимости желаемых результатов школьного преподавания истории, о воспитательном значении истории, о «технологии» преподавания истории, об учебниках и учебных пособиях, о наилучшей подготовке учителей истории в университетах²¹. К началу XX в. Н.И. Кареев разработал стройную систему общей теории истории²², какой не было (и до сих пор нет) ни в одной национальной европейской историографии.

Его современник и ученик А.С. Лаппо-Данилевский столь же скрупулезно, со строгим пониманием терминологии, разработал в «Методологии истории», к сожалению, лишь теорию исторического познания. Его «Методологию историю» Н.И. Кареев с полным основанием назвал «ученым трактатом». По его мнению, труд Лаппо-Данилевского представля-

ет «одну из наиболее разработанных теорий исторического знания, в которой найдут для себя много интересного все занимающиеся историей с полным и ясным сознанием необходимости теоретического обоснования исторической работы»²³. Прекрасные слова, хотя и сказанные без малого столет тому назад, но звучащие и сегодня необыкновенно своевременно.

В итоге следует сказать, что если теоретизирующие историки действительно хотят преодолеть терминологическую путаницу в одной из самых важных областей исторической науки, то они должны договориться (как сказали бы древние) о словах, т. е. о системе терминов и их содержании. Только при таком условии возможно двинуть вперед теорию истории. За ней же потянутся и другие отрасли исторической науки. Мы надеемся, что это совершится в самое ближайшее время.

Примечания

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 249. В.А. Поссе, слушавший лекции Ф.Ф. Соколова, в своих воспоминаниях писал: «Профессор древней истории Соколов, закрыв глаза, быстро и однотонно сыпал мелкими фактами, нисколько их не обобщая» (см.: Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917 гг.). М.; Л., 1929. С. 31).

² См.: *Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*. V. 1–2. Paris. 1963.

³ См.: Стасюлевич М.М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866; Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. В 2 т. М., 1883; Roux Lavergne. La philosophie de l'histoire. Paris, 1850 и др.

⁴ Кареев Н.И. Философия истории // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 70. СПб., 1902. С. 843.

⁵ СИЭ. Т. 15. М., 1974. С. 115.

⁶ БСЭ. 3-е изд. Т. 27. М., 1977. С. 418.

⁷ Панарин А.С. Философия истории // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2000–2001. Т. 4. С. 212.

⁸ The New Encyclopaedia Britannica. Volume 25. V. 1–29. Chicago. 1994. V. 25. P. 679–683.

⁹ Лукиан. Избранное. М., 1987. С. 484–506.

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 37. СПб., 1896. С. 192.

¹¹ The New Encyclopaedia Britannica. V. 20. Chicago. 1994. P. 573—574.

¹² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1–2. СПб., 1910–1913. В знаменитой английской энциклопедии «Brittanica» методология истории трактуется как технология исторического познания. При этом интерпретируются исторические источники и их использование в исследовательских работах. См.: «Brittanica». V. 20. Chicago, 1994. P. 573—574. См. также: Grand Larousse Encyclopedique en dix volum es. V. 1—10. Paris, 1960—1962; Meyers Neues Lexicon. Т. 1—18. Leipzig. 1971—1978. См.: Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть ремеслом историка. М., 2000. Коломийцев В.Б. Методология истории (От источника к исследованию). М., 2001. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003.

¹³ «Под методологией какой бы то ни было науки, – писал Н.И. Кареев в 1922 г., – мы привыкли разуметь учение о его методе или методах, то есть о тех путях, тех способах, тех приемах, при помощи которых данная наука разрешает свои проблемы. Это дисциплина, имеющая формальный, а не реальный характер, поскольку дело идет о том, как добывается истина или, по крайней мере, как она доказывается, а не о том, в чем она заключается» (Кареев Н.И. Метафизик о «Методологии общественных наук» [О кн.]: С.Л. Франк. Очерк методологии общественных наук // *Анналы*. 1923. № 2. С. 267).

¹⁴ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания) // Из лекций по общей теории истории. Часть I. СПб., 1913. 2-е изд. Пг., 1916; Он же. Историология (Теория исторического процесса). Из лекций по общей теории истории. Часть II. Пг., 1915; Он же. О школьном преподавании истории [Теория исторического преподавания]. Из лекций по общей теории истории. Часть III. Пг., 1917.

¹⁵ Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского: К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Т. XX. Пг., 1915.

¹⁶ Румянцева М.Ф. Теория истории. Учебное пособие. М., 2003.

¹⁷ См. к примеру, интересную статью академика Ю.А. Полякова «Как отразить многомерность истории» (Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 3–10). Полезно в связи со сказанным обратиться к учебному пособию одного из известных британских теоретизирующих историков Дж. Тоша «Стремление к истине. Как овладеть ремеслом историка» (М., 2000).

¹⁸ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания) // Из лекций по общей теории истории. Часть I. Пг., 1916. Предисловие ко второму изданию. С. V–VI.

¹⁹ Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процес-

са). Из лекций по общей теории истории. Часть II. Пг., 1915. С. 1–316.

²⁰ *Кареев Н.И.* Историка. С. 1–272.

²¹ *Кареев Н.И.* О школьном преподавании истории [Теория исторического преподавания]. Из лекций по общей теории истории. Часть III. Пг., 1917. С. 1–220.

²² Подробно см.: *Золотарев В.П.* Общая теория истории в понимании Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 29–43.

²³ *Кареев Н.И.* [Рец. на кн.]: А.С.Лаппо-Данилевский. Методология история. СПб., 1910–1913 // Научный исторический журнал. 1913. № 1. С. 65, 69.

С. П. Рамазанов (Волгоград)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА: НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ

Начало и конец ушедшего от нас XX столетия ознаменовались широким стремлением отечественной исторической мысли к коренному пересмотру ранее господствовавших в исторической науке методологических установок. Эти периоды, которые можно охарактеризовать как кризисы в российской историографии, важны для понимания характера и направленности развития исторической науки. Вместе с тем не менее значимо для осмысления путей преодоления возникающих кризисов исследование тех неизменных методологических традиций, на которые при самых смелых своих новациях ориентировалась историческая мысль.

Осознание таких традиций, несомненно, будет способствовать более скорому выходу из кризиса современной постсоветской историографии.

В процессе стремления к методологическому обновлению отечественной исторической мыслью и в начале, и в конце XX в. были восприняты идеи, существенно обогатившие теорию исторического познания. Неокантианское течение ввело в историографический оборот аксиологический метод и понятие «идеального типа», способствовавших расширению поля и направленности исторического исследования и сохранению при этом ученых от жесткой схематизации исторического процесса. Исторический релятивизм содействовал более глубокому осознанию историками широкой взаимозависимости исторической науки и современности. Философия жизни помогла исследователям прошлого более полно погрузиться в психологию изучаемых персонажей и, таким образом, более адекватно понять мотивы, характер и направленность их действия; даже марксизм, при всех его изъянах, способствовал более широкому и глубокому исследованию социально-экономической стороны исторического процесса и теоретическому его осмыслению. А увлечение ис-

ториков постмодерном привело к тому, что постижение прошлого стало значительно более многоплановым, а представление об истине в истории — несравненно более сложным.

Вместе с тем в процессе развития западной методологии истории по сути дела были отвергнуты те установки, на которых базировалось историческое знание в XVIII—XIX вв. — объективность как его цель, его обобщающе-систематизирующая форма и рациональный в своей основе способ получения этого знания.

Основоположники баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт с их видением предназначения истории в описании культурно-значимых неповторимых фактов, лидер методологического течения философии жизни В. Дильтей с его трактовкой субъективно-индивидуальной природы понимания как базового исторического метода, ведущие представители постмодерна в исторической науке, провозглашающие направленность интереса историка на уникальные, не связанные друг с другом детали¹, по существу, отрицали обобщающий характер исторического исследования. Исторический релятивизм с его принципиальным положением об относительности всякого знания о прошлом, марксизм с его основополагающим принципом коммунистической партийности и постмодерн с выдвигаемой им идеей плюрализма истины в истории подвергали серьезному сомнению возможность истории приблизиться к объективному или хотя бы общезначимому знанию. А возникновение методологической концепции философии жизни привело к распространению мысли о приоритете иррациональных способов постижения прошлого. Таким образом, под вопросом оказывался сам научный статус истории.

Однако, в отличие от западной, для отечественной исторической мысли XX столетия не были характерны столь резкие колебания методологических ориентаций. Если на Западе распространение философии жизни было связано с усилением потока субъективистских и релятивистских идей в философско-исторической мысли², то в России рост влияния этого течения после октября 1917 г. не привел даже среди его сторонников к такой трактовке методологических установок исторического знания.

Так, считая основным способом постижения прошлого «непосредственное переживание» или «понимание» истори-

ческого процесса, осуществляемое путем «вчувствования» или «вживания» в него (Л.П. Карсавин), «живое знание», связанное с живым погружением субъекта в объект и «сочувственным переживанием объекта» (С.Л. Франк)³, русские философы жизни, в отличие от западных единомышленников, искали хотя и идеальную, но объективную опору такому способу. С точки зрения Франка, «понятие “живого знания”... должно быть... совершенно свободно от всякого привкуса субъективизма в смысле замены объективного знания субъективно-произвольными оценками его и чувствами по поводу его... Напротив, исследователь, отрешаясь от всех своих личных односторонних, субъективных вкусов, симпатий, привычек, чувства, должен стремиться расширить мир своего идеального переживания настолько, чтобы он охватил и воспринял живую духовную природу изучаемого общественного явления или вопроса в ее подлинной, объективной сущности и во всей ее полноте. Абсолютная полнота, — признавал ученый, — есть здесь, конечно, недостижимый идеал, но тем не менее есть конечная цель исследователя»⁴, а Л.П. Карсавин в обосновании дееспособности основного способа исторического познания апеллировал непосредственно к Богу. Историк писал: «В Боге человек видел все другие “Я”, весь мир и своим бытием, деятельностью и познанием, все услаждая, бесконечно всем наслаждался... в Боге все “Я” друг для друга прозрачны, в Нем все принадлежащее одному принадлежит всем, а принадлежащее всем — каждому»⁵.

При всем притяжении отечественной философии и исторической мысли к воззрениям О. Шпенглера, которое наблюдалось после Первой мировой войны и социальных катаклизмов⁶, русские ученые подвергали резкой критике концепцию немецкого философа именно за ее релятивизм. Например, Франк писал: «Релятивизм наталкивается прежде всего на одно основное возражение, непреодолимое для всякого релятивизма. Возражение это, по его утверждению, убийственно для всякого релятивизма. Оно сводится к обнаружению противоречия между *содержанием* релятивизма и формальным смыслом его как определенного утверждения. Если *все* на свете без исключения относительно, то *относительно и это утверждение относительности*, и, следовательно, абсолютизм вовсе не побежден релятивизмом... Таким образом, — делает заключение Франк, — исторический ре-

лятивизм Шпенглера опровергается прежде всего живым ощущением *общечеловеческого единства*, которым веет от его книги («Заката Европы». — С.Р.), вопреки всем ее сознательным утверждениям»⁷.

Следует отметить также, что вообще единственным носителем идей исторического релятивизма в российской историографии первой четверти XX в. был Р.Ю. Виппер⁸. Характерно и то, что при громадном, даже решающем воздействии политики и идеологии как на Западе, так и в Советском Союзе на развитие исторической науки, периоду господства релятивистских и презентистских настроений в американской и английской историографии в 1930–1950-е гг. соответствовало время утверждения догматизма в отечественной исторической мысли. Наконец, необходимо обратить внимание и на настойчивые попытки марксистских историков обосновать взаимосвязь объективности и пролетарской (коммунистической) партийности в историческом познании⁹.

Российская историография никогда не отвергала полностью теоретическо-систематизирующую ориентацию исторической науки.

Рассматривая индивидуализирующий аксиологический метод в качестве основного способа постижения прошлого, отечественные историки-неокантианцы, хотя и считали генерализирующие способы исторического исследования вспомогательными по отношению к этому методу, тем не менее настоятельно стремились дополнить ими методологический арсенал историка.

Так, лидер неокантианского течения в русской историографии А.С. Лаппо-Данилевский, полагая, что история изучает человека и событие, поскольку они содействуют или препятствуют «реализации социальных, политических ценностей»¹⁰, вместе с тем допускал в построения историка «типологические» и даже «номотетические» обобщения¹¹. Другой отечественный сторонник неокантианской методологии В.М. Хвостов, определяя историю как науку «о тех шагах, которые совершило культурное человечество на своем пути к созданию всякого рода культурных ценностей, логических, этических, эстетических»¹², говорил при этом о сопричастности истории даже к понятию закономерности. Хотя собственно история, утверждал он, и не устанавливает общих законов, являясь наукой об отдельных неповторяющихся

событиях прошлого, но материал единичных фактов, который исследуется исторической наукой, она «рассматривает и объясняет с точки зрения общих законов, установленных другими науками»¹³.

Д.М. Петрушевский даже накануне Октябрьской революции расхохотался с Г. Риккертом по коренным методологическим вопросам и, считая историю неотделимой от направленного на генерализацию общенаучного знания¹⁴, подвергал критике основоположника немецкого неокантианства за его противопоставление истории «наукам об общем», за необоснованность им метода отнесения к ценности¹⁵. По сути дела, в работах середины 1920-х гг. Петрушевский по-прежнему подчеркивал, что «индивидуализирующее идиографическое изучение и изучение генерализирующее (номографическое) идут рука об руку, одно помогая другому, одно делая возможным другое»¹⁶. Он также говорил о неотъемлемости обобщающей работы от процесса исторического творчества, убежденно заявляя, что историческая наука «не может двигаться полным ходом вперед, не имея в своем распоряжении ясно продуманных и отчетливо сформулированных общих понятий»¹⁷. Петрушевский принимает основополагающие методологические идеи неокантианства только в 1928 г., когда приходит к выводу, что теория идеальных типов М. Вебера придала генерализирующую ориентированность методологии неокантианства. Русский ученый писал: «Индивидуализирующая по своим основным задачам и целям историческая наука по своим средствам является наукой генерализирующей. Ставя своей основной задачей познание культурной действительности, индивидуальности и однократности, познание «исторических индивидуумов», она для достижения этой основной своей цели должна вырабатывать общие понятия, которые являются средствами, орудиями, необходимыми для познания индивидуальных явлений и процессов культурного развития»¹⁸.

Отечественные философы жизни полагали, что с помощью метода сопереживания, опирающегося на Абсолют, или Бога, возможно объяснение процесса развития, «понимание его необходимости» (Карсавин), построение «теоретического, обобщающего, объективного обществоведения» (Франк)¹⁹.

Понимая под законами «ограничительные условия, которые мы вносим, руководствуясь возрастающим опытом, в

наши ожидания и предвидения»²⁰, Р.Ю. Виппер вместе с тем утверждал, что «история всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерности»²¹.

Несомненно, марксизм как господствующая теория был внедрен в отечественную историческую мысль посредством насилия со стороны советского государства. Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что для части историков марксистская методология оказалась привлекательной вследствие ее нацеленности на выявление сущностных исторических обобщений.

Наконец, показательно и то, что ряд историков в постсоветской России, явно симпатизировавших идеям постмодернизма, пытался высветить элементы теории и обобщения в построениях западных сторонников постмодернистского течения²². Характерными являются и тенденции, которые можно отметить в эволюции томской школы, занимавшей с 1960-х гг. ведущие позиции в развитии методологии истории в отечественной историографии. Если в 90-е годы для этой школы было характерно увлечение постмодерном²³, то в начале нового века школа поставила перед собой проблему методологического синтеза и роли социальной теории в таком синтезе²⁴.

Таким образом, устойчивые методологические ориентации отечественной исторической мысли обуславливают ее гносеологический оптимизм, создают прочную основу позитивного развития российской историографии и дают уверенность в успешном преодолении ее современного кризиса.

Примечания

¹ Так, видный теоретик постмодерна в истории Ф. Анкерсмит, сравнивая историю с деревом и соотнося направленность исторического интереса с листьями, писал: «Метафорическое выражение типа “История – это дерево без ствола” переносит акцент на соотношение между простыми словами “история” и “дерево без ствола”... Больше нет “единой нити, связующей всю историю”, чтобы нейтрализовать данное несоответствие. Этим объясняется то внимание к кажущейся неподходящей, противоречивой, но удивительной и пробуждающей надежду детали...» (*Анкерсмит Ф.* Историография и постмодернизм // *Современные методы преподавания новейшей истории.* М., 1996. С. 160).

² См.: *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. Л., 1979. С. 148–149;

Одуев С.Ф. Тропами Заратустры. 2-е изд., дораб. М., 1976. С. 314–414.

³ См.: *Карсавин Л.П.* Введение в историю. Пг., 1920. С. 12–13, 15; *Франк С.Л.* Очерк методологии общественных наук. М., 1922. С. 102.

⁴ См.: *Франк С.Л.* Очерк методологии общественных наук. С. 104.

⁵ *Карсавин Л.П.* Saligia, или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах. Пг., 1919. С. 57.

⁶ См.: *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. 2: Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. Волгоград, 2000. С.21–26, 43–44.

⁷ Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922. С.36–37, 43.

⁸ См.: *Рамазанов С.П.* Проблема кризиса исторической науки в интерпретации Р.Ю. Виппера // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1996.

⁹ См.: *Иванов В.В.* Ленинский принцип партийности и научная объективность // Средние века. Вып. 43. М., 1980; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 243–247; *Могильницкий Б.Г.* Объективность и партийность в историческом исследовании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964; *Он же.* Принцип партийности в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 10. Томск, 1974; *Он же.* Введение в методологию истории. М., 1989. С. 73–75.

¹⁰ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. I. СПб., 1910. С. 244.

¹¹ См.: Там же. С. 226.

¹² *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. 2-е изд., испр. и доп. М., 1914. С. 85.

¹³ См.: Там же. С. 261.

¹⁴ См.: *Петрушевский Д.М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915. С. 3–4, 13–15.

¹⁵ См.: Там же. С. 5, 8–9.

¹⁶ См.: *Петрушевский Д.М.* Феодализм и современная историческая наука // Из далекого и близкого прошлого. Пг; М., 1923. С. 112.

¹⁷ См.: Там же. С. 119.

¹⁸ См.: *Петрушевский Д.М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.; Л., 1928. С. 42.

¹⁹ См.: *Карсавин Л.П.* Введение в историю. С. 36; *Франк С.Л.* Очерк методологии общественных наук. С. 55–56.

²⁰ *Виппер Р.* Две интеллигенции и другие очерки. М., 1912. С. 278.

²¹ См.: *Виппер Р.* Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 13–14.

²² См.: К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994. С. 26, 33, 41.

²³ См.: Там же.

²⁴ См.: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002. Всероссийская научная конференция, прошедшая в Томском университете в конце мая 2003 г., называлась «Методологический синтез и социальные теории».

ИСТОРИОСОФИЯ КАК ОТРАСЛЬ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: ПРЕДМЕТ И ДИСКУРС

Широкому применению термина «историософия»¹ для обозначения определенного вида философии истории мы обязаны прежде всего таким русским мыслителям, как Н.И. Кареев, Н.А. Бердяев и В.В. Зеньковский. В работах Кареева историософия трактуется как учение об общих принципах реконструкции целостного исторического процесса. Историософия, по словам Кареева, есть номология истории, учение об ее общих принципах и законах. В структуру историософского знания он включал также деонтологию (учение об идеалах) и социальную психологию.

Кареев предлагает собственную интерпретацию соотношения предметов историософии, философии истории и истории (исторической эпистемологии). Философия истории, по его мнению, занимается поиском смыслов исторических явлений, судом над ними. Другое ее наименование — философская феноменология. Философия истории, по Карееву, включает историологию — учение о законах исторического процесса — и историку — учение о методах исторического исследования. По отношению к обеим отраслям философии истории историософия выступает в роли определенной мета-концепции целостного мировидения, поскольку в деонтологическом и антропологическом подходах к историческому процессу осуществляется синтез научно-объективного рассмотрения исторического процесса (метод номологических наук) и ценностного подхода (метод идиографических наук).

Если суммировать основные выводы Кареева относительно содержания историософии как мета-концепции или парадигмального ядра философии истории, то ее предметно-методологическая рамка может быть представлена в виде совокупности следующих составных частей:

- историческая номология (учение о закономерностях социально-исторического развития);
- деонтология (учение об общественных идеалах);

- антропологический принцип в осмыслении исторических процессов и явлений;
- опора на социологические и психологические методы при реконструкции исторического процесса;
- использование формулы прогресса как методологического инструмента оценки исторических явлений и процессов с позиций идеалов будущего, как «мерки», в соответствии с которой выявляются смыслы исторического бытия.

В силу неизвестных нам причин предложенная Кареевым трактовка предмета историософии не обрела своих последователей среди российских философов истории. Иная судьба ожидала ту версию историософии, которую предложили Бердяев и Зеньковский.

Для Бердяева историософия – это особая мыслительная традиция, особый подход к осмыслению истории, связанный с постановкой определенных вопросов. Для русских философов такими вопросами являются следующие: «Что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба?... Может ли Россия пойти своим особым путем, не повторяя всех этапов европейской истории?» Весь XIX в. и начало XX в., по словам Бердяева, протекали в России в спорах о том, каковы ее исторические пути, могут ли они быть просто воспроизведением путей Западной Европы. Именно в этом направлении работала историософическая русская мысль².

Вслед за Бердяевым к термину «историософия» как к маркеру своеобразия русской философской мысли прибегал В.В. Зеньковский. Во введении к своей работе «История русской философии» он отмечал: «Русская мысль сплошь историсофична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI в. перекликаются с утопиями XIX в., с историософическими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей «русской души»³.

Историософичность русской философии В.В. Зеньковский объяснял особым увлечением русских мыслителей поиском идеала целостности как в теории, так и в общественной жизни. Целостнообразующим началом в философских и

социальных теориях выступал человек как носитель определенных ценностей, как субъективный фактор исторического творчески-преобразовательного процесса. В целостном и антропологическом подходе к проблемам соединения философии и социально-исторической практики, по мнению Зеньковского, заключено своеобразие русской философии как историософского образа мысли. «Русские философы, — отмечал он, — за редкими исключениями ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Именно в историческом бытии — более, чем при изучении природы или в чистых понятиях отвлеченной мысли, — лозунг “целостности” неустрашим и нужен. Антропоцентричность русской философии постоянно устремляет ее к раскрытию данной и заданной нам целостности»⁴.

Предложенная Бердяевым и Зеньковским трактовка историософии оказалась весьма популярной у современных российских философов, продолживших традицию обращения к вышеобозначенной тематике и делающих центральным предметом своего исследования вопросы цивилизационной идентификации России, ее будущей исторической судьбы. Особенно большое внимание стало уделяться парадигмальным основам русской историософии. В числе ведущих парадигм, ставших предметом специального анализа, — «русская идея» и оппозиция «Россия — Запад»⁵.

Одновременно с концептуально-методологическим обогащением российской историософской мысли в научных отечественных кругах шла работа над осмыслением предметного размежевания историософии с другими областями философско-исторического знания, развиваемых в рамках иных исследовательских традиций. Так, например, в работе А.В. Малинова «Философия истории в России»⁶ выделяются две линии в русской философии истории или два способа понимания истории — историософский и теоретико-методологический. К историософской линии А.В. Малинов относит философию истории П.Я. Чаадаева, славянофилов, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, а также культурфилософию истории Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Теоретико-методологическое направление, по его мнению, представлено в философско-исторических концепциях русских просветителей (В.Н. Татищев, И.Н. Болтин, М.М. Щербатов,

С.Е. Десницкий, Г.Н. Теплов, Н.М. Карамзин), либеральных историков, правоведов и публицистов (Н.А. Полевой, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, К.Д. Кавелин), а также в философии истории Н.И. Кареева и А.С. Лаппо-Данилевского.

По нашему мнению, в рамках современной философии истории можно выделить две основные отрасли, каждая из которых специализируется на определенном круге вопросов и потому имеет собственную предметную территорию и определенный теоретико-методологический инструментарий. Такими крупными отраслями истории философии мы считаем историческую эпистемологию и историософию (другие названия – историческая онтология, субстанциональная философия истории)⁷.

Объект исторической эпистемологии – историческое мышление. Предметом изучения исторической эпистемологии являются главным образом вопросы, связанные с раскрытием специфики исторического познания и знания, форм, логики и структуры исторической мысли. В числе важнейших проблем исторической эпистемологии — проблемы исторической герменевтики, исторической семиотики и историко-ведческого анализа.

Объектом историософии является объективное историческое бытие, объективный исторический процесс как воспроизводство общественной жизни. Предмет историософии можно представить в виде определенного комплекса проблем, фиксирующих внимание на тех или иных характеристиках объективного исторического процесса, ракурсах исторического бытия. Далее вниманию читателей предлагается авторская схематическая группировка ключевых проблем, определяющих структуру предмета историософии.

Проблемная структура предмета историософии

Все многообразие онтологической проблематики философии истории, по нашему мнению, можно сгруппировать по следующим проблемно-тематическим блокам:

1. Проблемы историософтвера (субстанционального начала, исходной «матрицы» истории): что является «запускным механизмом» мирового исторического процесса, источником исторической динамики; каковы движущие силы («пружины») исторического процесса; что определяет исторический путь и историческую судьбу того или иного народа и человечества в целом?

2. Проблемы исторической процессуальности: какова конфигурация исторического процесса, его векторные «фигуры»; как взаимосвязаны упорядоченность и хаотичность в историческом процессе, необходимость и случайность; существует ли логика в истории, каковы ее тренды и закономерности?

3. Проблемы дискретности исторического бытия: каковы единицы субъектной структуры исторического бытия; каковы социокультурные паттерны исторической жизни; как взаимосвязаны между собой локальные исторические миры, каково их место в глобальном мире; каковы темпоральные измерения исторического бытия, критерии стадийности и эпохальности исторического процесса?

4. Проблемы преобразовательной социально-практической деятельности и исторической креативности: каков диапазон исторической свободы и исторического выбора; проблемы исторической ответственности, исторических рисков, ресурсов и цены исторических преобразований; какова роль субъективного фактора в истории?

5. Проблемы вероятностной реконструкции прошлого и сценарного проектирования будущего: вопрос о существовании альтернативных вариантов свершившегося; о сосуществовании в современности прошлого (архаики) и будущего (постмодернити); вопросы о возможных вариантах будущего общественного развития, степени их реальности и необходимых усилиях для приближения желаемого будущего.

6. Проблемы исторической семиологии – вопрос о существовании объективного смысла в истории.

7. Проблемы культурно-исторической коммуникативистики – вопросы кросскультурных исторических коммуникаций и развития мультикультурности.

Обращение к отмеченным проблемным группам историософии связано с выбором того или иного способа моделирования исторического процесса, с теоретико-методологическими предпочтениями и мировоззренческими установками мыслителя. В итоге появляются и закрепляются в исследовательской практике определенные содержательные формы историософского видения исторической реальности. Такого рода относительно устойчивые формы мы называем историософскими дискурсами. Историософские дискурсы обладают определенными культурно-типологическими, рационально-

типическими, парадигмальными и идейно-мировоззренческими основаниями, или параметрами.

В нашем представлении историософский дискурс является собой относительно устойчивую когнитивную решетку, выполняющую функции структурирования, моделирования и интерпретации исторического процесса. Другими словами, историософский дискурс – это априорная матричная форма лежащая в основе определенного теоретического конструирования и видения исторической реальности.

Когнитивная решетка историософского дискурса, на наш взгляд, имеет следующие ключевые параметры: 1) тип рациональности, 2) мировоззренческая установка, 3) методологическая стратегия, 4) идеологическая интенциональность. Все указанные ячейки фильтрующей решетки историософского дискурса находятся во взаимосвязанном состоянии и могут открыто не артикулироваться, а только «просвечиваться», проявляться в историософских практиках.

Первый параметр – тип рациональности – определяет самую общую эпистемологическую установку в структурировании и осмыслении бытия вообще и исторического бытия в частности. Принято выделять три типа рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая⁸.

Классический тип моделирования исторического бытия характеризуется следующими основными чертами: 1) монизм, 2) логоцентризм, 3) линейно-циклический детерминизм, 4) прогрессизм, 5) телеологизм.

Для неклассических способов моделирования характерен отказ от монизма. Образ мира в неклассических моделях плюралистичен, мозаичен. Происходит также отказ от выведения универсальных исторических закономерностей. Сам термин «закономерность» подвергается эпистемологическому сомнению, заменяется понятиями «регулярность» и «каузальность». Акцентируется вероятностный подход. Широко используются термины «тенденция», «альтернатива», «тренд». Основными единицами квантификации исторического бытия выступают монадоподобные образования, называемые цивилизациями или культурно-историческими типами.

Во второй половине XX в. происходит конвергенция классических и неклассических историософских типов моделирования исторического процесса. Возникают неоклассические гипотезы о гиперцивилизации или универсальной цивилиза-

ции как будущем человечества. Универалистский подход дополняется плюралистическим, полицивилизационным.

Постнеклассический тип рациональности связан с представлением о стохастическом характере исторического процесса, который моделируется с помощью кибернетических, синергетических, коммуникационных и постмодернистских подходов. Особенно большой популярностью в современных научных кругах в последнее время пользуется синергетический подход, что нашло отражение также в литературе по историсофской проблематике. Здесь прежде всего следует назвать работы В.П. Бранского, А.П. Назаретяна и С.Г. Гомаюнова⁹.

Второй параметр историсофского дискурса – это определенные мировоззренческие установки, которые могут быть систематизированы в зависимости от того, что рассматривается в качестве ценностного ядра и смыслопорождающего начала исторического процесса. Можно, пожалуй, выделить следующие наиболее распространенные в историсофии XIX и XX вв. мировоззренческие установки: теоцентристская (П. Флоренский, К.Барт, П. Тиллих и др.), культурцентристская (славянофилы, Н. Данилевский, Г. Федотов, О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс и др.), социоцентристская (К. Маркс, О. Конт, Г. Маркузе, Р. Арон, Л. Хобхауз и др.), антропоцентристская (Ф. Ницше, Н. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, Й. Хейзинга, Ж. Ле Гофф и др.), а также полицентристские или интегративные мировоззренческие установки, например, социокультурцентризм (П. Сорокин, А. Ахиезер, К. Кантор), социоантропоцентризм (Н. Элиас).

Третьим параметром историсофского дискурса являются методологические стратегии, выступающие в роли основных, доминирующих способов конструирования исторического процесса. В конце XX – начале XXI в. наиболее популярными в научных сообществах стали следующие методологические стратегии историсофского моделирования: модернизационный анализ (С. Блэк, Р. Бендикс, Э. Тоффлер и др.), миросистемный анализ (К. Чейз-Дан, И. Валлерстайн, Н. Розов и др.), коммуникативный анализ (Ю. Лотман, Ю. Хабермас). В последнее время весьма распространенной стала стратегия соединения модернизационного и миросистемного подходов в концепт глобализации (А. Гидденс, Дж. Розенау, С. Хантингтон и др.).

И, наконец, структурным компонентом историософского дискурса выступает идеологическая интенция, которая чаще всего не декларируется, а незримо присутствует в каждой историософской модели исторической реальности. Даже самые сциентистские конструкты исторического процесса не лишены подобного рода интенций. Следует подчеркнуть, что под идеологической интенцией мы понимаем не принадлежность автора той или иной модели к определенному идейно-политическому направлению: либерализму, радикализму, консерватизму и т. п., хотя следы таких предпочтений присутствуют в историософском дискурсе, а некий опосредованный социальным контекстом коррелят между мировоззренческо-методологической культурой и образом (архетипом) общественной мысли. Так, например, мировоззренческий полицентризм коррелирует с идеями плюрализма и демократии, равноценности культур, а мировоззренческий моноцентризм – с идеей однополюсного мира, неравенства акторов исторического процесса. Модернизационный подход и миросистемный анализ, на наш взгляд, выступают носителями идеи деления наций на ведущих, лидирующих, и ведомых, догоняющих. Те же идеологические интенции содержит и концепция глобализации.

Перечисленными проблемными блоками историософии и отмеченными параметрами ее дискурса, конечно же, не исчерпывается предметно-дискурсивное богатство историософской мысли, представленной разнообразными по тематике, стилям и жанрам литературными источниками. Мы и не ставили перед собой задачу подробного описания всех существовавших и существующих в настоящее время типов и способов историософствования. Это можно было бы осуществить в отдельном объемном фундаментальном исследовании. Надеемся, что изложенные здесь соображения окажутся полезными для понимания многоотраслевой структуры философии истории и позволят обновить и, возможно, даже пересмотреть стандартные представления о горизонтах историософского творчества.

Примечания

¹ Впервые термин «историософия» был введен в научный оборот А. Цешковским в его докторской диссертации «Пролегомены к историософии», опубликованной в Берлине в 1838 г. Под историо-

софией Цешковский подразумевал гегелевскую схему мировой истории. Во второй половине XIX в. понятие «историософия» стало ассоциироваться с идущей от Гегеля традицией рассмотрения истории с онтологических и телеологических позиций. Данная традиция получила название метафизической или классической философии истории.

² *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 71.

³ *Зеньковский В.В.* История русской философии // О России и русской философской культуре. С. 385.

⁴ Там же. С. 386.

⁵ См.: *Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1; *Карасев Л.В.* Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8; Русская идея. М., 1992; *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994; *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Парадигма русской философии истории // Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996; *Копалов В.И.* Русская философия истории как современная проблема // Русская национальная идея: духовное наследие и современность. Екатеринбург, 1997 и др.

⁶ *Малинов А.В.* Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001.

⁷ См.: *Кимелев Ю.А.* Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории. Антология: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1994. С. 5; *Ракитов А.И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 145.

⁸ См.: *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре цивилизации. М., 1993; *Швырев В.С.* Рациональность в спектре ее возможностей. К проблеме оценки рациональности как ценности культуры // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995; *Колесников А.С.* Типы рациональности и философская культура // Рациональность и проблемы познания. СПб., 1995 и др.

⁹ См.: *Бранский В.П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6; *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика, психология и футурология). М., 2001; *Гомаянов С.Г.* От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1999. № 2.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА

Исследовательская, или научная, программа относится к предпосылочному мировоззренческому знанию, и в ее рамках формулируются основополагающие идеи социальных концепций. Результаты интенсивных исследований в области философии и методологии науки и науковедении, пристальное внимание к истории исторической науки как элементу культуры позволили предположить, что в историческом познании мировоззренческое предпосылочное знание не выводится из теоретических концепций истории, а, скорее, само определяет их.

Что же представляет собой программа исторического исследования и почему возникла потребность в создании этого понятия? Одна из причин его появления в методологии науки — обнаружение существенных скачков в развитии естествознания, или научных революций, которые, как оказалось, невозможно объяснить только с помощью внутренней логики развития научного знания. В то же время попытки объяснить научные революции лишь через внешние по отношению к науке факторы развития знания тоже обнаружили свою несостоятельность. Все это и побудило исследователей выработать компромиссную модель развития научного знания, которая бы учитывала его специфику и относительную самостоятельность, но также не игнорировала все многообразие связей науки и социокультурной среды¹. В исследованиях отечественных и зарубежных методологов были проанализированы механизмы связи способа построения научных теорий и программ, эксплицированы средства, необходимые для перехода от общемировоззренческого принципа, заданного в философской системе, к раскрытию связи явлений эмпирического мира². Нашей задачей является исследование этого понятия применительно к социальным наукам в целом и исторической науки, в

частности, с учетом специфики их объектов и условий познания.

Исследовательская программа в общественных науках представляет собой систему принципов, методологических установок, претендующих на широкий, универсальный охват социальных явлений, объяснение всех социальных фактов, стремящихся к общей интерпретации исторического процесса. Исследовательские программы в исторической науке создаются, как правило, в рамках философии на основе онтологических и гносеологических концепций, вследствие претензии философии на всеобщую значимость выдвигаемых ею принципов. Однако это не исключает возможность обработки исследовательских программ в рамках других теоретических общественных наук — в том случае, когда в этих науках осуществляется мировоззренческое осмысление результатов исторического познания и производится изучение эпистемологических оснований историографии. В связи с этим создаются гносеологические конструкции, эксплицирующие утверждения и правила, которые в рамках той или иной обществоведческой теории не доказываются, а принимаются как само собой разумеющиеся предпосылки. Обнаружение и изучение таких своеобразных оснований социальных теорий показали, что устранение или пересмотр мировоззренческих предпосылок непременно влечет за собой пересмотр и смену теоретических концепций исторической действительности. Несмотря на это, не следует отождествлять философские теории и социальные учения с исследовательскими программами. Научная программа должна содержать в себе не только характеристику предмета исследования, но и связанную с ней возможность разработки соответствующего метода исследования. Исследовательская программа в социальном познании также задает идеал причинного объяснения, организации социального знания и формирует методологические требования и условия, при выполнении которых это знание может считаться достоверным и доказанным. Исследовательская программа в историческом познании тесно связана с другими видами предпосылочного мировоззренческого знания: социальной картиной мира, стилем мышления, философскими концепциями. Говоря об их соотношении и взаимодействии, следует отметить, что они не просто взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены друг другом. Любые изменения в одной из ука-

занных форм мировоззренческого знания сказываются на других, вызывают в них качественные изменения и в конечном счете производят переворот во взглядах на общество. Исследовательская программа так же, как и другие основания исторической науки, представляет собой достаточно устойчивое образование. Даже открытие новых исторических фактов и изменения в историографических представлениях могут не привести к пересмотру исследовательских программ. Напротив, обновление фактологического базиса отдельных форм исторического познания и даже теоретические новации исторической науки увеличивают их возможности. Особый интерес представляет исследование формирования, развития и смены научных программ в процессе эволюции исторического знания с точки зрения определения пределов накопления новых фактов и теоретических исследований, после достижения которых начинается разрушение старых мировоззренческих предпосылок. Такой анализ дает возможность изучить процесс возникновения и построения на основе новых исследовательских программ других исторических концепций, разобраться в характере влияния мировоззренческих предпосылок на обществоведческие теории.

Таким образом, применение понятия «исследовательская программа» является очень перспективным для изучения истории исторической мысли в мировоззренческом контексте. Исследовательская программа представляет собой своего рода «мостик», между социальным познанием, исторической ситуацией и духовной атмосферой своего времени. Формирование исследовательских программ в исторической науке связано не только с возникновением и развитием философских и обществоведческих идей и теорий, но также с более широкими духовными влияниями эпохи, борьбой различных идеологий и стоящих за ними политических сил. Однако и здесь философия остается тем основным фактором, который в наибольшей степени является проводником концептуальных изменений в историческом исследовании. Историческое знание не может эволюционировать вне рамок исследовательских программ, задаваемых философией и теоретическим обществоведением. Вместе с тем в сравнении с естествознанием историческое познание имеет дело с качественно иной реальностью, частью которой является сам познающий субъект. Выводы исторической науки требуют

философско-мировоззренческой интерпретации и активно участвуют в формировании духовной культуры общества. Исследовательские программы, задаваемые философией и теоретическим общественным знанием историческому познанию, предполагают: 1) определенный подход к формированию предмета исторической науки; 2) концептуальные средства и вытекающие из них идеалы и нормы изучения истории, имеющие ценностно-нормативный характер; 3) общую картину всемирно-исторического процесса и социальной реальности, конструируемую путем синтеза социально-исторических и философско-теоретических представлений; 4) философско-антропологические и социологические знания о человеке, его бытии и статусе в истории; 5) идеологические, политические, этические, эстетические, правовые, религиозные и иные социокультурные, ценностные установки познающего субъекта, явно или неявно выраженные и питаемые общественной жизнью. Исследовательские программы являются постоянно действующим фактором на всех стадиях исторического исследования. Они ориентируют и направляют работу историка, воспроизводят импульсы современности, транслируют ценностно-мировоззренческий потенциал духовной жизни. В исследовательских программах могут получить первую рационализацию пока еще трудноуловимые политические умонастроения, не вполне еще осознанные новые общественные тенденции развития, проникающие в профессиональную работу ученого.

Историческое познание всегда отличалось широким плюрализмом мировоззренческих основ; почти во все периоды его развития существовали различные, порой противоположные по своим исходным принципам исследовательские программы. Это обстоятельство требует тщательного учета различных мировоззренческих основ, тенденций, отражавших умонастроения тех или иных социальных групп, более углубленного анализа их влияния на формирование содержания исследовательских программ. Особый интерес вызывает вопрос о трансформации определенной исследовательской программы в период радикальной ломки ценностно-мировоззренческих принципов и идеалов общества. Например, выдвинутая К. Марксом в середине XIX в. гипотеза об общественно-экономических формациях превратилась в основательную научную программу и надолго стала научной

парадигмой, стимулирующей творческие поиски историков, социологов и других обществоведов. Применение исследователями позитивистских принципов как исследовательской программы, с одной стороны, дало мощный импульс социально-экономическим и другим системным разработкам истории. С другой — вело к упрощениям и неоправданным аналогиям при сравнительном анализе разнородных и разнокачественных социальных систем, не всегда достаточно обоснованным обобщениям. Историки, сторонники указанных программ, нередко игнорировали исторические факты и не исследовали такие социальные объекты, которые не охватывались онтологическими схемами, не подходили под характеристики разделяемых ими социологических понятий.

Обсуждая гносеологические параметры исследовательской программы, следует отметить, что в исторической науке XX в. сохранялись две тенденции, наметившиеся еще в XIX в. и отразившие противоречивые стороны самой истории как объекта познания. Первую из них можно определить как «понимающую» исследовательскую программу, сосредоточивающуюся на истолковании познающим субъектом объекта познания. Эта программа основывается на субъективно-эмоциональном мире познающего субъекта, совокупности его социальных ценностей, идеалов, мировоззренческих установок. Другая — «объясняющая» программа — базировалась на методологии, в соответствии с которой познающий субъект в качестве познавательных средств использует теоретические принципы и концепции в изучении исторического прошлого. Эта исследовательская программа была ориентирована на поиск закономерностей, инвариантов исторического развития. Обе исследовательские программы дополняли друг друга и были связаны с мировоззренческим предпосылочным знанием историков. В исторической науке, где наряду с логическими, рациональными формами знания и методами используются интуитивные, эмоциональные способы осмысления социальных феноменов, вместе с верой и убеждениями в знание могут входить мифы, иллюзии, заблуждения. В сочетании с эмоционально-волевой, ценностной ориентацией исследования они могут одновременно как конструктивно, так и деструктивно влиять на познавательную деятельность историков. Противоположностью здесь должен стать критико-рефлексивный подход в исследовании ми-

фологем, идеологем и стереотипов, заложенных в мировоззренческих основаниях сознания историка.

Специфической обязанностью философии по отношению к исторической науке является помощь в формировании методологического сознания историка. Рационализированное мировоззренческое сознание, которым является философия, может способствовать преодолению догматизма, софистики на основе рефлексивно-аналитического способа мышления. Исследовательская программа является также формой осуществления преемственности в историческом познании. Она включает в себя различные уровни сохранения знания, одним из которых является культурно-историческая традиция.

Традиция не может быть просто элементом социокультурного наследия, передающегося от поколения к поколению, она представляет собой специфический механизм воспроизводства норм и ценностей³. Среди различных функций культурной традиции по отношению к науке чаще всего выделяют две основные: 1) нормативно-эвристическую и 2) селективно-стабилизирующую. Применительно к историческому познанию сущность первой состоит в том, что она используется как мировоззренческая предпосылка, социокультурная программа, ориентирующая исследователей в предметном поле исследования. Другая функция традиции реализуется в процессе выбора теоретико-познавательных средств исторической науки и в интерпретации, а также интеграции полученных исторических знаний в духовную жизнь общества. Эта ее функция обнаруживается чаще всего в ситуации, когда новые исторические знания и приобретенный социальный опыт становятся фактором существенных изменений в историческом мировоззрении либо активно осваиваются и используются в политических программах.

Анализ научных традиций в историографии показывает их важную роль в структуре определенных норм рациональности, отражающихся в сознании историков в виде принятого в традиции образа исторического знания. Под последним понимаются признанные образцы теоретических построений в общественных науках, критерии достоверности материалов и источников исторического знания, способы включения результатов исторической реконструкции в социальную картину мира⁴. Придерживаясь определенной традиции, историк осваивает конкретный материал, арсенал кон-

цептуальных средств, используемых для оценки и интерпретации исторических фактов и источников. Чем основательнее разработана традиция в исторической науке, тем больше возможностей создается ею для концептуализации и теоретического обобщения исторического материала, эмпирической базы исследования. В качестве примера возникновения нового знания в традициях социально-исторического познания можно предложить анализ ситуации, связанной с формированием сциентистской методологии истории в России XIX в. (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин).

В середине 40-х гг. XIX в. в изучении русской истории наметился разрыв между философскими и исследовательскими подходами. В связи с этим историк К.Д. Кавелин осуществил методологическую новацию, целью которой являлось решение задачи превращения отечественной историографии в строго научную дисциплину и обозначены условия, необходимые для этого. Его главная идея состояла в том, чтобы предложить такую модель исторической теории, которая преодолевала бы крайности как спекулятивной философии истории, так и эмпирического исследовательского идиографизма⁵. Развивая эту идею, другой представитель сциентистской исторической школы, Б.Н. Чичерин, указывал на необходимость достижения такого уровня исторического познания, когда историческая наука и философия, сохраняя самостоятельность и целостность, вступают в отношение взаимного дополнения⁶. Сциентистская ориентация в позиции Б.Н. Чичерина очевидна, но, в отличие от К.Д. Кавелина, он не доводит свое критическое отношение к априорным спекулятивным конструкциям философии до кавелинского редукционизма. У С.М. Соловьева, в свою очередь, в работе «Наблюдения за исторической жизнью народов» налицо стремление к ниспровержению гегелевской философии истории как априорной конструкции разума. Если, по Гегелю, философ ищет в истории разумное, то, согласно мнению С.М. Соловьева, ученый разумом ищет необходимое, то есть закон⁷. Разум не может быть самостоятельным источником содержания знания. Источником знания является опыт изучения истории как процесса и объекта исторического познания. Эмпиризм и сциентизм у С.М. Соловьева неразрывно связаны, а науку и философию он решительно противопоставляет. Это обстоятельство нередко закрывает от исследо-

вателей его принципиальный когнитивный плюрализм, допускающий сочетание на эклектической основе просветительских, романтических и даже гегелевских идей и ориентаций. В нашей историографии тем не менее утвердилось устойчивое мнение о школе Кавелина, Соловьева, Чичерина как гегелевской школе в русской историографии XIX в⁸. Разумеется, идеи и методология Гегеля и др., в том числе отечественных представителей школы диалектического идеализма, активно использовались К.Д. Кавелиным, С.М. Соловьевым и, особенно, Б.Н. Чичериным в процессе разработки философии истории. Но содержание практической методологии этих мыслителей, на основе которой только и шло построение их конкретных исторических теорий, было совершенно иным, сциентистско-ориентированным и при этом явно критическим по отношению к гегелевской философии.

Свою принадлежность к традиции историки осознают в явной или неявной форме. Следовательно, традиции могут проявляться в непоколебимом доверии к базисным понятийным структурам исторического знания, фундаментальным философским принципам и нормам, регулирующим познание и не требующим специальных доказательств, убежденности в вере в определенные методологические средства. Например, для исторической науки конца XIX в., испытавшей сильное влияние позитивистской социологии, были характерны такие базисные идеализации О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, как «эволюция», «закономерность», «экономическая целесообразность», «общественный прогресс» и т. д. Для марксистской исторической науки наиболее часто используемыми категориями были понятия и принципы материалистической интерпретации истории: «общественно-экономическая формация», «базис и надстройка» и др. Для многих поколений наших историков обращение к материалистической диалектике чаще всего основывалось на уверенности, что исторический материализм действительно является наиболее совершенной научной методологией, теоретической опорой их исследований. Позднее он нередко становился уже внешней декорацией и выступал в качестве формального клише. Вера в традиционные теоретико-познавательные средства исследования и ценностно-мировоззренческие устои становятся внутренним «культурным ресурсом» историка, направляют всю его работу. Историки отбирают

сами свои культурные ресурсы и переинтерпретируют их, часто как реакцию на изменившийся социальный контекст. Однако новые ценности, идеалы, формирующиеся в мировоззренческом сознании субъекта, не отменяют методологические принципы и теоретические установки, определяющие характер градации, которая продолжает существенно влиять на всю познавательную деятельность. Если основной функцией познавательной градации является трансляция канонов понимания реальности, то она, будучи важным фактором исторического познания, обеспечивает преемственность и поступательный рост знания. Вместе с тем существует опасность, которую несет та или иная традиция в процессе исторического исследования. Она может стать носительницей застоя в том или ином направлении исторического познания, превратиться в догматическую систему знаний, заранее предопределяя смысл и значение всех фактов, попадающих в поле ее деятельности. Ситуацию, в которой продолжают пребывать некоторые области исторической науки, можно определить как процесс переосмысления старых традиций и создания новых теоретико-познавательных средств и мировоззренческих представлений об историческом развитии. Быстрому решению этой проблемы, на наш взгляд, препятствует, помимо психологической привычки и научного консерватизма, «разрыв» уровней в гносеологической структуре мировоззренческого сознания историка.

Под гносеологической структурой мировоззренческого сознания субъекта мы понимаем сложное образование, сформировавшееся в результате синтеза различных форм философского, социального и гуманитарного знания. Итогом такого соединения могут являться категориальная структура мышления, идеалы и нормы социального исследования, теоретико-методологические и аксиологические средства познания, теоретическая картина социального мира и его истории. Любая из форм сознания, в том числе и индивидуальное мировоззренческое сознание историка, содержит в себе, как минимум, два слоя: первый — бытийный, операционально-технический, когда действуют в основном его архетипы, схематизмы, стереотипы, автоматизмы и прочее, и второй — рефлексивный, препятствующий действию автоматизмов или, по крайней мере, сознательно их запускающий. Удельный вес этих слоев в мировоззренческом сознании познающего

субъекта может быть неодинаков. Соотношение их меняется на разных этапах развития теоретического сознания историка. Между этими слоями или уровнями возникает противоречие и даже конфликт. Бытийный слой более прагматичен, он концентрируется на познавательных действиях, теоретико-методологических средствах и целях познания. Рефлексивный слой более аксиологичен, он концентрируется на познавательных смыслах, ценностях в их отношении к исследовательским действиям. Бытийный и рефлексивный слои в мировоззренческом сознании ученого находятся в отношении дополнительности, что не исключает наличия противоречий между ними. Рефлексивный слой может опережать в своих трансформациях бытийный, более стабильный слой. На основе предложенного структурирования мировоззренческого сознания познающего субъекта сосредоточимся на особенностях исторического познания.

Основное противоречие в гносеологической структуре мировоззренческого сознания историка образует отношение между *традициями* и *новациями*, или, по-другому, унаследованными теоретико-познавательными схемами, средствами исследования и новыми концептуальными, аксиологическими принципами познания. Первый слой или уровень в структуре мировоззрения, назовем его условно *консервативным*, выглядит устойчивым, стабильным синтезом знаний и убеждений и эксплицируется в виде привычных теоретических схем и идеалов познания. Его порождают передающийся от прошлого к настоящему, от бывшего к нынешнему поколению исследователей научный опыт и непосредственные условия существования и функционирования исторических знаний в культуре общества. Традиционное знание в содержании мировоззрения историка выступает в категориальной, понятийной форме, обладает известной логической доказательностью и, как правило, опирается на прошлые достижения исторического познания. Второй уровень в гносеологической структуре мировоззренческого сознания историка — назовем его условно *радикальным* — обнаруживается в виде вновь сортирующихся идеалов, понятий и ценностей и нередко выражается при помощи стихийных, несистематизированных идеологических, моральных, политических и культурных представлений об историческом настоящем в прошлом. Этот слой в структуре мировоззрения мо-

жет существовать даже в виде здравого смысла. Он находится в непрерывном движении, изменении и становлении, потому что изменчива сама жизнь, питающая его.

В связи с предложенным срезом в гносеологической структуре мировоззрения историка и выделением двух уровней возникает ряд вопросов, требующих специального рассмотрения. Отметим, что речь идет не о двух различных мировоззрениях, а о двух уровнях одного и того же мировоззрения познающего субъекта. Исключим также из сферы анализа историков, обладающих единым цельным мировоззрением. Кроме того, взаимоотношения указанных уровней в структуре мировоззрения историка носят характер двусторонней детерминации, так как консервативный слой в мировоззрении обеспечивает использование всего арсенала традиционных методов и теорий, а радикальный слой формирует новый познавательный интерес, спектр целей и задач, к достижению которых стремится субъект. Новые ценностные и научные ориентации предполагают также преемственность по отношению к старым нормам, бережное отношение к традиции. Для того, чтобы обрести новые идеалы, необходимо уметь дистанцироваться от традиционных ценностей. Как справедливо подчеркивает современный немецкий философ В. Хесле, имея в виду предпосылки знания и поиск новых моральных ориентаций, «только признание их достоинств, искренняя благодарность за выполнение ими в прошлом роли ориентиров могут привести конструктивный дух, без которого невозможна выработка новых ценностей»⁹. Новые познавательные программы в историческом исследовании требуют обновления теоретико-методологических принципов, в рамках которых могут получить обоснование новые идеи, что неумолимо подталкивает историков к смене познавательных средств. В зависимости от конкретного научного интереса соотношение между уровнями мировоззренческого сознания меняется, однако некоторый разрыв сохраняется. Последнее утверждение требует своего фактологического и историографического обоснования.

Каждой эпохе, каждому обществу свойственны свои традиционные представления, понятия формы и содержания в описании исторической действительности. Учитывая это, следует признать традицию специфическим способом реконструкции исторических феноменов средствами истори-

ческой науки. Поэтому традиционные школы в исторической науке, традиционные методы исторического исследования и есть само историческое познание на каком-то этапе своего развития. Любая традиция, если говорить о ее методологической функции в историческом познании, независимо от мировоззренческой ориентации исследователя, должна проводить принцип историзма. Традиции в исторической науке могут существовать не только в виде школ, но и в виде направлений. Скорее направлением, чем школой, можно назвать отечественную медиевистику конца XIX — первой половины XX в. (Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, А.И. Нусухин и др.) или группу «Анналов», созданную в 1929 г. в Страсбурге Л. Февром и М. Блоком. Оба направления выдвинули совокупность новых идей и установок на предмет и природу исторического познания, повлиявших на выработку методологии и выбор объектов исследования, а также включили в исторический процесс ряд новых факторов, влияющих на саму политическую историю. Научную школу также следует отнести к частному случаю традиции, существующей в исторической науке. Создателем новой научной школы в русской историографии и методологии истории следует считать выдающегося историка А.С. Лаппо-Данилевского. Эволюционируя от позитивизма к неокантианству, он, опираясь на методологические достижения баденской школы, разработал гносеологические основы теории исторического знания. Теория познания, по А.С. Лаппо-Данилевскому, должна: 1) выявить соотношение априорных и эмпирических компонентов в познании; 2) определить основания достоверности и общезначимости знания, дать целостную характеристику разрозненным представлениям; 3) оценить знание как единичное или общее¹⁰. Только определив все эти основания, историческая наука может претендовать на самостоятельный статус. Создав в Петербургском университете свою научную школу, А.С. Лаппо-Данилевский был в 1916 г. единогласно избран первым председателем русского социологического общества.

Таким образом, особенности научных традиций в историческом познании, функционировании исследовательских программ в качестве систем, порождающих новое знание, состоят в том, что они выступают мировоззренческое: основаниями познавательной деятельности историка, существенно

вливают на содержание и характер полученного им знания. Появление новых исторических представлений поэтому оказывается детерминированным не только предметом исследования и методологическими средствами, но исследовательскими программами.

Мы поставили лишь некоторые вопросы философско-мировоззренческой обусловленности исторического познания. Думается, что сформулированная нами проблема разрыва уровней мировоззренческого сознания историка должна рассматриваться в общем контексте поставленных задач, которые призвана осмыслить и проанализировать методология истории. Преодоление разрыва между радикальным и консервативным слоями в гносеологической структуре мировоззренческого сознания исследователей может обеспечить качественный подъем уровня исторических исследований. Изучение этих вопросов на конкретных материалах исторических и историографических работ позволит раскрыть то значение, которое имеют внешние социокультурные детерминанты исторического познания.

Примечания

¹ См. об этом: Современная философия науки (И. Лакатос и др.). М., 1996.

² См. работы: *Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П.* Отечественная философия науки: предварительные итоги. М., 1997; *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.

³ См.: *Фуко М.* Археология знания. К., 1996; *Эфроимсон В.П.* Загадки гениальности. Н., 1998.

⁴ См.: *Микешина Л.А., Опенков М.Ю.* Новые образы познания и реальность. М., 1997; *Яковлев В.А.* Инновация в науке. М., 1997.

⁵ *Кавелин К.Д.* Философия и наука в Европе и у нас // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 278-292.

⁶ См. *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 156.

⁷ *Медушевский А.Н.* Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 103-115.

⁸ См.: *Медушевский А.Н.* Французская революция и политическая философия русского конституционализма // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 90-105; *Ерыгин А.Н.* История и диалектика. Ростов-на-Дону, 1987. С. 67.

⁹ *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 122.

¹⁰ См. *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 536-537.

ПРОИЗОШЛА ЛИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ?

В последней трети XX в. методология исторического знания была потрясена «лингвистическим поворотом» и «постмодернистским вызовом». По выражению Д. Харлана, наступил затяжной *эпистемологический кризис*, «поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во времени»¹. Из «лингвистического поворота» и «постмодернистского вызова» вытекал роковой для историка вопрос, сформулированный Габриэль Спигель: «Должны ли мы поверить в то, что наше представление о прошлом не более чем иллюзорно-реалистические полотна, «познаваемая ложь», которой мы пичкаем себя и других, чтобы скрыть свой страх перед тем, что за этими полотнами может таиться непознаваемая правда человеческого опыта, не поддающаяся никаким попыткам постигнуть ее с помощью наших словесных построений?»²

Почему реакция профессиональных историков оказалась столь близкой к апокалиптической? Ведь, собственно говоря, то, что история – не совсем наука, неоднократно звучало и раньше. По определению Х. Уайта, она как раз традиционно занимала нишу между «строгими» (позитивистскими) науками и «свободными» (романтическими) искусствами. Отсюда «обучение историческому методу, по существу, состояло в предписании употреблять наиболее изощренные филологические техники для критики исторических документов»³. Довольно рано в историческом знании обнаружилась и склонность к релятивизму. Периодически из уст ученых звучали слова, сходные со знаменитым высказыванием Г. Риккерта: «По какому праву принимаем мы, что исторический процесс вообще имеет какой-либо смысл? И какими средствами обладаем мы для его познания?»⁴. Одна за одной

возникали различные «скептические школы», подвергавшие критике как отдельные отрасли исторического знания, так и принципы критики источника в целом.

Тем не менее, несмотря на все попытки «потрясения основ», историческая наука как отрасль знания стояла непоколебимо, как скала. Правда, ее апологеты зачастую сами не знали, в чем именно залог ее гносеологической неуязвимости. Зато крепла уверенность в своей научной кастовости и социальной значимости.

Однако современный кризис носит куда более серьезный характер, поскольку порожден не интеллектуальным вызовом горстки мыслителей, мечтающих о славе Геростратов храма гуманитарного знания. Его причины многогранны и лежат не только в когнитивной и эпистемологической, но и в социальной, политической, культурной сферах.

Прежде всего, в XX в. тоталитарные режимы и их крушение продемонстрировали с ужасающей очевидностью, что профессиональная корпорация историков — лишь идеологическая прислуга политиков, не более того. Историческая наука может рассматриваться только лишь как инструмент манипуляции политическим сознанием и поведенческими установками масс. Историки по определению оказались работниками зловещего «Министерства правды» Джорджа Орруэла, образ которого стал символом потребительского отношения власти к историкам: «Есть партийный лозунг относительно управления прошлым... Кто управляет прошлым, тот управляет будущим: кто управляет настоящим, тот управляет прошлым... То, что партия считает правдой, и есть правда. Невозможно видеть действительность иначе, как глядя на нее глазами партии».

О склонности историков к политической конъюнктуре, несомненно, знали и раньше. Однако и нацистская, и большевистская пропаганды отличались поистине тоталитарными масштабами переписывания истории. Подобная практика оказала разрушающее воздействие на научные стандарты мастерства историков. Получалось, что историк тем профессиональнее, чем искуснее врет. И смысл истории как отрасли знания заключается не в *способности познать прошлое*, а в *умении о нем рассказать*, преподнести в нужном ключе. Как отметили П. Рот и М. Мандельбаум, «История превращается в искусство рассказчика (Storyteller)»⁵. Но от мысли, что

«*Прошлое можно придумать*» до идеи: «*История — это всегда только выдумка*» — один шаг. И он был сделан в конце XX в.

В определенном смысле увлечение постмодернизмом было вызвано причинами, обозначенными в знаменитом «Состоянии постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара. По его словам, «Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов»⁶. Под этим термином и его производными («метаповествование», «метаистория» и др.) понимаются «*объяснительные системы*», организующие буржуазное общество и служащие для него средством самооправдания своего существования (религия, история, наука и т.д.). Таким образом, по Лиотару, постмодернизм является своеобразным вызовом основам современного мира. История, как одна из главных объяснительных систем, подверглась его атаке одной из первых.

Как отметил Г.С. Кнабе, исторические события XX в. и изменение роли науки вызвали актуализацию противопоставления между *жизнью как объектом познания и наукой как средством познания*. Последняя в силу внутренних условий своей организации просто неспособна познать все многообразие жизни. Как показал историк, «противоречие между наукой как средством исследования и “жизнью как она есть” как объектом исследования образуют коренную апорию современного общественно-исторического познания»⁷. История как наука о жизни пострадала первой. Она подверглась обвинениям в схоластике, и ей перестали доверять. Престиж профессиональной корпорации историков в конце XX в. по сравнению с первой половиной столетия резко упал.

В 1950-х гг. произошла так называемая *когнитивная революция*, подвергшая критике *бихевиоризм*. Ему на смену пришел *неоментализм*. Среди психологов все большую популярность стала приобретать точка зрения, что свойства разума — врожденные, и лишь в малой степени обуславливаются социальной средой. Разум понимался как замкнутая система символов, по аналогии с компьютерными системами⁸. Однако, если принять такую точку зрения, модели мира существуют только внутри замкнутых структур разума. Гуманитарное знание, как и любое другое, не является производным от исторических условий. Тогда историческое познание может считаться всего лишь проекцией человеческо-

го разума. По верному замечанию Н.Е. Копосова, с этим также можно связать кризис, переживаемый сегодня социальными науками⁹. Подобные принципы, как показала Г.И. Зверева, прямо ведут к развитию постмодернистского подхода к истории¹⁰.

В чем же проявляется сегодняшний кризис истории как науки?

Во-первых, историческая наука рассыпалась на разные отрасли. В ней сегодня существует несметное количество направлений, представители которых все меньше понимают друг друга. Ж. Нуарель считает данный раскол историографии проявлением социального кризиса исторической профессиональной корпорации, которая распалась на отдельные сообщества, плохо связанные друг с другом¹¹.

Утрату историками разных отраслей представлений о своем месте в общем труде Н.Е. Копосов связывает с размытием в наши дни единого научного исторического метаязыка¹². Вместо выработки универсального исторического языка, унитарной исторической терминологии, расцвел полилингвизм. В отраслях исторического знания отсутствует единый научный стандарт. Историки, придерживающиеся традиционного исторического познания, пытаются «выпихнуть» все новации в другие науки (философию, культурологию, социологию), считая многие современные подходы «неисторическими». Представители современных подходов, наоборот, считают истинными историками именно себя, а традиционалистов, цитируя известный афоризм Карла Маркса, — «поставщиками архивов, работающими во имя грызущей критики мышей». Отсутствие единого научного канона приводит к тому, что Histories Apodexis все более детализируется и поглощается другими науками.

Наиболее впечатляющим здесь оказалось вторжение в историю математических наук. Они быстро стали играть ведущую роль в некоторых отраслях исторического знания, что вызвало высказывания вроде: «С научной точки зрения существует только количественная социальная история» (А. Домар, Ф. Фюре). Несмотря на призывы гуманитариев, что «считать, конечно, надо. Но прежде хорошо бы понять, что мы будем считать» (Р. Мунье)¹³, количественные методы исследования все активнее претендуют на то, что без них не будет считаться научным ни одно историческое исследова-

ние. Помимо социальной и экономической истории, они уже обрели прочные позиции в источниковедении, текстологии, истории повседневности и т.д.

Кроме того, появилось большое количество постмодернистских (или близких к постмодернизму) книг, например, печально известного академика А.Т. Фоменко, направленных на разрушение самой системы исторического познания в обществе и, надо признать, на этом поприще довольно-таки преуспевших.

Какие модели выхода из кризиса предлагает современное научное сообщество? Все антипостмодернистские построения зиждутся на нескольких общих принципах. Во-первых, они несут несомненные религиозные черты, в чем-то сходные с реакцией правоверного на ересь. Это выражается во многочисленных заклинаниях, повторяемых на разные лады: «До чего ж мы докатимся, если признаем правоту постмодернистов?» Все инвективы последних торжественно отвергаются: по словам П. Рота, «Позитивизм сам по себе является своим лучшим адвокатом»¹⁴. Во-вторых, противники постмодернизма в своем большинстве склонны к материалистическому пониманию истории. В-третьих, феномен дискурса признается теперь всеми, но это совмещается с верой, в чем-то даже мистической, в возможность отыскания в нем имманентной способности адекватного отражения реальности. Очень многими историками дискурс подсознательно продолжает восприниматься как идеалистическая надстройка над материальной подосновой истории.

Однако даже самые радикальные противники постмодернистского подхода не могут ничего возразить на слова Х. Уайта: «Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины... но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), чем буквалистским... Историография является дискурсом, который, как правило, нацелен на конструкцию правдоподобного повествования о серии событий»¹⁵.

Доминирующим направлением в современной российской исторической науке, причем имеющим наибольшее число сторонников, является *исторический позитивизм*. Правда, при этом он в последние десятилетия не внес ничего нового в свою теоретическую базу. Для сторонников

данного течения вообще характерно инстинктивное отвращение к теории, идущее еще с Фюстеля де Куланжа. Вслед за Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом, они утверждают, что незаметно, будто методологи истории что-то приобрели от своей методологии и умеют лучше, чем обычные историки, читать источники. Позитивисты говорят: «Рассмотрите существующие сочинения по методологии истории... постарайтесь выжать из них всю суть, и вы получите только сами по себе очевидные истины». Поэтому истинное *credo* историков может быть только одно: «История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живущих людей... Ничто не может заменить документов, нет их — нет и истории»¹⁶.

Задачей историка позитивисты считают как можно более достоверную реконструкцию событий (при этом допуская так называемую «поправку на погрешность», как правило, выводимую из состояния источников). В то же время считается, что историк способен понять исторические процессы куда лучше, чем их непосредственные участники. В образном виде эту мысль выразил Дж. Мишле: «Историк... часто в своих мечтах видит толпу, которая плачет и жалуется на свое положение, толпу тех, кто еще не умер, кто хочет снова жить». Те умершие просят не только урн и слез, недостаточно просто повторить их вздохи. Они требуют «Эдипа, который решит их собственную загадку, которая для них не имеет смысла, того, кто объяснит им смысл их слов, их собственных поступков, которые они не поняли»¹⁷.

Позитивисты писали о «крайней сложности и абсолютной необходимости исторической критики», под которой понимали в основном всестороннюю проверку достоверности сообщаемых в источниках фактов. Собственно говоря, пределы этой критики для них были в том, что «истина не устанавливается на основании *свидетельства*. Чтобы что-либо утверждать, нужно иметь специальные доказательства считать это истинным». Иначе мы будем вынуждены считать, что «историческое существование дьявола гораздо более доказано, чем существование Писистрата; до нас ни дошло ни одного слова современников о том, что они видели Писистрата, а между тем тысячи «очевидцев» заявляют, что видели дьявола: мало найдется исторических фактов, подтверждаемых таким громадным числом самостоятельных свидетельств»¹⁸.

Позитивисты сумели довести технику внешней и внутренней критики источника, методику выявления подделок и недостоверных сведений до совершенства. Однако на этом они и останавливались, считая, что, выявив перечень исторических фактов, они сумели восстановить историю, какой она «была на самом деле». Именно против такой позиции, сводящей процесс исторического познания к каталогизированию, во второй четверти XX в. начались «бои за историю» (такое заглавие получила и одна из книг Л. Февра¹⁹), которые, по образному выражению А.Я. Гуревича, велись «против обветшавшей историографии, укрывшейся от действительности за каталожными ящиками с выписками из древних текстов, в которых она была неспособна ощутить живых людей».

Современные позитивисты по-прежнему исходят из того, что исторический поиск, несомненно, происходит в сознании исследователей и зависит от его субъективных параметров. Однако при этом они убеждены, что историк в принципе способен реконструировать прошлое, установить истину, подлинные факты. Для этого необходимо дальнейшее совершенствование техники критики источника, методики «опроса» безмолвных свидетелей прошлого. При этом у позитивистов, по замечанию Н.Е. Копосова, приобрела популярность идея эпистемологической купюры²⁰. Ее суть в том, что недостатки позитивистских работ порождены внешней конъюнктурой, когда историк не может «освободиться» от предрассудков своего сознания, воздействия внешней среды.

То есть виновным в пороках историографии объявляется презентизм, зависимость ученого от современных ему политических требований, принадлежности к той или иной политической группировке и социальному слою, мировоззренческая мода переживаемого периода и т.д. Стоит лишь историкам подняться над этим, освободиться от воздействия среды, они смогут добиться объективности, реконструировать истину. Таким образом, здесь все проблемы исторического познания сводятся к приверженности пушкинскому образу идеального историка как беспристрастного летописца:

Так точно дьяк, в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

По словам Л. Госсмана, «Несмотря на то, что философы, да и сами историки на протяжении десятилетий доказывают, что история — конструкт, вера в то, что она является непосредственным воспроизведением реальности, остается удивительно прочной». Теоретики позитивизма своими высказываниями порой напоминают страуса: они упорно игнорируют конструктивистские идеи, делая вид, что их просто не существует. Такая позиция не нова. Еще Ланглуа и Сеньобос писали об историках, пренебрегающих анализом источников, что «основной причиной естественного легковерия служит леность. Гораздо удобнее верить, чем разбирать, признавать, чем критиковать, накапливать документы, чем их взвешивать. Не критиковать документы приятнее, чем критиковать, потому что критиковать документы значит жертвовать ими, а жертвовать документом тому, кто его нашел, очень трудно»²¹.

Устойчивость позитивистской модели наводит на определенные размышления. В сегодняшнем российском научно-историческом сообществе сложилась парадоксальная ситуация: о кризисе истории как науки знают те, кто читает современную литературу. Для остальных его как бы не существует. Огромная масса историков желает знать только традиционные каноны исторического познания, а все новации воспринимает как ересь, про которую не хочет и слышать. Практически ни в одном российском вузе, исключая, пожалуй, два-три учебных заведения в Москве и Петербурге, программы обучения истории не учитывают современного состояния теории истории.

Не руководит ли здесь историками-профессионалами подсознательный инстинкт самосохранения? Ведь если задумываться, то так можно усомниться в состоятельности своей профессии. Большой вопрос, на чем нынче зиждется стабильность исторического сообщества в России: на их действительной уверенности в неправоте «постмодернистского вызова», «лингвистического поворота» и т.д. или же на чисто религиозном инстинкте: оградить себя от «ереси», способной «вести в соблазн» и разрушить веру? Не потому ли современная историография так трудно проникает в российские вузы и академическую науку, что она априори вызывает подсознательное неприятие?

Каждый человек, избравший делом своей жизни про-

фессиональное занятие научными изысканиями и остановившийся в выборе отрасли знания на истории, должен четко представлять себе, чем является «его избранница» и кем при реализации этого выбора становится он сам. Большинство современных историков, на мой взгляд, сознательно бежит не то что от ответа, но даже от постановки данного вопроса. Ведь иначе они вынуждены будут определить (по крайней мере для себя) пути преодоления *постмодернистского вызова и лингвистического поворота*. А это уже постановка серьезнейшей исследовательской сверхзадачи. Иначе честный в своей саморефлексии историк будет в глубине души считать себя ханжой и лицемером, который не может отстоять от нападков научную состоятельность того, чем он занимается. Третьим путем является интеллектуальное кокетство, когда историк признает, что он лишь практикующий на памятниках прошлого филолог, и его интересует лишь игра слов и собственные вербально-семиотические конструкты. Поскольку подобное заявление в профессиональной корпорации равноценно самоубийству, третий путь в ученой среде маловероятен. Остается выбирать между первыми двумя.

На наш взгляд, возможный сценарий развития исторической науки в России следующий. В корпорации произойдет раскол на ученых, понимающих стандарты своей профессии в позитивистском духе. Этот слой будет существовать всегда, поскольку именно на него со времен Геродота есть практический спрос со стороны власть предержащих, их идеологов, пропагандистов, а также националистов, пиарщиков, моралистов и т.д.

В то же время, постепенно будет формироваться узкая прослойка профессиональных ученых, которая, пережив дискретный период, сумеет выработать новые научные стандарты, предъявляемые к историческому исследованию. Какими будут эти стандарты — неизвестно. Можно лишь предположить, что в них, как о том свидетельствует мировая тенденция развития теории истории, обязательно будут присутствовать элементы антропологии, семиотики, герменевтики и использоваться методики точных наук. Но в современной российской историографии, увы, пока можно отыскать лишь отдельные примеры работ, выполненных в русле данной тенденции и при этом не являющихся спекулятивными, а действительно соответствующие мировому научно-

му уровню. Радует лишь то, что эти примеры все же есть, хотя их и недостаточно, чтобы произвести революцию в современном отечественном гуманитарном знании. Эта революция может начаться, только когда современные методологические стандарты в массовом масштабе проникнут в учебные программы российских истфаков.

Примечания

¹ *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // *American Historical Review*. 1989. Vol.94. P.881.

² *Спигел Г.М.* К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // *Одиссей*. 1995. М., 1995. С.213-214.

³ *Уайт Х.* Метаистория. Екатеринбург, 2002. С.166-167.

⁴ *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908. С.7, 16, 55.

⁵ *Roth P.* Narrative Explanations: The case of History // *History and Theory*. 1988. Vol.27 N.1. P.4; См. также: *Mandelbaum M.* The Anatomy of Historical Knowledge. Baltimore, 1977. P.25.

⁶ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., 1998. С.10.

⁷ *Кнабе Г.С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // *Одиссей*. 1993. М., 1994. С.249-250.

⁸ Подробнее см.: *Gardner H.* The Mind's New Science: A History of the Cognitive Revolution. New York, 1985.

⁹ *Копосов Н.Е.* Как думают историки? М., 2001. С.307.

¹⁰ *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей*. 1996. М., 1996. С.11.

¹¹ *Noiriel G.* Sur la "crise" de l'histoire. Paris, 1996. P.212-246.

¹² *Копосов Н.Е.* Как думают историки? С.192-193.

¹³ Цит. по: *Копосов Н.Е.* Как думают историки? С.66-67.

¹⁴ *Roth P.* Narrative Explanations. P.3.

¹⁵ *Уайт Х.* Метаистория. С.13.

¹⁶ *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899. С.1, 4, 13.

¹⁷ Цит. по: *Уайт Х.* Метаистория. С.190.

¹⁸ *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. С.128, 167.

¹⁹ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

²⁰ *Копосов Н.Е.* Как думают историки? С.219.

²¹ *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. С.54.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

А. В. Макушин (Воронеж)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
В ОЦЕНКЕ П. Н. МИЛЮКОВА

В «докадетский» период биографии П.Н. Милюкова, в бытность его историком в конце 1880-х – начале 1890-х гг., он поддерживал активные творческие связи со своими петербургскими коллегами, в том числе с А.С. Лаппо-Данилевским (любопытно, что они родились с разницей в четыре года, но в один и тот же день – 15 января по старому стилю). Более молодой Лаппо-Данилевский на два года раньше своего коллеги, в 1890 г., защитил магистерскую диссертацию «Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований». Этот факт вполне укладывался в рамки традиций, бытовавших в то время в двух столичных университетах: средние темпы подготовки магистерских диссертаций в Петербурге были на несколько лет короче, чем в Москве. Милюков магистрировался двумя годами позднее, опубликовав монументальную работу «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», обширная вступительная глава которой непосредственно касалась проблематики, исследованной Лаппо-Данилевским, и содержала полемические замечания в адрес последнего.

Одной из причин задержки выхода в свет книги Милюкова и его магистерской защиты стало то обстоятельство, что в разгар работы над ней, в январе 1891 г., он получил предложение от Академии наук отрецензировать книгу Лаппо-Данилевского, представленную на 33-е присуждение премии графа Уварова. Судя по переписке Милюкова с другим петербуржцем, С.Ф. Платоновым, в его груди боролись в тот момент два чувства: гордость в связи с лестным приглаше-

нием (удостоиться чести быть академическим рецензентом означало в то время подтверждение солидной научной репутации, что для 33-летнего историка было немаловажно) и досада из-за необходимости отложить на несколько месяцев в сторону свой собственный труд для работы над рецензией¹.

Впрочем, требуемый объем академической рецензии (порядка печатного листа) позволял написать ее и в более сжатые сроки, но не таков был Милюков. К анализу книги Лаппо-Данилевского он подошел с наименьшей основательностью, нежели к созданию собственной диссертации. Это обстоятельство в конце концов привело к тому, что вместо одного печатного листа он написал целых десять и, по своему обыкновению, не уложился в формальные сроки, отведенные для представления рецензии в конкурсную комиссию (deadline наступил 15 мая, но к тому моменту Милюков успел переписать набело и выслать в Петербург лишь половину текста рецензии²), что, разумеется, никак не отразилось на дальнейшем ходе событий – академики не были формалистами. В итоге в сентябре 1895 г. Лаппо-Данилевский получил малую уваровскую премию в размере 500 рублей, а Милюков, как рецензент, – золотую медаль стоимостью 50 рублей. Отзыв Милюкова был опубликован трижды: в конце августа 1892 г. отдельной брошюрой под заголовком «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», осенью 1892 г. в приложении к «Отчету о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова» и в 1893 г. при переиздании «Отчета» в составе 70-го тома академических «Записок».

Не только по объему, но и по содержанию милюковский отзыв представлял собой самостоятельное исследование. Он не ограничился данными рецензируемой монографии и привлек массу нового архивного материала. Без всяких оговорок Милюков дал труду Лаппо-Данилевского высокую оценку, причем впервые он высказал ее еще ранее, вскоре после выхода книги в свет, за год до написания отзыва. 23 мая 1890 г. в письме к С.Ф. Платонову, с которым они обычно не церемонились в оценке ученых достоинств и в особенности недостатков своих коллег, Милюков заявил, косвенно выражая своему корреспонденту (по разным причинам недолголюбивавшему Лаппо-Данилевского, но находившемуся в тот момент в прекрасных отношениях с самим Милюковым): «Книга [Лаппо-]Данилевского мне очень понравилась: я го-

тов признать, что выражается он часто очень неумело и туманно, но не согласен, чтоб можно было книгу сократить страниц на 200: ведь он, в сущности, слишком мало и так раскрывает свой материал. Во всяком случае, и тема, и материал выбраны очень удачно; и в общем, если выкинуть некоторые выступления из пределов XVII в. и некоторые части последней главы, — он совладал с темой и дал много совсем нового и важного (особенно, относительно раскладки и взимания)»³.

Несколько позднее, в сентябре 1890 г., Милюков поместил краткий анонимный отзыв о книге Лаппо-Данилевского на страницах московского журнала «Русская мысль»⁴, в котором он состоял штатным рецензентом книг по русской истории. Отзыв был выдержан вполне в благожелательных тонах, что было далеко не самым собой разумеющимся обстоятельством, учитывая, что на тех же страницах Милюкову неоднократно доводилось буквально обрушиваться на незадачливых коллег, среди которых были не только неизвестные провинциальные историки, но и такие маститые авторы, как Д.И. Иловайский и Е.Е. Замысловский.

Но, естественно, краткий журнальный отзыв не шел ни в какое сравнение с обстоятельной академической рецензией, подробному разбору которой посвящена оставшаяся часть нашей статьи. В самом начале ее Милюков указал, что, считая выбранную Лаппо-Данилевским тему важной и актуальной (как видим, проблема «актуальности» уже в то время стояла перед авторами и рецензентами, хотя и не в такой навязчивой форме, как позднее), он не согласен с тем обоснованием, которое дает ей автор, утверждающий, во-первых, что в истории отдельного народа должны изучаться «преимущественно специфические явления, свойственные национальному типу, а не черты, общие ему с другими народностями»; во-вторых, что «наиболее специфическим явлением русской национальной истории ... является Московское государство XVII в.»; а в-третьих, что в «финансовой истории XVII в. находится разгадка специфических особенностей русской национальной истории»⁵.

Несогласие Милюкова вполне объяснялось его собственным выводом относительно финансовой истории России XVII в.: «Там где мне, и не мне одному, представлялся цельный, неподвижно установившийся государственный строй,

на самом деле шла огромная и изумительно быстрая работа роста государственных учреждений. С середины XVI в. до конца XVII в. успели возникнуть и разрушиться целых три финансовых системы»⁶. Но помимо этого вывода в основе указанного несогласия лежала более общая теоретическая, даже политическая причина – Милюков вообще в принципе отрицал наличие в русской истории устойчивого «национального типа». Подробнее он развил этот тезис несколько позднее, в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры».

Милюков признал неудачной структуру книги Лаппо-Данилевского. По мнению рецензента, если уж автор ограничился изучением «прямого обложения», оставив в стороне косвенные налоги и тем самым лишив себя возможности выяснить общую структуру бюджета, то он должен был по крайней мере дать стройное изложение системы существовавших в XVII в. податей и системы органов финансового управления. Однако Лаппо-Данилевский в погоне за «динамической» картиной отказался от «статического» описания податной системы и финансовой администрации и изображал их отрывочно, в связи с отдельными моментами функционирования финансового механизма: сначала все виды прямых податей и различные органы финансовой администрации фигурировали у него в главе о раскладке податей, затем в главе об их взимании и, наконец, в главе о распределении налоговых поступлений между различными центральными учреждениями. Милюков критически заметил, что «под динамикой исторического процесса мы привыкли однако же понимать именно процесс, а не функционирование установившейся системы», и указал, что логика исследования заставила Лаппо-Данилевского, разбросав «неосуществившуюся, хотя и необходимую главу» о податной системе «по всему сочинению», «все-таки... нарушить план для введения аналогичной главы 4-ой»⁷. Очевидно, что структуру рецензируемой книги Милюков критиковал, выбрав в качестве отправной точки структуру первой главы собственной диссертации, где как раз в первую очередь рассматривались «податная система» и «финансовая администрация». И в рецензии он решил следовать такому же плану, а не плану книги Лаппо-Данилевского.

Последнее общее замечание Милюкова относилось к «при-

емам изложения», использованным Лаппо-Данилевским. Рецензент упрекал автора, что тот пытается выстраивать общую схему из отдельных мозаичных фактов, вырванных из контекста. А поскольку такие конкретные факты принадлежат в первую очередь «жизни», а не «схеме», имеют свои индивидуальные особенности, — постольку и схемы из них Лаппо-Данилевскому очень часто построить не удастся, и он «в результате, слишком часто приходит к заключению, что искомый им порядок заключался в полном беспорядке, а описываемые им формы сводились к полной бесформенности»⁸.

Милюков имел в виду, что Лаппо-Данилевский, оставив в стороне ценный источник по финансовой истории — регистрационные книги московских приказов, в которых схема функционирования финансового механизма государства была представлена в компактном и наглядном виде, — пытался воссоздать эту схему на основе отрывочных показаний необозримого актового материала, далеко уступающих в данном вопросе показаниям приказных книг по четкости и полноте. За Лаппо-Данилевского вступился петербургский историк М.А. Дьяконов, указавший, во-первых, что иного пути построения общих выводов, кроме как на основе индивидуальных фактов, нет, а во-вторых, что петербуржцу за короткое время пребывания в Москве трудно сразу сориентироваться в архивных материалах и использовать наиболее информативные из них. С другой стороны, виднейший знаток московских архивов С.Б. Веселовский поддержал упрек Милюкова в адрес Лаппо-Данилевского⁹.

Для своей рецензии Милюков избрал хронологически-проблемную структуру. Первая из двух примерно равных по объему глав была названа «Время, предшествующее XVII веку», вторая — «XVII век». Первая глава делилась на три параграфа: «Податная система», «Волостная финансовая организация», «Техника податного обложения»; вторая — на четыре: «Податные классы», «Податная система», «Механизм податного обложения и раскладки», «Финансовая администрация».

Причиной углубления Милюкова в XVI в., в то время как в заголовке рецензируемой работы указывался XVII, было то обстоятельство, что первая половина XVII в. «может быть, во многих отношениях окажется в конце концов теснее связанной со второй половиной XVI-го, чем со второй полови-

ной XVII-го века». Между тем финансовая история XVI в. была в то время практически неизученной. Формальный повод заняться ей давали Милюкову частные экскурсии, посвященные этому столетию в книге Лаппо-Данилевского. Наконец, по словам Милюкова, его внимание к XVI столетию оправдывалось «до некоторой степени ... и тем обстоятельством, что по XVII в. нам уже пришлось посчитаться с взглядами автора в нашей собственной работе» (т.е. в «Государственном хозяйстве») ¹⁰.

Податную систему, сложившуюся в Московском государстве накануне XVII в., Милюков рассматривал по предложенной в книге Лаппо-Данилевского схеме, согласно которой часть налогов возникла из потребностей княжеского хозяйства, другую часть представляли собой налоги на оборону и третью – налоги, установленные на Руси впервые татарами. Но сама эта схема была подвергнута Милюковым критике. Не будучи радикальным сторонником «вотчинной теории» происхождения Московского государства, он делал скептическую оговорку относительно первой рубрики указанной схемы: «Идея частнохозяйственного происхождения государственных отношений Московского княжества принесла, бесспорно, большую пользу нашей науке. Тем не менее, в наше время, кажется, роль этой идеи следует считать сыгранной. Рамки ее оказались слишком узкими» ¹¹. Большинство налоговых сборов, причисленных Лаппо-Данилевским к первой группе, имели, по Милюкову, с самого начала не частнохозяйственный, а государственный характер.

Относительно второй рубрики в схеме рецензент указывал, что она «совсем не имеет» подразумеваемого автором «хронологического единства»: часть военных налогов (собственно, повинностей) более древнего происхождения, чем предполагает Лаппо-Данилевский, а стрелецкая подать – напротив, более позднего. Сам Милюков обнаруживает в развитии военных налогов иную логику. Серединой XVI в. он датирует одну из общих военно-финансовых реформ, имевших место в русской истории. Позднее в «Очерках по истории русской культуры» он отмечал, что всего история Московского государства насчитывает пять подобных комплексных реформ: возникновение в конце XV в. поместной системы; реформы Избранной Рады 1550-х гг.; восстановление вооруженных сил и финансовой системы после Смуты; ре-

формы Федора Алексеевича на рубеже 1670-х – 1680-х гг.; и, наконец, петровские реформы¹².

Рассматривая третью рубрику – «Налоги, выводимые из татарского завоевания», – Милюков наибольшее место уделяет «дани». Здесь он высказывает мнение об истоках происхождения крестьянской поземельной общины: «В раскладке дани мы склонны видеть зародыш и волостной тяглой организации, и репартиционной системы северо-восточной Руси»¹³.

Подробно вопрос о происхождении общины Милюков рассмотрел во втором параграфе. Между тем как Лаппо-Данилевский склонялся «в знаменитом споре Чичерина и Беляева» на сторону И.Д. Беляева, Милюков выступал последователем Б.Н. Чичерина. Не отрицая, в принципе, как и Чичерин, существования общины в древности, Милюков отрицал преемственность между этой древней общиной и позднейшей, сложившейся в средневековой Руси. Последнюю он считал продуктом совместных усилий правительства и вотчинников, заинтересованных в исправном несении крестьянством податных тягостей. Впервые этот свой взгляд на русскую поземельную общину Милюкову довелось изложить в опубликованном двумя годами ранее отзыве на магистерскую диссертацию В.Е. Якушкина. Более того, еще раньше он высказывал отрицательное отношение к мысли об исконности хозяйственных функций средневековой крестьянской общины (сводившихся в первую очередь к распоряжению пахотными угодьями) на примере истории крымских татар. Позднее собственную концепцию происхождения поземельной общины он изложил в «Очерках по истории русской культуры»¹⁴.

Третий параграф первой главы рецензии – о «технике податного обложения» до XVII в. – был разделен на два пункта: «Окладная единица (соха)» и «Руководство по сошному обложению («книга сошного письма»)». Параграф этот – самый большой по объему в рецензии Милюкова, и его следует признать самым важным. В нем Милюков в значительной степени отвлекается от критики Лаппо-Данилевского и излагает результаты собственного исследования (что вполне допускалось и даже приветствовалось в академических рецензиях). Сам рецензент признавал, что сосредоточил на истории сошного письма «особенное внимание»¹⁵.

В истории окладной единицы – сохи – Милюков определил два главных этапа. Для этого он воспользовался «сотными выписями» из писцовых книг XVI в., содержащимися в монастырских грамотах, которые в большом количестве сохранились в собрании «грамот коллегии экономии» в Московском архиве министерства юстиции, а также в собрании И.Д. Беляева в Румянцевском музее. На первом этапе, до середины XVI в., соха не соответствовала строго определенной мере земельной площади. В связи с этим Милюков выдвинул предположение, что в то время налогообложению подлежала не земля, а рабочая сила, что соха состояла из 32-х конных рабочих. Это предположение сразу же подверглось критике в специальной литературе и в дальнейшем было признано спорным, хотя и «весьма интересным»; причем фактическая основа, на которой строилось это предположение, была поставлена под сомнение Е.И. Колычевой¹⁶.

Напротив, вывод Милюкова о том, что второй этап в истории сохи начался с 50-х годов XVI в., утвердился в литературе. Сущность установленной историком реформы «сошного письма» заключалась «в определении сохи как единицы распаханной пашни и в установлении ее размеров», различных для разных категорий земель – «черных», монастырских и принадлежавших светским владельцам¹⁷. Соответственно, произошли изменения в приемах «писцового дела» – если ранее в сотных выписях из писцовых книг не содержалось указаний, «какое количество пашни переводится на соответствующее количество сошного письма», то после реформы писцов интересовало в первую очередь как раз количество и качество пашни. В подтверждение этого вывода Милюков опубликовал в приложении «Список писцовых и дозорных книг XV–XVI вв.» Работа по составлению такого списка была признана важной и продолжена последующими исследователями¹⁸.

Специальный экскурс Милюкова, посвященный происхождению и составу «книг сошного письма» – справочников для составителей писцовых книг, — основывался на изучении нескольких списков этих книг, хранившихся в Московском главном архиве министерства иностранных дел и в Императорской публичной библиотеке в Петербурге¹⁹. В связи с этим экскурсом Милюков опубликовал в приложении обнаруженный им в одной из рукописей Публичной библиоте-

ки «Проект введения новой землемерной единицы «поприща» для финансовых и военных целей»²⁰.

Как видно из приведенных выше заголовков параграфов милюковской рецензии, ее вторая глава строилась приблизительно по такой же схеме, что и первая (податная система – механизм обложения – финансовая администрация). Лишь первый параграф второй главы – о «податных классах» – выпадал из этой схемы. Это, очевидно, было вызвано тем, что в нем рассматривалась первая глава книги Лаппо-Данилевского, которая, по словам Милюкова, осталась в этой книге «за порогом» общего плана, получив «как бы вступительный характер»²¹. При анализе этой главы Милюков следовал за изложением Лаппо-Данилевского, вступая в полемику то с ним – по вопросу о податных привилегиях различных сословий, то с М.А. Дьяконовым – защищая мнение об участии половников в тягле, то с В.И. Сергеевичем – разъясняя ему сущность «ссудной записи» как промежуточной формы крестьянской зависимости между «крестьянской порядной» и «холопской служилой кабалой», то с В.О. Ключевским – полагая, что не существовало такой особой формы зависимости, как «задворное холопство»²².

Во втором параграфе – о податной системе XVII в. – Милюков рассмотрел историю различных прямых налогов на протяжении столетия. Особое внимание он уделил «малым» и «большим ямским деньгам», происхождение которых было неверно освещено Лаппо-Данилевским, а также стрелецкой подати, которую Лаппо-Данилевский ошибочно смешивал с «деньгами за стрелецкий хлеб». В конце параграфа, рассматривая вопрос о ясаке, Милюков оспаривал мнение Лаппо-Данилевского, что «в отношениях своих к инородческим племенам Сибири Московское правительство обнаруживало глубокий политический смысл», отказываясь от насильственного завоевания, но «старалось прельстить их сперва внешним блеском, а затем и внутренним содержанием европейской цивилизации». По Милюкову, «трудно поверить, чтобы эта идиллия во вкусе Карамзина, построенная на некоторых мягких выражениях воеводских наказов, могла иметь какое-либо отношение к действительному процессу покорения Сибири, в котором чисто римская последовательность сочеталась с жестокостью конквистадоров эпохи открытий». Характерно, что в «Очерках по истории русской

культуры» Милюков столь же нелестным образом отзывался и о внешнеполитических успехах Москвы на западе: территориальные приобретения XV–XVI вв. в борьбе с Литвой производили на него впечатление «давящего кошмара»²³.

Главное место в третьем параграфе – о «механизме податного обложения и раскладки» – заняли вопросы о составлении в XVII в. писцовых и переписных книг и о «живущей четверти». Милюков отметил заслугу Лаппо-Данилевского, который впервые «точно различил типы писцового материала XVII в., писцовые и переписные книги и указал главнейшие моменты, когда те и другие составлялись по всей России». Собственная же заслуга Милюкова состояла в том, что он обнаружил в характеристике писцовых и переписных книг Лаппо-Данилевским также и «существенный недостаток»: «Несмотря на самое обстоятельное описание различий между теми и другими, автор, как нам кажется, не уловил основной фискальной причины их разницы, — именно не заметил того обстоятельства, что писцовые книги предназначались для раскладки податей по сохам, а переписные — для раскладки их по дворам»²⁴.

Свое мнение по вопросу о происхождении и сущности живущей четверти – промежуточной единицы обложения между сохой и двором – Милюков первоначально высказал в «Государственном хозяйстве». Не соглашаясь с Лаппо-Данилевским, впервые введшим в научный оборот сведения о живущей четверти и сближавшим четвертное обложение с подворным, Милюков в тексте своей диссертации полагал, что живущая четверть – не новая окладная единица, а лишь новый способ раскладки в рамках прежнего посошного обложения. Но в академическом отзыве на книгу Лаппо-Данилевского точка зрения Милюкова изменилась. Продолжая настаивать на тесной связи живущей четверти с системой посошного обложения, он теперь уже признавал ее окладной, а не раскладочной единицей. На это изменение в своем воззрении Милюков указал еще на своем магистерском диспуте 17 мая 1892 г., т.е. до опубликования отзыва на книгу Лаппо-Данилевского. Между прочим, вопросу о происхождении и сущности живущей четверти, занимавшему в семисотстраничной диссертации Милюкова лишь несколько страниц, была отведена едва ли не большая часть этого диспута, ввиду того, что этим вопросом

активно заинтересовался официальный оппонент диссертанта, В.О. Ключевский²⁵.

Касаясь причин введения правительством новой окладной единицы, Милюков указывал на следующие обстоятельства. Во-первых, прежняя окладная единица, соха, была настолько велика, что даже мельчайшие из ее долей, употребительные в тогдашней арифметике, превышали по размерам подлежащие налогообложению мелкие земельные участки, раздаваемые частным владельцам на южной окраине государства. Живущая четверть, значительно меньшая по размерам, устраняла этот недостаток сохи. Во-вторых, вследствие налоговых льгот, широко предоставлявшихся правительством в ходе хозяйственного кризиса конца XVI в. и последующей Смуты, площадь земли, подлежащей посошному обложению, сильно сократилась. Между тем после Смуты запашка вновь стала расти. Не отваживаясь на прямое включение вновь распахиваемых земель в податной оклад, ввиду очевидной непопулярности такой меры, правительство, по мнению Милюкова, решило усилить налогообложение обходным путем, введением новой окладной единицы. Так как в основу живущей четверти была положена не площадь земли, а количество рабчих рук, то рост налогообложения выглядел бы замаскированным. Наконец, в-третьих, в известной мере противореча самому себе, Милюков указывал, что в результате введения живущей четверти на частновладельческих землях юга России обложение этих земель было значительно облегчено по сравнению с черносошным Севером.

Весьма частный вопрос о живущей четверти возбудил в историографии конца XIX – начала XX в. большие споры. Лаппо-Данилевский и Ключевский придерживались иного, по сравнению с Милюковым, мнения, полагали, что причиной введения живущей чети было не желание правительства утилизировать уже существующий рост запашки, а только лишь стремление вызывать такой рост в будущем. Дьяконов считал такой причиной желание правительства привлечь к тяглу бобылей: они не имели собственной пашни, но имели дворы и, таким образом, при поземельном обложении не входили в число налогоплательщиков, но включались в него при введении живущей чети, состоявшей, как правило, из нескольких крестьянских и нескольких бобыльских дворов.

Наконец, С.Б. Веселовский, считавший, что и посешное обложение было не поземельным, а «посильным», акцентировал внимание на первой из указанных Милюковым причин. По мнению Веселовского, живущая четь была не заменой, а модификацией посешного обложения с целью повышения его «эластичности»: более мелкая окладная единица позволяла точнее соотносываться с платежными средствами населения и, повышая по необходимости налоговое бремя, по возможности так распределять его, чтобы плательщики были в состоянии его нести²⁶. Впрочем, несмотря на усилия столь видных исследователей, по словам А.Л. Шапира, и ныне «вопрос о причинах, вызвавших к жизни указы о живущей четверти, можно характеризовать как дискуссионный», так как источники «не дают ... прямого ответа»²⁷.

Любопытным образом научный спор о происхождении живущей чети всплыл сорок лет спустя в политических передрягах русской эмиграции. В юбилейной статье, посвященной истории Московского университета, один из прежних соратников Милюкова по кадетской партии, В.А. Маклаков (присутствовавший в 1892 г., будучи еще студентом, на милюковском диспуте) утверждал, что высказанное в ходе диспута Ключевским предположение о переходе правительства от поземельного обложения к подворному для стимулирования роста запашки оказалось для Милюкова полной неожиданностью и повергло его в растерянность. Между тем Милюков еще ранее, при написании академического отзыва, отверг аналогичное предположение Лаппо-Данилевского, таким образом, ничего неожиданного в нём для диссертанта заключаться не могло²⁸. Следовательно, либо во время диспута студент Маклаков не разобрался в существе вопроса, либо в своей мемуарной статье эмигрант Маклаков лишний раз хотел уязвить своего идейного противника (в эмиграции они сильно разошлись во взглядах), а скорее всего, сыграли роль оба эти обстоятельства.

Заключительный четвертый параграф второй главы милюковской рецензии на книгу Лаппо-Данилевского был посвящен истории областной и центральной финансовой администрации XVI–XVII вв., поскольку в первой главе была рассмотрена лишь волостная финансовая организация до XVII в. По содержанию именно этот параграф наиболее тесно примыкал к выводам собственной диссертации Милюко-

ва. В нем он воспроизвел собственную схему эволюции центральных финансовых учреждений Московского государства, изложенную в первой главе «Государственного хозяйства».

В кратком «общем заключении» своего отзыва Милюков еще раз давал высокую оценку труду Лаппо-Данилевского, признавал, что «окончательный приговор по поводу обсуждавшихся здесь спорных пунктов принадлежит третьим лицам», а среди общих недостатков книги указывал такой, который обычно, наоборот, историки «петербургской школы» находили у москвичей: «Потребность отыскивать общий смысл в изучаемых им деталях явления составляет, конечно, одну из самых симпатичных сторон исследования автора; но, к сожалению, его общие точки зрения не всегда стоят в органической связи с детальным исследованием; не вытекая непосредственно из материала, они иногда даже препятствуют автору внимательно наблюдать свой материал в его ближайшей обстановке»²⁹. Такая парадоксальная «смена ролей», видимо, объясняется тем обстоятельством, что Лаппо-Данилевский держался особняком в петербургской научно-исторической среде, не являлся ее «типичным представителем» и не мог нести персональной ответственности за ее сильные и слабые стороны. Впрочем, дальнейшая научная эволюция Лаппо-Данилевского протекала вполне в русле источниковедческой направленности «петербургской школы», стало быть, Милюков в данном случае оказался плохим пророком.

Ввиду своего сугубо специального характера отзыв Милюкова, хотя и вышедший, как уже было отмечено, под собственным заголовком, в качестве самостоятельной работы, не имел громкой рекламы в прессе. Нам известны лишь два непосредственных отклика на него – краткая аннотация В.Н. Сторожева и обстоятельный разбор М.А. Дьяконова³⁰. Но так как многие затронутые Милюковым вопросы действительно продолжали оставаться спорными (некоторые остаются до сих пор), то его работа не была обделена вниманием позднейших исследователей. А поскольку многие его выводы в дальнейшем были подтверждены, она была высоко оценена в литературе³¹.

В заключение отметим одно любопытное обстоятельство биографии Милюкова, непосредственно связанное с его отзывом на диссертацию Лаппо-Данилевского. Когда ему не

удалось получить докторскую степень за «Государственное хозяйство» (на что он вполне обоснованно рассчитывал, учитывая грандиозный характер проделанной работы и выдающуюся значимость полученных результатов, но против чего выступил, по узко личным мотивам, Ключевский), С.Ф. Платонов предложил своему московскому приятелю похлопотать о его судьбе в Петербурге на предмет скорейшей защиты в качестве докторской диссертации одной из его новых работ (благо, что в научном отношении Милюков был достаточно плодovit). И хотя в своих мемуарах Милюков утверждает, что, обидевшись на Ключевского, он принципиально и категорически отказался впредь писать и защищать докторскую, на самом деле исходно он заинтересовался предложением Платонова и предложил выдвинуть в качестве таковой именно «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», немного задержав их публикацию, дабы «не ставить события в чересчур скандальное соседство»³².

Этот замысел остался нереализованным, по всей видимости, потому, что инициатива Платонова не была поддержана в Петербургском университете: трудно было бы ожидать, что отзыв на магистерскую диссертацию будет принят к защите в столице в качестве докторской. Но слухи о возможном докторстве стали распространяться, и Милюкову пришлось приложить немало усилий, дабы пресечь их.

В 1896 г., когда Милюков за свою общественно-политическую активность уже был уволен из Московского университета, лишен права заниматься преподавательской деятельностью, сослан в Рязань и состоял под следствием по новому обвинению об участии в деятельности Союзного совета студенческих землячеств, Платонов хлопотал за него перед властями и, составляя отзыв о его научных трудах, следующим образом охарактеризовал «Спорные вопросы»: «Научное значение этой работы Милюкова таково, что она сама по себе могла бы доставить автору ученую степень магистра».³³ Но не доктора.

Примечания

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.585. Д.3547. Л.5-5об.

² Там же. Л.18.

³ Там же. Д.3546. Л.14.

⁴ Русская мысль. 1890. №9. С.412-414.

⁵ Миллюков П.Н. Рецензия на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1893. Т 70. С.21-22.

⁶ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. 1892. №7 С.64.

⁷ Миллюков П.Н. Рецензия... С.25,26. IV глава книги Лаппо-Данилевского, собственно, была посвящена не всей податной системе, а лишь части ее – личным повинностям и натуральным сборам.

⁸ Там же. С.27.

⁹ Там же. С.26-27,152; Дьяконов М.А. Рец. на публикацию: П.Н. Миллюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства // Журнал министерства народного просвещения. 1893. №7. С.203-204; Веселовский С.Б. Рец. на публикацию: Ю.В. Готье. Замосковский край в XVII веке // ЖМНП. 1908. №2. С.414-415. Что касается первого мотива возражения Дьяконова, то очевидно, что по большому счету он может быть принят лишь в узких рамках позитивистской методологии, преувеличивающей возможности «индуктивного метода» в построении общих выводов.

¹⁰ Миллюков П.Н. Рецензия... С.27.

¹¹ Там же. С.28.

¹² Там же. С.36; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч.1. С.150-154.

¹³ Миллюков П.Н. Рецензия... С.40.

¹⁴ Там же. С.43-53; Миллюков П.Н. Рец. на публикацию: Ф. Лашков. Сельская община в Крымском ханстве // Русская мысль. 1887 №8. С.478; Он же. Русская аграрная политика прошлого столетия // Русская мысль. 1890. №5. С.203,205; Он же. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч.1. С.254-256.

¹⁵ Миллюков П.Н. Рецензия... С.54.

¹⁶ Там же. С.62,64; Дьяконов М.А. Рец. на публикацию: П.Н. Миллюков. Спорные вопросы финансовой истории. С.206; Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1916. Т.2. С.343; Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С.18-19; Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С.25.

¹⁷ Миллюков П.Н. Рецензия... С.69.

¹⁸ Там же. С.60,176-192; Дьяконов М.А. Рец. на публикацию: П.Н. Миллюков. Спорные вопросы финансовой истории. С.225-231.

¹⁹ Рукописные сборники из Публичной библиотеки, содержащие списки «книг сошного письма», были присланы для Миллюкова в Московское общество истории и древностей российских не

ранее осени 1891 г. (См.: ОР РНБ. Ф.585. Д.3547. Л.17,18об.,22-об.,35). Между тем, как сказано выше, отзыв на книгу Лаппо-Данилевского был отослан им в Академию наук еще в мае. Следовательно, при подготовке отзыва к печати Милюков внес в данный раздел дополнения.

²⁰ *Милюков П.Н.* Рецензия... С.92-95, 195-198.

²¹ Там же. С.25.

²² Там же. С.96-99,104-106.

²³ Там же. С.122; *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч.3. Вып.1. С.37.

²⁴ *Милюков П.Н.* Рецензия... С.123.

²⁵ Там же. С.134-143; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.,1892. С.17-22; Историческая хроника // Историческое обозрение. 1892. Т.5. С.209-213.

²⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб.,1890. С.244; Историческая хроника... С.213; *Дьяконов М.А.* Рец. на публикацию: П.Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории. С.217-224; *Он же.* Рец. на публикацию: В.И. Сергеевич. Древности русского права // ЖМНП. 1904. №7. С.195-196; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т.2. С.535-536.

²⁷ *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т.19. С.101.

²⁸ *Милюков П.Н.* Рецензия... С.133-134; *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний // Московский университет: 1755-1930. Париж, 1930. С.302-303; Историческая хроника... С.210.

²⁹ *Милюков П.Н.* Рецензия... С.173-174.

³⁰ *Сторожев В.Н.* Рец. на: П.Н.Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства // Книжный вестник. 1892.№1; *Дьяконов М.А.* Ук. соч.

³¹ См., напр.: *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С.186.

³² ОР РНБ. Ф.585. Д.3548. Л.8об.

³³ Российский государственный исторический архив. Ф.1405. Оп.539. Д.229. Л.10об.

С. Н. Погодин (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В центре внимания А.С. Лаппо-Данилевского была русская история. Видное место в его работах по русской истории занял XVIII в., период когда складывался определенный уклад государственного и социального строя. Обращение к этому периоду, было связано с рождением, по мнению историка, новой общественности, новой духовной культуры, новых форм социально-экономической жизни, правосознания и правовой деятельности.

Самые ранние публикации по русской истории относятся к студенческим годам Лаппо-Данилевского¹. Первая крупная работа была посвящена «Скифским древностям»². В этом труде соединялись русская история, античность и археология, а также методы изучения вещественных и художественных памятников, анализ письменных источников. В нем автор показал умение хорошо пользоваться различными источниками, способность анализировать их стремясь к синтетическому построению. Труд «Скифские древности» явился своеобразной заявкой на будущее и показал, что от автора следует ожидать больших результатов в исторических исследованиях. Археология осталась одним из постоянных направлений его разностороннего научного кругозора. Внимательно следя за развитием этой науки в России, Лаппо-Данилевский в 1893 г. опубликовал монографию о «Древностях кургана Карагодеушх, как материале для бытовой истории Прикубанского края в IV-III вв. до Р.Х.»³.

К студенческим годам относится и начало архивных изысканий Лаппо-Данилевского, на основе их он опубликовал ряд специальных этюдов: о величине дворовых и огородных мест древне-русского города⁴, о «приправочных» книгах XVII в.⁵, о «поверстной и указной книгах» Ямского приказа⁶. Уже после окончания университета были опубликованы исследования: о «мостовых и решеточных деньгах» в Новгороде и Москве в XVII в.⁷, а также этюды, предоставленные изданиям «кормленной книги Костромской четверти»⁸, «писцовой и

переписной книги» по Нижнему Новгороду⁹, «записной книги» крепостным актом дьяка Алябьева¹⁰, «отрывок из дела о сборе земли, дров и денег на емчужное дело с погостов Новгородских пятин XVI в.»¹¹, «веревой книги Николаевского Корельского монастыря 1707 г.»¹².

На четвертом курсе молодой историк стал заниматься историей Московского государственного строя. Исследования по этой теме продолжались и после окончания в 1886 г. университета. В 1890 г. Лаппо-Данилевский защитил магистерскую диссертацию «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований», которая вышла отдельной книгой и вызвала большой интерес. Обширную рецензию на нее по поручению Академии наук дал П.Н. Милюков. Работа А.С.Лаппо-Данилевского по признанию рецензента, стала одним из «самых замечательных явлений в русской исторической литературе»¹³.

Проблема, поставленная в исследовании Лаппо-Данилевского, в той или иной степени затрагивалась в работах видных отечественных историков. Однако его труд существенно отличался от предшествующих работ прежде всего широтой поставленной темы. Автор не ограничился разбором происхождения и видов прямых налогов, порядка облажения, их раскладки и взимания, а дал обзор общественных условий, на почве которых возникла организация прямого обложения. В работе была рассмотрена история финансовых приказов, а также поставлен вопрос, куда поступали прямые налоги и как они распределялись по центральным учреждениям.

Вторая отличительная особенность работы состояла в обилии документального материала. Автор не только воспользовался всеми вышедшими к моменту написания работы печатными источниками, но и привлек значительное количество материала, разбросанного по многочисленным малодоступным провинциальным изданиям, — губернским ведомостям, памятным книжкам, ежегодникам статистических комитетов. Благодаря этому в научный оборот были введены несколько важных документов — данные о количестве отписанных в посадское тягло дворов и людей. Особое значение имел рукописный материал — из московских архивов министерства юстиции и министерства иностранных дел, а также из Публичной библиотеки в Петербурге.

Одним из основных рукописных источников для работы

Лаппо-Данилевского явились писцовые книги. В русской исторической и юридической литературе, до появления этой работы не было ни одного исследования, где бы с такой обстоятельностью рассматривались писцовые книги, как историко-юридический источник вообще, и где бы так много было на них основано. В книге детально была показана разновидность писцовых книг. Своим исследованием автор опроверг точку зрения византиноведов пытавшихся доказать заимствование из Византии образцов для составления отечественных писцовых книг¹⁴. Подвергая строгой критике способы и приемы составления писцовых книг, а также степень их достоверности, историк пришел к заключению, что «народные перепеси, производившиеся в Московском государстве с XV в. до второй половины XVII в., едва ли имели равные им правительственные предприятия в Западной Европе за тот же период времени»¹⁵.

Включив в работу громадное количество материала, Лаппо-Данилевский сумел с ним справиться надлежащим образом. Материал не подавил его, а послушно разместился в строго последовательном порядке по отдельным рубрикам. Системность построения книги представляет одно из ее главных достоинств. Анализ материала позволил автору построить систему финансового строя и показать тем самым существенные особенности Московского государственного и общественного строя. Главной задачей своего исследования Лаппо-Данилевский поставил изучение специфических особенностей истории русского народа, как особенного национального типа¹⁶. Автор считал, что «развитие великорусской национальности было довольно односторонним. Оно сказывалось главным образом в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил»¹⁷. Таким образом, на первый план выдвигалась история государства, что было характерно для «государственной» школы русской историографии. Эта историографическая традиция к концу 80-х годов XIX в. в значительной мере исчерпала себя. Поэтому выход работы Лаппо-Данилевского был встречен как возрождение основных положений «государственной» школы.

Развивая государственную теорию исторического процесса, движущей силой которой является «идея государства», историк находит ей поддержку в общественном сознании, в

гармонии государственных интересов и интересов народных масс. Идея государства декларируется как абсолютная ценность, которая постепенно познается общественным сознанием и выступает как самодовлеющая сила. «По мере того, как росло и крепло Московское государство, в обществе развивалось сознание тех обязанностей, какие падали на его членов», — отмечал историк и подчеркивал, что это сознание «легло в основание правительственной деятельности и нередко руководило общественной мыслью»¹⁸. Таким образом историк выступил с идеей, что исторический процесс совершается в форме развития идей, лишенных какого-либо классового содержания.

Внимание автора в работе сосредоточено прежде всего на вопросе об организации прямого обложения, как наиболее важном источнике пополнения казны, поскольку Лаппо-Данилевский считал, что финансовая политика Московского царства в XVII в. была направлена не на поощрение предпринимательской деятельности, а на обеспечение казны любыми средствами. Следует отметить и тот факт, что автор сделал попытку историческим путем объяснить происхождение прямого обложения. Рассматривая развитие прямого обложения, историк обоснованно устанавливал его связь: 1) с переменной, которая произошла во второй половине XVI в. в областной администрации, и 2) с данью, которую население восточно-европейской равнины, как завоеванное, должно было платить победителям, сперва хазарам и норманнам, а с XIII в. — татарам. Эта дань имеет доминирующее значение до самого конца XV в., преобразовавшись потом в разнообразные подати и утратив свой исконный характер. Дань — первый и первоначально единственный тип прямой подати: отсюда необыкновенная устойчивость понимания этого термина в смысле прямого налога в противоположность пошлине, косвенному налогу.

Выясняя социально-экономические условия, на основе которых складывалась организация прямого обложения, Лаппо-Данилевский показал принципы ее функционирования и влияния на общественный строй. Исследуемые явления были представлены в их динамике, определенной местными условиями древнерусской жизни¹⁹. Историк пришел к выводу, что определенная система налогов окончательно сформировалась лишь к концу XVII в.²⁰.

Выводы, к которым пришел Лаппо-Данилевский, можно свести к следующим: 1) до последней четверти XVII в. в Московском государстве не существовало строго определенной и теоретически выработанной системы налогов; 2) тягловые интересы в XVII в. составляли центр тяжести общественной жизни как в крестьянской, так и в посадской общине. Это обусловило влияние правительства на общину, которое выразилось главным образом в стремлении прикрепить тяглецов к месту; 3) подробно рассмотрев податные единицы, которыми правительство измеряло налогоспособность отдельных лиц и целых поселений, историк характеризовал единицы измерений — соху, живущую четверть и двор, а также подробно выяснил причины перехода в финансовой системе от первой из них ко второй и третьей. Автор впервые дал точное определение живущей четверти, как податной единицы, состоящей из определенного, но изменявшегося сообразно роду поместья, числа крестьянских и бобыльских дворов, служившей переходной ступенью от посотной подати к подворной; 4) на основании государственных росписей и смет автор заключил, что финансовая система Московского государства XVII в. носила чисто репарационный характер; 5) общий вывод всего исследования — связь между общей русскою государственною жизнью того времени и финансовой системой, выразившейся в постепенном поглащении частных интересов государственными, в усилении централизации и милитаризации.

После защиты магистерской диссертации изучение русской государственности в ее отношении к общественному строю стало в центре внимания исторических исследований Лаппо-Данилевского. Его внимание было направлено с одной стороны, на историю сословий, с другой — на выяснение эволюции правосознания и государственных понятий. В дальнейшем он касался лишь отдельных вопросов русской истории московского периода. В статье о «Выслуженных вотчинах в Московском государстве XVI—XVII в.»²¹ историк исследовал одно из явлений служивого землевладения, принципиально важного для истории русского поземельного права.

Исследуя экономическую историю России XVII—XVIII в., Лаппо-Данилевский особое внимание уделил проблеме ассоциаций промышленной и торговой деятельности²². В России таких исследований не было и выход работы ознаменовал

новое направление в исторической науке. По мнению автора, не внутренний ход русской жизни привел к возникновению более сложных по своей организации компаний, а они были вызваны необходимостью конкуренции с западноевропейскими торговыми и промышленными компаниями. С экономической точки зрения они (компании первой половины XVIII в.) оказались довольно выгодной формой предприятия, но еще согласовались в правовом отношении и отчасти были дискредитированы в глазах русского общества беззастенчивой эксплуатацией народного богатства, а также чрезмерным покровительством государственной власти. Несмотря на ее содействие, компании на первых порах не могли приобрести того общественного и политического значения, какое союзы подобного рода имели в Западной Европе, а во второй половине XVIII столетия «лишились и выгодной им поддержки со стороны русского правительства»²³. В торговых и промышленных компаниях Лаппо-Данилевский усмотрел одну из форм организации общественных сил, в которых проявлялось возникающее начало «личности» и ее взаимодействие с государством.

В «Очерке истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России»²⁴ Лаппо-Данилевский показал, как сложились эти разряды и как они в XVIII столетии получили большую правовую определенность и сословное значение. Историк выступил против резкой сословной градации и необоснованных привилегий, полученных дворянством после ревизии 1718-1727 г., и показал рост деспотизма господ по отношению к крестьянству, подчеркнув, что этот гнет «послужил одною из причин крестьянских волнений против помещиков»²⁵.

В центре научных интересов Лаппо-Данилевского постепенно стал преобладать период царствования Екатерины II. Его больше не интересовала история учреждений и общественных сословий — на первый план вышла история идей. Екатерининская эпоха привлекала его внимание тем, что в ней он увидел истоки формирования в русском образованном обществе идеи эмансипированной личности, чему способствовало влияние западноевропейского просвещения. Лаппо-Данилевский задумал написать на эту тему докторскую диссертацию «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее полити-

ки». Однако работа над ней так и не была завершена. Собранный историком материал был опубликован в виде статей.

Исторические труды Лаппо-Данилевского, посвященные XVIII в. рассматривали русское право в развитии; именно в этом ключе написана работа «Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование Императрицы Екатерины II»²⁶. Правительство подготовило «Описание внутреннего правления Российской Империи», сходное с полным собранием законов. Предприятие это однако не увенчалось успехом; по мнению историка, главным образом по двум причинам: вследствие опалы князя Вяземского, под руководством которого составлялось «Описание», и вследствие перемены взглядов Императрицы на задачу внутренней политики.

Обстоятельный очерк состояния русского образования в XVIII в. дан в статье о И.И. Бецком. В ней были также рассмотрены принципы системы воспитания²⁷. Особую роль в просвещении российского общества историк отводил деятельности Екатерины II.

Одним из лучших очерков Лаппо-Данилевского о царствовании Екатерины II по праву можно назвать «Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II»²⁸. В сжатом изложении автор дает полный обзор внутренней политики самодержицы. По его мнению императрица в первую половину своего царствования пыталась осуществить взаимную связь между престолом и гражданами, положив в основу «народное благосостояние»²⁹. Историк особое внимание уделил идее законности, как основной идее Екатерины II, и ее стремлению «возродить правовые отношения сословных групп друг к другу и к государственной власти»³⁰. Однако эта идея потерпела поражение, причины которого остались не выясненными в исследовании.

Продолжением темы правления императрицы Екатерины II стала работа, посвященная крестьянскому вопросу³¹. Под влиянием крепостнически настроенного дворянства, интересы которого императрица боялась сколько-нибудь затрагивать, видя в нем опору монархии, она стала думать не о постепенном осуществлении реформы, а только об ограничении крепостного права³². В итоге, как отмечает исследователь, дело свелось к секуляризации церковных имений и приравниванию прикрепленных к ним крестьян к государственным. Крепостной строй Екатерины II не был реформи-

рован, а, напротив, даже укрепился и распространился на новые территории. Восстание Пугачева вместо того, чтобы побудить правительство к реформе, вызвало применение насилия и преобладание реакционного элемента в политике по крепостному вопросу. Были ограничены и права граждан в самом обсуждении этого вопроса. Надежды большинства населения на просвещенного монарха не оправдались³³.

Определенный вклад Лаппо-Данилевский внес и в разработку истории Малой Руси — исследованиями по истории князя Болеслава-Юрия II³⁴. Историк обнаружил исчезнувший оригинал грамоты Болеслава-Юрия 1325 г. и тем самым пополнил коллекцию галицко-волынских грамот.

Историографические исследования очень сложны потому, что, как справедливо отмечал С.Л. Пештич, «историография является в значительной степени обобщением истории гуманитарных наук. Историю исторической мысли нельзя изучать без истории философии, истории политических учений, истории вспомогательных исторических дисциплин и многого другого»³⁵. Именно в таком ключе к проблемам историографии и подошел Лаппо-Данилевский. Эти работы представлены в виде рецензий и статей. Постепенно они были опубликованы в «Очерке развития русской историографии»³⁶.

В последние годы своей научной деятельности Лаппо-Данилевский вернулся к теме идеи государства и ее развития в России. На основании сделанных им подготовительных работ он исследовал те перемены, какие произошли в понятии об отношении между государством и подданными до и после эпохи преобразований³⁷.

Особое внимание было уделено дипломатике частных актов Московского периода. Вместе со своими учениками академик составил научный каталог всех изданных документов подобного рода. В числе собственных его работ по сфрагистике и дипломатике можно назвать его монографию о печатях Галицко-Владимирских князей и их советников XIV в.³⁸, а также исследование о «служивых кабалах позднейшего типа», в котором он предложил новый метод анализа формуляра и его разновидностей³⁹.

В последние месяцы своей жизни Лаппо-Данилевский приступил к написанию лекций «Очерков русской дипломатии частных актов». Очерк сложился в теснейшей связи со

всей его научной и педагогической деятельностью и стал результатом практических занятий по «дипломатике частных актов Московского государства», читаемых в Санкт-Петербургском университете с 1903 г. Однако к печати была подготовлено только треть материала⁴⁰, остальную представлял только первоначальную редакцию. Работа по воспроизводству незавершенной части сделал его ученик А.И. Андреев. Остальная часть не подвергалась тщательной авторской обработке и издавалась в первоначальной редакции. Оглавление в рукописи отсутствовало, и его составил также А.И. Андреев.

Вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку огромен, сделанное им поражает своим размахом и фундаментальностью. Но как ни странно, самый главный труд, труд всей его жизни так и не был им завершен. Речь идет о его докторской диссертации — «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Это исследование явилось основой, вокруг которой группировались все работы Лаппо-Данилевского по русской истории. По верному замечанию А.Е. Преснякова, правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку без учета этой книги просто невозможно⁴¹.

В исторической науке целая плеяда исследователей ставила и разрабатывала сложнейшие проблемы истории русской культуры. Лаппо-Данилевский также обратился к этой теме и нашел свой подход к богатейшему и тогда еще практически неизученному материалу. В проблематике истории культуры он смог соединить воедино свои разнообразные дарования и интересы.

Одновременно с Лаппо-Данилевским историей русской культуры занимался и П.Н. Милюков. В своем четырехтомном обобщающем труде по истории русской культуры он проследил развитие государственных и общественных институтов. Главный его тезис сводился к следующему положению, что история культуры должна охватывать «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»⁴². П.Н. Милюков одним из первых попытался дать представление о русской культуре как о системе, охватывающей все стороны жизни общества. Во главу угла развития русской культуры он ставил борьбу различных влияний — восточного и западного.

В отличие от П.Н. Милюкова, Лаппо-Данилевский не разрабатывал теоретических основ своей концепции культуры. Однако в своей «Методологии истории» он уделил большое внимание развитию истории культуры как специальной научной дисциплины, с которой начался «век просвещения». Так же, как и П.Н. Милюков, он предрерживался точки зрения, что развитие культуры в России шло в борьбе восточного и западного направлений.

Постоянное недовольство уже сделанным и как следствие — расширение, уточнение, дополнение написанного, не позволили Лаппо-Данилевскому завершить работу полностью, остановили уже было намечавшееся издание книги. «Это исследование, — отмечал Г.В. Вернадский, — не было напечатано только вследствие чрезвычайной, в данном случае, прямо можно сказать, чрезмерной ученой щепетильности и мнительности Александра Сергеевича, желавшего достичь идеальной, предельной точности и отделки своего труда и потому не сдававшего его в печать, хотя, кажется, он уже давно — более десяти лет — был совершенно к печати готов»⁴³.

Первая часть работы была в основном закончена к середине 1900 г., а вся она вчерне готова к 1906—1907 гг. Однако, активная переделка текста продолжалась вплоть до 1911 г., когда Лаппо-Данилевский предполагал начать печатать первый том — «Вводный», охватывающий только XVII в., до эпохи преобразований. Но и это намерение выполнить не удалось, в эти годы внимание ученого переключилось на другие темы.

В 1917—1918 гг. Лаппо-Данилевский возвратился к идее опубликовать сделанное, совместно со своими учениками он предпринял необходимые действия. И хотя, по свидетельству Г.В. Вернадского: «Александр Сергеевич никому или почти никому не читал хотя бы отрывок этого труда; немногим он и говорил об этом своем исследовании; о нем передовались только слухи»⁴⁴. При жизни историка работа так и не была опубликована. Только в 1990 г. вышла в свет первая часть исследования Лаппо-Данилевского «История политических идей в России XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» под заголовком «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII веков».

Для одних ученых наука — профессиональное занятие, для других — возвышенное удовольствие, и для очень не-

многих в науке — вся жизнь. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский принадлежал к числу этих последних. Он жил для науки и в науке искал и находил смысл и озарение своей жизни. Всей своей жизнью и научной работой он дал образец беззаветного служения науке, служения чуждого всяким посторонним интересам. В нем всегда чувствовалось напряжение научной мысли.

Научное наследие Лаппо-Данилевского как в области изучения истории, так и в области исследования философских проблем далеко еще не полностью изучено и оценено. В архивах Академии наук хранятся рукописи ученого, никогда еще не видевшие своего читателя. Более двух третей созданного им за годы научной деятельности еще не издано, и следовательно его имя еще не открыто до конца.

Примечания

¹ См.: Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинениях В.И.Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. № 5. С. 21-38; Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. № 9. С. 66-109; Русская промышленная политика в XVIII в. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1886. № 5. С. 143-149.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. IV. СПб., 1887. С. 352-543. В 1887 г. вышло отдельное издание этой работы.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Древности кургана Карагодеушх, как материал для бытовой истории прикубанского края в IV-III вв. до Р.Х. Исследования // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 8. СПб., 1893.

⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* О величине дворовых и огородных мест древне-русского города по некоторым данным первой половины XVII века // Записки Императорского Русского Археологического Общества. Новая серия. СПб., 1888. Т. III. Вып. 3-4. С. 307-316.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Какое значение имели «приправочные» книги в XVII веке? // Библиограф. 1889. № 8-9. С. 167-169.

⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Поверстная и указная книги Ямского приказа // Библиограф. 1890. № 9-10. С. 93-107.

⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* «Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII в. // Записки Императорской Акаде-

мии Наук по Историко-филологическому Отделению. Т. V. № 4. СПб., 1902.

⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Кормленая книга Костромской четверти 1613-1627. СПб., 1894. С.I-XXV.

⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду // Русская Историческая Библиотека. Т. XVII (сборный). СПб., 1898.

¹⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записная книга крепостным актам XV-XVI вв. явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская Историческая Библиотека. Т. XVII (сборный). СПб., 1898.

¹¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отрывки из дела о сборе земли, дров и денег на «емчужное дело» с погостов Новгородских пятин XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1888-1894. Вып. XI. СПб., 1900. С. 232-239.

¹² Записка А.С. Лаппо-Данилевского: «Веревная книга «Николаевского Корельского монастыря. 1707 г.» // Летопись занятий Археолографической комиссии за 1902 г. Вып. XV СПб., 1905. С. 19-21.

¹³ *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рец.: на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890 // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1893. № 7. С. 203.

¹⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 180.

¹⁵ Там же. с. 240.

¹⁶ Там же. С.1.

¹⁷ Там же. С. 501-502.

¹⁸ Там же. С. 501.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI-XVII в. // Историческое Обозрение. 1891. Т III. С. 109-133.

²² *Лаппо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.

²³ Там же. С. 123.

²⁴ См.: Крестьянский строй. Сборник. Т. 1. СПб., 1905. С.1-156.

²⁵ Там же. С. 123.

²⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование Императрицы Екате-

рины II // Журнал министерства Народного Просвещения. 1897. № 1. С. 1-59; № 3. С. 132-168; № 5. С. 60-82; № 12. С. 365-390.

²⁷ См.: И.И. Бецкой и его система воспитания, отзыв А.С. Лаппо-Данилевского о сочинении П.Н. Майкова: «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Записки Императорской Академии Наук по Историко-филологическому Отделению. Т. VI. № 7. Отчет о сорок четвертом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1904. С. 117-177.

²⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Императрица Екатерина II (Очерк внутренней политики) // Космополис. 1897. Т. VII. № 1 (июль). С. 48-69; № 2 (август). С. 92-111; Т. VIII. № 1 (октябрь). С. 28-48. В 1898 г. очерк вышел отдельным изданием под названием «Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II». СПб., 1898.

²⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С.3.

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Екатерина II и крестьянский вопрос // Великие реформы. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 1. М., 1911. С. 163-190.

³² Там же. С. 166-167.

³³ Там же. С. 189-190.

³⁴ См.: Болеслав-Юрий II, князь Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб., 1907.

³⁵ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 5.

³⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. № 6.

³⁷ L'idée de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles du XVII-eme siecle jusqu'aux reformes du XVIII-me // Essays in legal history read before the International Congress of historieal studies held in London. Oxford. 1913. pp. 356-383; русский перевод статьи с незначительным сокращением см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5-38.

³⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Печати последних Галицко-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 211-311.

³⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Служивые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатиле-

тия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719-764.

⁴⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции читаемые слушателями «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920.

⁴¹ *Пресняков А.Е.* Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 97-98.

⁴² *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 5-е издание. СПб., 1904. Ч. 1. С. 3.

⁴³ *Вернадский Г.В.* А.С.Лаппо-Данилевский, как историк России XVIII в. // Известия Таврической ученой археологической комиссии. Симферополь. 1919. № 56. С. 159.

⁴⁴ Там же.

Е. А. Ростовцев (Санкт-Петербург)

НАСЛЕДИЕ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В настоящем докладе в тезисном виде попытаемся проследить судьбы наследия А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной исторической литературе. Следует заметить, что в историографии уже существует ряд работ, дающих разной степени полноты обзор литературы о Лаппо-Данилевском. Отличительной чертой этого очерка является стремление показать влияние идей Лаппо-Данилевского на отечественную науку, их судьбу в непростых условиях общественной и научной жизни XX века.

Прежде всего, несколько слов о том «наследии», которое оставил российской и мировой науке Лаппо-Данилевский.

Создание научно-исследовательской программы Лаппо-Данилевского началось в последнее десятилетие XIX в. – годы становления его как ученого. Ее формулирование проходило в напряженной идейной и институциональной борьбе с двумя основными парадигмами, существовавшими в отечественной исторической науке конца столетия, – направлением В.О. Ключевского и его школы («московская историческая школа») и направлением «старшего поколения петербургской школы» (В.Г. Васильевский, К.Н. Бестужев-Рюмин), идеи которого наиболее успешно и последовательно развивал в начале XX в. С.Ф. Платонов¹, по-существу, соединивший в своей исследовательской программе традиционную методологию петербургской школы с проблематикой исследований московской школы.²

В создании системы исторического знания Лаппо-Данилевский опирался на опыт российской и мировой исторической науки. Лаппо-Данилевскому удалось интегрировать в созданную им систему методологии истории достижения современной ему науки: методической школы³, психологической школы В. Вундта, герменевтики В. Дильтея, Баденской школы философии истории. В этом смысле школа Лаппо-Данилевского далеко выходит за рамки национальной на-

уки. В тоже время научно-теоретические изыскания Лаппо-Данилевского были обусловлены тем исследовательским опытом, который был накоплен несколькими поколениями ученых петербургской исторической школы. Сам принцип «индивидуализирующего знания» положенный в основу структуры методологии истории неразрывно был связан с исследовательской практикой петербургской школы⁴. Тем не менее, новаторские научно-теоретические взгляды Лаппо-Данилевского внесли «раскол» в прежние «монолитные ряды» школы, и с конца 1890-х – 1900-х гг. начался процесс формирования двух направлений петербургской исторической школы – эмпирического и теоретического. При этом, правда, следует учитывать, что несмотря на существенные различия в подходе к проблемам методологии истории представителей теоретического и эмпирического направлений петербургской исторической школы, их объединяло общее представление о «восстановлении прав источника и факта вне зависимости от историографической традиции» (хрестоматийное определение А.Е. Преснякова). Именно этот общий взгляд на ремесло историка позволил Лаппо-Данилевскому широко сотрудничать в 1900-1910-х гг. с представителями эмпирического направления петербургской школы, прежде всего, в области научно-критического издания источников. Неслучайно и то, что после смерти Лаппо-Данилевского в 1919 г. и изменения историографической ситуации, когда возможности для развития теоретического направления «школы» были исчерпаны, происходит стихийное объединение его бывших представителей (учеников и последователей Лаппо-Данилевского) вокруг системы учреждений Академии наук, где в начале 1920-х гг. лидирующее положение занял С.Ф. Платонов.

Напомним, основные положения системы Лаппо-Данилевского. Свой подход к задачам исторической науки Лаппо-Данилевский сформулировал в своей основной теоретической работе – в «Методологии истории»⁵. Ведущий принцип исторического исследования, предлагаемый учёным, – идиографический, понимаемый им как восхождение от единичного к общему. Эту иерархию исследовательских процедур Лаппо-Данилевский относил как к теории истории («общая методология истории»), так и к методам исторического изучения («специальная методология истории»).

Согласно Лаппо-Данилевскому, «под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле, следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду», при этом данное воздействие выступает как индивидуальное. С этих позиций строилась и выдвигаемая Лаппо-Данилевским последующая группировка исторических фактов, в том числе «состояния культуры», «исторических рядов», «систематического» и «эволюционного» целого, и, наконец, «историческое целое». В результате мировая история виделась Лаппо-Данилевскому как «великая индивидуальность человечества». В системе Лаппо-Данилевского основой исторического построения являются причинно-следственные элементы факта: комбинируя элементы и группируя исторические факты, историк осуществляет историческое построение. В ходе исторической группировки историк распределяет факты по качественным признакам в исторические ряды. Тот или иной исторический ряд определяет расположение фактов в систематическом целом (расположение в пространстве) или эволюционном целом (расположение во времени). Их наложение друг на друга создает картину исторического целого, искомой части мирового целого (мирового космоса, бытия — в понимании Лаппо-Данилевского). Для понимания значения факта в историческом целом Лаппо-Данилевский соотносил их с абсолютными ценностями (этического характера) и таким образом рассматривал мировую историю как реализацию собственных этических идеалов. В то же время, предлагая методологический инструментарий для практики исторического исследования, ученый в какой-то степени освобождался от догматического элемента, связанного с неокантианской философией истории. Для изучения «относительного целого» (т. е. предмета конкретного исследования) Лаппо-Данилевский вводил принцип отнесения фактов к относительной ценности (общепризнанной или обоснованной). Этот методологический принцип универсален: элементы фактов рассматриваются с точки зрения их функционального значения и в зависимости от цели исследования. В результате группировки элементов возникает относительное целое, центральный исторический ряд фактов которого определяется по той или иной относительной ценности.

Система источниковедения Лаппо-Данилевского целиком была основана на теоретических посылках, данных в его общей методологии. Понятие источника следовало из двойного понимания природы источника как факта и показания о факте и основывалось на определении исторического факта «как воздействия сознания данной индивидуальности на среду». Факты, обладавшие свойствами «исторической ценности» и «действенности», Лаппо-Данилевский называл фактами с историческим значением. Соответственно исторический источник – «есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением». От этого определения строилась система классификации исторических источников и методов их изучения, которые включали в себя интерпретацию (установление объективного психического значения источника) и критику (установления научно-исторической ценности источника). Последняя заключала в себе критику источника как факта и показаний о факте. Получаемые в ходе источниковедческого анализа результаты позволяли определить позицию как источника, так и восстанавливаемого с его помощью факта в системе исторического (относительного) целого, руководствуясь изложенными выше принципами группировки исторических фактов. Теоретические взгляды Лаппо-Данилевского в области методологии истории неразрывно связаны с его работами в области дипломатики частного акта и археографии, а также оказали прямое воздействие и на формулирование им концепции национальной истории и на выбор основного предмета своих научных занятий в области истории России – истории XVIII в. Теоретизированный подход к историческому знанию Лаппо-Данилевского и его школы предопределил их разногласия с учеными эмпирического направления петербургской исторической школы (С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, И.М. Гревс и др.) в области дипломатики, археографии, а отчасти и в сфере концептуального осмысления исторического процесса. Элементы неокантианской философии в теории истории Лаппо-Данилевского, на которые справедливо указывают многие исследователи, с нашей точки зрения, имеют скорее методологическое (и в этом смысле вспомогательное) значение в конструируемой им системе исторического знания⁶.

Итак, центром эмпирического направления стала шко-

ла С.Ф. Платонова, а теоретического – школа Лаппо-Данилевского. Соперничество этих двух школ в первые десятилетия XX в. было обострено из-за напряженных личных отношений их лидеров. Организационной базой развития эмпирического направления и школы С.Ф. Платонова стал Историко-филологический факультет Петербургского университета. Материальной основой теоретического направления и школы Лаппо-Данилевского явилось Историко-филологическое отделение Академии наук.⁷ В первой половине 1910-х гг. Лаппо-Данилевский завершил создание основных элементов научно-организационной базы и научно-исследовательской программы своей школы. Ученый в целом завершил формирование своей методологической концепции, начал серию коллективных научных работ, призванных способствовать ее реализации. К середине 1910-х гг. вокруг Лаппо-Данилевского образовалась многочисленная группа учеников и последователей. В то же время ему не удалось ни привлечь к своему научному направлению наиболее видных представителей петербургской и московской школ, ни реализовать абсолютное большинство собственных научных проектов. С нашей точки зрения, это было связано как с конструктивными недостатками, так и с методологической новизной системы исторического знания Лаппо-Данилевского. Определенное значение имело и то обстоятельство, что основным центром подготовки научных кадров оставался Петроградский университет, где лидирующее положение занимали представители эмпирического направления во главе с С.Ф. Платоновым. Последовательное проведение методологической системы Лаппо-Данилевского в исследовательской практике (осуществление его научно-исследовательской программы) по существу означало бы масштабную научную революцию, превращение истории в «строгую науку». Будучи ученым огромной эрудиции, Лаппо-Данилевский для решения этой задачи попытался синтезировать весь современный ему опыт европейской философской и социологической мысли, но так и не смог достичь этой цели. Наиболее последовательный и полный критический анализ идей и научной деятельности Лаппо-Данилевского провел ученик С.Ф. Платонова А.Е. Пресняков, указавший на основной уязвимый пункт в системе Лаппо-Данилевского – нерешенность вопроса об априорных формах сознания (которые на

самом деле не априорны, а историчны). Однако следует учитывать, что вопрос о природе человеческого сознания и принципиальной невозможности адекватного постижения «чужой одушевленности» (выражаясь языком Лаппо-Данилевского) – самый болезненный для исторической науки вопрос, который не решен по сей день. Проблема культурного релятивизма, как известно, является одной из самых сложных и дискутируемых в философии науки XX в. Попытка построения единых методов и структуры исторической науки на базе идиографического знания, тем не менее, оказалась весьма продуктивной. Результатом деятельности Лаппо-Данилевского и его школы стало создание системы дипломатики частного акта⁸, выработка научно обоснованных археографических правил⁹, принципов научно-критического издания и критики исторических источников¹⁰. В этом смысле деятельность Лаппо-Данилевского, направленная на утверждение «идеала научности» в сфере исторического познания, оказалась успешной. Можно сказать, что хотя смерть ученого и внешние факторы (революция и утверждения марксистского диктата в науке) прервали становление «науки Лаппо-Данилевского», масштабы его «научного наследия» впечатляют. Поэтому кажется закономерным, что в течение всего XX в. творчество Лаппо-Данилевского являлось не только предметом изучения, но и оказывало постоянное влияние на развитие научной мысли. Попробуем наметить основные, с нашей точки зрения, этапы этого процесса.

Первый этап (1887–1919 гг.), главным образом, связан с текущими откликами на работы ученого. Наиболее значительные из них принадлежат Ф.Г. Мищенко¹¹, П.Н. Полевому¹², П.Н. Милюкову¹³, С. Ф. Платонову¹⁴, Н.И. Карееву¹⁵, А.И. Кизеветтеру¹⁶, Т.И. Райнову¹⁷, Н.Д. Кондратьеву¹⁸ и другим ученым. Благодаря работам этих авторов в научной литературе утверждается взгляд на Лаппо-Данилевского как на представителя историко-юридической школы и неокантианского направления в теории истории.

Эти идеи получили развитие и на *втором этапе* анализа его творчества (1919–1922 гг.), который связан с подведением итогов творческого пути ученого. Среди авторов наиболее ценных работ этого периода, посвященных Лаппо-Данилевскому, – И.М. Гревс¹⁹, С.Ф. Ольденбург²⁰, Н.И. Кареев²¹,

Б.А. Романов²², А.И. Веретенников²³, Л.П. Карсавин²⁴, С. Н. Валк²⁵, А.И. Андреев²⁶, С.Н. Чернов²⁷ и другие.

Один из наиболее значительных научных оппонентов (и одновременно друзей) покойного академика А.Е. Пресняков собрал воедино все высказанные к тому времени наиболее важные суждения о деятельности Лаппо-Данилевского и добавил от себя много оригинального и ценного²⁸, что позволило ему создать наиболее цельный и содержательный очерк о Лаппо-Данилевском (1922)²⁹. Изложение А.Е. Преснякова строится с позиций его представлений о петербургской исторической школе и неприятия позиций историко-юридической школы, которую А.Е. Пресняков в данном случае отделял от московской. Автор особо отметил независимость Лаппо-Данилевского, как от петербургской исторической школы (под которой им понималась школа С.Ф. Платонова)³⁰, так и от московской (В.О. Ключевского)³¹. Кроме того, А.Е. Пресняков противопоставил позицию представителя московской школы П.Н. Милюкова позиции Лаппо-Данилевского как представителя историко-юридической школы³². Так же, как и другие авторы, А.Е. Пресняков отметил влияние на Лаппо-Данилевского философии неокантианства, прежде всего Г. Риккерта и В. Виндельбанда³³. А.Е. Пресняков определил центральный пункт методологии истории Лаппо-Данилевского об «абсолютных ценностях» как догматический и метафизический³⁴, хотя и признал его методологическую обусловленность³⁵. По его словам, Лаппо-Данилевский вводит понятие «абсолютных ценностей» в «методологически обусловленной форме», показывая их логическую необходимость для построения исторического знания. А.Е. Пресняков далее заметил, что введение понятия «абсолютных ценностей» «служит очевидно и другой цели: сознательному уяснению и обоснованию представления об абсолютных ценностях и их роли в исторической действительности». А.Е. Пресняков утверждал, что эти «течения его мысли (методологическое и морально-догматическое) неотделимы: раз этические ценности имманентны сознанию, они реальный фактор того психического процесса, в котором суть коллективной исторической жизни, а в то же время, понятие о них – необходимая категория в построении исторического знания»³⁶. Проанализировав, таким образом, центральное теоретическое положение «Методологии истории», А.Е. Пресняков обра-

тил внимание на те методологические проблемы, которые с ним связаны. Отмечая, что главное своеобразие «Методологии истории» Лаппо-Данилевского состоит в том, что он вводит в построение теории исторического знания априорный элемент этического характера, А.Е. Пресняков считал, что этот «догматический элемент» оказался «нерастворимым для всего напряжения критической мысли»³⁷. Указав на целевое и методологическое единство различных сторон творчества Лаппо-Данилевского³⁸, А. Е. Пресняков подчеркнул своим изложением зависимость сознания А. С. Лаппо-Данилевского от определенной культурной традиции³⁹ и, как следствие, историографической традиции (историко-юридической)⁴⁰. По А. Е. Преснякову, нерешенность вопроса об эволюции априорных форм сознания вообще – слабый пункт во всей методологии и мировоззренческой позиции Лаппо-Данилевского, применимый и к нему лично⁴¹. Все это дало возможность историографу осторожно намекать на ограниченность выводов Лаппо-Данилевского как историка⁴². А.Е. Пресняков первый в литературе представил схему русской истории Лаппо-Данилевского в контексте его историософской системы⁴³. А.Е. Пресняков проследил органическую связь этического и познавательного элемента в системе Лаппо-Данилевского, отметил единство его научно-методологических взглядов в области теории истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин и археографии.

Таким образом, достижением этого периода стало формирование в историографии целостного образа Лаппо-Данилевского. «Научно-психологический» подход Лаппо-Данилевского к историческому знанию являлся новаторским для русской науки начала века. Концепция Лаппо-Данилевского была критически воспринята и представителем «психологически-интуитивистского» направления в историографии Л.П. Карсавиным и одновременно получила неоднозначную оценку историков-позитивистов. В частности, теоретический подход Лаппо-Данилевского к вопросам исторического знания был критически оценен такими видными представителями петербургской школы, как И.М. Гревс и А.Е. Пресняков. Критика методологической системы Лаппо-Данилевского с позитивистских позиций в 1910–1920-е гг. свидетельствовала отчасти и о неприятии самого принципа теоретического подхода к историческому знанию со стороны пред-

ставителей эмпирического направления петербургской исторической школы.⁴⁴

Для рассмотрения судеб наследия Лаппо-Данилевского в отечественной науке особо значимы труды одного из самых известных его учеников – С.Н. Валка. Мы объединили в нашем рассмотрении серию аналитических суждений С.Н. Валка о дипломатическом методе Лаппо-Данилевского и его школы⁴⁵. Благодаря работам С.Н. Валка, Лаппо-Данилевский признан в литературе как основатель русской школы дипломатики частного акта⁴⁶. Это суждение С.Н. Валк высказал уже в первом кратком отклике на «Очерк дипломатики частного акта»⁴⁷. В той же рецензии С.Н. Валк указал и на то, что в «Очерке русской дипломатики частных актов» Лаппо-Данилевского получили развитие общие принципы «Методологии истории»⁴⁸. В очерке «Воспоминание ученика» С.Н. Валк основное внимание уделил истории дипломатического семинария Лаппо-Данилевского. По его словам, существовало две группы («правая» и «левая») в семинарии и кружке по изучению частных актов⁴⁹. Из изложения С.Н. Валка, по всей видимости, следует, что в ходе эволюции семинара изменялся и характер «оппозиционности» двух групп по отношению друг к другу. Вначале «библиографы» («правая»), связывающие свои задачи с исторической практикой, противостояли теоретикам акта («левая»). Затем, по мере работы над актами и развития теории, положение менялось: «Путь пройден был не малый, от наивного библиографического сознания к принципиально-обоснованному. На место случайного состава записи становился другой – целеобусловленный»⁵⁰. Автор давал понять, что вместе с Лаппо-Данилевским принадлежит к лагерю «теоретиков». Благодаря мысли «теоретиков», согласно С.Н. Валку, лучше почувствовали себя именно «практики», т. е. работники «того психологического склада, что более склонен к библиографическому типу работы... . Вот научно-психологический момент, создавший в процессе непрерывного и систематического труда нашу правую и питавший ее»⁵¹. Но движение вперед «левой», вдохновляемое Лаппо-Данилевским, продолжалось. Автор так оценивал научные позиции членов кружка Лаппо-Данилевского на момент его распада: «Если для части из нас дипломатика приобретала такое независимое значение области самостоятельных проблем, то из

остальных одни продолжали тяготеть к исходным точкам – к собственно историческому исследованию со стремлением лишь служебно понять роль акта (они то и стали нашим центром), другие же поняли дипломатику своеобразно, независимо от истории собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего клазуального анализа акта (наша же правая)⁵². Замечания, приведенные в «Воспоминании ученика», соответствовали точке зрения о расхождении в семинаре Лаппо-Данилевского, высказанной С.Н. Валком двумя годами позднее – в другой рецензии на «Очерк дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского⁵³. Однако в статье 1922 г. Лаппо-Данилевский выступает скорее как представитель «правой», т.е. чуждой рецензенту точки зрения⁵⁴. На наш взгляд, в действительности Лаппо-Данилевский в «Очерке дипломатики частных актов» синтезировал позиции участников кружка. Сам С.Н. Валк отмечал, что, несмотря на разногласия членам кружка, «все яснее становилось, что научно мы несомненно представляем что-то единое»⁵⁵, но одновременно сводил это общее к абстрактным категориям единства «в пределах абсолюта», понимании «этического императива», научного дела⁵⁶ и объединения самой личностью Лаппо-Данилевского⁵⁷. Проводимая в «Воспоминании ученика» и рецензии 1922 г. сепарация взглядов участников семинара объективно подготавливала основания для вызревания формально-эволюционной концепции С.Н. Валка, преодолевающей установки методологии источниковедения Лаппо-Данилевского⁵⁸.

Начиная с 1923 г., процесс историографического изучения научной деятельности Лаппо-Данилевского зависел от политической и идеологической конъюнктуры, которая определяла историографическую ситуацию. Комплексное изучение творчества Лаппо-Данилевского было прервано, что ознаменовало переход к его *третьему этапу* (1923–1929 гг.), в ходе которого в исторической литературе впервые был применен подход к творчеству ученого, подразумевавший обособленное рассмотрение различных его сторон. Если «Методология истории» Лаппо-Данилевского была объявлена историками-марксистами (М.Н. Покровский⁵⁹, В.И. Невский⁶⁰) в качестве книги, не представлявшей теоретического интереса, то его методология источниковедения рассматривалась в работах представителей старой школы

(С.Н. Валк⁶¹, А.И. Андреев⁶²) как достижение европейской исторической мысли.

С изменением политической и историографической ситуации в начале 1930-х гг. (в ходе «Академического дела» 1929–1931 гг.)⁶³, была предпринята попытка комплексного подхода к рассмотрению работ Лаппо-Данилевского с позиций марксизма-ленинизма (М.М. Цвибак⁶⁴, С.Г. Томсинский⁶⁵), что привело к общей отрицательной оценке его творчества. Тогда же С.Н. Валк предпринял попытку отделить «Методологию истории» от методических идей Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и археографии⁶⁶. На наш взгляд, таким образом ученый хотел оградить школу своего учителя от репрессий. В то же время формальный подход к дипломатике частного акта С.Н. Валка лучше позволял приспособить «школу Лаппо-Данилевского» к марксистской исторической науке. Этот период (1930 – середина 1930-х гг.) может рассматриваться как *четвертый этап* изучения творчества Лаппо-Данилевского. В конце 1920-х гг., по справедливому замечанию одного из исследователей советской историографии, марксистская историческая наука превратилась «не только в господствующую, но и в единственно разрешенную»⁶⁷. Не случайно, что одновременно с новым витком политических обвинений и репрессий против «старой школы» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. предпринимаются попытки создания новой марксистской «методики» исторического исследования, призванной сменить методiku «буржуазных историков». При этом под методологией исследования понимались теоретические положения марксизма (истмат и диамат), а под «методикой» — скорее, техника исторического исследования⁶⁸. Среди работ, посвященных «методике», наиболее фундаментальный характер имели пособия Г.П. Саара и С.Н. Быковского. Оба автора не могли обойти вниманием и труды «буржуазных» предшественников, прежде всего, Лаппо-Данилевского. Г.П. Саар в основу своей работы «Источники и методы исторического исследования» (1930) прямо ссылаясь на Лаппо-Данилевского, положил предложенное им определение предмета методологии истории и ее структуры (теория исторического знания и методы исторического изучения, распадающиеся на источниковедение и построение), цитируя его в предисловии наравне с Ф. Энгельсом и В.И. Лениным⁶⁹. При этом Г.П. Саар

заявлял, что «для нас не подлежит никакому сомнению, что единственной научной теорией исторического знания является исторический материализм»⁷⁰. Неким рассуждением на тему исторического материализма является и параграф, посвященный историческому построению, однако источниковедение изложено Г.П. Сааром под очевидным влиянием Лаппо-Данилевского. Более непримиримую позицию по отношению к дореволюционным предшественникам в области методологии истории занял С.Н. Быковский. Показательно, однако, что в рассуждениях о системе исторической критики (а именно им посвящена большая часть книги «Методика исторического исследования») автор в основном следует за «буржуазными» предшественниками, в том числе и Лаппо-Данилевским.⁷¹

В середине 1930-х гг. отношение к наследию дореволюционной историографии со стороны власти меняется. С 1934 г. (после постановления ЦК ВКП(б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР⁷²) началась перестройка всей системы отечественной исторической науки. Ее глубинными причинами были изменения в идеологии советского тоталитаризма, которая все большее значение уделяла роли государства и нации в функционировании политического режима. Поэтому *пятый этап* изучения творчества Лаппо-Данилевского (середина 1930-х – 1948 гг.) можно уверенно связать с частичной реабилитацией историко-юридической школы в советской исторической науке. В это время в работах Г.Е. Кочина⁷³ и Н.Л. Рубинштейна⁷⁴ был возрожден принцип раздельного изучения разных аспектов творчества Лаппо-Данилевского – резкая критика «буржуазных» теоретических взглядов Лаппо-Данилевского в области методологии истории соседствовала с признанием его заслуг в области конкретно-исторических исследований и специальных исторических дисциплин. В предисловии к «Правилам издания документов XVI-XVII вв.» (1936)⁷⁵ их авторы (Б.Д. Греков, В.Г. Гейман, К.Н. Сербина, Н.С. Чаев, Р.Б. Мюллер) отметили, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» стали «до известной степени, основой и отправным пунктом в разработке» подготовленного ими руководства⁷⁶. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. более позитивным стало отношение к наследию Лаппо-Данилевского и в высшей школе. Так, ученики Лаппо-Данилевского А.А. Шилов и А.И. Андреев, преподавав-

шие в Москве в Историко-архивном институте (ИАИ), читали курсы по археографии⁷⁷ и источниковедению «по Лаппо-Данилевскому»⁷⁸. Под несомненным влиянием методологии источниковедения Лаппо-Данилевского составлен курс источниковедения другого преподавателя этого института и в недалеком будущем ожесточенного критика Лаппо-Данилевского – Л.В. Черепнина (1946)⁷⁹. Развитие советской исторической науки в области археографии связывал с наследием Лаппо-Данилевского С.Н. Валк, который пришел к выводу, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» Лаппо-Данилевского «далеко превзошли все западноевропейские правила издания документов»⁸⁰. В работе «Советская археография» (1948) С.Н. Валк подчеркнул, что этот труд Лаппо-Данилевского стал «несомненным образцом для всех последующих наших работ по составлению правил издания документов»⁸¹.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. политический режим вернулся к политике «закручивания гаек», начался новый виток репрессий против интеллигенции. Одним из элементов гонений, обрушившихся на общество и науку, была кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом. Большой размах она приобрела в Ленинграде: было сфабриковано «Ленинградское дело», началось преследование редакционных коллективов журналов «Звезда» и «Ленинград», развернулась настоящая травля ученых-гуманитариев. Особый удар был направлен против ленинградских историков старой школы (учеников С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова) через политическую дискредитацию их учителей⁸². С разгромными статьями о творчестве А.А. Шахматова и А.Е. Преснякова выступили В.Т. Пашуто⁸³ и Л.В. Черепнин⁸⁴. В этом контексте следует рассматривать и другую статью Л.В. Черепнина «А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед» (1949 г.)⁸⁵. Не случайно в статье Л.В. Черепнина содержатся обвинения Лаппо-Данилевского в политической ангажированности и в «буржуазном космополитизме», идеологическая критика предшествующих исследователей творчества Лаппо-Данилевского (И.М. Гревса, А.Е. Преснякова, М.Н. Покровского, Н.Л. Рубинштейна, С.Н. Валка) и его учеников (С.Н. Валка, А.И. Андреева и ошибочно или умышленно причисленного к ним Б.А. Рома-

нова)⁸⁶. В ней один из будущих лидеров официальной историографии потребовал от советских историков комплексного анализа творчества Лаппо-Данилевского, вслед за М.М. Цвибаком, призвав к объединенному рассмотрению «Методологии истории» и других произведений ученого⁸⁷. Анализ творческой деятельности Лаппо-Данилевского был проведен автором по очевидному политическому заказу с позиций марксистско-ленинской идеологии. Л.В. Черепнин утверждал, что религиозно-мистическое воспитание Лаппо-Данилевского в университете переросло в формирование «историка-идеалиста реакционного типа»⁸⁸, а это привело в конце концов его на «крайне правое место в лагере официальной буржуазной историографии»⁸⁹. Согласно Л.В. Черепнину, заняв такие позиции, Лаппо-Данилевский разработал систему неокантианской методологии истории, которая отражала настроения буржуазии в годы «стольпинской реакции»⁹⁰. Л.В. Черепнин считал, что «Методология истории» напрямую связана с трудами Лаппо-Данилевского по дипломатике частного акта, а также с его конкретно-историческими работами. По мнению Л.В. Черепнина, «ошибочные» установки «Методологии истории» (ее второго выпуска – «Методологии источниковедения») даже усиливаются в «Очерке русской дипломатики частных актов», где Лаппо-Данилевский «сделал попытку применить свои теоретические взгляды к разработке проблем актового источниковедения»⁹¹. Это выразилось в неокантианской гносеологии Лаппо-Данилевского, рассматривавшего источники (в том числе, частные акты) как источники и как явления⁹². На наш взгляд, Л.В. Черепнин, по сути, приспособил построения и выводы предшествующих авторов (прежде всего, А.Е. Преснякова) к задачам, вызванным идеологической и политической конъюнктурой. Можно заключить, что позитивистская критика методологических оснований творчества Лаппо-Данилевского получила в изложении Л.В. Черепнина официозную интерпретацию. С этой точки зрения, автор не внес в свой синтез принципиально нового содержания. Статья Л.В. Черепнина носила характер приговора творчеству Лаппо-Данилевского. Она предопределила негативные оценки творчества ученого, которые давались в литературе общего характера (учебных пособиях, энциклопедиях) на *шестом этапе* (1949 – конец 1950-х гг.) изучения. В то же время «приговор» Л.В. Череп-

нина (1949 г.) был основной причиной того, что историографы по существу не решались вернуться к исследованию творчества историка вплоть до конца 1950-х гг. Таким образом, в 1920–1940-е гг. в исторической литературе возникли две тенденции в подходе к творчеству историка. Первую можно назвать «тенденцией С.Н. Валка», которая была связана со стремлением отграничить «идеалистическую» теорию истории Лаппо-Данилевского от других его работ и тем самым определить место наследия ученого в советской исторической науке. Вторую тенденцию можно назвать «тенденцией М.М. Цвибака – Л.В. Черепнина». Она была связана со стремлением к комплексному историографическому анализу работ ученого и реконструкции системы его научно-методологических взглядов. В условиях господства в науке догматического марксизма такой подход неизбежно приводил к отрицательной оценке всего творчества Лаппо-Данилевского.

Начало *седьмого этапа* (конец 1950-х – 1990 гг.) — изучения творчества Лаппо-Данилевского связано с относительной либерализацией исторической науки во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., вызванной политической «оттепелью» в СССР. На этом этапе вновь преобладал подход к творчеству ученого, подразумевавший обособленное рассмотрение различных его сторон («тенденция С.Н. Валка»), что позволяло исторической науке положительно оценивать и использовать отдельные элементы научного наследия Лаппо-Данилевского. В 1960 – 1980-е гг. «тенденция С.Н. Валка» претерпела изменения, которые выразились в том, что ее последователи разделились на сторонников двух точек зрения. Приверженцы первой позиции признавали заслуги Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта, но отрицали теоретические установки его методологии источниковедения. Ученые, придерживающиеся другой точки зрения, пусть и с оговорками, обусловленными идеологической ситуацией советского времени, соглашались с принципами как дипломатики, так и методологии источниковедения Лаппо-Данилевского. Достижением исторической науки этого времени (работы С. Н.Валка,⁹³ С.М. Каштанова⁹⁴, О.М. Медушевской⁹⁵, Л.Н. Хмылева⁹⁶, Г.М. Иванова⁹⁷, А.Т. Николаевой⁹⁸, А.П. Пронштейна⁹⁹, В.М. Панеяха¹⁰⁰, А.И. Копанева¹⁰¹, И.А. Голосенко¹⁰², С.П. Рамазанова¹⁰³, О.В. Синицына¹⁰⁴ и других) являлся подробный анализ работ А.С. Лаппо-

Данилевского в области техники исторического исследования, дипломатики частного акта и методологии истории. Большой интерес представляют и работы Г.Д. Алексеевой¹⁰⁵, Р.А. Киреевой¹⁰⁶, А.С. Кана¹⁰⁷, Л.В. Ивановой¹⁰⁸, А.Н. Цамутали¹⁰⁹, С.В. Чиркова¹¹⁰ и других авторов. Однако исследование различных сторон ученой деятельности историка было ограничено постоянным идеологическим контролем, делавшим невозможным объективный историографический синтез.

В качестве иллюстрации противоречивости восприятия советской историографией этого периода творчества Лаппо-Данилевского остановимся на двух сюжетах: дискуссии вокруг значения его «Методологии источниковедения» (раздел «Методологии истории») и разработке основанной им системы дипломатики частных актов.

Одним из основных инициаторов позитивного пересмотра творчества Лаппо-Данилевского стал С.М. Каштанов, который с начала 1960-х гг. обратился к изучению его творчества в области источниковедения. В начале он также в целом следовал «линии Л.В. Черепнина», будучи автором раздела «Источниковедение» во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (1960 г.)¹¹¹. Однако уже в 1962 г. С.М. Каштанов существенно скорректировал позицию, выступив совместно с А.А. Курносковым с протестом против «односторонней оценки таких крупных буржуазных источниковедов, как А.А. Шахматов и Лаппо-Данилевский», данной в упомянутом учебнике В.И. Стрельского¹¹². На это сразу же последовала реакция Л.В. Черепнина, который повторил тезис о том, что вся «Методология истории» «проникнута единой теорией неокантианства, для нас неприемлемой»¹¹³. С тех же позиций охарактеризовала «Методологию истории» и С.И. Якубовская, подчеркнув, что «эта книга, основанная на идеалистической концепции отражала кризис буржуазной историографии»¹¹⁴. В 1966 г. к анализу теории источниковедения Лаппо-Данилевского впервые обратилась О.М. Медушевская. В это время вслед за своим учителем Л.В. Черепниным исследовательница придерживалась марксистско-ленинской традиции системного взгляда на творчество Лаппо-Данилевского и, как следствие, крайне негативного к нему отношения. Оценивая «методологию источниковедения» Лаппо-Данилевского, О.М. Меду-

шевская считала, что в этой работе «источники берутся вне связи с общественными условиями, которыми они вызваны к жизни, без учета авторства и происхождения»¹¹⁵. Однако «восстановить» «табу» на изучение наследия Лаппо-Данилевского Л.В. Черепнину и его сторонникам не удалось. Дело в том, что к середине 1960-х гг. либерализация исторической науки дошла и до проблем теории и методологии истории. Знаковым фактом стало совещание Секции общественных наук Президиума АН СССР, проходившего в январе 1964 г. В докладе П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева ставилась задача преодоления догматического подхода к теории истории, который связывался с культом личности И.В. Сталина, М.Я. Гефтер обосновывал различие между «историческим материализмом и собственно методологией истории» с ее «специфическим» материалом, в выступлениях А.В. Гулыги и М.Б. Храпченко подчеркивалось значение категории «ценности» в историческом исследовании¹¹⁶. Итогом заседания стало принятие постановления Президиума Академии наук Союза ССР (Секция общественных наук) «О разработке методологических вопросов истории», в котором предлагалось усилить разработку вопросов теории и методологии истории¹¹⁷. «Методологии истории» как научной дисциплине была возвращена легитимность, в 1964 г. создан сектор методологии института Истории АН СССР¹¹⁸, с конца 1960-х гг. стали выходить первые обобщающие труды по «марксистской» методологии истории¹¹⁹, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вышел в свет целый ряд сборников статей по проблемам методологии и теории истории, в которых рассматривались различные, в том числе дискуссионные вопросы¹²⁰. Примечательно, что сам по себе факт дискуссий по проблемам исторической методологии после десятилетий «теоретической немоты» прямо связывался их участниками с установками XX съезда КПСС и осознанием «отставания теории истории от конкретного исследования»¹²¹. Участник одной из методологических дискуссий тех лет, В.С. Городецкий, прямо признался, что он «ровно пятьдесят лет тому назад в последний раз работал в семинаре по методологии истории академика Лаппо-Данилевского» и с тех пор к этим вопросам не возвращался¹²². Признание того факта, что единую марксистскую теорию истории еще предстоит создать¹²³, по существу, означало отказ от прежнего методологического догматиз-

ма эпохи «Краткого курса»¹²⁴. Вообще теоретические споры, которые вели советские философы и методологи (Б.Ф. Поршнев, А.И. Ракилов, К.Д. Петряев, Л.А. Журавлев, А.В. Гулыга и др.) в конце 1960-х – 80-е гг. по поводу различных элементов марксистской мифологии истории (теория, методология, методика) создавали более благоприятный фон для интерпретации взглядов представителей «немарксистской историографии». В частности, появилась возможность для постепенного смягчения позиции советских философов и историков по отношению к теоретическому наследию дореволюционной науки, в частности, к историко-методологическим работам Лаппо-Данилевского. В оценке дискуссий 1960-х – начала 1970-х гг. можно согласиться с А.Я. Гуревичем, который заявил, что «их освобождающее и стимулирующее воздействие на интеллектуальную жизнь было огромно: многое из догматизма сталинской эпохи было отброшено или пересмотрено»¹²⁵. В то же время следует подчеркнуть, что процесс переосмысления теоретических идей «буржуазных историков» был долгим и трудным и встречал многочисленные препятствия. В 1969 г. в сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» было помещено несколько статей, затрагивавших методологические аспекты творчества Лаппо-Данилевского, прежде всего, его методологию дипломатики частного акта. Статьи С.О. Шмидта¹²⁶ и Б.Г. Литвака¹²⁷ можно отнести к традиции конструктивной критики системы дипломатики Лаппо-Данилевского, начатой С.Н. Валком¹²⁸. Авторы этих статей отделяли дипломатику частного акта от «идеалистической чепухи» (методологии источниковедения)¹²⁹. К этому направлению следует отнести и статью С.М. Каштанова «Предмет задачи и методы дипломатики», помещенную в том же сборнике¹³⁰. В конце концов, даже непримиримому оппоненту Лаппо-Данилевского Л.В. Черепнину в 1973 г. пришлось признать, что его критика в статье 1949 г. носила «односторонне негативный характер» и объяснить это как задачами науки того времени, так и «общим направлением, в котором иногда происходили научные дискуссии». В то же время Л.В. Черепнин настаивал на том, что проведенный им «критический пересмотр взглядов Лаппо-Данилевского имел позитивные результаты»¹³¹. Л.В. Черепнин обоснованно указал на основу разногласий в советском источниковедении: «...существу-

ют два взгляда. Согласно одному из них, можно говорить о классовом характере исторической науки, но непропорционально это делать в отношении конкретно-исторических приемов... Согласно другому взгляду, исторические концепции и источниковедческие приемы нельзя рассматривать изолированно. Направление и характер источниковедческой работы, использования тех или иных методов зависит от идейных представлений, от мировоззрения историка»¹³². К сторонникам первого взгляда Л.В. Черепнин отнес своих оппонентов С.О. Шмидта и Б.Г. Литвака, которые положительно отзывались о «методике» исторического исследования Лаппо-Данилевского в упомянутом сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» (1969)¹³³. Несомненно, эти замечания свидетельствуют о том, что к середине 1970-х гг. традиция системного отрицания творчества ученого утрачивала свои позиции. В этой связи интересен и отклик М.А. Варшавчека на полемику Л.В. Черепнина с С.О. Шмидтом и Б.Г. Литваком. В статье «О структуре исторической критики» М.А. Варшавчик подробно рассмотрел проблему соотношения «методологии» и «методики». В частности, автор отметил, что «проблема соотношения методологии и методики если не возникла в литературе, то во всяком случае приобрела остроту именно в связи с вопросом об отношении к источниковедческому наследию крупных буржуазных ученых – А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматова и др. Возникла потребность объяснить, почему при явно ошибочных мировоззренческих – теоретических и методологических позициях эти ученые могли разработать методики, во многом сохраняющие свою ценность и воспринятые советскими источниковедами»¹³⁴. Автор попытался ответить на поставленный вопрос, учитывая зависимость «методики» от «методологии», т.е. формально с позиции Л.В. Черепнина. М.А. Варшавчик предложил весьма своеобразную, «казуистическую» трактовку творчества дореволюционных историков: «мы воспринимаем от прошлых исследователей, хотя они и стояли на позициях не материалистического, а идеалистического понимания истории те наблюдения, которые объективно отражают диалектику реального исторического процесса, которые, если можно так выразиться, объективно диалектичны»¹³⁵. Показательно, что в 1975 г. Л.Н. Пушкарев предпринял любопытную попытку связать

источниковедческие достижения Лаппо-Данилевского с влиянием марксизма и тем самым создать теоретическое обоснование их признанию в советской науке¹³⁶.

Наибольшее влияние наследие Лаппо-Данилевского оказало на работы советских ученых в области дипломатики частного акта. Характерны в этом отношении труды такого видного медиевиста, как С.М. Каштанов. Наиболее обстоятельно свою позицию С.М. Каштанов изложил в учебнике по дипломатике¹³⁷. Автор высказал серьезные критические замечания в адрес Лаппо-Данилевского: упреки в «делках с принципами юридической школы»¹³⁸, в недостаточной связи акта с общественными отношениями¹³⁹, в «формальных приемах исследования»¹⁴⁰ и т. п. В то же время С.М. Каштанов не объяснил, что именно он отвергает в методологии Лаппо-Данилевского. Автор показал, как Лаппо-Данилевский сочетал принципы типизации и развития формуляра¹⁴¹, отметил вспомогательную роль юридического метода в системе анализа актов¹⁴², положительно оценил базовый принцип изучения актов как источника и как явления¹⁴³ и в целом схему источниковедческого исследования, предложенную Лаппо-Данилевским¹⁴⁴. Видимо поэтому, заключая очерк о дипломатике Лаппо-Данилевского, С.М. Каштанов сделал своеобразное пояснение своей позиции: «Работы А.С. Лаппо-Данилевского и его школы, разумеется, не решили всех вопросов дипломатики конкретных разновидностей актов, хотя и внесли в нее существенный вклад. Остались без удовлетворительного ответа и некоторые общие вопросы дипломатики частных актов: проблема достоверности их содержания, метод исследования социальных причин создания актов и др. Теория публично-правового акта совсем выпала из сферы интересов школы А.С. Лаппо-Данилевского»¹⁴⁵. Таким образом, это пояснение становится в некотором роде программным для трудов самого С.М. Каштанова, который развивал систему Лаппо-Данилевского в указанных областях¹⁴⁶.

Восьмой этап анализа творчества Лаппо-Данилевского связан с возвращением исторической науки к нормальным условиям своего существования (с 1990 г.). С теми коренными изменениями в исторической науке, которые были связаны с отказом от идеологической установки в исследовательской работе, начался новый этап изучения творчества Лаппо-Данилевского. Он ознаменовался выходом в свет пер-

вой части неопубликованной докторской диссертации Лаппо-Данилевского «История русской общественной мысли и культуры...»¹⁴⁷. Это издание предваряет статья ответственного редактора А.И. Клибанова «А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель»¹⁴⁸. Вслед за А.Е. Пресняковым и Л.В. Черепниным А.И. Клибанов подчеркнул монистичность научного творчества Лаппо-Данилевского, которую он понимал как следование во всех областях научной деятельности общим принципам и целям. Вслед за историками предшествующего времени А.И. Клибанов отметил существование кризиса в русской историографии рубежа веков, но расценил его как «целительный»¹⁴⁹. Автор проанализировал философские «корни» «Методологии истории», детально рассмотрев философию истории Г. Риккерта. Переходя к анализу философских взглядов Лаппо-Данилевского, А.И. Клибанов отметил схожесть его идей антропокосмизма с понятием ноосферы, разрабатывавшемся в трудах В.И. Вернадского. Автор считал полезными многие методологические идеи Лаппо-Данилевского для современного исследователя. А.И. Клибанов обратил внимание на чувство неуверенности, ощущение зыбкости цивилизации, охватившие общество во время создания «Методологии истории», оценивая ее состояние как благоприятную атмосферу для появления исторической теории такого типа, с «верховными» ценностями, неподвластными бурным историческим временам¹⁵⁰. Формально оставаясь на марксистских позициях, автор тем не менее уважительно отзывается о методологических достижениях Лаппо-Данилевского. Характер статьи А.И. Клибанова отражал состояние исторической науки в период отказа от господства марксистско-ленинской идеологии и связанной с ней системы методологических координат.

Переходное состояние, связанное с отказом от марксистско-ленинской идеологии, отразилось и в книге А.П. Пронштейна «Источниковедение в России. Эпоха капитализма» (1991 г.)¹⁵¹. Автор изложил вслед за Г.М. Ивановым и Л.Н. Хмылевым содержание методологии источниковедения Лаппо-Данилевского и отметил многочисленные достоинства этого труда, согласившись фактически со всеми его положениями¹⁵². В то же время А.П. Пронштейн ошибочно сводил понятие «общепризнанной ценности» в представлении Лаппо-Данилевского к «истине, добру и красоте» и утверждал, что уче-

ный «все же не выходил за пределы неокантианского подхода к возможности познания исторического процесса»¹⁵³.

Крах прежних идеологических установок, произошедший в начале 1990-х гг., породил у многих историков ощущение методологического кризиса исторической науки. Одним из направлений поиска выхода из него стало обращение к дореволюционному наследию русской исторической науки, в частности к личности и работам Лаппо-Данилевского.

В вышедшем в 1993 г. курсе лекций А.Л. Шапиро по русской историографии автор пересмотрел свое прежнее отношение¹⁵⁴ к творчеству Лаппо-Данилевского. Интересно его замечание о том, что современная историческая наука использует вслед за Лаппо-Данилевским специальную дисциплину – «аксиологию», которая занимается проблемами отнесения фактов и явлений к «ценности»¹⁵⁵.

Т.И. Хорхордина в работе, посвященной истории архивного дела в советское время (1994 г.), уделила немало внимания деятельности Лаппо-Данилевского на посту председателя Российского союза архивных деятелей в 1917–1919 гг. и показала как выдающуюся роль Лаппо-Данилевского в деле спасения отечественных архивов, так и непримиримые противоречия, существовавшие между ним и режимом, пришедшим к власти в октябре 1917 г., коснувшись личных разногласий, существовавших между Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым и их школами относительно подходов в организации архивного дела¹⁵⁶.

Тема сложных отношений С.Ф. Платонова и Лаппо-Данилевского также затрагивалась в работах М.Б. Свердлова¹⁵⁷ и В.С. Брачева¹⁵⁸. В очерке, посвященном творчеству А.Е. Преснякова, М.Б. Свердлов уделил внимание отношениям этого историка с Лаппо-Данилевским¹⁵⁹. Таким образом, начинает разрабатываться важная проблематика взаимоотношений историков петербургской школы.

В 1994 г. научная общественность отмечала 75-летие со дня кончины академика Лаппо-Данилевского. В связи с этой датой Археографическая комиссия провела заседание памяти Лаппо-Данилевского. Оно явилось поводом для подготовки ряда докладов о деятельности ученого. Впоследствии эти доклады были опубликованы в виде статей в Археографическом ежегоднике за 1994 г. В числе их авторов: С.О. Шмидт, О.М. Медушевская, В.П. Корзун, С.В. Чирков, А.А. Алек-

сандров, Ф.Г. Тараторкин, И.Л. Беленький, Л. Н. Простоволосова¹⁶⁰.

Если большинство этих статей посвящены отдельным сторонам творчества Лаппо-Данилевского и опираются на работы Н.И. Кареева, А.Е. Преснякова, И.М. Гревса, С.Н. Валка и других авторов 1910-х – начала 20-х гг., то статьи С.О. Шмидта и О.М. Медушевской содержат попытку создания целостного представления о творчестве А.С. Лаппо-Данилевского.

В статье С.О. Шмидта была намечена «проблематика некоторых разделов в предстоящем изучении творчества и биографии А.С. Лаппо-Данилевского»¹⁶¹. В числе определенных автором направлений будущих исследований – изучение феномена научной школы Лаппо-Данилевского, его личных и творческих отношений с В.И. Вернадским, философских и научно-теоретических работ, трудов по историографии, источниковедению, изучение его общественно-политической деятельности¹⁶².

Многоплановой и обобщающей явилась статья О.М. Медушевской, в которой мировоззрение Лаппо-Данилевского рассматривается в контексте всемирного гуманитарного знания¹⁶³. Используя наблюдения Н.И. Кареева, Т.И. Райнова, А.Е. Преснякова и других о «строгой научности» системы Лаппо-Данилевского, об интегрирующем разные науки подходе «системного познания» в его методологии и о главенствующей роли «сознания» в теории Лаппо-Данилевского, О.М. Медушевская поставила цель показать, что «парадигма гуманитарного познания Лаппо-Данилевского» отвечает на «запросы современной гуманитаристики», которая «стремится быть строго научной» и «консолидироваться в единую науку о человеке». С нашей точки зрения, спорным является то, что автор приравнивал значение номотетического и идиографического подходов в системе Лаппо-Данилевского, в то время как сам ученый их строго разграничивал (в общей методологии истории)¹⁶⁴, не допуская никакого «синтеза»¹⁶⁵ (выражение О.М. Медушевской) этих подходов, а методы (специальная методология истории: методы исторического построения) сочетал, отводя номотетическому методу вспомогательную роль. На наш взгляд, не вполне верно была передана О.М. Медушевской и суть идиографического метода Лаппо-Данилевского. Его основное значение все-таки не в

выяснении особенностей «частей» «через рассмотрение объекта как целостности»¹⁶⁶ (как это было представлено О.М. Медушевой), а именно в построении «исторического целого» через отнесение индивидуальных свойств «частей» к определенной ценности (ключевое понятие «Методологии истории», вообще выпавшее из поля зрения автора статьи). В другой работе, появившейся в печати в том же году, О.М. Медушевская высказала внутренне противоречивое суждение о том, что источниковедческие представления Л.В. Черепнина, изложенные им в упомянутой разгромной статье (1949 г.) против Лаппо-Данилевского, являются «дополняющими» источниковедческую систему Лаппо-Данилевского. На взгляд О.М. Медушевой, они дополняли методологию Лаппо-Данилевского определением исторического источника как «продукта общественной борьбы и социальных противоречий эпохи»¹⁶⁷. С нашей точки зрения, очевидно, что определение источника, данное с позиций отрицания методологии источниковедения Лаппо-Данилевского, никак не могло дополнять его источниковедческую систему.

В 1996 г. вышла статья А.Н. Нечухрина и С.П. Рамазанова, посвященная Лаппо-Данилевскому. В статье предпринята ценная попытка комплексного осмысления научного творчества историка. В то же время, авторы находились под определенным влиянием историографической литературы (прежде всего, работ А.Е. Преснякова, И.М. Гревса, Н.И. Кареева и Л.Н. Хмылева). Видимо поэтому в тексте статьи содержатся наблюдения, которые отчасти можно охарактеризовать как противоречивые. К их числу можно отнести: тезис о позитивистских тенденциях во взглядах Лаппо-Данилевского до 1905 г. и о критике концепции Конта в 1902 г.; положение о споре с Г. Риккертом и следование ему в вопросах о разграничении методологии естествознания и истории и методе отнесения факта к ценности как ведущего в историческом исследовании; утверждение о главенстве идиографического метода у Лаппо-Данилевского и тезис о «сочетании» его с номотетическим; заключение о выражении неокантианских идей в конкретно-исторических трудах Лаппо-Данилевского и положение о «принципиальном сходстве» позитивистского и неокантианского этапов его творчества. Вообще, авторы, возможно под воздействием предшествующей литературы, отождествляли «обоснованные» и «абсо-

лютные» ценности, связывали методологию истории Лаппо-Данилевского с его «религиозным умонастроением», с политической ситуацией и т. п.¹⁶⁸.

О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева написали учебник по методологии истории, в котором основывались на собственной интерпретации базовых идей теории истории Лаппо-Данилевского (1997 г.)¹⁶⁹. Целый ряд положений методологии истории Лаппо-Данилевского содержится и в учебнике по источниковедению для вузов, подготовленным коллективом авторов (И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская) и вышедшем в свет в 1998 г.¹⁷⁰.

К рассмотренным выше общим обзорам деятельности Лаппо-Данилевского примыкают многочисленные работы, посвященные отдельным аспектам творчества историка. Объектом внимания были такие темы, как университетские курсы А.С. Лаппо-Данилевского (Р. А. Сидельников¹⁷¹, Е.Р. Ольховский¹⁷²), Лаппо-Данилевский и московская историческая школа (А.Н. Цамутали¹⁷³, В.П. Корзун¹⁷⁴), Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа (Н.И. Приймак¹⁷⁵), конкретные исторические труды Лаппо-Данилевского (С.Н. Погодин¹⁷⁶, Н.А. Трапш¹⁷⁷), историографическое наследие Лаппо-Данилевского (О.В. Синицын¹⁷⁸, В.П. Корзун¹⁷⁹, С.Н. Погодин¹⁸⁰), археографические предприятия ученого (Е.М. Добрушкин¹⁸¹, С.В. Чирков¹⁸², А.А. Александров¹⁸³, Ф.Г. Тараторкин¹⁸⁴, Н.И. Приймак¹⁸⁵), его археологическая деятельность (И.Л. Тихонов¹⁸⁶), научно-организаторская работа Лаппо-Данилевского в Академии наук (В.Д. Есаков¹⁸⁷), его международная научная деятельность (Н.И. Приймак¹⁸⁸), методология и философия истории Лаппо-Данилевского (Т.И. Калистратова¹⁸⁹, А.А. Курносков¹⁹⁰, И.Л. Беленький¹⁹¹, Л.Н. Хмылев¹⁹², Н.М. Дорошенко¹⁹³, К.В. Хвостова и В.К. Финн¹⁹⁴, О.В. Синицын¹⁹⁵, В.В. Берус¹⁹⁶, С.П. Рамазанов¹⁹⁷, М.Ф. Румянцева¹⁹⁸, А.В. Малинов и С.Н. Погодин¹⁹⁹, О.М. Медушевская²⁰⁰, Н.А. Трапш²⁰¹, О.Ф. Русакова²⁰², М.А. Колеров²⁰³, Ф.В. Николай²⁰⁴) наследие А.С. Лаппо-Данилевского в дореволюционной историографии (А.А. Чернобаев²⁰⁵), политическая деятельность академика (В.П. Корзун²⁰⁶) и другие. Несмотря на то, что эти работы носят очерковый характер и связаны с изложением сюжетов, как правило, уже рассмотренных в литературе, их появление объективно способствует популяризации научного наследия Лаппо-Данилевского.

по-Данилевского в историографии и активизации изучения его творчества.

В 2001 г. вышла первая книга о Лаппо-Данилевском – работа А.В. Малинова и С.Н. Погодина «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001)²⁰⁷. На этом труде следует остановиться особо²⁰⁸. Ценно то, что авторы органично переработали труды своих предшественников и поместили в «Приложение» «Обзор работ посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому»²⁰⁹. Впервые в новейшей литературе составлена «Библиография основных работ о А.С. Лаппо-Данилевском»²¹⁰. С нашей точки зрения большинство выводов, к которым приходят авторы в ходе исследования заслуживают полной поддержки. А.В. Малинов и С.Н. Погодин блестяще показывают, что «А.С. Лаппо-Данилевским был накоплен и систематизирован огромный запас фактов и идей, ставших основой новых концепций», Лаппо-Данилевский был «представителем исторического идеализма», и движущей силой истории в его представлении являлось «человеческое сознание»²¹¹. Авторы аргументировано отмечают, что «творчество» Лаппо-Данилевского «вносит определенную динамику в традицию государственной школы»²¹². Вслед за А.Л. Шапиро авторы справедливо находят её в неокантианской интерпретации «государственной теории»²¹³. Заслугой А.В. Малинова и С.Н. Погодина является то, что в работе впервые освещаются такие сферы, как гимназическая и университетская деятельность Лаппо-Данилевского. Анализируя систему дипломатики Лаппо-Данилевского, С.Н. Погодин и А.В. Малинов приходят к важному выводу о том, что «применение к дипломатике некоторых категорий общего источниковедения» позволило Лаппо-Данилевскому «создать русскую школу дипломатики частных актов»²¹⁴. Переходя к обзору археографической деятельности Лаппо-Данилевского, они обоснованно уделяют внимание характеристике деятельности Лаппо-Данилевского как редактора «Грамот Коллегии экономии», задуманного в 1900 г. Важнейшей сферой академических занятий Лаппо-Данилевского стала характеристика по поручению Академии научных трудов и деятельности ученых. Авторы отмечают: «К этому вопросу Лаппо-Данилевский подходил не только критически, но и пытался подчеркнуть самостоятельность исследований»²¹⁵.

Основной вопрос, который возникает в ходе чтения ра-

боты: как связаны различные сферы в творчестве героя книги? Каков контекст той культурной реальности, в какой проходило развитие ученого? Вывод авторов о том, что Лаппо-Данилевский «стремился подвести под историческую фактичность теоретический фундамент», не вызывает сомнений. Всем ходом изложения А.В. Малинов и С.Н. Погодин аргументируют свое наблюдение о том, что для Лаппо-Данилевского «теоретические построения не имели самодовлеющего значения», а «становятся научными лишь тогда, когда соотносятся с конкретной действительностью». Авторы показывают, что для Лаппо-Данилевского «способом достижения» искомой «предметной реальности» являлся «прежде всего метод»²¹⁶. В этой связи особый интерес представляет тот раздел работы, который посвящен анализу системы методологии истории Лаппо-Данилевского²¹⁷. Вопреки устоявшемуся в историографии мнению авторы высказывают «сомнения в правоверном неокантианстве русского историка»²¹⁸. С этим следует согласиться: для Лаппо-Данилевского теоретические положения «Баденской школы» были важны лишь постольку, поскольку способствовали разработке «научно-обоснованной системы исторического знания»²¹⁹.

С нашей точки зрения, авторам, может быть, следовало бы еще более оттенить достоинства того интегрального подхода, который они применили в работе над книгой о Лаппо-Данилевском. В частности, показать сам механизм связи между конкретными положениями «Методологии истории» и системы дипломатики, системы дипломатики и археографическими правилами, показать как все это «работало» в конкретно-исторических произведениях Лаппо-Данилевского. В работе почти не использована весьма важная часть «Методологии истории» Лаппо-Данилевского – «Методология исторического построения», издание которой имеется только в литографическом варианте (упомянутое издание 1909 г., лит. Богданова²²⁰), и в результате многие важные понятия («относительная ценность», «относительное целое», «историческая группа», «исторический ряд» и др.), которые как раз связаны с приложением теоретических разработок общей методологии истории (содержание которой реконструировано авторами блестяще) к конкретному материалу, остались вне сферы внимания исследователей.

Таким образом, в течение всего XX в. творчество Лаппо-

Данилевского являлось предметом постоянного изучения. Методологические идеи Лаппо-Данилевского принимались и отрицались, развивались и подвергались критике, что свидетельствует об их постоянном влиянии на отечественную науку. Однако нельзя не отметить, что историография в течение продолжительного времени «ходит по кругу» в обсуждении тех или иных тем, повторяя суждения, высказанные на первых двух этапах (до 1923 г.) рассмотрения творчества Лаппо-Данилевского. С одной стороны, основная причина сложившейся ситуации заключается почти в полном отсутствии на протяжении длительного времени работ, которые вводили бы в научный оборот значительный по объему новый источниковый материал; с другой стороны, – в том, что современные исследователи, как правило, в своих заключениях идут исключительно за историографическими источниками, что препятствует решению задачи комплексного переосмысления феномена Лаппо-Данилевского и его школы в контексте истории исторической науки. Несмотря на то, что еще в 1910–1920-е гг. были подняты и в течение длительного времени обсуждались такие важные проблемы, как соотношение философского и исторического начал в творчестве ученого, взаимоотношения Лаппо-Данилевского и его учеников с С.Ф. Платоновым и его школой, они до сих пор не стали объектом специального исследования. В то же время, без решения этих проблем восстановление картины научной деятельности Лаппо-Данилевского и определение места его творчества в истории гуманитарной науки едва ли возможны. Поэтому одной из основных задач автора, которую он отчасти уже пытался решить в своих научных выступлениях и статьях²²¹, стало восполнение данного пробела в историографии.

Примечательно, что методологические идеи Лаппо-Данилевского и сегодня оказываются востребованными – в условиях новых вызовов, предъявляемых исторической науке, в поиске новых систем методологических координат истории вновь и вновь обращаются к классическому наследию Лаппо-Данилевского.

Примечания

¹ *Цамутали А.Н.* Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // *Историки России. XVIII – начало XX века.* М., 1996.

² Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург–Москва» // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 533–537.

³ См.: Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

⁴ Ростовцев Е.А. Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98–99. СПб., 1999. С. 412–415.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С.: 1) Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; 2) Методология истории. СПб. 1913. Выпуск II; 3) Методология истории // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1917. Ч. LXXII. Ноябрь–Декабрь; 4) Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // Известия Академии наук (далее – ИАН). 1918. VI серия. Т. XII. № 5; 5) Методология истории. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // ИАН. 1919. VI серия. Т. XII. № 6, 7, 9, 11, 13; 6) Методология истории. Пг. 1923. Вып.1; 7) Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 академическом году. Литография Богданова. [СПб., 1909].

⁶ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский как представитель Петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97 СПб., 1997. С. 413–416

⁷ См.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. Вып. I. С. 128–165.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁹ Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

¹⁰ См.: Сборник грамот Коллегии экономии. Грамоты Двинского уезда. Пб., 1922. Т. I; Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929. Т. II; Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца / Приложение к труду А.-И. Гиппинга: «Нева и Ниеншанц» с предварительной заметкой А.С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916; Наказ императрицы Екатерины II. Под ред Н.Д. Чечулина. СПб., 1907; Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду СПб., 1906. Вып. 1; [Успенский А.И.] [Предисловие с примечаниями А.С. Лаппо-Данилевского] // Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII века, сообщенные А.С. Лаппо-Данилевским и И.Н. Миклашевским // Записки АН по ИФО. 1902. Т V № 4 и др.

¹¹ *Мищенко Ф.Г.* Скифские древности. Исследование А. Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1888. Ч. ССLIX. Сентябрь. С.211-221.

¹² *Полевой П.Н.* Скифские древности. Исследование А. Лаппо-Данилевского // Исторический Вестник. 1887. Июль.

¹³ *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб, 1892. [Рец.:] А.С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

¹⁴ *Платонов С.Ф.* [Рец.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // Юридическая летопись. 1890. № 11.

¹⁵ *Кареев Н.И.* [Рец.:] А.С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. // Научно-исторический журнал.1913. № 1.

¹⁶ *Кизеветтер А.А.* А. С. Лаппо-Данилевский (к 25-летию научной деятельности) // Речь. 1915. №105. 9 мая 1915 г.

¹⁷ *Райнов Т.И.* О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского // ЖМНП. Новая серия. 1915. Март. Современная летопись. С.44-57.

¹⁸ *Кондратьев Н.Д.* Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского // Историческое обозрение. 1915. Т. XX. С. 105-124.

¹⁹ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал (далее – РИЖ). 1920. Кн. 6. С. 44-81.

²⁰ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 164-180.

²¹ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // РИЖ.1920. Кн.6. С.128-131.

²² *Романов Б.А.* А. С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.181-188. Первая речь произнесена в заседании Исторического кружка при Санкт-Петербургском университете в честь 25-летия научно-литературной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского 27 октября 1915 года (С.181), а вторая – на собрании Исторического кружка, посвященном 10-летию его деятельности и одновременно – памяти А.С. Лаппо-Данилевского 15 апреля 1919 года (С.186). Об истории подготовки и произнесения этих речей – см. статью С.Н. Чернова: *Чернов С.Н.* [Рец.:] на Русский исторический журнал, Кн.6 // Дела и дни. 1922. Кн.3. С.178-179. Ср.: *Валк С.Н.* Борис Александрович Романов // Исторические записки. 1962. Т.62. С.271.

²³ *Веретенников В.И.* Памяти дорогого учителя // РИЖ. 1920. № 6.

²⁴ *Карсавин Л.П.* Введение в историю (теория истории). Петербург, 1920. С.49-50.

²⁵ *Валк С.Н.:* 1) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // Книга и революция. 1920. № 2. С.

39-40. 2) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ. 1922. Кн. 8.

²⁶ *Андреев А.И.*: 1) Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. С. X-XII; [Предисловие] // Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922. С. I-VI, XI-XIII.

²⁷ *Чернов С.Н.* [Рец.:] Русский исторический журнал. Кн.6 // Дела и дни. 1922. Кн.3.

²⁸ *Пресняков А.Е.* 1) Памяти А. С. Лаппо-Данилевского // Исторический архив. 1919. Кн. I. 2) А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн.6; 3) Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн.6; 4) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922.

²⁹ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... .

³⁰ Там же. С.16-17, 25,

³¹ Там же. С.27-28.

³² В другом своем выступлении А.Е. Пресняков отождествлял московскую школу с историко-юридической (*Пресняков А. Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства» Пг., 1920. С. 6-7).

³³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.65, 66.

³⁴ Там же. С.7, 11, 62.

³⁵ Там же. С.10, 13, 62, 65-66.

³⁶ Там же. С.63.

³⁷ Там же. С.62.

³⁸ Там же. С.6, 13.

³⁹ Там же. С.7-9, 28, 44, 67

⁴⁰ Там же. С.73-75, 78-79, 85

⁴¹ Там же. С.7-8, 51-52.

⁴² Там же. С.52, 73. Ср.: *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С.178.

⁴³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 78-80, 86-87, 90-94.

⁴⁴ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 2000. Вып. II. С.171-248.

⁴⁵ *Валк С.Н.*: 1) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов // Книга и революция. 1920. № 2. С. 39-40. 2) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ.

⁴⁶ Таковы были уже первые оценки вышедшего «Очерка дипломатики...»: *Пресняков А.Е.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Дела и дни. Пг., 1920.

Кн.1. С.450-453; *Чернышев Е.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 53.

⁴⁷ *Валк С.Н.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // Книга и революция. С. 39-40.

⁴⁸ Там же. С.39.

⁴⁹ О школе А.С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и теоретических позициях ее участников см.: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 94-98.

⁵⁰ *Валк С.Н.* Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.191.

⁵¹ Там же. С.191.

⁵² Там же. С.192.

⁵³ *Валк С.Н.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ. С.249-257.

⁵⁴ О расхождениях во взглядах между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Н. Валком см. также: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины (далее – ВИД). Л., 1978. Т. X. С. 57-61.

⁵⁵ *Валк С.Н.* Воспоминание ученика. С.192.

⁵⁶ Там же. С.193.

⁵⁷ Там же. С.193-194.

⁵⁸ Свою концепцию дипломатики и истории древнерусского акта С.Н. Валк изложил в нескольких работах. См.: *Валк С.Н.*: 1) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ. С. 249-257; 2) Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 113-132; 3) Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.; Л., 1935. Ср.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С. 55-70.

⁵⁹ *Покровский М.Н.* О книге А.С. Лаппо-Данилевского (Методология истории...) // Под знаменем марксизма.1923. № 4-5. (послед. издание: Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.1. С. 97-104).

⁶⁰ *Невский В.И.* Рецензия на книгу А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Печать и революция. 1923. № 7.

⁶¹ *Валк С.Н.* О приемах издания дореволюционных документов // АД. 1925. Вып. III-IV. С. 74.

⁶² См.: *Андреев А.И.* О правилах издания исторических текстов // Архивное дело (далее – АД). 1926. № 5-6. С. 97-98.

⁶³ Академическое дело 1929–31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ СПб., 1993. Вып I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; СПб., 1998. Вып. II. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле.

⁶⁴ *Цвибак М.М.* Платонов и его школа. Доклад [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. №3. С. 107-108.

⁶⁵ *Томсинский С.Г.* Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 120.

⁶⁶ *Валк С.Н.* Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 114-115.

⁶⁷ *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 1920 –х гг. М.; Симферополь, 2000. С. 208.

⁶⁸ См.: *Шестаков А.* Методика исторического исследования (из опыта опытов). Воронеж, 1929. С. 7-17

⁶⁹ *Саар Г.П.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С.7-11.

⁷⁰ Там же. С.9.

⁷¹ *Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931.

⁷² Постановление ЦК ВКП (б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР // Правда. 1934. 16 мая. № 134.

⁷³ *Кочин Г.* Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сборник 2. С. 145-186.

⁷⁴ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 502-503.

⁷⁵ Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сборник 2. С. 315-331.

⁷⁶ [Предисловие] Правила издания документов XVI-XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сборник 2. С.315.

⁷⁷ См.: *Селезнев М.С.* К истории преподавания курса «Археография» в МГИАИ // Отечественные архивы (далее – ОА). 1993. № 5. С. 59.

⁷⁸ *Простоволосова Л.Н.* О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1994 г. М., 1996. С.278. Ср.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.М.* Мы учим советских людей, а не древних греков» (из истории советской исторической науки конца 1930-40-х гг.) // История СССР 1989 г. № 6. С. 92-104.

⁷⁹ См.: Черепнин Л.В. Конспект курса «Источниковедение». Составила Е.Н. Данилова. М., 1946.

⁸⁰ *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 44.

⁸¹ Там же. С.45. См. также: См.: *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ Л., 1945. С. 52-54.

⁸² Ср.: *Панеях В.М.* Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 689.

⁸³ *Пашуто В.Т.* А.А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории (далее – ВИ). 1952. №2.

⁸⁴ *Черепнин Л.В.* Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // Исторические записки (далее – ИЗ). М., 1950. Т.33. С.201-231.

⁸⁵ *Черепнин Л.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.30-51.

⁸⁶ Безусловно, при оценке статьи Л.В. Черепнина следует учитывать и то обстоятельство, что сам автор находился под сильным давлением со стороны партийных и карательных органов. В ходе кампании против «буржуазной историографии», развернутой в МГИАИ, где Л.В. Черепнин был профессором, он и сам оказался под «судом чести», будучи вынужденным оправдываться за свои идеологические «ошибки» и доказывать свою политическую лояльность перед усердствующими обвинителями (В.И. Самойловой, А.Д. Никоновым, Е.Н. Даниловой, Н.А. Елистратовым, Н.Н. Яковлевым и др.) – см.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Учебное пособие. М., 1990. С. 28-30. Ср.: *Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) // Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. Отечественная история. С. 294.

⁸⁷ *Черепнин Л.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед ...С. 32-33.

⁸⁸ Там же. С.33.

⁸⁹ Там же. С.33-34.

⁹⁰ Там же. С.42. Ср.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1 С. 5, 449-453; М.; Л., 1951. Ч.2. С.61.

⁹¹ *Черепнин Л.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед. С.47.

⁹² Там же. С.47-48.

⁹³ *Валк С.Н.*: 1) Археографическая легенда // АЕ за 1971 г. М., 1972. С.5-16; 2) Б.Д. Греков как деятель археографии // АЕ за 1958 г. М., 1960. С.223-232; 3) Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 г. М., 1970. С.22-48.

⁹⁴ *Каштанов С.М.*: 1) Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина // ВИ. 1965. №1; 2) Очерки русской дипломатики. М., 1970; 3) Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; 4) Русская дипломатика. М., 1988; Каштанов С.М., Курносов А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. М., 1962. №4.

⁹⁵ *Медушевская О.М.*: 1) Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИАИ. М., 1966. Т.24; 2) Современное зарубежное источниковедение. М., 1983; 3) Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной зарубежной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф. М.,

1979; 4) Теоретические проблемы источниковедения. Учебное пособие. М., 1977; 5) Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы М., 1969 и др.

⁹⁶ *Хмылев Л.Н.*: 1) Методологические аспекты кризиса русской либеральной русской историографии (конец XIX – 1917). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Томск, 1971; 2) Методологические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского // Доклады II конференции молодых ученых по общественным наукам. Вып. II. Томск, 1973; 3) Проблема соотношения субъекта и объекта в историческом познании в русской либеральной историографии конца XIX – начала XX века // Сб. Материалы научной конференции Томского института электроники и электронной техники (секция гуманитарных наук). Томск, 1970; 4) Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д. и. н. Л., 1985; 5) Проблемы методологии в русской буржуазной историографии конца XIX -начала XX века. Томск, 1978.

⁹⁷ *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание: (Методол. аспект). Томск, 1973.

⁹⁸ *Николаева А.Т.*: 1) Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XIX вв. М., 1975; 2) Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1988; 3) Теория и методика советского источниковедения. М., 1975.

⁹⁹ *Пронштейн А.П.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1976.

¹⁰⁰ *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики...

¹⁰¹ *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. IX.

¹⁰² *Голосенко И.А.* Неокантианские идеи в буржуазной социологии в России // Философские науки. 1979. № 2.

¹⁰³ *Рамазанов С.П.*: 1) Методологические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей // Методологические и источниковедческие вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып.14; 2) Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Томск, 1981.

¹⁰⁴ *Синицын О.В.* Соотношение истории и теории в русской буржуазной неокантианской историографии периода империализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Казань, 1983.

¹⁰⁵ *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–23 гг.) М., 1968.

¹⁰⁶ *Киреева Р.А.*: 1) Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 г. М., 1983;

2) Неопубликованные труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // Историографический ежегодник (далее – ИЕ) за 1978 г. М., 1981; 3) Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX – начала XX века // ИЕ за 1971 г. М., 1971 и др.

¹⁰⁷ *Кан А.С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

¹⁰⁸ *Иванова Л.В.* К истории союза российских архивных деятелей // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

¹⁰⁹ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

¹¹⁰ Чирков С.В.: 1) Археография и школы в русской исторической науке XVIII- начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.19-27; 2) К истории разработки правил издания исторических документов в начале XX в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.64-74.

¹¹¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С.584-585.

¹¹² *Каштанов С.М., Курносов А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. М., 1962. № 4. С. 175. Ср.: *Беленький И.Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960-1984): Аналит обзор. М., 1985. С.18.

¹¹³ *Каштанов С.М., Курносов А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. М., 1962. № 4. Обсуждение. С.188. Ср.: *Беленький И.Л.* Разработка проблем.... М., 1985. С.18.

¹¹⁴ Якубовская С.И. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР М., 1962. С.192.

¹¹⁵ *Медушевская О.М.* Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИАИ. М., 1966. Т.24. С. 5.

¹¹⁶ Тексты доклада основного доклада и выступлений участников совещания см.: История и социология. М., 1964. О «восстановлении в правах» аксиологии и понятия «ценности» в советской исторической науке см.: *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980. С. 46, 280. О понятии «ценность» в марксистской мифологии истории см.: *Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф.* Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С.66-126.

¹¹⁷ История и социология. М., 1964. С. 336-339.

¹¹⁸ *Юдельсон А.В.* Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время исторической «оттепели» // Образы историографии. Сб. статей. М., 2000. С.158.

¹¹⁹ См.: Могильницкий Б.Г. 1) Введение в методологию истории. М., 1989; 2) О природе исторического познания. Томск, 1978; *Санкевич А.В.* Методика исторического исследования. Киев, 1984 (второе изд. – Киев, 1990); *Ракитов А.И.* Историческое познание. М., 1982; *Котов В.Н.* Введение в изучение истории. Киев, 1982; *Дер-*

бов Л.А. Введение в изучение истории. М., 1981; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981; *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М., 1980; *Журавлев Л.А.* Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Петряев К.Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976; *Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1968; *Стефанов Н.* Теория и метод в общественных науках М., 1967; *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования: Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М., 1961 и др.

¹²⁰ См.: История и психология. М., 1971; Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи обсуждения. М., 1969; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М., 1969 и др.

¹²¹ См.: [Гефтер М.Я.] Вступление // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи обсуждения. М., 1969. С.5.

¹²² *Городецкий В.С.* [Выступление при обсуждении доклада А.С. Арсеньева «Историзм и логика в марксистской теории» на заседании сектора методологии Института Всеобщей истории АН СССР 6 декабря 1966 г.] // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи обсуждения. М., 1969. С.362.

¹²³ См.: *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С.14-19.

¹²⁴ См. подробнее о значении методологических поисков советских ученых: *Юдельсон А.В.* Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время исторической «оттепели» // Образы историографии. Сб. статей. М., 2000. С.147-172.

¹²⁵ *Гуревич А.Я.* Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва. 19 – 21 мая 1996 г. М., 1999. С.13.

¹²⁶ *Шмидт С.О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С.55-56.

¹²⁷ *Литвак Б.Г.* О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. С.104-105.

¹²⁸ *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 60-61.

¹²⁹ *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С.104.

¹³⁰ *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. С. 152, 165.

¹³¹ *Черепнин Л.В.* К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение

отечественной истории. М., 1973. Вып. I. С.51. Ср.: *Беленький И.Л.* Разработка проблем.... С.19.

¹³² Там же. С.36.

¹³³ Там же. С.32-36, 50-52.

¹³⁴ *Варшавчик М.А.* О структуре исторической критики // *Источниковедение отечественной истории. Сб. статей.* 1979. М.,1980. С.34.

¹³⁵ Там же. С.37.

¹³⁶ *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С.41; Ср.: *Беленький И.Л.* Разработка проблем.... С.20.

¹³⁷ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С.99-103.

¹³⁸ Там же. С.101

¹³⁹ Там же. С.99.

¹⁴⁰ Там же. С.101.

¹⁴¹ Там же. С.100.

¹⁴² Там же. С.101.

¹⁴³ Там же. С.99.

¹⁴⁴ Там же. С.102.

¹⁴⁵ Там же. С.103.

¹⁴⁶ *Каштанов С.М.*: 1) Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина // *ВИ.* 1965. №1. С.39-44; 2) *Очерки русской дипломатики*; 3) *Русская дипломатика.*

¹⁴⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. М., 1990.

¹⁴⁸ *Клибанов А.И.* А. С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв. М., 1990. С.249-280.

¹⁴⁹ Там же. С.157.

¹⁵⁰ Там же. С.268-269.

¹⁵¹ *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. Книга была сдана в печать в 1988 г см.: Александр Павлович Пронштейн. К 70-летию со дня рождения. Библиографический указатель. / Составитель Т.П. Попова. Ростов-на-Дону, 1988. С.32.

¹⁵² *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С.336. Ср.: *Мининков Н.А.* Проблемы источниковедения отечественной истории (памяти исследования А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 1999. С. 24-25.

¹⁵³ *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С.336.

¹⁵⁴ *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С.33-37, 43, 44, 108-110, 131.

¹⁵⁵ *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917. М., 1993. С. 684.

¹⁵⁶ *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.19-54. Об архивной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в 1917-19

гг. см. также: *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917-18 гг.) // ОА. 1993. №3. С.9-35; №4. С.3-27.

¹⁵⁷ *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995. С.19.

¹⁵⁸ *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1997. С.44, 45, 50-51, 53.

¹⁵⁹ *Свердлов М.Б.* А. Е. Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 510, 514, 522, 524, 529, 536.

¹⁶⁰ АЕ за 1994. М., 1996.

¹⁶¹ *Шмидт С.О.* А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже веков // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.232.

¹⁶² Там же. С. 232-236.

¹⁶³ *Медушевская О.М.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.238-255. Ср. др. работы этого автора – см. – Медушевская О.М.: 1) Источниковедение и гуманитарная культура // ОА. 1992. №4; 2) Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 1.

¹⁶⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910. Ч.1. С.291.

¹⁶⁵ *Медушевская О.М.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание. С.248.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ *Медушевская О.М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 68.

¹⁶⁸ *Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П.* Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. М. 1996. С.512-537.

¹⁶⁹ *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. Учебное пособие. М., 1997. Ср.: *Литвак Б.Г.* Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С.58-59. См. также: Методология и теория истории. Учебно-методическое пособие. Сост. О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2001; *Казаков Р.Б., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология и теория истории: Учебно-методический модуль. М., 2002.

¹⁷⁰ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998. См. также: *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996.

¹⁷¹ *Сидельников Р.А.* Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX–XX в: Сб. науч. ст. Воронеж, 1993.

¹⁷² *Ольховский Е.Р.* А.С. Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // Историческое образование на рубеже веков. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1996. С.66-69.

¹⁷³ *Цамутали А.Н.* В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. №1. С.282-289.

¹⁷⁴ *Корзун В.П.* 1) Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. №2. С.171-182; 2) Научная школа в сфере «историографического быта» (В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. Ч.1.

¹⁷⁵ *Приймак Н.И.* 1) А.С. Лаппо-Данилевский и С. Н. Валк (учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Серия 2 (История, языковедение, литературоведение). 1998. Выпуск 1; 2) А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио. Журнал для ученых. 1997. № 3; 3) А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения-96. СПб., 1996.

¹⁷⁶ *Погодин С.Н.* История России в трудах академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1919) // Клио. 1999. № 2. С.28-40.

¹⁷⁷ *Трапш Н.А.* Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 2001.

¹⁷⁸ *Синицын О.В.* 1) О возникновении неокантианского течения в русской историографии: изучение и преподавание историографии в высшей школе. Калининград, 1991; 2) Особенности развития отечественной историографии начала XX века: вопросы теории и метода // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1993. вып.1. С.88-90.

¹⁷⁹ *Корзун В.П.* Невостребованное наследие (материалы по истории науки А. С. Лаппо-Данилевского // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.255-263. Ср.: *Она же.* Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989. С.60-76. См. также: *Корзун В.П.* Историография в контексте культуры (сравнительный анализ историко-научных построений П.Н. Милюкова и А.С. Лаппо-Данилевского) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тез. XIV науч. конф. Москва, 18-19 апреля 2002 г. В честь Сигурда Оттовича Шмидта. М., 2002. С.259-262.

¹⁸⁰ *Погодин С.Н.* Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997 С.23-25.

¹⁸¹ *Добрушкин Е.М.* Основы археографии. М., 1992. С.22-23.

¹⁸² *Чирков С.В.* А. С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.263-268.

¹⁸³ *Александров А.А.* Академик А. С. Лаппо-Данилевский –

председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.268-270.

¹⁸⁴ *Тараторкин Ф.Г.* А. С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915 -1918) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.270-273.

¹⁸⁵ *Приймак Н.И.* Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения-97. СПб., 1997.

¹⁸⁶ *Тихонов И.Л.:* 1) Взгляды и труды А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научной конференции. СПб., 1997 С.15-27; 2) Деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып.2.

¹⁸⁷ *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997 Т.67. № 12. С. 1129-1139.

¹⁸⁸ *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1998. Вып.4. С.3-8.

¹⁸⁹ *Калистратова Т.И.* Историческая наука в российских университетах. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 1993. С.23-24.

¹⁹⁰ *Курносков А.А.* О месте источниковедения в системе исторических наук // Мир источниковедения. Сб. статей в честь С.О. Шмидта. М., 1994. С.10-11.

¹⁹¹ *Беленький И.Л.* К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.274-276.

¹⁹² *Хмылев Л.Н.* Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

¹⁹³ *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX–XX века). СПб., 1997.С.137-144.

¹⁹⁴ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995. С.150, 151, 158, 159, 169.

¹⁹⁵ *Синицын О.В.* 1) Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998, 2) Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Автореферат на соискание ученой степени доктора ист. наук. Казань, 2000.

¹⁹⁶ *Берус В.В.* Проблемы историографии в русском неокантианстве: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб., 1998.

¹⁹⁷ *Рамазанов С.П.:* 1) Методологический кризис в российской

историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Автореферат на соискание ученой степени д.и.н. Томск, 1995; 2) Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч. I–II.

¹⁹⁸ Румянцева М.Ф.: 1) Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // ВИ. 1999. № 8. С.138-146; 2) Философское понимание индивидуальности как предпосылка становления антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С.26-31; 3) Историческая антропология в условиях метарассказа // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С.15-21.

¹⁹⁹ Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. №4. С.33-47. См. также: Малинов А.В.: 1) Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001. С.161-170; 2) А.С. Лаппо-Данилевский // Философия в Санкт-Петербурге (1703-2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003. С.140-189.

²⁰⁰ Медушевская О.М. Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // ИЗ. М., 1999. Т.2 (120).

²⁰¹ Трапш Н.А. 1) К вопросу о генезисе историософских и методологических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. №4; 2) К вопросу об эволюции историософских и методологических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского // Проблемы отечественной истории. Тезисы докладов научной конференции, посвященный памяти профессора А.П. Пронштейна. Ростов-на-Дону, 2000.

²⁰² Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000. С.102-112.

²⁰³ Колеров М.А. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М., 2002. С.143-148.

²⁰⁴ Николай Ф.В. Методологические идеи А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной историографии. Казань, 2003. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Казань, 2003.

²⁰⁵ Чернобаев А.А. А.С. Лаппо-Данилевский в дореволюционной русской историографии // История и политика: методология, историография, практика. Материалы Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 1997 С.32-34. Ср.: Чернобаев А.А. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863-1919) // Историки России. Биографии. М. 2001. С.395-402.

²⁰⁶ Корзун В.П. Ученый и реформы государственного строя: к

характеристике общественно-политической позиции А.С. Лаппо-Данилевского // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Тезисы докладов и сообщений конференции, посвященной 135-летию со дня рождения П.А. Столыпина. Омск, 1997. С.135-140.

²⁰⁷ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. Кроме этой книги следует указать на обобщающую статью одного из авторов, посвященную А.С. Лаппо-Данилевскому: *Погодин С.Н.* Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского // ВИ. 2002. №5. С.149-160.

²⁰⁸ Более подробную характеристику этого труда А.В. Малинова и С.Н. Погодина см.: *Ростовцев Е.А.* Новый труд об академике А.С. Лаппо-Данилевском // Клио. Журнал для ученых. 2002. №4 (19). С.225-233.

²⁰⁹ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.237-251

²¹⁰ Там же. С.252-261

²¹¹ Там же. С.10

²¹² Там же. С.23

²¹³ См.: *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917. С. 579-581, 684.

²¹⁴ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С. 26

²¹⁵ Там же. С.43

²¹⁶ Там же. С.230

²¹⁷ Там же. С. 170-227

²¹⁸ Там же. С.178

²¹⁹ Там же. С.174.

²²⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. ...

²²¹ *Ростовцев Е.А.*: 1) А. С. Лаппо-Данилевский как представитель Петербургской исторической школы // Петербургские чтения-97 СПб., 1997. С.413-416; 2) [Выступление в прениях по докладу Б.В. Ананьича и В.М. Панеяха «Петербургская историческая школа и ее судьба»] // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С.70-75; 3) Учебный курс методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция-98. Тезисы докладов. Часть I. СПб., 1998. С.46; 4) Методология истории. Учебно-методическое пособие. СПб., 1998. Ч.I. Общая методология истории; 5) А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений); 6) Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С.412-415; 7) Термин «Петербургская историческая школа в историографических источниках» // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С. 415-418; 8) Историческая школа А.С. Лаппо-Дани-

- левского // Сборник научных трудов, посвященных 190-летию транспортного образования в России СПб., 1999. С. 314–319; 9) Основные этапы изучения творчества А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной историографии // Тезисы докладов научно-методической конференции, посвященной 190-летию транспортного образования. СПб., 1999. Часть I. С. 226–228; 10) Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. №4. С. 105-121; 11) М.М. Ковалевский и А.С. Лаппо-Данилевский в Академии наук // Максим Ковалевский и современная общественная мысль. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 2001. С. 51-53; 12) Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. Сб. научных работ СПб., 2001. Вып. 1. С. 135-256; 13) Направления петербургской исторической школы (А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов) // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. научных трудов. СПб., 2003. С. 7-8; 14) Теоретические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского в контексте методологии истории петербургской исторической школы // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. научных трудов. СПб., 2003. С. 21-25; 15) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в Петербургском университете // Из истории России. Сб. ст. СПб., 2003. С. 47–66.

**ИСТОРИК СРЕДИ ИСТОРИКОВ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
В ОЦЕНКЕ Н. И. КАРЕЕВА**

Николай Иванович Кареев и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский были из числа тех немногих отечественных историков конца XIX – начала XX в., которые одинаково плодотворно разрабатывали теоретико-методологические проблемы исторического познания, хотя по философско-исторической направленности векторы их воззрений и расходились. А.С. Лаппо-Данилевский был сторонником неокантианской методологии истории, Н.И. Кареев же в вопросах теории истории в целом находился в пределах позитивистской парадигмы, но по целому ряду вопросов их взгляды, как будет далее показано, были близки.

Н.И. Кареев первым из российских историков в 80-х годах XIX в. создал обобщающую работу по философии истории и «значительно раньше неокантианцев стал выяснять особенности обобщения в исторической сфере и других сферах бытия (предваряя знаменитый спор о “номотетических” и “идиографических” методах)»¹.

В «Основных вопросах философии истории» история определялась ученым как наука конкретная, имеющая в виду не общее, а единичное, с собственным именем, с обозначением места и времени, других обстоятельств, как наука, которую интересуется все индивидуальное: личность, народ, событие, процесс, то есть то, что «отмечено собственным топографическим и хронологическим указанием»².

В более поздней работе Кареев, уточняя свою прежнюю мысль, указывал, что «задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология, а в том, чтобы изучать конкретное прошлое, без какого-либо поползновения предсказывать будущее»³. На основании этого Кареев и выделял феноменологическую науку — *историю* и номологические науки: *философию, социологию, психоло-*

гию. «История и социология, — писал он, — изучают одно и то же, но только различными способами. Первая воспроизводит прошлое, вторая — открывает общие законы»⁴.

Совершенно очевидно, что эти суждения Кареева близки к некоторым постулатам неокантианской методологии, в том числе к ряду важнейших положений «Методологии истории» Лаппо-Данилевского.

В этой связи показательна статья Н.И. Кареева «Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского»⁵. Она опубликована в 1920 г. в сборнике статей, посвященной памяти безвременно ушедшего из жизни академика, в ней содержится краткий анализ трех сочинений Лаппо-Данилевского: «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», «Методология истории» и «Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества».

В статье Кареев справедливо подчеркнул, что Лаппо-Данилевский принадлежал к очень небольшому числу историков, энциклопедически и глубоко философски образованных и имеющих вкус к теоретическим вопросам в области исторической науки. Дав общую оценку историко-теоретическим взглядам Лаппо-Данилевского, Кареев отметил далее, что в философском отношении его коллега «примыкал к кантианскому критицизму, а из представителей последнего на него оказали наибольшее влияние Виндельбанд и Риккерт»⁶, и это доказывается тем, что «основную роль в построении исторической методологии Лаппо-Данилевского играло различие между номотетическим и идиографическим знанием, мысль о том, что все высказываемые нами положения являются или теоретическими суждениями, или оценивающими». Таким образом, Кареев неокантианство отождествлял с резким разграничением между двумя группами наук и связывал это разделение с указанием на разницу между генерализирующим пониманием действительности как теоретическим и индивидуализирующим — как ценностным. При этом он особо оговорил, что Лаппо-Данилевский не был пассивным последователем немецких неокантианцев, а, напротив, отнесся к ним с известной критикой, а в вопросах логики примкнул к Вундту и Зигварту.

В основном оценки рецензируемых Кареевым работ Лаппо-Данилевского были положительными. Так, характеризуя большую статью о Конте, Кареев отметил, что «в ней на пер-

вом месте... не простое изложение взглядов Конта, а их тщательный анализ», выполненный «с большой ученостью и с большим беспристрастием»⁷.

«Методологию истории» Лаппо-Данилевского Кареев назвал работой «очень *цельной*, очень *стройной* и очень *полной*, отличающейся, кроме того, и *большой*, в общем, *точностью* как отдельных научных *понятий*, так и всех высказываемых *суждений*»⁸ (курсив наш. – О.С.).

В трудах Лаппо-Данилевского Кареева привлекало то, что, несмотря на то важное значение, какое в ней принадлежит различению номотетической и идиографической точек зрения на историю, автор не принадлежал к числу тех историков, которые признают правильность только одной из них. По словам Кареева, для Лаппо-Данилевского «приемлемы были и та, и другая, но каждая из них, в отдельности взятая, не в состоянии вполне упорядочить и систематизировать данные нашего опыта, и отсюда необходимость сочетания обеих как дополняющих одна другую, как изучающих одно и то же, только взятое с разных сторон»⁹.

Нетрудно заметить, что методологические воззрения Лаппо-Данилевского и Кареева совпадали в главном: оба мыслителя указывали на разделенность *идиографометода* и *номотетометода* только в теории, а в практике исторического исследования для них они переплетались: «Каждый прагматический процесс, — писал Кареев, — складывающийся из единичных событий... может быть представлен историком в более конкретном и детальном виде и, наоборот, в виде более абстрактном и общем»¹⁰. Кареев, однако, оговаривает, что для Лаппо-Данилевского в истории как специальной науке «идиографическая точка зрения получает самодовлеющее значение, номотетическая — как бы служебное»¹¹.

Здесь необходимо заметить, что и сам Кареев высказывал аналогичные суждения: «Что историку по времени приходится прибегать к дедукции..... не может быть никакого сомнения, но для историка дедукция — лишь одно из вспомогательных средств, а не главный путь, по которому он должен идти»¹².

Таким образом, по данному дискуссионному методологическому вопросу воззрения Кареева и Лаппо-Данилевского во многом были схожи, что объясняется, на мой взгляд, тем влиянием, которое оказывала на интеллектуальный про-

цесс в России собственная философско-историческая традиция. Во всяком случае, несомненно влияние идей русских философов-идеалистов на принципы «единства человеческого сознания», «мирового целого», интерпретацию прогресса как «интеграцию человечества в «великую индивидуальность», включение в историческую науку категорий долга и свободы воли как у Лаппо-Данилевского, так и у Кареева. Хотя сам Кареев прямо заявлял, что «по многим пунктам наши взгляды не совпадали»¹³. Правда, Кареев конкретно не указал на эти несовпадения, ограничившись лишь уклончивой фразой, что, дескать, с методологической системой Лаппо-Данилевского можно и не соглашаться, но «критика того, с чем, по моему мнению, нельзя было бы соглашаться, потребовала бы слишком много места... пришлось бы идти за рассуждениями автора шаг за шагом, причем, может быть, часто в результате получились бы *поправки и разъяснения*, а не *опровержения*»¹⁴ (курсив наш. – О.С.).

Например, Кареев обосновал бы необходимость идиографичности в истории не на том, что все индивидуальное является отдельной неповторяющейся частью известного целого, как это делал Лаппо-Данилевский. Всякое индивидуальное в идиографических целях заключается не только в выделении чего-нибудь единичного из однородного, но и в обособлении какой-нибудь отдельной части от того целого, в состав которого она входит. В частности, то общее, которое мы называем человечеством, в большей части своей истории не было чем-то целым, хотя взятое в своих разрозненных частях и является единым и единственным, что и делает возможным идиографическое его изучение.

Как видно, Кареев, не соглашаясь с теорией познания немецких неокантианцев, к методологии истории Лаппо-Данилевского относился лояльно-критически. Возможно, это объясняется и «рационалистическим прошлым» русского неокантианца, и тем, что, по словам самого Кареева, с Лаппо-Данилевским «оба мы не были сторонниками до прений»¹⁵.

Примечания

¹ *Голосенко И.А.* Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева / Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 5.

² *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Т. 1. М., 1883. С. 288.

³ *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 72.

⁴ *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 135.

⁵ Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 112–130.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Там же. С. 113, 118.

⁸ Там же. С. 128.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. С. 181.

¹¹ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

¹² *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. С.80–81.

¹³ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского. С. 112.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Н. А. Трапш (Ростов-наДону)

**ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ
XVII–XVIII СТОЛЕТИЙ
В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

В студенческие годы центральным объектом исследовательской практики А.С. Лаппо-Данилевского становится российская история. Он обращается к анализу проблем, связанных с характеристикой отдельных фрагментов во взаимоотношениях России и стран Западной Европы, специфических источников XVII столетия – поверстных и указных книг Ямского приказа, особых вариантов и методов исторической реконструкции социально-экономического и духовного развития некоторых древних кочевых народов Евразии¹. Интересными представляются размышления Лаппо-Данилевского о реальной общности эволюционного развития российской и западноевропейской цивилизации, которые впоследствии станут одним из ключевых фрагментов его историсофской концепции². В рассматриваемый период формируется и одно из центральных положений его методологии исторического познания – тезис о необходимости максимального расширения источниковой базы, которое может быть достигнуто посредством совершенствования принципов и методов археографической деятельности³. Особое место в рамках его студенческого творчества занимают «Скифские древности», представляющие собой попытку комплексного исследования социально-экономического, политического и духовного функционирования общественной организации причерноморских скифов⁴. Характеризуя это произведение, И.М. Гревс отмечал, что «здесь как бы соединялись русская история, античность и археология, а также в смысле методы, изучение вещественных и художественных памятников и анализ письменных источников осуществлялось стремление к обобщающему построению».⁵ Аналогичной точки зрения придерживаются А.Н. Нечухрин и С.П. Рамазанов, по мнению которых, «молодой исследователь, по существу, пер-

вым попытался дать синтетическую картину истории, быта, культуры и социальных отношений скифских племен»⁶. Следует согласиться с А.Е. Пресняковым, который полагал, что в содержании «Скифских древностей» «наглядно сказалась одна особенность, которая осталась и позднее характерной для его (Лаппо-Данилевского. — *Н.Т.*) подхода к любой научной проблеме. Он исходит не из учета наличного материала, каким может располагать исследователь, а из теоретического построения идеально-полного и всестороннего исследования, которое и должно быть выполнено»⁷. Как представляется, в рассматриваемом произведении Лаппо-Данилевский впервые сформулировал идею о необходимости выявления особенностей менталитета этноса и эпохи для повышения достоверности интерпретации источников.

После окончания университета молодой ученый был оставлен при кафедре для написания магистерской диссертации, посвященной организации налогово-фискальной системы в XVII столетии. Это сочинение стало основой одноименной монографии «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», которая «заняла сразу прочное положение в русской историографии в ряду наиболее видных исследований»⁸. В процессе анализа финансовой политики московского правительства Лаппо-Данилевский отчетливо показал характерные черты Российского государства XVII столетия — бюрократизацию властных структур, ограничение прав и свобод личности, формирование системы контроля над общественной жизнью. В рассматриваемом сочинении он выразил стремление к исследованию именно русского исторического процесса, одним из ключевых фрагментов которого он считал хронологический период, заключенный между событиями Смутного времени и фундаментальными петровскими преобразованиями. По мнению Лаппо-Данилевского, «изучение национальной истории... должно иметь ценные результаты в том случае, когда будет обращено на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей исследуемого типа»⁹.

В монографии «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» Лаппо-Данилевский сформулировал также комплекс идей, определивших характер эволюции его историсофских

и методологических воззрений. А.Е. Пресняков справедливо полагал, что «русский материал – как в смысле источников, так и в смысле изучаемых явлений – представляется лишь существенным, но внешним условием его (Лаппо-Данилевского. – *Н.Т.*) ученой работы, объектом экспериментального применения, проверки и конкретизации общих представлений о методологических и феноменологических задачах исторической науки»¹⁰. Рассматривая хронологические границы исследования, Лаппо-Данилевский указывал, что «за этот период времени развитие великорусского народа было довольно односторонним. Оно сказывалось главным образом в прогрессивном росте правительственных органов, а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил. Поэтому изучение XVII века сводится... к ознакомлению с его правительственной историей»¹¹. Действительно, формирование финансовой системы Московского государства в указанную эпоху было тесно связано с процессами социальной дифференциации и «закрепощения сословий». Правительственная политика в данной области имела целью окончательное территориальное прикрепление различных категорий налогоплательщиков в интересах усиления фискальной деятельности местных и центральных органов власти, что получило юридическое отражение в Соборном уложении 1649 г. По мнению Лаппо-Данилевского, «сильный рост государственных потребностей вызывал широкое содействие всех общественных сил... правительство... требовало от служилых людей и тягловцев жертвы их частных, личных интересов на пользу государства»¹². Он полагал, что «финансовая политика XVII в. держалась не столько политико-экономических, сколько социально-политических воззрений; она более заботилась о казенных выгодах, чем о поощрении частной предприимчивости и развитии народного хозяйства»¹³. Рассмотренные идеи получили дальнейшее развитие в других исследованиях Лаппо-Данилевского, посвященных русской истории. В частности, в работе «Очерк и история образования главнейших разрядов крестьянского населения России» он сформулировал принципиальную оценку процесса закрепощения российского крестьянства. По его мнению, «...московское правительство, прикрепляя крестьян, имело в виду... не сословные тенденции землевладельцев, а государственный интерес, понимаемый им... в очень узком, ка-

зенном смысле слова... крестьяне, лишённые свободы перехода, были обязаны служить землевладельцам, но и служилый класс должен был служить государству»¹⁴. Подобный подход к оценке государственной политики отчетливо соотносится с принципиальными положениями историософской схемы Г.В.Ф. Гегеля, который полагал, что сознательное ограничение личной независимости индивида со стороны властных структур является объективной предпосылкой последовательной реализации высшей идеи свободы в рамках идеального государства, которое имеет самостоятельную ценность как особый феномен исторической жизни народов.¹⁵ Однако четкие логические конструкции историософской схемы Г.В.Ф. Гегеля не могли быть в полной мере согласованы со специфическими особенностями отечественной истории. В России никогда не существовало такой разновидности государства, основой которой была бы «духовная идея, проявляющаяся в форме человеческой воли и ее свободы»¹⁶. Более того, даже в конце XIX столетия русская государственность не имела конституционного фундамента, благодаря которому, по мнению немецкого мыслителя, «отвлеченное понятие государства претворяется в жизнь и действительность»¹⁷. Лаппо-Данилевский показал, что российские государственные институты в XVII в. не являлись реальным воплощением гражданской свободы, так как они стремились к подавлению ее конкретных проявлений в рамках индивидуального и массового сознания. Он полагал, что «...идея государства ближайшим образом осуществлялась в восстановленном правительстве. Перед ним падало значение каждого отдельного лица. Последнее не находило защиты в более или менее самостоятельно сложившихся общественных союзах и заняло потому известное положение в обществе лишь в силу тех обязанностей, какие выполняло по отношению к государству под правительственной опекой»¹⁸.

Интересным представляется мнение Лаппо-Данилевского о том, что в русском обществе по мере усиления властных структур «развивалось сознание тех обязанностей, которые падали на его членов»¹⁹. Он полагал, что «это представление стало ярко сказываться со времен Смуты, когда борьба за веру и национальность вызвала крайнее напряжение народных сил, и с того времени легло в основание правительственной деятельности и нередко руководило общественной мыс-

лью»²⁰. Лаппо-Данилевский справедливо отмечал то обстоятельство, что приоритет сохранения независимого государства сделал этническую и религиозную самоидентификацию не только краеугольным камнем политической доктрины русского правительства, но и реальной основой массового сознания²¹. Следовательно, реализация основополагающего принципа свободы личности в рамках государственных институтов происходила в России не в процессе осознания его высшей ценности, как это предусматривается историософской схемой Г.В.Ф. Гегеля, а одновременно с процедурой становления самих властных структур в контексте осознания обществом приоритетного значения национальной независимости.

Определенное влияние философии истории Г.В.Ф. Гегеля на Лаппо-Данилевского проявилось и в его представлениях об органической связи индивида, государства и религиозных идей. Согласно воззрениям немецкого мыслителя, «религия есть та область, в которой народ выражает свое определение того, что он считает истинным... следовательно, представление о Боге составляет общую основу его мировоззрения... с этой стороны религиозная мысль стоит в теснейшей связи с принципом государственности. Свобода может существовать лишь там, где индивидуальность признается положительной в божественном существе... поэтому государство основано на религии»²². По мнению Г.В.Ф. Гегеля, религиозные идеи являются неотъемлемым элементом общей эволюции мирового духа, главным результатом которой он считал постепенное оформление легитимных государственных институтов²³. Но в российских условиях XVII столетия религия представляла собой не только одну из постоянных областей мировоззренческого диалога между отдельными личностями, их естественными и социальными сообществами, властными структурами, но и составной частью самой системы управления государством. Лаппо-Данилевский полагал, что «духовная связь, объединяющая разнородные элементы крестьянской общины, проявлялась в религиозном общении... причем... священник, иногда избранный миром и почти всегда находившийся от него в зависимости, вместе с выборным церковным старостой служили органами объединения данного населения не только в сфере гражданских, но и государственных интересов»²⁴. По его мнению, в Мос-

ковском государстве XVII столетия религия являлась одним из ключевых элементов не только государственной идеологии, но и самого бюрократического аппарата, фактически управлявшего огромной страной²⁵. Поэтому объективная связь религиозного сознания, личностных интересов и потребностей государства осуществлялась посредством не свободного волеизъявления отдельных индивидов, а с помощью административных форм регулирования и контроля.

Проблема становления независимой личности находится в тесной связи с вопросом о роли земского самоуправления в процессе политической эволюции Российского государства. По мнению Лаппо-Данилевского, «общность экономических и духовных интересов была слишком слаба для того, чтобы за пределами одного или немногих поселений образовать более сложные местные общественные союзы с известными границами и определенными отношениями их членов друг к другу; в то время, когда она лишь подготавливала их образование, последнее осуществлялось под влиянием судебно-полицейской и финансовой их зависимости от государства»²⁶. Он полагал, что в XVII столетии развитие органов местного самоуправления полностью подчинялось государственным интересам, причем российское правительство не только контролировало их деятельность, но и самостоятельно создавало подобные учреждения в интересах собственной административной и финансовой политики.

Среди ключевых проблем, рассматриваемых Лаппо-Данилевским в магистерской диссертации и монографии «Организация прямого обложения в России со времен Смуты до эпохи преобразований», особое место занимает вопрос об определении характера и этапов исторической эволюции русской общины, которая являлась одним из главных объектов налогообложения и предметом особой заботы правительственных органов. По его мнению, «происхождение крестьянской общины следует, вероятно, объяснять расширением круга родовых отношений, в пределы которого стали входить посторонние элементы, объединенные уже не столько кровными узами, сколько общими экономическими и духовными интересами»²⁷. В ходе дальнейшего изложения проблемы Лаппо-Данилевский существенно расширяет границы своих специальных рассуждений, характеризуя особенности российской схемы общественной эволюции. В частности, он

полагал, что «родовые отношения, на которых основан был патриархальный строй древнерусского общества, стали обнаруживать явные следы разложения, перерождались в религиозные и экономические формы, но не успели еще смениться юридически определенными и самостоятельными общественными союзами, когда правительство настолько окрепло в борьбе с внешними и внутренними врагами, что стало во главе общества, до некоторой степени осуществило в себе идею государства и олицетворило ее в царской власти»²⁸. Характеризуя указанную идею Лаппо-Данилевского, А.Е. Пресняков отмечал, что «вопрос о развитии государственного начала в XVIII веке, и, особенно, возникновение и развитие “юридически определенных и самостоятельных общественных союзов”, а также о взаимном отношении новой государственности и новой общественности в императорском периоде, то есть конкретной концепции русского исторического процесса совсем в духе исторических схем С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина, легли в основу работы Лаппо-Данилевского над историей России в XVIII столетии, на которой сосредоточился главный его интерес в конкретной исторической работе»²⁹. Русский ученый отчетливо выделил тот факт, что процесс исторической трансформации общественных связей и социальных структур проходил в российских условиях под непосредственным влиянием правительственных институтов.

Принципиальные положения, сформулированные Лаппо-Данилевским в монографии «Организация прямого обложения в Московском царстве со времен Смуты до эпохи преобразований», получили дальнейшее развитие в других его исследованиях. В статье «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII века» он рассмотрел специфические особенности функционирования отечественной экономики, формирование которых определялось как действием объективных факторов хозяйственной конъюнктуры, так и реальной политикой правительственных институтов. По его мнению, «развитию класса капиталистов в Московском государстве долгое время мешали разнообразные обстоятельства. Старинное русское хозяйство еще не утратило натурального характера, причем этот порядок находил себе и искусственную поддержку в рабовладении и в крепостном праве»³⁰. Лаппо-Данилевский выделил и другие

обстоятельства, препятствовавшие быстрому развитию капиталистических отношений в российских условиях: консервативность существовавшей в XVIII столетии сословной системы, конкуренция со стороны иностранных производителей, торговые монополии, предоставляемые отдельным корпорациям со стороны русского правительства³¹. Он полагал, что «условия, благодаря которым возникли компанейские предприятия в начале XVIII столетия, были двоякого рода: одни из них коренились в народной жизни, другие порождены были правительственной политикой»³². Согласно представлениям Лаппо-Данилевского, сохраняющиеся ограничения личной и хозяйственной свободы индивидов препятствовали прогрессивному развитию отечественной экономики, что определяло низкие темпы внутренней трансформации общественной системы.

Позитивное изменение характера и динамики русского исторического процесса он связывал с преобразовательной деятельностью императрицы Екатерины II, положившей начало «раскрепощению» сословий и продолжившей освобождение отдельной личности из-под влияния государства. Лаппо-Данилевский рассматривал реформаторские мероприятия эпохи просвещенного абсолютизма в качестве исходного момента для построения в России гражданского общества и правового государства, функционирующих на основе безусловного приоритета закона перед политической волей властных структур³³. Важное место в его концепции занимает идея о преемственности социально-экономических и политических преобразований, изменивших облик русского общества и государства в XVIII столетии. В частности Лаппо-Данилевский рассматривал реформаторские мероприятия Петра I в качестве основы последующей частичной либерализации российской общественной жизни и системы управления, связанной с юридическим оформлением особого статуса отдельных социальных групп, представленных дворянством и торгово-промышленной элитой городских центров. По его мнению, «реформа Петра Великого хотя и не создала лица как самостоятельной единицы общественного строения, но, во всяком случае, расчистила ту почву, на которой свободно могла развиваться человеческая личность. Русский человек начала XVIII века уже находил в новом образовании и более оживленной, а также усовершенствованной хо-

зайственной деятельности духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности, которые влияли на развитие его индивидуальности»³⁴. Подобная характеристика процесса внутренней эволюции российского общества близка взглядам К.Д. Кавелина, высказанным им в статье «Взгляд на юридический быт новой России». Он полагал, что «у нас не было начала личности, но древняя русская жизнь его создала; с XVIII века оно стало действовать и развиваться...»³⁵ В контексте оценки преобразовательной деятельности Петра I аналогичную идею сформулировал философ и публицист Н.К. Михайловский, по мнению которого, «вся частная жизнь великого реформатора и вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления в русской истории начала личности не в смысле того направления, которое оно приняло отчасти при нем, а в особенности после него в Европе, а в смысле человечности»³⁶. Как представляется, определенная идеализация петровских преобразований, содержащаяся в отдельных оценках Лаппо-Данилевского, соответствовала принципиальным положениям концепции российских историков «государственного» направления, сформулированным в трудах К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева³⁷. Следует выделить также и то обстоятельство, что в определенной степени взгляды молодого исследователя близки историософским идеям Н.К. Михайловского не только в характеристике преобразовательной деятельности Петра I, но и в подходе к определению реального содержания мирового исторического процесса и его движущих сил, среди которых особое значение приобретают телеологическое движение идеологических стереотипов и прогрессивное развитие духовной культуры отдельных социумов³⁸.

Лаппо-Данилевский, по-видимому, понимал, что идеализированная оценка реформаторских мероприятий начала XVIII столетия не в полной мере соответствует реальным историческим фактам, значимость которых показал П.Н. Милюков в монографии «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»³⁹. Действительно, преобразовательная деятельность Петра I была в значительной степени направлена на дальнейшую унификацию общественной жизни и постепенное превращение отдельных личностей в статичные элементы общества, подчи-

ненные бюрократической системе «тяглого» государства, что противоречит идеям гражданской свободы и безусловно-го соблюдения суверенных прав индивидов. Корректируя собственные представления о социально-политическом развитии России в начале XVIII столетия, Лаппо-Данилевский обращается к изучению деятельности самостоятельных общественных союзов, выступающих в качестве фундамента для построения специфической модели свободных межличностных отношений. Он полагал, что «отдельное лицо с самого начала XVIII века стояло еще беззащитным перед государством; между тем и другим не существовало никаких преград. Поэтому дальнейшая судьба “личного начала” поставлена была в зависимость от образования прочных сословно-общественных групп, в пределах которых личность и продолжала развиваться»⁴⁰. Развивая указанную идею, Лаппо-Данилевский указывал на то обстоятельство, что «человеку нового времени трудно было... осуществить более или менее сложные гражданские права в тех старинных дворовых и служебных (то есть тяглых или служилых) союзах, которые выросли в России задолго до XVIII века. Ни тот, ни другой вид этих союзов не удовлетворял насущным потребностям живой и свободной человеческой личности, поэтому, когда последнее в XVIII веке постепенно стала заполняться содержанием, она все менее ... соглашалась довольствоваться прежней законной сферой обязательной деятельности, отведенной ей правительством, и стремилась выйти из круга этих отношений на волю»⁴¹. По его мнению, «старые формы общественности стояли непрочно: задружные союзы теряли внутреннюю связь, некогда объединявшую их членов между собой, а тяглые и служилые не могли вырастить ее в своих недрах. Стремление к личной свободе пробилось наружу сквозь эту порастрескавшуюся оболочку, стали образовываться новые соединения, в основе которых лежали не так давно зародившиеся сословные интересы русского общества»⁴². Лаппо-Данилевский выдвинул идею о том, что новой формой соответствующих объединений стали отдельные корпоративные группы, представленные дворянством и торгово-промышленной элитой городских центров. По его мнению, «сословная реформа Екатерины II сводилась... к попытке водворить правомерные отношения сословных групп друг к другу и к государственной власти. То же направление нетрудно усмотреть

реть и в правительственной политике императрицы: благодаря ее посредству русское общество, как совокупность этих групп, получило несколько более самостоятельное значение в государстве, а деятельность подчиненных властей приобрела большую законность»⁴³. Таким образом, Лаппо-Данилевский рассматривал протекционистскую политику «просвещенного абсолютизма» по отношению к дворянству и торгово-промышленной элите городских центров в качестве основополагающего элемента в процессе оформления в России гражданского общества и правового государства, фундамент которого составляли независимые социальные союзы.

Примечания

¹ См. *Лаппо-Данилевский А.С.* Из старинных сношений России с Западной Европой // ЖМНП. 1884. № 5; *Он же.* Поверстная и указная книги Ямского приказа // Библиограф. 1890. Отд. I. № 9–10; его же Скифские древности. СПб., 1887.

² См. *Лаппо-Данилевский А.С.* Из старинных сношений России с Западной Европой // ЖМНП. 1884. № 5.

³ См. *Лаппо-Данилевский А.С.* Какое значение имели «приправочные книги» в XVII веке? // Библиограф. Отд. I. 1889. № 8–9.

⁴ См. *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности. СПб., 1887

⁵ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 54.

⁶ *Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П.* Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. М. 1996. С. 515.

⁷ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский Пг., 1922. С. 69.

⁸ Там же. С. 73.

⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. М., 1890. С. 2.

¹⁰ *Пресняков А.Е.* Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 98.

¹¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 1.

¹² Там же. С. 315.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк и история образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // «Крестьянский строй» СПб., 1905. Т. 1. С. 65

- ¹⁵ Гегель Г.В.Ф. *Философия истории* // Гегель Г.В.Ф. *Сочинения*. М.; Л., 1935. Т. 8.
- ¹⁶ Там же. С. 38.
- ¹⁷ Там же. С. 42.
- ¹⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения. С. 502.
- ¹⁹ Там же. С. 43.
- ²⁰ Там же. С. 44.
- ²¹ Там же. С. 503.
- ²² Гегель Г.В.Ф. *Философия истории*. С.48–49.
- ²³ Там же. С. 49.
- ²⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в. С. 77
- ²⁵ Там же. С. 90.
- ²⁶ Там же. С. 76.
- ²⁷ Там же. С. 77
- ²⁸ Там же. С. 501.
- ²⁹ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 73–74.
- ³⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII века // ЖМНП. 1898. № 2. С. 314.
- ³¹ Там же. С. 318.
- ³² Там же. С. 313.
- ³³ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898.
- ³⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 15.
- ³⁵ *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 162.
- ³⁶ *Балуев Б.П.* Исторические взгляды Н.К. Михайловского // *История и историки*. М., 1995. С. 296.
- ³⁷ *Кавелин К.Д.* Указ. соч.; *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1996. Т. 12.
- ³⁸ См. *Синицын О.В.* Эволюция идейно-методологических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского // *Рукопись деп. в ИНИОН РАН* 21.11.1981. №7573.
- ³⁹ См. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
- ⁴⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. С. 16.
- ⁴¹ Там же. С. 16.
- ⁴² Там же. С. 17.
- ⁴³ Там же. С. 42.

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ — АРХЕОГРАФ

Археографические интересы и занятия всегда были неотъемлемой частью научной работы академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского; сам же ученый является одним из основоположников отечественной археографии в XX столетии. Такая оценка, высказанная еще коллегами и учениками Лаппо-Данилевского — С.Ф. Ольденбургом, А.Е. Пресняковым, А.И. Андреевым, С.Н. Валком, никогда не подвергалась сомнению, она является общепринятой. Во второй половине XX в. изучение археографической проблематики в трудах Лаппо-Данилевского продолжил С.Н. Валк¹, в изданной Историко-архивным институтом учебной литературе по истории русской археографии видное место отводилось наследию выдающегося ученого². Стремлением увидеть в издательской деятельности Лаппо-Данилевского явление научной культуры отличаются работы С.О. Шмидта³, глубокою связь тематики изданий с историко-философскими воззрениями ученого раскрыла О.М. Медушевская⁴. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы, используя данные предшествующих исследований, конкретно рассмотреть основные направления археографической работы Лаппо-Данилевского, выяснить его взгляды на те или иные вопросы археографии.

Уже в первой опубликованной работе Лаппо-Данилевского — в рецензии на книгу В.И. Ламанского о сношениях средневековой России с Западной Европой — высказана мысль о научной плодотворности изысканий русских ученых в иностранных архивах⁵. О том, что эта мысль не была для Лаппо-Данилевского случайной, свидетельствует его последующее участие в учреждении должности ученого корреспондента Академии наук в Риме и в издании сборников «Россия и Италия». Лаппо-Данилевский и сам несколько раз выезжал за границу, чтобы поработать в архивах Германии и Италии. Однако еще большее значение для его исследований имели изыскания в архивах отечественных, в кото-

рые он погрузился в 1880-х гг. в связи с подготовкой диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890). Приобретенное знакомство с архивными материалами XVI—XVII вв. стало основой для публикаторской работы, которую ученый вел в 1890-х гг. в Археографической комиссии. Избранный в 1899 г. в Академию наук, Лаппо-Данилевский стал инициатором новых издательских проектов: «Сборника грамот Коллегии экономии» и «Памятников русского законодательства». Он также издал почти все неоконченные работы (в том числе и публикации), оставшиеся после его предшественника по академическому креслу А.А. Куника, ведал изданием сборника «Письма и бумаги Петра Великого», записок Станислава-Августа Понятовского, сочинений, бумаг и писем М.М. Сперанского, трудов В.Г. Васильевского. Для координации археографических работ Академии была при участии ученого создана в 1902 г. Постоянная историческая комиссия, живейшее участие в работе которой он принимал до самой кончины⁶. Лаппо-Данилевский содействовал и развитию архивно-археографической работы в провинции, курируя в Академии наук деятельность губернских ученых архивных комиссий, а в 1916-1917 гг. — будучи председателем совещаний о состоянии местных архивов и архивных комиссий. В 1917 г. Лаппо-Данилевский возглавил Союз российских архивных деятелей, одной из задач которого была научная разработка архивных богатств страны. Многообразная археографическая деятельность и научно-организационная работа в области археографии не только стала основой научного творчества Лаппо-Данилевского, но и составила целую эпоху в истории отечественной археографии.

Археографическая работа Лаппо-Данилевского началась в Археографической комиссии, причем он и ощущал влияние старшего поколения членов комиссии — В.Г. Васильевского, А.Ф. Бычкова, Л.Н. Майкова, А.А. Куника, и противостоял традициям, сложившимся в ее деятельности, к которым относился весьма критически⁷.

Как заметили А.И. Андреев и А.Е. Пресняков, публикаторские работы Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии были связаны с теми архивными разысканиями, которые были начаты им для изучения «организации пря-

мого обложения»⁸. Действительно, введение к кормленной книге Костромской чети 1613–1627 гг.⁹, издание писцовой и переписной книг XVII в. по Нижнему Новгороду и записной книги крепостным актам XV–XVII вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву¹⁰, публикация отрывков из дела о сборе земли, дров и денег на «емчужное дело» с погостов новгородских пятин XVI в.¹¹ — вводили в научный оборот источники социально-экономической истории, которую Лаппо-Данилевский особенно тщательно изучал на первом этапе своей научной работы. В значительной мере именно этими научными интересами и была обусловлена его издательская активность в последнее десятилетие XIX в. Можно отметить, что в тексте исследования об «организации прямого обложения» археографическая сторона работы вовсе не выступала на первый план, а оставалась скрытой в рабочем столе автора, что даже подало повод оппонентам к упрекам в неполноте использования материала¹². Однако, видимо, Лаппо-Данилевский хорошо сознавал необходимость превратить «археографию для себя» в настоящую археографическую основу изучения социально-экономической и правовой истории Московской Руси. В дальнейшем такое сознание привело к появлению крупнейшего издательского проекта. Но уже первые открывшиеся возможности публикаторской работы ученый спешил использовать для введения в оборот тех источников, какие казались ему наиболее важными и актуальными для развертывания исследований. В то же время, в ходе работы над изданиями в Археографической комиссии Лаппо-Данилевский приобретал опыт публикатора и навыки организатора научной работы, сделавшие его со временем одним из крупнейших представителей русской археографии.

Издание писцовых книг не было новым делом для Археографической комиссии: уже с 1859 г. здесь печатались новгородские писцовые книги под редакцией П.И. Савvaitова и А.И. Тимофеева (в 1886 г. вышел четвертый том) и писцовые книги Ижорской земли под редакцией А.А. Куника. Сложилась устойчивая традиция методики этой публикации. Когда уже в новом веке за редактирование новгородских писцовых книг взялся С.К. Богоявленский, то в кратком предисловии к пятому тому он попросту сослался на те шесть пунктов правил издания, какие были предпосланы П.И. Савvaitовым первому тому публикации¹³.

По-другому подошел к делу Лаппо-Данилевский. Отказавшись от традиционных кратких предисловий к документальным текстам, принятых в Археографической комиссии, он составляет предисловия весьма обширные, по существу, представляющие собой обстоятельные исследования публикуемых памятников. Уже в предисловии к кормленной книге Костромской чети Лаппо-Данилевский определил особое место источника среди других аналогичных документов, выяснил исключительно финансовую цель составления книги и показал, какой значительный материал для истории уездного дворянства она представляет. Предисловие же к нижегородским писцовой и переписной книгам получило высокую оценку С.Н. Валка: «Предисловие в таком составе и в таком исполнении явилось в тогдашней археографии образцом теоретически продуманного, разностороннего его построения»¹⁴.

Рассматривая состав этого предисловия, С.Н. Валк отмечал, что, во-первых, в нем мы находим суждение «об общем источниковедческом значении писцовых книг как материала первостепенной важности для изучения истории тяглых классов русского общества XV–XVII вв.»; во-вторых, там содержатся сведения об истории составления издаваемых книг; в-третьих, дано палеографическое описание рукописей; в-четвертых, изложены приемы издания и, наконец, в-пятых, определен состав указателей»¹⁵. Такой состав предисловия резко отличался от принятых в то время в Археографической комиссии образцов. Как можно видеть из краткого перечня составляющих его частей, он напоминает те исторические и археографические предисловия, какие получили распространение в научных изданиях 1940–1950-х гг. Таким образом, уже на первом этапе своей публикаторской деятельности Лаппо-Данилевский пролагал новые пути в данной области археографической работы.

Имея дело в изданиях с готовым результатом публикаторской работы, поневоле отвлекаешься от того обстоятельства, что работа эта была достаточно сложной и требовала от автора не только общенаучной подготовки, но и основательного знания частных вопросов. Сохранился источник, свидетельствующий о том, что Лаппо-Данилевский прибегал к консультациям ученых специалистов в ходе подготовки предисловий к упомянутым изданиям. В недатированном письме к

М.А. Дьяконову он писал: «Не можете ли Вы сообщить мне, есть ли в писцовых книгах по Нижнему Новгороду 6990, 7019, 7053 и 7068 /годов/, известных нам по выпискам, сохранившимся в грамотах Коллегии экономии, какие-нибудь указания на то, что в это время был уже описан *городъ* и нет ли каких-нибудь извлечений из таких описаний Нижнего в означенных выписках? Приходится в предисловии к писцовым книгам затрагивать этот вопрос, но точных указаний по этому вопросу в указаниях, составленных Вами и Милюковым, нет»¹⁶. Здесь любопытно рано проявившееся внимание к обширному комплексу грамот Коллегии экономии, хранившемуся в Московском архиве Министерства юстиции и для Лаппо-Данилевского повседневно не доступному.

Особое внимание привлекает та часть предисловия к нижегородским писцовой и переписной книгам, где изложены приемы их издания. Речь здесь идет еще не обо всех особенностях археографических приемов, а лишь о методах передачи текста. В преамбуле к излагаемым правилам Лаппо-Данилевский указывает, что книги «воспроизведены без всяких сокращений», и затем детально оговаривает принятые правила правописания, расстановки знаков препинания, расположения материала, а также обозначает приемы, введенные для облегчения пользования текстом.

Формулировки правил выглядят весьма необычно. В отличие, скажем, от позднее разработанных Лаппо-Данилевским правил издания грамот Коллегии экономии, здесь нет четких, определенных и не допускающих отклонений требований. Скорее, в сформулированных пунктах ученым зафиксирован определенный этап исследования текста публикуемых памятников и вытекающие из установленных в ходе этого исследования свойств памятников особенности передачи их текста. Так, во втором пункте первого раздела правил (правописание) говорится: «Так как рукописи позднего происхождения и довольно бедны в лексическом отношении, то и безусловно точное воспроизведение оригинальных текстов оказалось во всем его объеме не всегда выполнимым, да и излишним». Далее перечисляются те отступления, какие были допущены сравнительно с оригинальным текстом, а в заключении раздела с редкой ученой добросовестностью обозначены рамки, в которых может найти применение осуществленное издание: «Естественно, что при таких условиях

предлагаемое издание может указать филологу лишь то *направление*, в каком предлагаемые тексты *могут* иметь значение для истории русского языка, но не исключает для него необходимости обращаться к изучению самих рукописей»¹⁷.

Во втором разделе правил речь идет о расстановке знаков препинания, «которыми сами писцы пользовались редко и произвольно». Исходя из этого свойства текста, публикатором устанавливаются приемы синтаксического деления, причем еще детальнее оговорено: «Так как текст состоит из перечислений дворов и лавок»; «если в перечислении есть замечания о переходе их из рук в руки»; «в случае повторов того же», — устанавливается та или иная синтаксическая норма¹⁸. В третьем разделе замечается, что «в расположении материала писцы XVII в. поступали так же произвольно, как и в расстановке знаков препинания», а затем следует достаточно подробное описание особенностей текста публикуемых книг в этом отношении¹⁹.

Таким образом, появляется ощущение, что мы присутствуем при самом зарождении правил издания, при формировании Лаппо-Данилевским издательских норм из свойств издаваемого и для этого изучаемого материала. Этот момент необходимо иметь в виду при суждении о взаимоотношениях археографии и источниковедения на рубеже XIX и XX вв. Кроме того, процесс «зарождения правил», зафиксированный предисловием к нижегородским писцовой и переписной книгам, представляется тем более интересным, что в указанное время происходила известная смена типа научной культуры, осуществлялся переход от культуры обычая в деле издания исторических источников к культуре правил²⁰. Предисловие Лаппо-Данилевского позволяет проследить это явление на его глубинном уровне, в проявлениях индивидуального творчества крупнейшего ученого-археографа переломной поры.

Новые элементы С.Н. Валк отметил и в предисловии Лаппо-Данилевского к публикации записной книги крепостным актам XV–XVII вв., предъявленным дьяку Алябьеву. Вслед за общей характеристикой источника, подробным палеографическим описанием (приведены филигранные бумаги, определены писцы) и указанием текстологических особенностей (пропуски и повторы текста, несогласованности) Лаппо-Данилевский вводит в предисловие совершенно новый раз-

дел — дипломатическую характеристику публикуемых документов по разновидностям, которая дополнена в издании алфавитной таблицей актов, включенной в состав указателей²¹.

Здесь определенно наличествует подступ ученого к разработке проблем дипломатики древнерусского частного акта как предварительному условию научного издания таких актов. Можно полагать, что уже в этом раннем издании мы имеем тот этап разработки научной археографии древнерусского акта, который предшествовал методическим достижениям Лаппо-Данилевского в издании грамот Коллегии экономики. Уместно отметить, что в формулировании ряда положений Правил издания грамот Коллегии экономики историк в дальнейшем ссылался на предисловия к своим изданиям писцовых документов.

Лаппо-Данилевский и позднее деятельно сотрудничал в Археографической комиссии, к жизни и деятельности ее «относился с неизменным интересом и принимал живое участие во всех ее занятиях... и в разработке научных вопросов, в них рассматривавшихся»²². Так, им было завершено начатое Н.П. Павловым-Сильванским издание «Актов о посадских людях-закладчиках», дан обзор одного из богатейших вотчинных архивов, сохранившихся от XVII в. — архива стольника А.И. Безобразова, представлены проекты издания актового материала разного времени²³. В январе 1901 г. Лаппо-Данилевский говорил на заседании Комиссии «о том, что желательно было бы выработать план будущих изданий Комиссии по части документальной, в котором точнее было бы указано относительное значение разнообразных групп документов, а следовательно и той последовательности, в какой должно приступить к их изданию; в противном случае, случайные заявления о важности какой-либо отдельной группы документов не могут быть оценены по достоинству»²⁴. После этого выступления проблема внесения в издания Комиссии систематического характера начинает в ней активно обсуждаться, однако решить ее не было возможности при тогдашнем состоянии изучения источников русской истории. Источниковедческие проблемы становятся одной из составных частей разрабатываемой Лаппо-Данилевским методологии истории; археографическая же его деятельность сосредотачивается с начала XX в. в Академии наук, где ученый начинает новые издательские проекты.

Издание под руководством Лаппо-Данилевского «Сборника грамот Коллегии экономии» давно сделалось классическим образцом достижений отечественной археографии и хорошо изучено.

Еще до выхода «Сборника» в свет сведения об этом издании появились в научной литературе. Подготовленные Лаппо-Данилевским проекты издания были напечатаны (правда, на правах рукописи) в приложениях к протоколам Историко-филологического отделения Академии наук, а отчеты о ходе издания регулярно публиковались в «Известиях императорской Академии наук». После смерти Лаппо-Данилевского высокую оценку «планмерно организованной» работе его над изданием дал неперменный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург²⁵. А.Е. Пресняков рассмотрел издание фонда грамот Коллегии экономии в связи с задачами разработки Лаппо-Данилевским дипломатики частных актов и шире — в контексте изучения им «общественной жизни во взаимодействии ее проявлений с правовыми нормами», которое основывалось историком «на широком использовании актов частного, гражданского характера»²⁶. Суждения А.Е. Преснякова не раз повторялись в последующей историографии.

«Сборник грамот Коллегии экономии», первый том которого вышел в 1922 г., предварялся предисловием, написанным А.И. Андреевым. Ученик Лаппо-Данилевского, участник его семинария и работы над изданием А.И. Андреев не только изложил в предисловии историю фонда грамот Коллегии экономии, но и привел ценные подробности подготовки публикации «Сборника», отчасти мемуарного характера. В частности, он рассказал, как составителям издания пришлось изучать не только дипломатику частных актов, но и историческую географию северных уездов, акты которых вошли в первые тома «Сборника», углубиться в библиографию для отыскания уже опубликованных актов и составления их каталога.

Наиболее научно значительными среди отзывов на выход первого тома «Сборника» и одновременно опубликованных «Правил издания Сборника грамот Коллегии экономии» оказались рецензии С.Н. Валка. В одной из них ученый определил историографическое значение издания, рассмотрев его на широком фоне развития источниковой основы русской исторической науки, начиная со времени превращения

исторического знания в науку в XVIII в.²⁷ В другой, помимо этого, указана принципиальная новизна издания для отечественной археографии. Говоря об изучении Лаппо-Данилевским проблем дипломатики частных актов в ходе подготовки «Сборника», С.Н. Валк обосновал мнение о том, что «Сборник» стал первым по-настоящему научным изданием этих источников²⁸. В вышедшей в 1948 г. «Советской археографии» С.Н. Валк кратко характеризовал значение «Сборника» как «неоспоримого образца для всякого будущего издания актового материала»²⁹, в соответствующих разделах книги разбирая конкретные его достижения в методике археографии. Особенности археографической методики «Сборника» кратко проанализированы в упоминавшейся учебной литературе, изданной кафедрой археографии Историко-архивного института³⁰. В последние годы жизни С.Н. Валк готовил для «Археографического ежегодника» статью об археографической деятельности Лаппо-Данилевского. Обзор материалов, подготовленных для этой статьи, появился в печати³¹. Из обзора видно, что С.Н. Валк предполагал осуществить всеобъемлющее исследование темы, в центре которого, естественно, должна была оказаться характеристика «Сборника». Работа, к сожалению, осталась незавершенной. Богатая научная традиция изучения главного археографического труда Лаппо-Данилевского позволяет нам ограничиться постановкой основных вопросов, относящихся к данной теме.

Когда 4 декабря 1899 г. Лаппо-Данилевский был избран адъюнктом Академии наук, ему, зарекомендовавшему уже себя в качестве археографа, было поручено составить план систематического издания архивных документов XVI–XVIII вв. С присущей ему основательностью подойдя к выполнению этого поручения, ученый не только проанализировал состояние изученности документов отечественных архивов, но и ознакомился с эдиционной деятельностью в западноевропейских странах, посетив для этого архивы Германии и Австрии. 25 октября 1900 г. он выступил на заседании Историко-филологического отделения Академии с докладом, заглавие которого представляло собою вопрос: «Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной русской археографии?»³².

Начал доклад Лаппо-Данилевский с констатации невозможности исполнить данное Академией поручение:

предлагать общий план издания архивных документов было бы преждевременно, «ввиду того... что таких документов хранится в наших архивах несколько сотен тысяч и что они большею частью описаны очень плохо». Поэтому ученый счел возможным «лишь указать Отделению на такую группу памятников, которая с точки зрения современных потребностей нашей науки заслуживает особенного внимания». В 90-х гг. XIX в. особенное внимание привлекали явления экономической истории и наиболее отчетливо эти явления отразившие частные акты. По словам Лаппо-Данилевского, «в настоящее время, когда исследователи все чаще обращаются к изучению сравнительно мелких бытовых явлений, переповторяющихся по крайней мере в данных пределах места и времени, частные акты начинают приобретать в их глазах все большее и большее значение, так что они уже заняли наравне с государственными бумагами почетное место в археографии». Действительно, материал частных актов к тому времени использовался в исследованиях самого Лаппо-Данилевского, М.А. Дьяконова, П.Н. Милюкова, С.В. Рождественского, Н.А. Рожкова. М.А. Дьяконов издал акты, относящиеся к истории тяглого населения, а Н.П. Лихачев — духовные, договорные и правые грамоты. Однако, по мнению Лаппо-Данилевского, потребность в издании систематического собрания частных актов «сильно чувствуется среди современных исследователей нашего старинного быта и права». Любопытно, что другой важнейший довод, приводимый ученым в пользу такого издания, он черпает в состоянии архивного дела в России. В отличие от Германии, архивные документы «здесь не рассеяны по многим богатым хранилищам, а сосредоточены преимущественно в центральных архивах Москвы и С.-Петербурга». И если столичные исследователи могут работать с документами в читальных залах архивов, то такое положение «само по себе затрудняет работы местных обществ, иногда отстоящих от наших столиц на несколько тысяч верст». Забота о развитии исторических исследований на огромных пространствах родной страны и в дальнейшем пронизывала научно-организационную деятельность Лаппо-Данилевского.

Искомое систематическое собрание частных актов — это созданная в XVIII в. в результате секуляризации церковных земель коллекция грамот Коллегии экономии. Научное зна-

чение этого собрания «едва ли может подлежать сомнению» по нескольким причинам. Это — «самое обширное из известных нам собраний», в то же время в науке «им пользовались очень мало». Собрание чрезвычайно богато по составу: в нем представлены «чуть ли не все виды актов, утверждавших разнообразные гражданские сделки, в особенности, по вещному и обязательственному праву, как то: отпускные-выводные; духовные и раздельные; данные, меновные, доступные, даточные, закладные, купчие и договорные; ссудные записи и справочные письма... поручные, правые и т.д., а также челобитные, жалованные грамоты (с прочетом и без него), послушные и ввозные; разные распоряжения по внутреннему управлению, отписки, отписи и памяти; дела, наконец, выписи из книг и т.п.» Имеют научное значение и официальные акты Коллегии экономии, «ибо в них находятся сведения о тяглом населении, о поземельных отношениях монастырей друг к другу и к патриаршему дому, к волостям, частным лицам и посадам, об удельном и местном управлении, о повинностях и налогах, падавших на население, о поземельной и финансовой политике московского правительства, об опричнине и т.п.» Не только для исторического изучения ценны эти материалы: «писанные в разных местностях и в разное время, они содержат любопытный и малоизученный материал для истории русской диалектологии». Наконец, издание грамот, «большую частью уже поврежденных временем и плохо хранимых» позволило бы сберечь их содержание для будущих поколений исследователей.

Проанализировав издававшуюся Академией наук совместно с Московским архивом Министерства юстиции с 1887 г. серийную публикацию «Акты Московского государства», Лаппо-Данилевский предложил отказаться от ее продолжения. Это издание содержало «скорее образчики разрядного делопроизводства, а не систематический подбор материала для истории Разряда или Московского стола его», «крайне отрывочные выписки из дел, заслуживающих в целом внимательного изучения», — и в результате историографически и археографически устарело еще до завершения. Лаппо-Данилевский отмечал преимущество грамот Коллегии экономии «с теоретической точки зрения» как источника, позволяющего облегчить понимание многих сторон социальной истории и народного быта, и «с практической точки зрения»

как комплекса, значительно меньшего по объему, чем фонд Разрядного приказа, имеющего прежние архивные описи и «надежное описание трети всего числа грамот Коллегии экономии, составленное г. Шумаковым, который готов продолжить его со свойственной ему энергией». Таким образом, даже в условиях недостаточной изученности архивных материалов XVI-XVII вв. Лаппо-Данилевский выдвигал убедительные доводы и теоретического, и практического плана в пользу публикации грамот Коллегии экономии.

Историко-филологическое отделение Академии наук избрало для решения вопроса об издании комиссию в составе академиков К.Г. Залемана, Н.Ф. Дубровина, А.А. Шахматова, Ф.Е. Корша, А.И. Соболевского и адъюнкта А.С. Лаппо-Данилевского. Постановление комиссии о начале издания было 14 апреля 1901 г. утверждено общим собранием Академии³³. Но еще до этого, в январе 1901 г., Лаппо-Данилевский представил вторую часть своего плана издания, где сосредоточился на характеристике конкретных подготовительных работ для предполагаемой публикации³⁴.

Первым этапом этих работ он считал определение полного состава фонда грамот Коллегии экономии, исходя из того обстоятельства, что фонд этот не сохранился в целом виде, а «рукописные грамоты Коллегии экономии и аналогичные с ними акты можно разбить по местам их хранения на четыре группы»: основная в МАМЮ, коллекции И.Д. Беляева и Я. Гарелина в Румянцевском музее, ряд коллекций Публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук, сборники и разрозненные документы других архивов и библиотек. Из факта такого рассеяния материалов, предназначенных для издания, вытекала, как и в других публикаторских проектах, задача предварительного описания материалов. По отношению к МАМЮ Лаппо-Данилевский считал задачу решаемой усилиями С.А. Шумакова³⁵; для описания грамот в других хранилищах он разработал специальный формуляр, опубликованный в приложении к протоколам Отделения³⁶.

Видимо, предполагалось, что описанием грамот займутся сотрудники хранилищ: формуляру предпослана инструкция для составителя описания. Чтобы обеспечить точность описания, «ответы на вопросы /формуляра/ следует давать лишь в том случае, когда они почерпаются из самих

документов; догадки составителя описи допускаются только тогда, когда они основаны на источниках, ссылки на которые приводятся тут же, или когда высказаны в виде гипотезы, оговоренной самим составителем». Для описания каждого документа следовало ответить на тринадцать вопросов: место хранения (с архивным шифром); первоначальное местонахождение («то старинное установление, в делопроизводстве или архиве которого найден документ, например, вотчинная контора какого-либо частного лица, монастырь, приказ и т.п.»); к какому уезду относится (по возможности, в территориальном делении XVII в.); подлинник или список; год (от сотворения мира), месяц и число; контрагенты сделки (звание или состояние, имена с прозвищами) или такие же сведения об истце, ответчике и судье, о властях, от которых исходит распоряжение, и лицах, которым оно адресовано; разновидность документа («определяется главным образом тем специальным видом правоотношений, который им утверждается»); краткое заглавие документа (главным образом объект сделки, предмет распоряжения, судоговорения и т. п.); подписи, скрепы и пометы; печати; размеры документа и пр.); сохранность документа; предшествующие публикации. Кроме того, рекомендовалось в примечаниях помещать «сведения об особых уклонениях письменного акта от обычного типа и вообще все то, что составитель описи сочтет нужным сообщить».

Подробность описания по этому формуляру значительно превышала стандарты, принятые, скажем, при описании актов Археографической комиссии. От составителя «описи» требовались такие познания в области дипломатики, исторической географии, сфрагистики, библиографии, которых ни один тогдашний специалист не мог иметь в силу недостаточной разработки этих дисциплин. Естественно, что описание не могло быть выполнено силами сотрудников архивохранилищ. Описанием актов по схожей методике занялись ученики Лаппо-Данилевского, участники его университетского семинария. Эта работа имела результатом составление каталога частных актов, долго пополнявшегося уже и по смерти Лаппо-Данилевского и погибшего в блокадном Ленинграде³⁷.

При разработке плана издания Лаппо-Данилевский затронул и вопрос о порядке размещения в нем грамот, кото-

рый в дальнейшем был предметом полемики. Первоначально ученый склонялся к идее размещать грамоты по разновидностям: «Я полагал бы прежде всего весьма желательным ускорить сортировку грамот Коллегии экономии по разновидностям, которая и должна будет иметь коренное значение для составления нашего сборника грамот»³⁸. Однако характерная вообще для научной работы Лаппо-Данилевского крайняя основательность и осторожность побудили его обратиться за разрешением проблем, касающихся состава и структуры задуманного издания, к вердикту научного сообщества: он разослал письма ведущим историкам своего времени с просьбой высказать суждение: следует ли издавать только коллекцию грамот Коллегии экономии, сохранившуюся в МАМЮ, или привлечь и рассеянные по другим архивам и библиотекам акты; перепечатывать ли в новом издании уже опубликованные акты; располагать грамоты в издании по разновидностям, по хронологии или по территориям, где они возникли; как строить указатели к изданию. Ответы, полученные от М.А. Дьяконова, В.О. Ключевского, И.Н. Миклашевского, П.Н. Милюкова, С.В. Рождественского и др., весьма интересны, их изучение могло бы стать отдельной задачей. Для представления о мере увлеченности проблемой самого Лаппо-Данилевского достаточно привести его письмо Дьяконову, написанное в январе 1901 г. в ответ на присланное этим ученым мнение о задачах издания: «В Ваших ответах меня смущают, однако, два обстоятельства, на изложении которых я остановлюсь в надежде, что и Вы, с своей стороны, не побрезгаете ответить мне в том или ином смысле. Дело в том, что «поуездная» (областная) система издания, хотя и привлекает меня не менее Вас, однако вызывает и немало сомнений. Можно ли, например, признать территориальные деления (уезды, области) Московского государства вполне устойчивыми в течение такого длинного промежутка, как XV (даже XIV—XV) в.? И не будет ли большого произвола в установлении их, хотя бы на то употребить очень много времени и усилий? Ведь работа подобного рода будет исследованием, не находящим себе почти никакой опоры в предшествующей литературе и едва ли свободным от ученого субъективизма, не говоря о том, что даже после такой работы, как мне кажется, все же будет возникать множество чисто практических затруднений при зачис-

лении того или другого пункта в разное время к одному и тому же уезду, а тем паче области. Кроме того, мне думается, что цель, преследуемая поездной системой издания, едва ли не лучше может быть достигнута путем систематического расположения материала (хотя бы система и не отличалась чрезмерною дробностью групп). Ведь выяснение областных особенностей всего легче делать, как мне кажется, путем аналитического сравнения, т.е. путем сравнительного изучения актов одной и той же разновидности, но принадлежащих *разным* местностям; тогда отклонение от данной формулы в актах одной местности дипломатических приемов актов других местностей становится всего более заметным и указывает на областные различия, которые вслед за тем и можно подвергнуть изучению. Если же рассортировать грамоты по уездам и областям, то исследователю, который не примет на веру работы издателя-редактора, все равно придется сравнить данные разных уездов, духовные и т. п. между собою для выяснения областных различий. Поэтому ввиду двух вышеуказанных различий я склонен предпочесть издание по разновидностям актов частных и правительственных (хотя в последних разновидности могли бы быть довольно обширны по емкости), с тем, чтобы дать некоторый перевес в пределах каждой разновидности хронологическому их порядку»³⁹.

Впрочем, на решение вопроса о систематизации актов в издании могли влиять причины вовсе не научного свойства. Встретив недоброжелательное отношение к своему проекту со стороны руководства Архива Министерства юстиции, Лаппо-Данилевский писал в сентябре того же года директору Архива Д.Я. Самоквасову: «...В крайнем случае, Академия, вероятно, согласилась бы, отказавшись от научно-систематического издания грамот, *печатать их в том порядке, в каком они хранятся в Архиве*. Тогда пришлось бы просить Вас пересылать грамоты бывшей Коллегии экономии по картам в том порядке распределения грамот по уездам, в каком они были расположены в Архиве Министерства юстиции при бывшем директоре его П.И. Иванове...»⁴⁰.

В конечном счете, Лаппо-Данилевский остановился на «поездной» систематизации грамот, с расположением их по хронологии внутри каждого уезда. Однако когда в апреле 1901 г. общее собрание Академии утвердило план издания и

выделило средства на его осуществление, проблемы состава и систематизации материала еще далеко не были решены. Лаппо-Данилевский продолжал над ними работать вместе с коллективом своих сотрудников (Н.В. Борсуком, В.И. Веретенниковым, П.Д. Маштаковым, Н.М. Сидоровым, С.А. Шумаковым, позднее — А.И. Андреевым).

Изданием «Сборника» Лаппо-Данилевский считал собственноручно печатание его текста. Все, что печатанию предшествовало, он именовал «подготовительными работами к изданию», регулярно помещая отчеты об этих работах в «Известиях Академии наук». Работа велась в нескольких направлениях одновременно. Продолжалось выяснение первоначального состава коллежского собрания, для чего в 1903 г., например, обследовали рукописные фонды Императорской Публичной библиотеки. «Здесь оказалось несколько десятков грамот, в том числе довольно много пергаментных, по всей вероятности, входивших некогда в состав вышеназванной коллекции». Признаками принадлежности актов к коллекции служили «характерные пометы XVII и XVIII вв., совершенно сходные с коллежскими», и старинные номера листов, образующие с нумерацией актов одного уезда, хранящихся в МАМЮ и Румянцевском музее, одну сплошную последовательность». Эти наблюдения убедили Лаппо-Данилевского в том, что вышеназванные акты «должны быть включены в состав коллежского собрания; следовательно, их придется напечатать в «Сборнике» вместе с остальными грамотами, принадлежащими той же коллекции». В то же время, были выявлены и такие акты, которые близки к коллекции лишь по содержанию. Их в число подлежащих изданию не включили, но описание их внесли в каталог актов. Подобную работу С.А. Шумаков продолжал в Румянцевском музее⁴¹.

Остановившись на территориальном принципе систематизации, Лаппо-Данилевский поставил задачу реконструировать поуездные собрания грамот. Так, в отчете за 1907 г. он писал: «...Для восстановления фонда собственно важских актов оказалось возможным принять во внимание опись их, составленную в XVIII в. и, пользуясь нумерацией XVIII в., причислить к тому же фонду несколько актов из других уездов коллежского собрания и других хранилищ рукописей. На основании собранных таким образом данных Н.В. Бор-

сук выяснил фонд собственно важных актов, причем из рукописей Императорской Публичной библиотеки выделил несколько актов, относящихся к уездам Важскому и Двинскому и, вероятно, входивших в состав коллежского собрания»⁴². Понятно, как далека цель восстановить первоначальные поездные собрания актов в их издании от ранее признанной возможности печатать грамоты по уездам в том порядке, в каком они были расположены в архиве при директоре П.И. Иванове. Понятно и почему осуществление этой цели потребовало многолетних усилий. В конечном счете, удалось реконструировать территориальные собрания нескольких северных уездов. После их напечатания у издателей «Сборника» по существу не оставалось материала: для того, чтобы его получить, требовалось провести многотрудную реконструкцию территориальных собраний актов других уездов.

Возникает вопрос, почему Лаппо-Данилевский не поставил в издании задачу реконструировать документальные фонды отдельных монастырей, из которых явно складывались поездные собрания. Это может объясняться недостаточной изученностью в то время монастырских копийных книг, сложностью состава монастырских архивных фондов, включавших массу документов прежних владельцев отошедших к монастырю земель, а также тем обстоятельством, что при формировании коллекции грамот Коллегии экономии в XVIII в. в нее включались только тщательно отобранные владельческие документы из всего монастырского документального собрания. По этой причине указанная коллекция плохо соотносится с содержанием монастырских архивов, отраженным соответствующими монастырскими описями. Издателями «Сборника» была детально изучена история фонда грамот Коллегии экономии — немаловажная страница истории отечественного архивного дела. Результаты изучения были представлены в предисловии к «Сборнику».

Тесно связана с установлением состава публикуемых актов была задача историко-географическая — установления границ старинных уездов и принадлежности к тому или другому из них упоминаемых в грамотах населенных пунктов и земельных владений. И этот вид работы потребовал долговременных изысканий по разнообразным источникам. Уже весной 1902 г. «Академия рассматривала карту облас-

тей, на которые могут быть распределены коллежские акты и грамоты по происхождению их, причем изготовление ее, разумеется, стоило большого труда»⁴³. В дальнейшем были составлены детальные карты северных уездов и географические указатели.

Известную трудность вызвало размещение в издании древнейших актов Двинского края (напечатанных А.А. Шахматовым в «Исследовании о двинских грамотах»). Так как они не датированы, приходилось искать какое-то основание для их хронологического расположения в «Сборнике». Лаппо-Данилевский писал: «Вышеназванные акты принадлежали Николаевскому Чухченемскому монастырю, от которого они, вероятно, и поступили в коллежское собрание. Критерием размещения древнейших двинских грамот, наиболее естественным и соответствующим хронологическому расположению несколько позднейших, я считал бы возможным признать ту последовательность, в какой они помечены особого рода буквенными пометами еще в древности, может быть, самим монастырем. Согласно сделанным мною указаниям составленная П.Л. Маштаковым синоптическая таблица древнейших и позднейших помет ясно показывает, что эти акты можно легко расположить в серию, которая... представляет непрерывный ряд номеров...»⁴⁴. Так тщательное изучение особенностей монастырского архивного дела помогало ученому устанавливать важнейшую источниковедческую характеристику — хронологию публикуемых документов.

Упоминавшаяся уже работа по описанию актов — первоначально только относящихся к коллекции Коллегии экономии, а затем и шире — частных актов Московского государства, привела не только к составлению обширного каталога частных актов и подробной библиографии их изданий, но и имела результатом решение важнейшей для издания «Сборника» проблемы установления разновидностей актов. По воспоминаниям С.Н. Валка, работавшие над каталогом участники кружка университетских студентов под руководством Лаппо-Данилевского (работа началась в 1903 г.), изучили огромное число актов, постепенно составили большой словарь наименований актов, что позволило судить о том, какими терминами обозначалась та или иная разновидность акта, и исключить ошибки и случайности в заголовках актов в издании. В феврале 1917 г. Лаппо-Данилевский

предложил «важный для филологической науки» терминологический словарь к печати, но вышел он только в 1922 г. «под редакцией и с предисловием А.И. Андреева»⁴⁵. По замечанию С.Н. Валка, разработка учения об актовой терминологии имела большое практическое значение: без этого «стала традиционной невообразимейшая путаница в обозначении наших древних актов, господствующая даже в лучших, казалось бы, изданиях»⁴⁶.

Предметом непрестанных забот Лаппо-Данилевского была выработка правил издания «Сборника грамот Коллегии экономии». В отчете за 1901 г. он упоминал, что «Академия вырабатывает теперь правила составления формул и регест некоторых из печатаемых документов»⁴⁷, а в отчете за 1912 г. сообщал, что «оказалось желательным привести в систему и те правила издания грамот, которые я вырабатывал постепенно, по мере приготовления их к изданию», и просил Отделение «разрешить печатать собрание этих правил на правах рукописи в небольшом количестве экземпляров для руководства лицам, участвующим в работах по изданию»⁴⁸. Разрешение было получено, но до окончания правил было еще далеко. Лаппо-Данилевский не раз перерабатывал их текст даже после начала их печатания: сохранились корректуры с его исправлениями⁴⁹. Правила вышли в свет только в 1922 г., причем неустанные исправления Лаппо-Данилевского привели к тому, что не все требования правил были соблюдены в самом издании «Сборника».

Уже из этого обстоятельства видно, что правила представляют собою необычный памятник археографической мысли. Необычен и состав «Правил издания Сборника грамот Коллегии экономии» (Пг., 1922). По своему объему они превышают любой другой археографический нормативный документ, созданный в дореволюционной России. В 10 разделах, 240 параграфах «Правил» рассматриваются такие вопросы, оговаривать которые в правилах издания не приходило в голову предыдущим поколениям археографов. В числе этих вопросов – характеристика «рукописного фонда, подлежащего изданию», принципы реконструкции фонда грамот Коллегии экономии и критерии зачисления в этот фонд документов, попавших в другие архивные собрания. Была разработана предварительная классификация грамот с точки зрения их подлинности. В первом параграфе правил

был определен состав введения к «Сборнику», лишь частично воплощенный в издании. Помимо истории образования и состава фонда, там следовало рассмотреть «пределы пространства и времени, к которым относятся грамоты, и их распределение — топографическое и хронологическое, их разновидности и их соотношение, их дипломатические особенности и общее значение, предшествующие издания их совокупности или более или менее крупных частей и т.п.» Весьма обстоятельно разработан третий раздел, нормирующий составление заголовков, детализированы требования к обозначению разновидности актов, лиц и предметов сделки. По замечанию С.Н. Валка, этот раздел тесно связан с дипломатическим изучением разновидностей древнерусского акта, один из результатов такого изучения — учение об актовой терминологии, развитое Лаппо-Данилевским в его курсе русской дипломатики частных актов⁵⁰. Новым приемом, предложенным Лаппо-Данилевским для фиксации результатов изучения дипломатического состава акта, было деление текста на клаузулы при его передаче в издании.

Лаппо-Данилевский уже в 1901 г. предложил сокращенное издание документов в виде регест и писал в отчете о составлении правил подготовки таких регест. В дальнейшем он развил методы сокращенной передачи текста в «Правилах». По словам С.Н. Валка, «склонный к условным математическим обозначениям Лаппо-Данилевский сделал опыт применить прием сокращения текста, не известный еще ни в западной, ни в русской археографии» путем «замены встречающихся в тексте затверженных формул особыми условными обозначениями»⁵¹. Предполагалось составить особую таблицу формул, при помощи которой полный текст мог быть восстановлен. Такая система позволила бы значительно сократить объем публикации.

Правилами предусматривалось составить роспись хранилищ и фондов рукописей, географическую и хронологическую росписи грамот, роспись их разновидностей и список изданий, в которых напечатаны некоторые из грамот «Сборника».

Впервые правила устанавливали особенности внешнего вида издания. В отличие от предшествующих нормативных документов, здесь были определены не только число столбцов текста на странице набора, но и шрифты (прямой для

текста источников и курсив для всего, исходящего от редакции — § 233), колонтитулы и колонцифры, даже величина пробелов в тексте и указателях. По замечанию С.Н. Валка, «каждый из этих вопросов заслуживает такого разрешения, которое должно принять во внимание именно особенности данного сборника»⁵². Лаппо-Данилевскому было ясно, что это не мелочи, а лицо научного издания.

«Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии» имели выдающееся значение в отечественной археографии, далеко выходящее за пределы их прямой функции, — определять нормы издания конкретного сборника документов. В результате многолетней работы над текстом «Правил» Лаппо-Данилевского «оказался составленным труд, который далеко превзошел собою все аналогичные западноевропейские образцы правил издания документов» и подвел итог длительного периода развития русской археографии в данной области. Впервые в издательских правилах были столь подробно разработаны вопросы установления состава издания, требования сличения текстов издаваемых грамот, приемы составления разного рода справочных таблиц. Ряд терминов, употребленных Лаппо-Данилевским в «Правилах» (легенда, начальный протокол, конечный протокол и др.), вошли с того времени в общее употребление. «Подробнейшие, доходящие иногда до установления многих частных, эти правила передачи текста, составления заголовков и т.д. содержат ряд существеннейших общих наблюдений над особенностями этих сторон издания документов. Достаточно, например, просмотреть статьи правил, относящиеся к вопросам синтаксического расчленения текста акта при помощи постановки знаков препинания, чтобы найти здесь ряд общих положений, столь же существенных для особых целей издания древнерусских грамот, сколь и важных для вопросов издания всякого древнерусского текста; статьи же, например, о заголовках или легендах во многом могут быть применены к вопросам издания исторических разнообразнейших документов и отнюдь не только древнерусских»⁵³.

«Правила» Лаппо-Данилевского утвердили несомненный с того времени приоритет «культуры правил» над «культурой обычая» в отечественной археографии. Мало того, как отмечает С.Н. Валк, строго разработанная и вместе с тем отчетливая система «Правил» послужила несомненным об-

разцом для всех последующих наших работ по составлению правил издания документов⁵⁴. Весьма характерно, что в 1920-30-х гг. составлением таких правил и их теоретическим изучением занимались ученики Лаппо-Данилевского. Сам С.Н. Валк опубликовал в 1926 г. «Проект правил издания трудов В.И. Ленина»; подготовленный А.А. Шиловым проект «Правил по подготовке к изданию документов нового времени (XIX–XX вв.)» появился в 1935 г.; «Правила издания документов XVI–XVII вв.» вышли в 1936 г. под редакцией Б.Д. Грекова. В предисловии к последним составители указали, что следовали «Правилам издания Сборника грамот Коллегии экономии» в качестве «основы и отправного пункта» для своей работы⁵⁵.

Работа по собственно печатанию «Сборника грамот Коллегии экономии» началась только после нескольких лет подготовительной деятельности, которую нельзя назвать иначе, как научно-исследовательской. Лишь 5 ноября 1908 г. Лаппо-Данилевский представил Историко-филологическому отделению Академии наук приготовленный к печати текст древнейших грамот по Двине и получил разрешение передать его в типографию⁵⁶. Однако печатание подвигалось медленно, так как древнейшие грамоты представляли наибольшие трудности для передачи текста. По словам А.И. Андреева, эти листы издания выдерживали до шести корректур, чтобы обеспечить максимальную точность воспроизведения текста. Как было установлено уже при начале издания, одна из корректур просматривалась специалистами-филологами — А.А. Шахматовым и А.И. Соболевским. Позднее установился порядок, когда окончательной считалась четвертая корректура⁵⁷. К январю 1910 г. удалось напечатать 5 листов «Сборника»⁵⁸. И в дальнейшем Лаппо-Данилевский не раз жаловался на задержки, которые происходили даже не по вине составителей издания, а по вине типографии. Поскольку из-за всех этих затяжек получить готовый том издания надежды не было, Лаппо-Данилевский стал рассылать специалистам чистые листы двинских грамот. В мае 1917 г. М.М. Богословский благодарил его за такую посылку⁵⁹. Вышел в свет первый том «Сборника» только в 1922 г., с предисловием А.И. Андреева, но не в полном составе: ряд предусмотренных «Правилами» элементов научно-справочного аппарата (росписи хранилищ и фондов рукописей, рос-

пись разновидностей грамот, список прежних изданий грамот) пришлось отнести в конец второго тома, вышедшего в 1929 г. На втором томе издание оборвалось. Отчасти это объясняется причинами научного характера: сложнейшую подготовительную работу, осуществленную с материалами северных уездов, предстояло перенести на типологически весьма от них отличающиеся материалы других уездов. Но главным оказался фактор вненаучный: начавшийся в 1929 г. погром исторической науки в виде печально знаменитого «Академического дела» разрушил в числе многих и это публикаторское начинание.

Научное значение «Сборника» определялось прежде всего тем, что это было первое столь большое издание русских северных актов. Им в значительной мере подготовлено успешное развитие исследования социально-экономической истории Русского Севера в XX в.⁶⁰ Исследования, осуществленные Лаппо-Данилевским в ходе подготовки издания, продвинули вперед развитие таких специальных дисциплин, как дипломатика, историческая география, библиография и др. Особенно выделяется археографическое значение «Сборника» как «неоспоримого образца для всякого будущего издания актового материала»⁶¹. Велико было значение издания и для творчества самого Лаппо-Данилевского. Обогащенный разносторонним археографическим и научно-организационным опытом, ученый предпринял ряд новых издательских начинаний для введения в научный оборот иных типов исторических источников.

Уже вскоре после начала работы над грамотами Коллегии экономии, в октябре 1902 г., Лаппо-Данилевский выступил на заседании Историко-филологического отделения Академии наук с проектом издания «Памятников старинного русского законодательства XVII—XIX веков». В поданном им в Отделение заявлении говорилось: «Одною из самых существенных потребностей русской исторической науки должно, конечно, признать критическое издание важнейших памятников старинного русского законодательства. «Законы древние», как то: Русская Правда, Судебники и проч. уже имеются в изданиях императорской Археографической комиссии и частных лиц, но научных изданий Уложения царя Алексея Михайловича и последующих законодательных актов 1649—1832 гг. до сих пор еще не существу-

ет: русским историкам приходится пользоваться совершенно устаревшими и мало пригодными для научных работ сборниками XVIII в. или Полным собранием законов. Нельзя не заметить, однако, что Полное собрание законов было составлено не столько в виду научных, сколько практических целей, главным образом, для толкования действующих законов и для кодификационных работ. В числе «побочных» причин издания, впрочем, также «немаловажных», II Отделение собственной его величества канцелярии, правда, признало и значение его для изучения истории русского государства; но в своем громадном труде оно не могло останавливаться на истории текста даже важнейших узаконений, их редакций, разночтений и т.п.; воспроизводя подлинные тексты лишь в окончательном их виде, оно не избегло и опечаток...» Лаппо-Данилевский предложил «в интересах занимающихся русской историей предпринять научное издание памятников русского законодательства XVII—XIX вв.» коллективными усилиями, причем печатать эти памятники отдельными выпусками, по мере приготовления их текстов, не ограничиваясь заранее утвержденным планом. Отделение одобрило это предложение и положило просить Лаппо-Данилевского «войти в сношение с учеными специалистами, а по мере окончания ими работ представлять их на рассмотрение Историко-филологического отделения»⁶². Однако финансирования нового издания установлено не было, что впоследствии сказалось на его судьбе.

Изложенный проект отнюдь не был случайным для Лаппо-Данилевского. Интерес к истории законодательства унаследован им от историко-юридического направления. Задачу своего обширного труда по новой русской истории, который так и остался незавершенным, ученый определял как «исследование русской общественной жизни XVIII века, материальных, а отчасти и духовных факторов ее культуры, и взаимоотношения, какое обнаруживалось между ее проявлениями и правовыми нормами»⁶³. Уже в 1897 г. он посвятил обширный труд изучению «Собрания и свода законов Российской империи», составленного при Екатерине II под названием «Описание внутреннего правления Российской империи»⁶⁴. По словам А.Е. Преснякова, «исследование, посвященное «Описанию», рассматривает его не только как опыт кодификационной работы, но и как ценный материал

для изучения русского правосознания во второй половине XVIII века... Само изучение это знакомит с ходом работы и приемами составления «Описания», дает оценку общего его значения, довольно сложного, так как оно, ввиду разнообразия задач, какие преследовали составители, должно было оказаться одновременно и полным собранием узаконений, и сводом законов, и учебником по законоискусству, составленным к тому же в определенном официозном направлении; наконец, выясняет и обстоятельства, приведшие к тому, что «Описание» осталось необнародованным. обстоятельная и сложная работа А[лександра] С[ергеевича] над открытым им памятником носила характер предварительного его обследования; более детальная разработка должна была быть связана, по его мысли, с изданием всего материала, какой «Описание» дает в дополнение к Полному собранию законов»⁶⁵. Таким образом, мысли об издании законодательных памятников XVIII в. зародились у Лаппо-Данилевского еще до появления рассматриваемого проекта. Понятно поэтому, что в проекте они были оформлены в разработанную идею систематической многотомной публикации.

Лаппо-Данилевский обратился с предложением сотрудничать в деле издания законодательных памятников к специалистам — историкам и юристам. Многие из них были видными учеными. За издание крупнейшего и первого в серии памятников — Соборного уложения 1649 г. — взялся М.А. Дьяконов, тогда профессор Юрьевского университета. Для консультаций по вопросам церковного права, служащего предметом некоторых глав Уложения, пригласили молодого византиниста В.Н. Бенешевина, уже зарекомендовавшего себя в качестве знатока канонического права. Затем ему было поручено издание Кормчей книги 1653 г. Новоторговый устав 1667 г. должен был готовить О.И. Остроградский. В дальнейшем распределили по предполагаемым публикаторам и ряд других памятников. Воеводские инструкции Петра Великого взял М.М. Богословский, коллежские регламенты — Н.П. Павлов-Сильванский, Устав воинский 1716 г. — А.А. Жижиленко, Генеральный регламент 1720 г. — В.Г. Дружинин, Духовный регламент 1721 г. — сначала П.В. Верховский, а с 1907 г. — А.В. Карташев. Наряду с петровской эпохой особое внимание уделялось «веку Екатерины». За издание ее «Наказа» взялся И.Д. Чечулин,

Учреждения о губерниях — сам Лаппо-Данилевский (указатели к публикации должен был составить М.В. Клочков), Городового положения 1775 г. — А.А. Кизеветтер, Жалованной грамоты дворянству 1785 г. — В.Н. Сторожев, Устава благочиния — Ф.В. Тарановский. А.Е. Пресняков в письме к Лаппо-Данилевскому предложил начать издание важнейших законодательных проектов начала XIX в. — Конституции Царства Польского, проектов М.М. Сперанского, И.Н. Новосильцева⁶⁶. Об отношении Лаппо-Данилевского к этому предложению не знаем.

Как и при подготовке «Сборника грамот Коллегии экономики», ученый был озабочен определением принципиальных оснований нового издания, приведения в систему его приемов. Сохранилась черновая рукопись правил издания «Памятников русского законодательства»⁶⁷. В этом наброске намечены вопросы состава издания, установления текста памятников, научно-критической обработки текста, кроме того, сформулированы два пункта, относящиеся к передаче текста. После обозначения хронологических рамок издания установлено, что «переизданию в названной серии подлежат преимущественно те узаконения, текст которых имел известную историю и нуждается в научно-критической обработке». В качестве источников такой обработки выступали, в частности, «проекты и тому подобные материалы, не получившие силы закона», которые «должны быть принимаемы во внимание при издании, но не в качестве самостоятельных памятников, а в качестве вспомогательного материала для издания соответствующих памятников законодательства». Исключение делалось для таких источников (например, воеводских инструкций, Наказа императрицы Екатерины II, генерал-прокурорского наказа и т. п.), которые «заменили собою по данному предмету цельный памятник или находились с ним в теснейшей связи». Эти источники также подлежали переизданию.

Набросок правил предусматривает, что «печатание каждого памятника производится на основании рукописных его текстов, имеющих отношение к печатному, причем устанавливаются основные редакции... и выясняется их взаимоотношение и отмечаются перемены, происшедшие в высочайше утвержденном тексте». Правда, оговорено, что такие перемены могли произойти и в ходе печатания узаконения,

«что может придавать и первым изданиям их самостоятельное научное значение». При установлении источников текста «сверх указанного рукописного материала желательно принимать во внимание проекты, записки, мнения и проч., имеющие прямое отношение к данному памятнику». Установление источников текста и права пользоваться другим рукописным материалом было закономерно отнесено «на усмотрение самого редактора». Обязательным требованием здесь являлось изучение истории текста законодательного памятника прежде его издания.

В наброске правил намечены основные направления такой предварительной «научно-критической обработки текста», включавшей как археографические, так и текстологические задачи. Редактор издания должен был дать «точное описание рукописей (происхождение данной рукописи и первоначальное место хранения; место, в котором она хранится в настоящее время, фонд, № и проч., число листов и склеек, степень сохранности; оригинал или копия и т. п.; печати и проч.)». Затем следовало «установление основных редакций (стадии работы, комиссии для рассмотрения данного проекта, степень и род воздействия на него законодателя и т. п.)» и определение источников данного памятника, «по возможности, применительно к каждой статье». Результаты этого предварительного исследования должны были отразиться во введении к публикации и в примечаниях к ее тексту. «Желательно, чтобы читатель при справках мог иметь историю каждой статьи в примечаниях к каждой из них на глазах».

Приемы передачи текста в наброске предполагалось, видимо, обозначить в самом общем плане. Это и неудивительно, если иметь в виду значительный хронологический охват задуманного издания и разнородность памятников, какие предполагалось в него включить. Поэтому устанавливалось, что «правописание по возможности соблюдается в духе самого подлинника, но в нем выбираются преимущественно те способы написания, которые ближе всего к современным нам приемам...» Здесь очевидна существенная разница с приемами передачи текста актов, где правозначашее содержание отражается в самих способах написания и конструкции текста. Исключение делалось для «особенно сложных или почему-либо любопытных случаев (например, подлинный текст Уложения 1649 г., подлинники рукописи Пет-

ра Великого или Екатерины II)». Для того, чтобы читатель получил представление об оригиналах, они «воспроизводятся в виде образцов на цинкографических таблицах». Вместе с тем правила ограждали подлинный текст от бесконтрольного вмешательства редактора: «редакторские поправки вносятся в текст не иначе, как в прямых скобках». В целях точности передачи текста «последняя корректура текста производится по рукописному подлиннику».

На этом набросок обрывается, но сохранившиеся первые слова следующего пункта показывают, что требования к передаче текста были на этом исчерпаны. Конечно, зная особенности работы Лаппо-Данилевского, можно полагать, что он не ограничился этим ранним вариантом правил, а продолжал их разработку и в дальнейшем. Следов такого рода деятельности пока не обнаружено. Зато в переписке ученого сохранились сведения о том, как внимательно относился он к занятиям специалистов, взявшихся за издание памятников русского законодательства, как старался содействовать этим занятиям и облегчать их.

М.А. Дьяконов готовил к изданию «стартовый» том серии, Соборное уложение 1649 г. В письмах к нему Лаппо-Данилевский не только спрашивал о ходе подготовки, но и сообщал о своих усилиях помочь работе. Так, 5 мая 1903 г. он писал Дьяконову: «Можно было бы к весне будущего года попытаться (в Историко-филологическом отделении Академии наук) припасти для Вас маленькую сумму (рублей в 200) для поездки в Москву», где в Архиве Министерства иностранных дел хранился подлинный столп Уложения⁶⁸. 4 сентября Лаппо-Данилевский предупредил желание Дьяконова выписать рукопись Уложения в Петербург (вскоре ему удалось это сделать через Академию наук) и писал, что «разыскание источников [текста], особенно греческих, — хлопотливо», говоря о своем намерении привлечь к участию в издании Уложения «постольку, поскольку дело касается византийских источников», — В.Н. Бенешевича⁶⁹. В другом письме ученый признавал, что «очень трудно будет задаваться мыслью проследить источники Уложения по рукописным данным. Взять хотя бы главы о вотчинах и поместьях: ведь в таком случае нужно пересмотреть все делопроизводство Поместного приказа до 1648 г., а такая работа может продлиться десятки лет... Тем не менее, печатные ис-

точники, несмотря на некоторую случайность их, следовало бы, кажется, иметь в виду». Здесь же Лаппо-Данилевский писал о состоянии рукописей Уложения: кроме подлинного столпа «в одном Арх[иве] Мин[истерства] иностр[анных] дел есть до 10 списков XVII века, один из них с примечаниями [А.Ф.]Малиновского; да и в других хранилищах кое-что, пожалуй, найдется»⁷⁰. В духе наброска правил ученый вел дело к отказу от исключительной опоры в издании на текст подлинного списка, но убедить в этом Дьяконова, кажется, не удалось.

Заметим, что при подготовке новейшего научного издания Соборного уложения было установлено, что текст, написанный на свитке, претерпел правку редакционного характера при первой и второй публикациях типографским способом в 1649 г. Поэтому в основу издания было положено второе старопечатное издание «как наиболее полное, исправленное и уточненное, являющееся окончательным вариантом законодательного памятника», рукописное же Уложение на свитке использовано для вариантов⁷¹.

8 мая 1904 г. Лаппо-Данилевский напоминал Дьяконову о том, что Бенешевичу «хотелось бы знать, к какому времени ему готовить свою часть и какие главы или статьи не касаются его, или лучше, какие именно нуждаются при издании в его содействии». Впрочем, наладить сотрудничество двух редакторов так, видимо, и не удалось. Здесь же Лаппо-Данилевский предлагал, в случае готовности указателя к Уложению, напечатать его «в формате издания Пам[ятников] законод[ательства] с тем, чтобы не выпускать до изготовления всего текста, но несколько экземпляров раздать сотрудникам для пользования»⁷². 11 октября ученый сообщал, что «листки из указателя к Уложению получены и сданы в типографию. По отпечатании мы разошлем их сотрудникам». То же он намеревался сделать и с указателем к Учреждению о губерниях, составляемым Клочковым. Эти указатели должны были, видимо, служить образцом для других изданий. Вновь заходит речь о Бенешевиче, который «все ждет указаний», а также о «собрании сотрудников», назначенном на 6 декабря в Петербурге⁷³.

В октябре 1905 г. Лаппо-Данилевский уговаривал Дьяконова «посвятить хотя бы одно утро на Уложение», свиток которого был к тому времени выписан в Государственный

архив МИД в Петербурге. Ученый намечает для Дьяконова целый план «распределения работы» над рукописью: «1) просмотрев столбец, выделить то, что мог бы сделать Бенешевич; 2) выяснить, нельзя ли поручить второстепенную работу кому-нибудь под Вашим наблюдением (человек нашелся бы); 3) отметить те места, которые представляют больше сложности и могли бы быть сфотографированы. По последнему поводу я беседовал с [В.В.]Радловым: у него есть фотограф; он может изготовить снимки по 50 коп., да за работу на месте (единовременно) придется уплатить рублей 10, не больше»⁷⁴.

Неизвестно, было ли что-то осуществлено из этой программы. Дело издания у Дьяконова все затягивалось, пока совсем не заглохло. Но уже и после того, как сам Дьяконов стал в 1912 г. академиком и принимал участие в заседаниях Отделения, распределявших ассигнования на научные нужды, Лаппо-Данилевский напоминал ему о необходимости отправить в московские архивы помощника «для подбора и описания рукописей, нужных для издания Уложения и Учреждения о губерниях». На основании такого описания «нужное можно было бы выписывать сюда». Перечисляя издательские планы Отделения, Лаппо-Данилевский писал Дьяконову с некоторой безнадежностью: «Уложение — от Вас зависит»⁷⁵. Длительная работа Дьяконова над подготовкой издания Уложения имела результатом только обстоятельный источниковедческий очерк об этом памятнике в его «Очерках общественно-го и государственного строя древней Руси»⁷⁶.

В письмах Лаппо-Данилевского мы находим лишь частичное отражение усилий, которые он прилагал для оживления работы над изданием: помимо эпистолярного, шло и живое общение ученых. А ведь это только одно из десятков изданий, которые были задуманы. Поистине огромной была научно-организаторская работа Лаппо-Данилевского, вложенная для осуществления проекта публикации «Памятников старинного русского законодательства». Причиной того, что эти усилия принесли минимальные результаты, стала вечная российская беда — недостаток материальных средств.

Материал для суждения об археографических особенностях предполагавшейся серийной публикации все-таки есть — это подготовленное Н.Д. Чечулиным издание Наказа Екатерины II⁷⁷. Можно полагать, что в подготовку этого издания

Лаппо-Данилевский вложил не меньше энергии и организаторских усилий, чем и в несостоявшуюся публикацию Уложения. В конце предисловия к тексту Наказа Чечулин писал: «Считаем своим долгом засвидетельствовать искреннюю признательность академику А.С. Лаппо-Данилевскому за постоянное внимание его к нашей работе, за его деятельное и крайне ценное для меня в ней участие». В составе и структуре издания отразились как идеи серии «Памятники русского законодательства», так и некоторые положения упоминавшегося наброска правил, составленных для нее.

Обширное предисловие к Наказу, помимо общих замечаний о значении источника и о приемах его издания, содержит три раздела. В первом даны описания и выписки из рукописных материалов для Наказа, хранящихся в Библиотеке Академии наук, Государственном архиве МИД, архиве Правительствующего Сената и Императорской Публичной библиотеке. Описание это весьма подробно и содержит обширные цитаты из рукописей. Чечулин писал: «Все, что в рукописях, непосредственно посвященных Наказу, оказалось сверх вошедшего в печатный текст (Наказ был первоначально опубликован в 1767 г.) — все это ныне издается; таким образом получается возможность выяснить и постепенный ход работы по составлению Наказа, и все те изменения, каким он подвергся»⁷⁸. Действительно, к примеру, рукописный том материалов для Наказа, сохранившийся в БАН, фолиант объемом в 504 страницы, описан лист за листом. Напечатано все, что не вошло в печатное издание Наказа. Второй раздел предисловия посвящен установлению источников Наказа. Приведены ссылки на заимствования из произведений Монтескье, Беккариа и других западноевропейских мыслителей, вдохновлявших Екатерину. Третий раздел представлял «материалы и для суждения о том влиянии, какое имел Наказ на законодательную и административную практику». Эта, казалось бы, необозримая задача решалась достаточно просто: из Полного собрания законов были извлечены ссылки на Наказ, которые встречаются при мотивировке того или иного решения в конце XVIII — начале XIX в. Объем предисловия значительно превысил объем самого текста памятника.

Основным источником текста Наказа служила первая его публикация, но русский текст был сверен с рукописным

подлинником, подписанным собственноручно Екатериной II. Французский текст, печатаемый в издании параллельно с русским, был сверен с текстом четырехязычного издания 1770 г. Орфографические особенности подлинника сохранялись тогда, когда они имеют фонетическое значение. Сверка с рукописью привела к упрощению слога Наказа, были восстановлены такие формы, как «такой», «другой», «судить» оригинала, замененные в первопечатном издании на «такий», «судити» и пр. По большей части была восстановлена и расстановка знаков препинания подлинника. Важным элементом научно-справочного аппарата издания стали подстрочные примечания: в них «указаны источники каждой статьи, которые могли быть установлены». Однако «указывать в подстрочных примечаниях все постепенные изменения, каким подвергались иные статьи при неоднократной их переписке, не признано было необходимым». Только для одной из рукописей, отразивших изменения текста Наказа, сделано было исключение. «Подробно отмечены изменения, внесенные в переписанный [Г.В.]Жоцицким текст Наказа, хранящийся в Правительствующем Сенате: этот именно экземпляр был исправлен по указаниям тех лиц, с которыми императрица советовалась; таким образом, сравнение печатного текста с этим уясняет, что и как изменено было императрицею под влиянием ее советников»⁷⁹. Факт этого влияния был давно известен в науке. Издание Наказа впервые дало исчерпывающий материал, позволявший изучить данную тему.

К изданию текста Наказа, как и предусматривалось наброском правил, были приложены фотомеханические снимки нескольких листов рукописи Наказа, написанных собственноручно Екатериной II.

Издание Наказа обращает на себя внимание обстоятельной научной разработкой рукописного материала, относящегося к памятнику. Такая разработка должна была проводиться и при издании других томов серии «Памятники русского законодательства». Приходится отметить, что даже во многих позднейших изданиях законодательных источников (например, «Памятники русского права») археографическая подготовка не поднялась на тот уровень, какой предусматривался проектом Лаппо-Данилевского.

Работа по осуществлению этого проекта, естественно, сказалась на творчестве ученых, в ней участвовавших. Так,

А.А. Кизеветтер готовил издание Городового положения 1785 г. В отчете о ходе подготовки за 1905 г. он писал: «С целью обставить издание... надлежащим критическим аппаратом, я приступил к предварительным архивным разысканиям в двояком направлении: 1) для освещения процесса выработки Городового положения 1785 г. и определения его источников и 2) для изучения порядка и условий введения указанного закона в действие вслед за его обнародованием в 1785 г.» Изучались первоначальные проекты Городового положения, а также русские и иноземные законодательные акты, близкие по содержанию к этому памятнику. «Сопоставление различных проектов Городового положения между собою, а также и с тем окончательным текстом, который получил силу закона, дает возможность наметить несколько предварительных редакций, соответствовавших различным моментам в ходе выработки этого законодательного памятника, а рассмотрение... иноземного законодательного материала вскрывает несомненные источники ряда статей и целых отделов Городового положения»⁸⁰. Текст памятника так и не был опубликован Кизеветтером, но в 1909 г. ученый издал «Опыт исторического комментария», где поместил все собранные материалы по истории выработки Городового положения, обзор его источников и сведения о применении его в русском муниципальном устройстве⁸¹. В предисловии к книге автор, правда, не упоминал о серии «Памятники русского законодательства», говоря, что тема стала продолжением его изучений русской посадской общины.

Ободренный выходом в свет издания Наказа, Лаппо-Данилевский сообщал Отделению об этом событии 24 января 1907 г.⁸². В январе 1909 г. он выступил с новой инициативой — параллельно «Памятникам» издавать новую серию «Материалов». Он писал в представленной Отделению записке: «При изучении истории текста некоторых памятников русского законодательства и архивных разысканиях, сопряженных с таким изучением, исследователи встречают новые материалы для истории русского законодательства, письма, бумаги, проекты, указы, «книги» и т.п., содержание которых представляет большой научный интерес частью для истории возникновения текста, частью для истории применения законов в жизни, но далеко не все может быть использовано при издании «Памятников». Весьма же-

лательно было бы в дополнение к серии «Памятников» издавать «Материалы для истории русского законодательства», которые могли бы выходить отдельными выпусками в приложении к изданию соответствующих памятников, например, под заглавием: «Материалы для истории Новоторгового устава», «Материалы для истории Учреждения о губерниях» и т. п.»⁸³.

Тогда же С.Б. Веселовский предложил издать акты таможенного дела в качестве «Материалов» к Новоторговому уставу⁸⁴. Мотивируя свое предложение возросшим интересом историков к изучению хозяйственного быта России, Веселовский считал, что для издания Новоторгового устава «в исторической литературе почва недостаточно подготовлена». Так как таможенная реформа 1667 г. стала результатом указанной деятельности приказов, необходимо предварительно изучать акты таможенного дела, в первую очередь уставные грамоты. Ученому удалось обнаружить в архивах 14 новых уставных грамот (до того было издано 20). Их тексты должны были составить ядро нового издания. Но к ним «было бы весьма желательно присоединить другие акты таможенного дела, как, например, грамоты к таможенным головам по поводу сбора тех или иных пошлин, которые были посылаемы из приказов, когда между головами и населением возникали недоразумения; грамоты, уполномочивавшие голов собирать такие пошлины, которых не было в уставных грамотах; характерные случаи злоупотреблений голов; челобитья торговых людей по поводу сбора таможенных пошлин и т. п.» Эти документы позволяли оценить практическое значение уставных грамот и проследить постепенное изменение строя таможенного обложения. Дальнейшей задачей Веселовский считал издание таможенных книг, по которым можно видеть, «каким образом применялась казуистика таможенных уставных грамот к жизни... Изучение уставных грамот и всего строя таможенного обложения будет вследствие этого значительно облегчено». Таким образом, предполагаемое издание Новоторгового устава вовлекало в виде «материалов» к нему в дело публикации весьма широкий круг источников по истории таможенного обложения XVII в.

Вызывает большое сомнение возможность для Академии наук не только финансировать, но и координировать так расширявшиеся издательские планы. Выдвинутые Лаппо-

Данилевским новые издательские проекты едва ли могли получить осуществление на тогдашнем уровне организации гуманитарной науки в России и при тогдашних материальных возможностях научных учреждений. Тем важнее эти проекты как завет будущим археографам.

Лаппо-Данилевский организовывал также работу по изучению русских документов в Италии, по его инициативе собиранием и изданием этих документов занялся ученый корреспондент Академии Е.Ф. Шмурло⁸⁵. Накануне революции 1917 г. под руководством Лаппо-Данилевского развернулась деятельность комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского⁸⁶.

Научно-организационная деятельность Лаппо-Данилевского в области археографии имела большое значение и для развития исторической науки в России, и для творчества самого ученого. Как заметил С.Ф. Ольденбург, для Лаппо-Данилевского было характерно ясное сознание того, что без организации наука его времени уже не могла успешно развиваться. Но «сознание это налагает очень большие тяготы на ученого, особенно на того, кто чувствует себя призванным к организаторской деятельности; ведь это значит в большой мере отказ от личной работы в том виде, в каком это хочется делать каждому ученому; это значит постоянное откладывание обнародования своих работ и выдвигание на их место чужих работ, по определенному, строго продуманному плану»⁸⁷. Широко задуманные и тщательно подготовляемые ученым издательские предприятия осуществились лишь в небольшой степени. «Масса труда и знания, затрачиваемая на них А.С. Лаппо-Данилевским, то и дело разбивалась о неодолимые препятствия, прежде всего — о ничтожество средств, какие отпускались на ученую работу и научные издания». Подрывалось дело «отчасти затруднительностью налаживания добровольческого труда занятых людей, отчасти и российским неумением коллективно и планомерно работать». Еще затягивались издательские начинания крайней требовательностью Лаппо-Данилевского к самому себе и ко всей постановке работы. Его «крайняя ученая щепетильность» нередко мешала напечатать уже по существу готовую работу. «Зато крепкие и строго продуманные закладки были основы подлинно научной постановки дальнейшей издательской и исследовательской работы»⁸⁸.

По определению А.Е. Преснякова, «А.С. Лаппо-Данилевский боролся с возвышенным идеалом совершенной науки не столько путем конкретного исторического исследования, сколько путем изучения ее основ и ее техники в методологии и критике источников»⁸⁹. Стремление к методологическому осмыслению своего научного труда, к теоретическому изучению оснований, этапов и результатов исторического исследования было в высшей степени свойственно ученому. Не случайно он стал первым в русской науке создателем «Методологии истории». Уже в самых первых работах Лаппо-Данилевского видим глубокое понимание значения архивных разысканий и даже знания истории отечественных архивов для исторического исследования⁹⁰. К магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» приступил «ученый, хорошо подготовленный теоретически... и выработавший свою технику детального изучения источников на архивных занятиях»⁹¹. Рано начались и непрестанные археографические труды Лаппо-Данилевского. Казалось бы, мы вправе ожидать, что проблемы введения источников в научный оборот, проблемы археографии и архивоведения будут разработаны ученым с не меньшей полнотой и теоретической основательностью, чем вопросы исторического познания и источниковедения. Однако такие ожидания не оправдываются. В «Методологии истории» находим лишь некоторые принципиальные положения, относящиеся к введению источникового материала в оборот науки, ряд любопытных высказываний на эти темы содержится в неопубликованных заметках в архивном фонде ученого.

Как известно, Лаппо-Данилевский отмечал, что «специальная методология истории», то есть методология источниковедения «все еще далека от простой техники исторических работ»⁹². К технике исторических работ он относил: 1) правила собирания и хранения исторического материала; 2) правила воспроизведения и издания исторического материала; 3) правила наведения исторических справок, библиографию; 4) правила составления историко-географических карт, синоптических таблиц разного рода и т. п.⁹³ Отделенная от специальной методологии истории, техника, естественно, не подлежала рассмотрению в обобщающем труде ученого. В то же время логическое обоснование особых исследовательских

процедур, входящих в «технику исторических работ», было намечено Лаппо-Данилевским в связи с установленным им отличием материальных остатков прошлого от исторических источников в гносеологической сфере.

По мнению Л.Н. Хмылева, способствовала выявлению Лаппо-Данилевским гносеологической природы исторического источника необходимость восстановления внутреннего психического содержания источника по его внешней материальной форме⁹⁴. Определение источника, фиксирующее различные его стороны, было связано, по терминологии Лаппо-Данилевского, с «телеологическим или практическим моментом». Этот «телеологический или практический момент» источника связан с включением его в практику исторического исследования. Лаппо-Данилевский вполне определенно высказывал мысль о том, что материальный остаток прошлого, не будучи включен в познавательную деятельность историка, то есть не будучи использован в целях познания прошлого, представляет собой не более чем «грудку камней, тряпок, бумажек и т. п.»⁹⁵. Таким образом, в понятие «исторический источник» ученый включал не только его объективное существование, доступность для непосредственного восприятия, генетическую связь с породившей его прошлой человеческой деятельностью, но и его свойство быть свидетельством о прошлом. Эта функция не навязывается остатку прошлого извне, она является раскрытием одной из существенных внутренних сторон продукта прошлой человеческой деятельности, а именно того, что этот продукт есть отражение социального события прошлого. «Очевидно, что Лаппо-Данилевский понимал действительную природу исторического источника, заключающуюся в том, что он, с одной стороны, является продуктом прошлой человеческой предметной деятельности, а с другой — результатом *познавательной* деятельности историка. Различие этих двух видов деятельности справедливо усматривалось им в том, что первая *создает источник* как материальный объект, вторая *использует этот материальный объект как свидетельство о прошлом*»⁹⁶.

Лаппо-Данилевский прямо писал, что «пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником»⁹⁷. Из такого представления следовало несколько

выводов. Необходимо было обозначить «данный исторический материал». Исходя из понимания остатка прошлого как продукта прошлой человеческой деятельности, ученый дает определение памятника письменности. «Особенности человеческого творчества, всего лучше сказывающиеся в памятниках письменности: самостоятельность, индивидуальность и абстрактность. Поэтому *характерные* особенности памятника письменности могут быть выражены так: это *самостоятельный* (подражательный), *индивидуальный* (массовый) и *абстрактный* (конкретный) *продукт* духовной (материальная — мала) *деятельности* человека, *выраженный символическими знаками*»⁹⁸.

«Необходимо различать памят[ник] письменности как источник и как явление». В качестве примера отсутствия такого различия Лаппо-Данилевский приводит труды французского медиевиста второй половины XIX в. Артюра Жири, который «постоянно смешивает историю образования дипломов с способами их изучения, современными нам». Очевидно, следует изучать «историю образования» письменных памятников независимо от новейших способов их изучения как источников. Заниматься предварительным изучением исторического материала должны, очевидно, «вспомогательные науки истории».

Лаппо-Данилевский не выстроил систему этих наук, однако в его заметках о развитии русской историографии находим перечень тех из них, которые начали складываться в XVIII в.

«*Вспомогательные науки русской истории* начинают складываться в XVIII в., преимущественно со второй его трети: 1) русская филология (изучение русского языка и его значения для русской истории); 2) русская этнография (и мифология); 3) русская археология (светская и церковная); 4) русская археография (Татищев еще смешивал археографию с историей; позднее они начинают обособляться)»⁹⁹. Таким образом, археография ставится Лаппо-Данилевским в один ряд с археологией и этнографией, так как имеет отдельный объект изучения — письменные памятники. Он даже выделяет археографию для XVIII в. в качественном плане: если «в археологии антиквитеты смешиваются с курьезитетами», в филологии — «народные песни с операми или комедиями», а «собрание этнографического материала [сме-

шивается] с сочинениями», то «более научное настроение в археографии, но и тут еще не критические издания».

Однако, выделяя «вспомогательные науки истории» по объекту изучения, Лаппо-Данилевский склонен был сближать их по функциям. В заметке, озаглавленной «Собирание и воспроизведение памятников древности», последовательно сближаются задачи археологии и археографии с выделением некоторых их отличий. Здесь же идет речь о «технике исторического построения» (составление историко-географических карт, синоптических таблиц), «технике наведения исторических справок». Как видно, перед нами — расшифровка абзаца из «Методологии истории», повествующего о технике исторических работ¹⁰⁰. Попытаемся вычлнить из этой заметки части, относящиеся к археографии.

По мнению Лаппо-Данилевского, собирание письменных памятников «не имеет большого практического значения, если собираемые материалы не подвергнуты дальнейшей критической оценке; в противоположность археологическому коллекционерству, коллекционерство археографическое само по себе маловажно, хотя и может повести к практически важным последствиям». Речь идет, вероятно, о необходимости «опознания» письменных памятников в результате их научного описания и «безгласном» характере любительских рукописных коллекций до того, как они будут описаны. В этом же смысле Лаппо-Данилевский высказывается и в других строках заметки: «Собранный материал получает значение лишь тогда, когда становится доступным для всех путем образования *музеев* для вещественных памятников и *архивов* для памятников письменности (оригиналов и копий) или путем *изданий* и описаний». Вполне логично собирание памятников увенчивается их хранением. Лаппо-Данилевский собирался отдельно рассмотреть «Технику собирания и хранения», но заметка осталась неоконченной. Особо им выделена «Техника воспроизведения и издания».

В этом разделе вначале рассматривается воспроизведение памятников. «*Издание памятников* — дает о них условное понятие, но зато предоставляет их наблюдать и приобретать в этом виде всякому». Проблема условности издания только намечена Лаппо-Данилевским в свернутом виде. Через несколько лет она будет обстоятельно раскрыта учеником ученого — А.Е. Пресняковым¹⁰¹. Из приведенных строк

видно, что значение издания памятников Лаппо-Данилевский усматривал главным образом в «публикации» — распространении уникальных памятников в неограниченном количестве. Такое распространение можно вести в разных формах. Формы издания ученый выстраивал по степени условности передачи ими самого памятника: «гелиография, литография и типография». В «гелиографии», фотомеханических способах воспроизведения рукописи, отсутствует момент вмешательства человека в процесс копирования, получается наиболее объективный ее снимок, но текст остается неп прочитанным, на его уразумение могут, например, роковым образом повлиять механические дефекты оригинала. В литографии воспроизводится текст подлинной рукописи, но прорисованный литографом, начинает уже сказываться возможный субъективизм готовящего издание первого читателя памятника. В типографском издании мы имеем отчет не только о самом памятнике, но и о более или менее совершенных эдиционных приемах публикатора.

Описание памятников Лаппо-Данилевский рассматривал после издания. Он сближает по значению описание музеев с описанием рукописей, пишет о важной функции описаний — путем их издания сведения о памятниках широко распространяются, — и отмечает, что описание «приближается к научному истолкованию» памятника. Вопрос, может ли без такого истолкования обойтись издание памятника, в кратких заметках не ставится.

Приведенными отрывочными замечаниями, конечно, не исчерпывается вклад Лаппо-Данилевского в разработку принципиальных вопросов археографии. Его издательские приемы, воплощенные в конкретных публикациях, в составленных для этих публикаций правилах, — содействовали постановке и решению ряда важнейших археографических проблем. Разумеется, и теперь нельзя считать изученными все эти приемы, равно как и то влияние, какое оказали труды Лаппо-Данилевского на развитие отечественной археографии. Труды эти поднимали уровень методических требований, совершенствуя научную культуру.

Примечания

¹ См.: *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948; *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского.

го в освещении С.Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9.

² См.: Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М. История археологии в дореволюционной России. М., 1969; Эпштейн Д.М. История археологии дореволюционной России: Период капитализма. М., 1979.

³ См.: Шмидт С.О. С.Н.Валк и развитие археологической культуры // Шмидт С.О. Археология. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997; Он же. А.С.Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

⁴ См.: Медушевская О.М. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // АЕ за 1994 год. М., 1996; Она же. Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки, М., 1999. Т. 2 (120).

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с Западной Европой // ЖМНП. 1884. № 5. С. 21-38.

⁶ Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук и его издательские начинания подробно охарактеризованы в статье: Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // Источник. Историк. История: Сб. научных трудов. СПб., 2001. Вып. 1.

⁷ См.: Чирков С.В. А.С. Лаппо-Данилевский в Археологической комиссии // АЕ за 1994 год. М., 1996.

⁸ Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С.100; Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С. 2.

⁹ ЛЗАК за 1888–1894 гг. СПб., 1903. Вып. 11. Отд. П.

¹⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1896–1898. Т.ХVII, Ч.1–2.

¹¹ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. XV.

¹² Ср.: Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой политики Московского государства. М., 1892.

¹³ Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. 5.

¹⁴ Копанев А.И. Археологическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка. С. 84.

¹⁵ Там же.

¹⁶ АРАН. Ф. 639. Оп. I. Д. 698. Л. 168. Имеются в виду указанная работа П.Н. Милюкова, а также рецензия М.А. Дьяконова на книгу А.С. Лаппо-Данилевского, опубликованная в ЖМНП. 1890. № 8. Отд. 2. С. 370-380.

¹⁷ Русская историческая библиотека. Т. XVII. С. VIII-XI.

¹⁸ Там же. С. XI.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Чирков С.В.* К истории разработки правил издания исторических документов в начале XX в. // АЕ за 1984 год. М., 1986.

²¹ См.: *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка. С. 84.

²² ЛЗАК за 1919-1922 гг. Л., 1925. Вып. 32. С. 11, 24.

²³ ЛЗАК за 1909 г. СПб., 1910. Вып. 22; ЛЗАК за 1915 г. Пг., 1916. Вып. 28. С. 31-33; ЛЗАК за 1900 г. СПб., 1901. Вып. 13. С. 31-32; ЛЗАК за 1904 г. С. 5-6, 9-11.

²⁴ ЛЗАК за 1901 г. СПб., 1902. Вып. 14. С. 6.

²⁵ *Ольденбург С.Ф.* Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 166-167.

²⁶ *Пресняков А.Е.* А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. С. 93-95.

²⁷ *Валк С.Н.* Сборник грамот Коллегии экономии: (Историографические заметки) // Борьба классов. 1924. № 1-2; переиздание см.: *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991.

²⁸ *Валк С.Н.* [Рец. на кн.:] Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922; Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922 // Века: Исторический сборник. Пг., 1924. Т. I. С. 168-169.

²⁹ *Валк С.Н.* Советская археография. С. 154.

³⁰ См. прим. 2.

³¹ См.: *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка.

³² План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С. Лаппо-Данилевским // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1900. Прилож. I к протоколу 25 октября.

³³ Сборник грамот Коллегии экономии. Пб., 1922. Т. I. С. I.

³⁴ План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С. Лаппо-Данилевским // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1901. Прилож. II к протоколу 10 января.

³⁵ О работе С.А. Шумакова см.: *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. Гл.15.

³⁶ См.: Протоколы заседаний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1901. Прилож. II к протоколу 10 января.

³⁷ *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка. С. 88-89.

³⁸ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1901. Прилож. II к протоколу 10 января.

³⁹ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698. Л. 63-64 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 726. Л. 13.

⁴¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о подготовительных работах

для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1903 г. // Известия имп. Академии наук. V серия. 1903. Т. 19, № 4-5. С. 0IV-0VI.

⁴² *Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1907 г. // Известия имп. Академии наук. VI серия. 1908. Т. 2, № 2. С. 1165-1166.

⁴³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Разбор мнения г. Самоквасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых имп. Академией наук // Известия имп. Академии наук. У серия. 1902. Т. 17, № 4. С. 0IX.

⁴⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о подготовительных работах... в 1907 г. С. 1165-1166.

⁴⁵ *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка. С. 88-89; Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922.

⁴⁶ *Валк С.Н.* Рец. на кн.: Сборник грамот... С. 189.

⁴⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот Коллегии экономии» в 1901 г. // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1901. Прилож. к протоколу 5 декабря.

⁴⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о работах по изданию «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» за 1912 г. // Известия имп. Академии наук. VI серия. 1913. Т. 7, № 4. С. 214-215.

⁴⁹ ПФ ИРИ РАН. Ф. 276. Оп. I. Д. 178.

⁵⁰ *Валк С.Н.* Рец. на кн.: Сборник грамот... С. 169.

⁵¹ *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 86.

⁵² *Валк С.Н.* Советская археография. С. 115-116.

⁵³ Там же. С. 44-45.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 65.

⁵⁶ Известия имп. Академии наук. VI серия. 1909. Т. 3. № 1. С. 14.

⁵⁷ Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. С. XII.

⁵⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1909 г. // Известия имп. Академии наук. VI серия. 1910. Т. 4, № 3. С. 193.

⁵⁹ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная: (Научное наследие). М., 1987. С. 140.

⁶⁰ См.: *Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. Введение.

⁶¹ *Валк С.Н.* Советская археография. С. 154.

⁶² Протоколы заседаний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1902. 16 октября. § 188.

⁶³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Автобиографический очерк // Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч. I.

⁶⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II // ЖМНП. 1897. № 1,3,5,12.

⁶⁵ *Пресняков А.Е.* Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории. С. 106-107.

⁶⁶ ПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 242. Л. 2.

⁶⁷ ПФ ИРИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 178.

⁶⁸ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698. Л. 92 об.

⁶⁹ Там же. Л. 97.

⁷⁰ Там же. Л. 95-95 об.

⁷¹ Соборное Уложение 1649 года. Текст, комментарии / Подгот. Л.И. Ивиной. Л., 1987. С. 13.

⁷² АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698. Л. 105.

⁷³ Там же. Л. 106-106 об.

⁷⁴ Там же. Л. 120-120 об.

⁷⁵ Там же. Л. 73-73 об.

⁷⁶ *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е. М.; Л., 1926. С. 176-189.

⁷⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907

⁷⁸ Там же. С. II-III.

⁷⁹ Там же. С. VI.

⁸⁰ Известия имп. Академии наук. У серия. 1905. Т 22, № 1. С. ОХVII.

⁸¹ *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909.

⁸² Известия имп. Академии наук. VI серия. 1907. Т 1. № 2. Заседание Историко-филологического отделения 24 января.

⁸³ Известия имп. Академии наук. VI серия. 1909. Т 3. № 1. С. 232-233.

⁸⁴ Там же. С. 237-239.

⁸⁵ См.: *Демина Л. И.* «Автобиографические заметки» Е.Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903-1924 гг.) // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 248-254.

⁸⁶ См.: *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского // АЕ за 1993 год. М., 1995; *Он же.* Академик А.С. Лаппо-Данилевский — председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского // АЕ за 1994 год. М., 1996.

⁸⁷ Ольденбург С.Ф. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук. С. 165.

⁸⁸ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 38-40.

⁸⁹ Там же. С. 88.

⁹⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Рец. на кн.:] Описание документов

и дел, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5 // ЖМНП. 1889. № 4. С. 407-408.

⁹¹ *Пресняков А.Е.* Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории. С. 100.

⁹² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 339.

⁹³ Там же. С. 341-343.

⁹⁴ *Хмылев Л.М.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.

⁹⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. С. 796.

⁹⁶ *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. С. 117-118.

⁹⁷ ПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 145. Л. 165.

⁹⁸ Там же. Д. 207. Л. 127.

⁹⁹ Там же. Д. 216. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Д. 207. Л. 88-127.

¹⁰¹ *Пресняков А.Е.* Исторические источники и подлинные документы в научной работе // Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920. Ч. I.

Т. В. Чумакова (Санкт-Петербург)

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ

Изучение истории Академии наук началось уже в первые десятилетия ее существования. В феврале 1735 г. конференц-секретарем Академии наук Хр. Гольдбахом (1690–1764) было составлено «Начертание правил для составления истории Санкт-Петербургской Академии наук»¹. А уже через месяц, президент Академии наук барон И.А. Корф приказал «отыскать все имеющиеся в архиве сведения об основании, возрастании и нынешнем состоянии Санкт-Петербургской Академии наук и сообщить их его превосходительству и господину советнику юстиции Гольдбаху»². Собранные материалы послужили основой для написания первого очерка истории Академии наук: «Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили, приписанныя Ея Императорскому Высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России» (СПб., 1741)³. Вскоре после «Палат» должно было выйти в свет более подробное описание истории Академии⁴, но в связи с отставкой в 1742 г. подготовившего к изданию «Палаты» И.Д. Шумахера, мероприятие это не было осуществлено. В XVII в. было создано несколько рукописных очерков по истории Академии наук⁵. В частности, М.В. Ломоносовым в 1764 г. была составлена «Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»⁶. Попытка систематического описания истории Академии была предпринята по поручению Академии Г.Ф. Миллером (1705–1783) и помогавшим ему с 1781 г. И.Г. Штриттером (1740–1801). Но и это описание не было закончено.

Новый этап в развитии исследований по истории Академии наук связан с деятельностью А.А. Куника (1814–1899). Интерес к истории Академии наук Куник проявлял еще в 1844 г., для чего исследовал бумаги Штелины⁷, предпола-

гая, что в них может содержаться интересная для академической истории информация⁸. Куник сделал очень много для изучения истории Академии. Он не только издал бумаги Хр. Вольфа, документы, связанные с В.К. Третьяковским и М.В. Ломоносовым, составил обзоры⁹, но и создал программу работы для будущих исследователей истории Академии наук, которая была изложена в статье «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии», которая открывала серию очерков и публикаций архивных материалов по истории Академии в «Ученых Записках ИАН по I и III отделениям». Куник писал, что существуют три главные группы вопросов, затрудняющих создание истории Академии. Во-первых, «первоначальный материал для истории Академии так рассеян и составляет такую огромную массу, что наперед невозможно и определить, сколько потребуется времени и трудов для его собрания, критического пересмотра и переработки... С этой целью в “Летописи” по временам будет являться “Указатель источников для истории Академии”... Второе затруднение при выполнении этой мысли составляет ученая односторонность историков, — односторонность естественная и неизбежная. При всей шаткости положения Академии в отношении к своей ученой деятельности и несмотря на то, что ей не раз приходилось оставаться без представителей по разным и важным отраслям наук, она, со времени своего основания, в течение всего прошедшего столетия, говоря вообще, пользовалась значительною славой в ученом свете, долгое время считалась в России единственною представительницею науки и, с немногими перерывами, старалась поддерживать свою репутацию учеными трудами. Понятно, что оценку строго-ученых трудов её по разным отраслям наук не может взять на себя одно лицо: этот труд надобно предоставить нескольким специалистам, которые, зная состояние своей специальной науки в XVIII веке, могли бы оценить заслуги тогдашних академиков этой отрасли в историческом ходе ее развития»¹⁰. И, в-третьих, «все же труднее для историографа Академии верно понять и изобразить её историю, как составную часть истории русского государственного и литературного быта в XVIII столетии... Таким образом, для будущего историографа Академии открывается необходимость изучать множество источников, которые имеют лишь косвенное от-

ношение к истории Академии, из которых донныне доступна только небольшая часть и для правильного употребления которых более или менее требуется талант и навык историка»¹¹.

С момента появления этого «манифеста» историков русской науки становится очевидной необходимость комплексного подхода к истории Академии. В 1865 г. Ф.И. Рупрехт (1814–1870) в статье «Материалы для истории Императорской Академии наук по части ботаники» писал: «Мне неизвестно, что представляет история академии по другим отраслям наук, но в той части, по которой я состою в Академии представителем, летопись этого учреждения показывает, что все, трудом добытые ею плоды составляют результаты двух неравных факторов: внешней обстановки и личности деятелей. С этой точки зрения и составлена настоящая статья»¹².

Идеи Куника были вполне воплощены в труде П.П. Пекарского (1827–1872), которому А.А. Куник оказывал всяческое содействие в получении книг и рукописей из академического архива и библиотеки¹³. Его «История Императорской Академии наук в Петербурге» фактически стала продолжением начатого им в работе «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862) исследования развития интеллектуальной истории России, но завершению замысла помешали болезни и ранняя смерть. Эта работа прервалась со смертью Пекарского, и была возобновлена лишь через несколько лет, по инициативе Президента Академии Д.А. Толстого (1823–1889). Толстой сам являлся автором нескольких работ по истории Академии¹⁴ и считал, «что при настоящем состоянии исторической науки представляется неотложною потребностью обнародование материалов, в обилии хранящихся в различных архивах»¹⁵. Под редакцией М.И. Сухомлинова (1828–1901) был издан ряд «Материалов для истории Академии Наук» (до 1750 г.) и «Протоколы Конференции Академии наук». При всей огромной значимости этих работ для исследователей, нельзя не согласиться с изложенным в 1893 г. мнением К.С. Веселовского, что «для истории Академии уже издано и разработано не мало материалов: довольно вспомнить о трудах по этой части графа Д.А. Толстого, П.С. Билярского, П.П. Пекарского, А.А. Куника, М.И. Сухомлинова. Но этими трудами, за немногими лишь исключениями, извлечены из архивов данные главным образом только для истории академии за пер-

вые сорок лет ее существования»¹⁶. В конце XIX в. статус науки в русском обществе значительно возрос, а вместе с ним выросла и общественная потребность в осознании отечественной интеллектуальной истории, которая была воспринята Академией наук. В 1912 г. Академия вернулась к организованному изучению своего прошлого. Поводом к исследованию новейшего периода (1889–1914) в жизни Академии стало двадцатипятилетие деятельности президента АН великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915). Издание «Императорская Академия наук (1889–1914)» должно было состоять из четырех томов, но было выпущено только два – второй и третий. Том второй, «Материалы для истории академических учреждений. Часть первая» (Пг., 1917), заключал в себе исторические очерки о научных и административных учреждениях Академии. Том третий «Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Часть вторая. М-Я (Пг., 1917)» состоял из 93 биографий и автобиографий академиков Императорской Академии наук. К сожалению, из-за революционных событий издание это тоже не было закончено. Уже в последнее десятилетие были выпущены в свет отпечатанный второй том.

В начале XX в. Академия наук предпринимает попытки организационного оформления исследований по истории науки. Огромное значение для дальнейших историко-научных исследований имело появление в академической Комиссии по изданию сборника «Русская наука»¹⁷. Комиссия была создана для восстановления научных контактов ученых союзных стран. 19 мая 1916 г. на заседании Общего собрания АН была сообщена копия письма «Великобританского посла в Петрограде» на имя Министра народного просвещения П.Н. Игнатьева по вопросу установления более тесных сношений между английскими и русскими учеными. В ответ на это письмо собрание приняло решение об образовании специальной Комиссии из членов трех Отделений под председательством Непременного секретаря С.Ф. Ольденбурга¹⁸. 5 ноября 1916 г. на заседании Общего собрания АН, где Непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург доложил собранию, что во «исполнение постановления экстраординарного общего собрания Отделения избрали из своей среды» П.И. Вальдена и В.А. Стеклова, Н.И. Кондакова, П.А. Котляревского,

А.С. Лаппо-Данилевского и П.Г.Виноградова членами в состоящую под председательством Вр.и.о. вице-президента, при участии Непременного секретаря, «комиссию для установления более тесного научного общения с Англией, Францией и другими странами»¹⁹. Члены комиссии были также избраны 4 марта 1917 г. Общим собранием РАН представителями Академии для участия в Особом совещании о культурном сближении России с дружественными державами (председатель: сенатор В.Т. Шевяков)²⁰.

По предложению Лаппо-Данилевского комиссия приступила к созданию сборника «Русская наука». Предполагалось, что сборник должен знакомить научное сообщество всего мира²¹ с историей и современным состоянием отечественной науки. Структура сборника была трехчастной, он состоял из богословского, гуманитарного и естественнонаучного разделов. Для подготовки издания были задействованы пятьдесят семь исследователей. И 16 февраля 1918 г. на заседании Общего собрания АН Лаппо-Данилевский сообщил, что Подкомиссией по изданию сборника «Русская наука» решено просить разрешения: «печатать имеющиеся у редактора очерки в формате “Известий”, тиражом 2200 экз. (на рус. и фр. языках); предоставлять каждому автору по 100 оттисков его очерка; оплачивать труд авторов (не академиков) в размере 150 руб. за лист, отнеся все расходы по изданию, кроме печатания, в смету Академии наук 1918 г.»²² Но политические и экономические потрясения революционных лет не позволили в полной мере реализовать замыслы организаторов комиссии, и работы по изучению истории науки были продолжены уже после смерти Лаппо-Данилевского в рамках организованной в 1921 г. под председательством В.И. Вернадского Комиссии по истории знаний (КИЗ)²³ при Академии наук. Необходимость ее создания, как подчеркивал неперменный секретарь АН С.Ф. Ольденбург, заключалась в том, «что для успеха научной работы в настоящее время чрезвычайно важно знать и понимать, как шло развитие науки с первых шагов сознательного человечества и до наших дней»²⁴. Постановление об образовании Комиссии по истории науки, впоследствии получившей название Комиссии по истории знаний, было принято на Общем собрании Академии наук 14 мая 1921 г. В первом заседании Комиссии, которое состоялось в малом Конференц-зале АН СССР в

субботу, 11 июня 1921 г., в 11 часов, приняли участие академики В.В. Бартольд, В.И. Вернадский, В.М. Истрин, А.П. Карпинский, П.П. Лазарев, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов, Ф.И. Успенский. Вел заседание Непременный секретарь РАН академик С.Ф. Ольденбург. Открывая заседание, он напомнил, что «Конференция в заседании Общего собрания 14 мая по предложению академика постановила учредить Комиссию по истории науки и что по предложению непременного секретаря этой Комиссии передано наблюдение за изданием “Русская наука”»²⁵. Результаты деятельности КИЗ нашли воплощение в десяти выпусках ее изданий в «Трудах» и «Очерках по истории знаний», в докладах на ее научных заседаниях, в проведении подготовительных мероприятий по созданию Музея истории науки и техники, в организации ряда выставок. Пусть не все издания КИЗ выдержали испытание временем, но многие из них не утратили своего значения и в наши дни. КИЗ в своей деятельности постоянно обращалась к работам Лаппо-Данилевского. 9 января 1929 г. на заседании бюро КИЗ было одобрено предложение А.И. Андреева о том, чтобы «в виду исполняющегося 7 февраля 1929 г. десятилетия со дня смерти академика А.С. Лаппо-Данилевского, инициатора работы КИЗ, предположено выпустить под ред. А.И. Андреева сборник под названием “Материалы к биографии академика А.С. Лаппо-Данилевского”. Сборник этот объемом примерно в 5 печатных листов будет содержать: 1) портрет академика А.С. Лаппо-Данилевского, 2) автобиографию с дополнениями, 3) список трудов А.С. Лаппо-Данилевского, 4) описание его рукописей, 5) список статей, посвященных его памяти»²⁶. Торжественное заседание КИЗ и Археографической комиссии по случаю десятилетия со дня смерти академика А. С. Лаппо-Данилевского²⁷ состоялось 28 февраля 1929 г. Заседание открыл президент АН А.П. Карпинский. С докладами выступили С.Ф. Платонов («А.С. Лаппо-Данилевский как русский историк»), Н. И. Кареев («Теоретические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского») и А.А. Введенский («Работа А.С. Лаппо-Данилевского в области вспомогательных исторических наук»)²⁸. В течение года обсуждался на заседаниях КИЗа состав сборника, посвященного Лаппо-Данилевскому. 5 июня 1929 г. было решено «поместить в сборнике статью академика А.С. Лаппо-Данилевского “История науки в России” и

доклад Н.И. Кареева, прочитанный на заседании КИЗ в память академика А.С. Лаппо-Данилевского 28 февраля».²⁹ Сборник вышел во второй серии изданий «Очерки по истории знаний» (Очерки по истории знаний. Вып. 6. Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Редактор А.И. Андреев. Л. 1929. 57 с.). Сборник содержал биографические сведения о А.С. Лаппо-Данилевском; список печатных трудов; краткую опись рукописей Лаппо-Данилевского, хранящихся в Библиотеке Академии наук СССР; список книг и статей о А.С. Лаппо-Данилевском, напечатанных в 1919 и следующих годах. Через два года 11 июля 1931 г. на заседании Общего собрания АН было заслушано заявление вдовы О.А. Лаппо-Данилевской об опубликовании материалов и рукописей покойного члена-корреспондента АН И.А. Лаппо-Данилевского. Было решено издать рукописи в Академии наук под редакцией академиков И.М. Виноградова и А.Н. Крылова и просить о содействии О.А. Лаппо-Данилевской в пересылке рукописей через дипломатическую почту³⁰. К сожалению, эта работа не была проделана, но дальнейшее развитие историко-научных исследований в СССР продолжалось. 28 февраля 1932 г. общее собрание АН СССР приняло постановление об организации на базе КИЗ Института истории науки и техники АН СССР³¹, благодаря чему создавались более благоприятные условия для проведения исследований по истории науки, которые позже были продолжены в рамках Комиссии по истории Академии наук (1938–1953)³² и Института истории естествознания и техники АН (организован в 1953 г.).

Примечания

¹ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. I. С. 154.

² Куник А.А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки Императорской академии наук. Введение. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1852. С. 137.

³ См. подробнее: Илизаров С.С. Первый очерк истории Академии наук и его автор И.Д. Шумахер // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 755–759.

⁴ См. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. I. С. 693; Ученые записки Императорской академии наук. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1852. С. 553.

⁵ Куник А.А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии. С. 138–139.

⁶ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 411.

⁷ Штелин Яков, Яков Яковлевич (1709–1785), искусствовед и гравёр, адъюнкт по элоквенции и поэзии с 1735 г., профессор с 1737 г., конференц-секретарь с 1765 по 1769 г.

⁸ Куник А.А. Штелинов реестр официальных бумаг, относящихся к истории Академии от 1725 и 1749 г. // Ученые Записки ИАН по I и III отделениям. Т. II. Вып. I. 1853. С. 156–173.

⁹ Куник А.А. Об ученых сборниках и периодических изданиях Имп. Академии наук, с 1726 по 1852 год, и об издании «Ученых записок» // Введение к I тому Ученых Записок ИАН по I и III отделениям. Т. I. Вып. I СПб., 1852. С. СXXX.

¹⁰ Куник А.А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии. С.141-142.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Рупрехт Ф.И. Материалы для истории Императорской Академии наук по части ботаники // Записки Императорской Академии наук. Т. 7. СПб., 1865. С. 35.

¹³ См. Чумакова Т.В. П.П. Пекарский. Письма в Петербург // Петербург на философской карте мира. Вып. 2. СПб., 2003.

¹⁴ Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива АН // СОРЯС. 1885. Т. 38. № 5; Академический университет в XVIII столетии. По рукописным документам Архива АН // СОРЯС. 1885. Т. 38 № 6.

¹⁵ Материалы для истории Императорской АН. Т. I. СПб., 1885. С. I

¹⁶ Веселовский К.С. Несколько материалов для истории Академии наук в биографических очерках ее деятелей былого времени. I. Никита Попов, профессор астрономии, и Мартин Плацман, адъюнкт по математике // Записки императорской Академии наук. Т. 73. СПб., 1893. С. 1.

¹⁷ Подр. см.: Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док. Сост.: В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003. С. 637–659.

¹⁸ ПФА РАН, ф.1, оп.1а-1916, д.163, л. 56

¹⁹ ПФА РАН, ф.1, оп. 1а-1916, д.163, л. 270 .

²⁰ ПФА РАН, ф.1, оп.1а-1916, д.164, л.36.

²¹ сборник должен был быть двуязычным: русско-французским, его перевод на французский язык должен был подготовить Французский институт в Петрограде.

²² ПФА РАН, ф. 1, оп.1а-1918, д. 165, л. 25 об.–28 об.

ПФА РАН, ф. 1, оп.1а-1918, д. 165, л. 25 об.

²³ Орел В.М., Смагина Г.И., Чумакова Т.В. Комиссия по истории знаний – первая в России научная организация по изучению истории науки и техники // Комиссия по истории знаний (1921–1932) Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов. СПб., 2003. С. 637–359.

²⁴ Отчет о деятельности АН СССР в 1926г. Л., 1927. С. XVI.

²⁵ ПФ АРАН. Ф.2. Оп.1-1917. Д.27. Л.67

²⁶ ПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д.20. Л. 1-2.

²⁷ На заседании присутствовало 72 человека: председатель Президент Академии наук СССР А.П. Карпинский. Почетный член Академии наук — Н.И. Кареев. Академики: В.И. Вернадский, С.А. Жебелев, Е.Ф. Карский, И.Ю. Крачковский, Б.М. Ляпунов, С.И. Солнцев, Я.В. Успенский. А.И. Андреев, Н. Аставьев, Я. Барсков, Б. Белов, Г. Бельченко, А. Бородин, Н. Борсук, Бутенко, А.А. Введенский, П. Гейман, А.А. Гизетти, С. Глаголев, Б.Д. Греков, В. Григорьев, Г. Демусьяк, О.А. Добиаш-Рождественская, А. Добровольский, А. Дроздецкий, В.Г. Дружинин, Н. Дьяконова, А. Заозерский, К. Здравешин, Я.М. Каплан, Е. Каринский, Л. Кауфман, О. Кауфман, О. Корнилова, С. Корсаков, Г. Кошмеров, Лаврова, Е. Лаппо-Данилевская, Е. Ляпунова, Б. Мусов, Р. Мюллер, В. Нищенко, Л. Окорокова, Э.К. Пекарский, В.М. Пергамент, А. Петров, Е. Петров, А. Предтеченский, Н. Поппе, Пуцин, В. Равзин, Н. Репников, С. Рождественский, С. Розанов, Д.Д. Руднев, В. Садилов, В. Садилова, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, К. Серов, М. Солнцева, М.М. Соловьев, А. Трухинов, Н.Э. Успенская, В. Федоров, А. Фокин, Е. Шапилова, Шахматова, А.А. Шилов, А. Якубова.

²⁸ ПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д.19. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 12-12 об.

³⁰ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 31. Л. 144

³¹ Смагина Г.И., Орел В.М. Новые документы о деятельности Комиссии по истории знаний// Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С.54-66.

³² Документы Комиссии хранятся в фонде 702 ПФА РАН.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

Л. Н. Барышникова (Казань)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

С именем и научной деятельностью Лаппо-Данилевского связано распространение неокантианской методологии истории в российских университетах. Опираясь на учение И. Канта и развивая гносеологические идеи, выдвинутые в трудах немецких неокантианцев В. Виндельбанда и Г. Риккерта, Лаппо-Данилевский сформулировал свою концепцию понимания предмета методологии исторической науки. Проблема предмета методологии наук и методологии исторической науки, в частности, даже на сегодняшний день, несмотря на наличие огромной источниковедческой базы и различных методологических установок, остается до конца нерешенной, т.к. до сих пор нет единого и четкого определения предмета методологии истории.

Свои методологические исследования ученый начал с определения сущности и значения методологии наук в целом. В своей «Методологии истории» Лаппо-Данилевский воспроизвел продуманную методологическую реконструкцию истории как науки о культуре и выдвинул ряд важных суждений в этой области научного знания. В основе его методологии науки лежит теория познания, без которой невозможно обосновать систему принципов научного мышления и его методов, установить «то значение, какое наше сознание должно придавать нашему знанию, его априорным эмпирическим элементам, те конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым, а не ложным и случайным, то объединяющее значение, какое мы приписываем нашему знанию об общем и индивидуальном и т. п.»¹.

Методология каждой отдельной науки, по Лаппо-Дани-

левскому, должна считаться с принципами и методами, под воздействием которых знание данных объектов возможно, т.е. в каком соотношении принципы и методы исследования находятся к предметам наук, независимо от того, занимается ли наука изучением предмета с идеальным объектом или реальным значением, исследует природу или историю. Ученый также констатирует, что методология в первую очередь связана с обоснованием средств и способов нашего познания, а также с выбором необходимых и приемлемых принципов научного исследования. Лаппо-Данилевский расширяет толкование методологии истории, формулирует ее специфические задачи, обосновывает систему принципов научного мышления и его методов, которые и составляют теоретическую базу научного мышления.

Лаппо-Данилевский так же рассматривает проблему соотношения естествознания и истории. Ученый приходит к выводу о том, что одно и то же явление можно изучать с двух различных точек зрения с точки зрения общего с другим и с точки зрения части некоего целого, а именно: с обобщающей и индивидуализирующей. Он подвергает критике номотетическое рассмотрение исторического знания. Однако ученый не проводил жесткого различия между историей и естествознанием, какое видели неокантианцы, говоря о том, что науки могут пользоваться общими принципами. Чисто логически историк должен отличать номотетическую точку зрения от идиографической, но на теоретическом уровне историк может их объединять.

Подводя итог, нужно еще раз отметить то важное место, какое занимает Лаппо-Данилевский в российской либеральной историографии. Несмотря на то, что его формулировка предмета методологии истории как теории познания истории была не совсем точной, его заслуги в области методологии исторической науки огромны.

Примечание

¹ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып.1. СПб., 1910. С. 3.*

Н. М. Дорошенко (Санкт-Петербург)

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ — ОСНОВОПОЛОЖНИК РОССИЙСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Историческая обстановка, в которой проходило творчество А.С. Лаппо-Данилевского, характеризовалась тремя кризисами: кризис власти, кризис естествознания (особенно в физике), кризис исторической науки. Как известно, первый кризис закончился сменой власти: установлением диктатуры пролетариата, сменившейся диктатурой партии большевиков; второй кризис разрешился созданием А. Эйнштейном большой и малой теории относительности. В решении третьего кризиса активное участие принял А.С. Лаппо-Данилевский. Суть этого кризиса Р.Ю. Виппер в брошюре под символическим названием «Кризис исторической науки» определял как острое противоречие между требованиями развивающейся исторической науки и средствами, которыми она располагала для их решения. В общем научном методе, в научном анализе и понимании явлений он видел начало глубокого кризиса. Разумеется, речь шла прежде всего о методологических средствах, не соответствовавших возраставшим требованиям исторической науки. Резонно был поставлен вопрос, какими методологическими средствами обладала историческая наука в конце XIX — начале XX в., и какие изменения они должны были претерпеть?

До Лаппо-Данилевского определенный вклад в постановку методологических вопросов, в осмысление историко-методологических проблем среди зарубежных философов и историков внесли Э. Бернгейм, П. Бокль, В. Виндельбанд, Г. Зиммель, Г. Зиммель, Ш. Ланглюа, Э. Мейер, Л. Ранке, Г. Риккерт, Ш. Сеньобос, Э. Фриман, а среди отечественных — П.Н. Ардашев, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.И. Герье, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, А.А. Малинин, Н.Н. Любич, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, Е.Н. Щепкин.

Естественно, в тот период еще не было систематическо-

го изложения методологии истории. Анализировались лишь отдельные проблемы, отдельные методы, отдельные приемы исторического исследования. Достаточно сказать, что опубликована была всего лишь одна статья Е. Щепкина, в названии которой фигурировало понятие «методология истории». Но кризисность исторической науки проявлялась не столько в недостаточном количестве публикаций на эту тему, сколько в качестве методологических средств, которыми она располагала к тому времени. Понадобилась перестройка всего методологического аппарата, его новое теоретическое и философское осмысление.

Кризис исторической науки в начале XX в. проявился, прежде всего, в кризисе онтологического подхода, сторонники которого игнорировали теоретико-познавательные проблемы, рассматривали историческое познание без учета познавательных средств и способов получения исторических знаний. Интерес исследователей направлялся только на объект, без учета роли субъекта в историческом познании. Теория истории сводилась к теории исторического процесса; философия — к философии истории. Методология истории рассматривалась как часть философии истории, точнее, как часть онтологии. Эти недостатки, были свойственны основным направлениям тогдашней философии истории: марксизму, позитивизму и др. Марксистская точка зрения, тщательно разработанная в ленинской работе «Материализм и эмпириокритицизм», экстраполировала на историческое познание материалистическую теорию отражения, которая должна была быть соединена с диалектической логикой. Но большинство историков в конце XIX — начале XX в. знало только метафизическую форму отражения, представляющую историческое знание не иначе как копию реальности. Даже такой крупный философствующий историк, как Н.И. Кареев, утверждал: «Знание должно быть копией объективного мира»¹.

Позитивисты также стояли на метафизической точке зрения. По словам Р.Ю. Виппера, они мало интересовались субъектом исторического познания, принимая человеческий ум за аппарат, за группу средств, служащих для простого отражения исторических фактов².

Как известно, существенный вклад в преодоление онтологического подхода предпринял И. Кант, который вслед за

Декартом сделал попытку преодолеть догматический характер философии, развивавшейся в форме откровенных онтологических догм, — путем перевода онтологии на путь гносеологии или «трансцендентальной методологии». Однако, по словам Гегеля, борясь с догматизмом онтологии, Кант впал со своей гносеологией в догматизм еще худшего сорта: «для критицизма всякое знание о существующем в себе, как таковом, есть догматизм; между тем он сам-то и есть наилучший вид догматизма»³. Гегель и здесь «вместе с ванной выплеснул ребенка», не заметив того положительного, что внес Кант в развитие методологии, а именно связи онтологии с гносеологией и гносеологии с аксиологией. Между тем критицизм Канта нашел многочисленных последователей, усилиями которых сложилось новое философское направление — неокантианство, лучшие представители которого В. Виндельбанд и Г. Риккерт применили его философские и методологические положения к историческому познанию.

Новизна неокантианского подхода определялась, главным образом, разочарованием в онтологическом подходе и выдвиганием на первый план гносеологического подхода, для которого характерны установка не на предмет, а на знание; установка не только на объект, но и на субъект познания; поиск гносеологических корней, гносеологических оснований исторического знания и исторического метода; акцентирование внимания на проблемах, связанных с историческим знанием, способами его получения и критериями проверки его истинности. В основе таких взглядов лежала также позиция Канта: «Кроме знания мы не знаем ничего, с чем мы могли бы сопоставить это знание».

В сущности, онтологический и гносеологический подходы всегда были связаны, и эта связь так или иначе проявлялась при решении любых методологических проблем, но главным, ведущим в данной исторической ситуации выступил гносеологический, или эпистемологический подход, который произвел существенные изменения в понимании истории, в теории и философии истории, в понимании метода и методологии истории. Типичными становятся определения: «история — знание», «история — прошлое настолько, насколько мы его знаем». Методологи перестали искать специфический предмет исторической науки, который якобы умер, исчез, остался в прошлом, и стали искать особые эпи-

стемические формы познавательной деятельности, специфические свойства исторического знания.

Наиболее ощутимыми оказались изменения в теории истории: если в теории исторического процесса изучались законы развития человеческого общества, то в теории исторического познания стали изучаться законы развития исторического знания; если в теории исторического процесса рассматривалось соотношение различных сторон общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной), то в теории исторического знания стали рассматривать соотношение различных сторон исторической истины (объективной и субъективной, абсолютной и относительной, абстрактной и конкретной); если в теории исторического процесса обсуждалась роль субъективного фактора (роль масс, классов, партий, великих личностей в истории); то в теории исторического знания – роль субъекта в историческом познании и пр. На такого рода изменения в теории исторической науки указывал В.Н. Перцев: «Легко заметить, что общие вопросы исторической науки волнуют их совершенно с другой стороны, чем полемистов 80—90-х гг. Тогда интересовал самый исторический процесс, теперь – способы познания этого процесса и зависимость этого познания от нашего сознания. Вопросы исторической методологии и вопросы теории исторического знания получили теперь доминирующее значение»⁴.

Не менее важными оказались изменения в философии истории, которая стала именоваться «критической философией», призванной помогать исторической науке разобраться в ее задачах. Эти задачи наиболее четко были определены В.М. Хвостовым: «При этом она ставит своей задачей выяснить самые первоосновы научного знания. Специальной проблемой философии является, прежде всего, проблема гносеологическая, т.е. вопрос о самом историческом познании, его предмете и его образовании, и о границах эмпирического познания; затем философия ставит себе целью исследовать те *общие принципы*, которые лежат в основе уже добытого знания, попытаться свести их в систему и, в случае нужды, предложить свои гипотезы для восполнения пробелов, оставляемых наукой, но с сознанием предположительности такого рода дополнений. Философия, понимаемая таким образом... *помогает науке уяснить самое себя*»⁵.

Указанные изменения привели к новому пониманию методов исторического познания, анализу методов критики знания в целом и его структурных элементов: методов критики исторических источников, методов критики исторических фактов, методов критики исторических теорий; поиску критериев их оценки и отбора. Внимание методологов стало концентрироваться на методах познавательной деятельности историков, на методах построения исторического знания, на способах проверки его истинности и правильности построения. Это, в конечном счете, привело к изменению методологии истории, которая стала определяться как часть гносеологии, как эпистемология истории, как учение о методах исторического знания, об их специфике.

Большой вклад в понимание специфики исторического метода внесли В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Первый выделил две формы научного мышления: номотетическое и идиографическое: «В первом случае мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общей связи, во втором – оно останавливается на тщательном выяснении частного»⁶. В соответствии с этим делением он разделил науки по предмету: «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было»⁷. Противопоставив науки по предмету, он противопоставил их и по методу: определив метод естественных наук как номотетический, а метод исторических наук как идиографический. Продолжая и развивая его взгляды, Г. Риккерт противопоставил «науки о природе» и «исторические науки о культуре» и, соответственно, определил метод естественных наук как генерализирующий, а метод исторических наук как индивидуализирующий. Охарактеризовав специфику истории как «единичное, индивидуальное», он определил специфику исторического метода как «научные приемы, направленные на изучение единичного и индивидуального»⁸.

В этих условиях Лаппо-Данилевский не просто встал на позиции неокантианской методологии, он дополнил и усовершенствовал неокантианское понимание исторического метода и исторической методологии. Отметим новизну его в трех важных моментах. Во-первых, не отказываясь от характерного для Виндельбанда и Риккерта дуалистического противопоставления естественнонаучного и исторического

методов, он относил к наукам идиографическим не только историю общества, но и историю природы, а к наукам номотетическим наряду с естественными науками — психологию и социологию.

«Таким образом, получается двойной ряд наук, изучающих действительность; одни из них конструируют общие ее законы с номотетической точки зрения, характеризующей естествознание, психологию, социологию и т.п.; другие дают построение индивидуального процесса ее становления или развития с точки зрения идиографической, присущей тем из них, которые занимаются историей природы и, в особенности, историей человечества.»⁹ Во-вторых, он первый провел различие по предмету и методу между социологией и историей и, таким образом, обосновал специфику исторического метода, показав его отличие от естественнонаучного и социологического методов. В третьих, он и в самой истории различал номотетическую и идиографическую точки зрения и формулировал задачи номотетического и идиографического построения исторического знания¹⁰.

Главная же заслуга Лаппо-Данилевского в следующих новшествах:

1) новое определение методологии истории как учения о принципах и методах исторической науки¹¹;

2) новое понимание целей и задач (функций) методологии истории: основной и производной. Цель основной — установить принципы, положенные в основу науки, в силу которых она получает свое значение; цель производной — выработать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается¹²;

3) новое понимание структуры методологии истории, состоящей из трех частей: учения об историческом методе, методологии источниковедения, методологии исторического построения. «Учение о методе выясняет то соотношение, которое существует между принятыми в нем принципами и методами изучения, а также соответствие той, а не иной их комбинации с ближайшим предметом исторического исследования... Методология исторического источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал или существует. Методоло-

гия исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало или существует, и построит историческую действительность»¹³.

Такое определение методологии истории, ее структуры и функций имело основополагающее значение, ибо оно сочетало в себе:

а) историческое и философское содержание, позволявшее квалифицировать методологию истории не только как элемент исторического знания, как дисциплину исторического характера, но и как философское учение о самой методологии истории, об ее структуре и функциях;

б) источниковедческий и историографический анализ, объединявший методологию источниковедения и методологию построения исторического знания;

в) критический и позитивный анализ исторических источников и исторических фактов; позволявший установить то, что действительно существовало или существует;

г) эмпирический и теоретический анализы, с помощью которых не только констатировалось происшедшее, но и объяснялось, каким образом произошло то, что действительно существовало;

д) гносеологический и методологический анализ, между которыми отныне устанавливалась прочная связь, и эта связь также проявлялась при решении всех методологических проблем.

Итогом явилось создание систематического учения о методологии истории в трех томах и систематическое изложение его в основном и специальных курсах, читанных на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В этом величайшая заслуга Лаппо-Данилевского, дающая право считать его основоположником российской методологии истории.

Методологическое наследие Лаппо-Данилевского оказало большое влияние на дальнейшую разработку методологии истории в России в течение последующих 13 лет (между 1910–1912 гг., когда были изданы первые два тома «Методологии истории», и 1923 г., когда вышло третье, посмертное издание его «Методологии истории») вышел целый ряд работ по методологии истории во вводных курсах по русской истории

Д.И. Багалея, А.М. Большакова, П. Мельгунова; философских работах Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, В.М. Хвостова, М.М. Хвостова; методик исторического исследования С.Н. Быковского, А. Шестакова; пособие по методологии истории Н.М. Бубнова и ему же приписываемая «Методология истории», вышедшая в Киеве в 1914 г., без указания автора. После 1923 г., если не считать двух работ Н.А. Рожкова и А.И. Тюменева, в течение четырех десятилетий работы по методологии истории не издавались по известным причинам. Считалось достаточным проводить марксистские исследования по диалектическому и историческому материализму, все философские положения которых якобы автоматически выполняют методологическую роль. Только в 1960-х гг. возродился интерес к методологии истории.

Продолжается ли дело Лаппо-Данилевского по развитию методологии истории в России, в Санкт-Петербурге и на его родном историческом факультете? Положительно можно ответить только относительно России, где в настоящее время библиография по методологическим вопросам исторической науки превышает тысячу названий. Выходят многочисленные сборники по методологическим вопросам, методологическим проблемам, методологическим принципам исторического познания. Что касается Санкт-Петербурга, то на историческом факультете СПбГУ методологией истории почти никто не занимался, не читались ни основные, ни специальные курсы по методологии истории.

Исключение составляли лишь работы С.Н. Валка по источниковедению и О.Л. Вайнштейна по историографии. На философском факультете ЛГУ методологические проблемы в 1960-80-е годы разрабатывались, в основном, на кафедрах философии для естественных и гуманитарных факультетов. По инициативе бывшего декана В.П. Рожина вышло около двадцати сборников по методологии социального познания, защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций: так, в 1967 г. Г.Г. Караваев защитил докторскую диссертацию на тему «Исторический материализм – теория и метод общественного познания», в 1968 г. Г.А. Подкорытов — на тему «Историзм как метод научного познания», в 1987 г. Н.М. Дорошенко — на тему «Методология истории в системе философского и исторического знания». В начале 90-х деканом философского факультета был избран

Ю.Н. Солонин, объявивший начало реформ на факультете, и начал их с ликвидации вышеназванных кафедр. Все три вышеуказанных профессора были уволены. Одни — по возрасту, другие — потому что не нашлось места на других кафедрах, на которых методологией почти никто не занимался. Положение сложилось почти такое же, как на историческом факультете. Остается надеяться, что настоящая конференция послужит возрождением интереса к методологии истории и продолжением славной традиции, основанной Лаппо-Данилевским.

Примечания

¹ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1. С. 285.

² *Виппер Р.Ю.* Две интеллигенции и др. очерки. М., 1912. С. 26.

³ *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. X. С. 438.

⁴ *Перцев В.Н.* Новые труды по теории исторической науки // Голос минувшего. 1914. С. 270-271.

⁵ *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории. М., 1919. 3-е изд. С. 6-7.

⁶ *Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904. С. 324.

⁷ Там же. С. 320.

⁸ *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 96.

⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Пг., 1923. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 29.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 7.

А. В. Малинов (Санкт-Петербург)

**«МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ»
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ**

Историки философии давно поставили русской мысли диагноз историософской одержимости. Дополнительно подтверждать или опровергать его за очевидностью симптомов бессмысленно. Но вот уточнение, детализация, выявление периодов и т. п. были бы бесполезны. Прежде всего требуется большая терминологическая вменяемость и содержательная определенность самой характеристики. В синонимическом побратимстве с историософией стоит философия истории. В широком смысле всякое вразумительное рассуждение об истории, замешанное на том или ином философском учении, может в перспективе перерасти в философию истории. И все же стоит немного на этом задержаться.

Интерес к истории, осмысленное отношение к прошлому можно обнаружить с первых шагов русской мысли. В различные эпохи и у разных авторов он получал различные мировоззренческие или даже концептуальные очертания. Исходной моделью послужила христианская концепция мировой истории, в креативно-эсхатологических координатах которой русская философия истории стала приобретать черты семейного сходства, оттеняющие ее самобытные гримасы. Парадигматический остов и, одновременно, внутренний стимулятор истории – христианство (шире, всякая мировая религия), задающее магистральное направление исторического процесса и даже его перипетийные изгибы. Попечительное вмешательство высшей силы изгоняет из исторической жизни случайность и провиденциалистски предопределяет, целевым образом обуславливает ход исторических перемен. История, таким образом, предстает как вполне закономерный процесс, закон которого, однако, не взращен в самой истории, а трансплантирован извне. Историческая закономерность принимает вид смысловой предзаданности,

а вопрос о законах истории подменяется историософскими поисками ее смысла. Сообразно с протекционистской поступью Провидения, по-отечески карающего или ласкающего подведомственные народы, последние делятся на исторические и неисторические.

В русле такого умонастроения русская философия истории развивалась до XVIII в., когда ее благодатно просветленный лик под оправдываемым «общим благом» давлением власти и обстоятельств стал приобретать прогрессивно просвещенные черты. Различие в установках было явным, хотя некоторые наследственные признаки сохранялись. Различие можно закрепить терминологически. Историософский модус русской философии истории был дополнен новым проблемно-тематическим вариантом, тон в котором задавали вопросы теории и методологии истории. Теоретико-методологический подход воспроизвел универалистские претензии христианства в схеме прогрессивно шествующего всемирно-исторического процесса, постепенно вовлекающего в свою орбиту все новые и новые народы, теряющие свою неисторическую самобытность. Однако главная заслуга теоретико-методологического направления состояла в попытке утвердить историю в качестве формы знания, обосновать научный статус историографии. Поводом к таким эпистемологическим претензиям послужило различение истории как процесса и истории как рассказа или знания о прошлом. Осторожное, на ощупь продвигающееся осознание нетождественности истории как знания и истории как процесса дополнялось возрастающей убежденностью в необходимости их соотнесения. История как процесс доступна не сама по себе, а лишь в форме знания. История как знание имеет смысл лишь тогда, когда «имеет в виду» реальный исторический процесс. Доступный познанию фрагмент исторической реальности – исторический факт, — как правило, не является предметом непосредственного наблюдения и дан лишь через источник, который, в свою очередь, требует проверки своей подлинности и удостоверения сообщаемых сведений. Так возникает потребность в исторической критике и исторической интерпретации. В то же время интерпретируемое и критикуемое — источник — подразумевает интерпретирующего и критикующего – историка. Историк в данном случае – модификация универсального познающего субъекта нововро-

пейской философии и науки. Однако вся история исторической науки демонстрирует, что выхолащивание историка до трансцендентального субъекта, как и унификация истории по образцу детеологизированной и дегуманизированной природы, оказались труднодостижимы. История с идиографическим упорством цеплялась за свои единичные и уникальные формы, а историк не менее навязчиво вменял истории свои представления. В результате необходимый для научного признания истории объективизм всегда вызывал большие сомнения, в то время как ржа субъективизма тихо делала свое дело: в историческом познании принимая вид субъективного метода, а в историческом процессе оборачиваясь действующей в истории личностью, теша тем самым либеральные пристрастия ученых. Субъективизм вновь подтверждает креативный характер истории, отказываясь, правда, от любых провиденциалистских гарантий и воспринимая историю как имманентно-законосообразный процесс смыслового самостроения. Источником смыслов выступает нравственное сознание. Следствием таких метаморфоз стала постановка проблемы исторического сознания и постепенная подпольная аксиологизация истории.

Теоретико-методологический подход, уходя корнями в просветительский оптимизм и, как ни странно, просветительский антиисторизм, со временем заметно потеснил единственно верное историософское учение. Соблазн научных привилегий, открываемых перед историографией, подкрепляемый вполне материальными привилегиями неизбежной для научного становления институционализации истории, все больше овладевал умами ученых. Закрепляя свое профессорское положение, на теоретико-методологические темы рассуждают Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев. Затем эпистемологические аллюзии рикошетом задевают позитивистски ориентированные построения «государственной» школы. И, наконец, пышным цветом расцветают в так называемой академической философии истории, иными словами, реализуются в университетских курсах философствующих историков. В первую голову здесь нужно назвать Н.И. Карева, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милюкова, Р.Ю. Випера, Д.М. Петрушевского, В.М. Хвостова. Институционализация и профессионализация истории, сопровождающие ее научное взросление, привели к тому, что философия исто-

рии, прежде всего в виде теории и методологии истории, стала преподаваться в университетах.

Академическая философия истории не цельное явление, единство которого усматривалось бы изнутри самими упомянутыми историками, а смысловая проекция исследователя, оправдываемая устанавливающей позицией современности, навязывающей это единство. Единство видится в общности проблем, обсуждаемых на едином научном (терминологическом) языке, predetermined общим историко-философским контекстом, доминирующую роль в котором играли позитивизм и неокантианство. Их пропорции варьировались в зависимости от индивидуальных предпочтений: скажем, у Н.И. Кареева и П.Н. Милюкова преобладали позитивистские устремления, а В.М. Хвостов и Д.М. Петрушевский больше тяготели к неокантианству. Достаточно многообразное содержание проблем, обсуждаемых в рамках академической философии истории, было подчинено одной господствующей идее – истории как науке. Университетское и академическое (в смысле членства большинства из них в Академии наук) положение философствующих историков обязывало к серьезности и основательности разработок, учитывающих уже к тому времени подавляющее научную волю разнообразие сложившихся точек зрения и интерпретаций. В результате многотомные плоды теоретических разысканий академической философии истории, помноженные на респектабельный размах профессионального самодовольства, дают редкий пример академического занудства, мертвящей основательностью добивающегося худших последствий философской интоксикации. Скромный идейный и концептуальный итог построений академической философии истории отчасти до сих пор провоцирует периодические всплески эпистемологических кризисов в исторической науке. «Историкам, — отмечает современный исследователь, — если философия истории и нужна, то преимущественно в форме рефлексии о ремесле историка, самое большее – как теория и методология исторических исследований. То, что в XX в. именовалось философией истории, представляло в большей своей части «историческую» гносеологию и методологию и стремилось по мере сил реализовать подобные запросы, хотя и в этой области – если судить по степени реального воздействия результатов философского поиска на работу истори-

ков – успехи оказались скромными»¹. Потребность так и осталась удовлетворенной не полностью.

В ряду философствующих историков сдержанностью своей позиции и значительностью сделанного выделяется академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Его фигура, что отмечали еще современники, стоит несколько особняком в русской историографии. То же можно сказать и о его теоретико-методологических разработках, его «школе»: ближайшие ученики по разным причинам отошли от занятой методологией истории, и вскоре эта традиция прервалась, сохранившись лишь как, быть может, один из наиболее «чистых» опытов академической философии истории.

Академическая философия истории, если воспользоваться определением самого Лаппо-Данилевского, скорее, «культурный», чем «национальный» тип в русской философии истории. Сам Лаппо-Данилевский в этом отношении особенно типичен. В отличие от многих его коллег, его жизнь практически не выходила за рамки научной (и в смысле кабинетной, и в смысле организационно-редакторско-рецензирующей) деятельности. Кратковременное участие в политике в качестве члена Государственного совета от Академии наук, очень скоро отрицательно оцененное самим Лаппо-Данилевским, не идет в сравнение, например, с парламентскими злоключениями Н.И. Кареева или с авантюрно-оппозиционной одиссеей П.Н. Милюкова, в конце концов практически вытеснившей научную деятельность на периферию мытарств его интеллигентской судьбы. В Лаппо-Данилевском заметна статичность, но эта статичность напряженности и собранности и даже какой-то отчужденности от окружающего мира. А.Е. Пресняков приписывал ее европейской культуре, последовательно возвращаемой (а не заимствуемой) Лаппо-Данилевским в себе в течение всей жизни. «В итоге, — писал А.Е. Пресняков, — он был больше “европейцем”, чем кто-либо из деятелей русской историографии, человеком иной культуры и иной духовной среды»². Со стороны это воспринималось как чуждость, закрытость, аристократизм и даже чопорность.

В результате в фигуре Лаппо-Данилевского не заметно того душевного раскола, противоречий и комплексов, какие присутствуют у многих «русских европейцев». Однако все же остается вопрос, насколько цельность – без радикальных

шатаний, отказов, раскаяний и новых поклонений – личности Лаппо-Данилевского была органична. Не была ли она оплачена жесткой самодисциплиной и научно-культурным аскетизмом? Его мысль строго выдерживала заданный культурный импульс, повинаясь которому эмпирическое многообразие национальных культур покорно укладывалось в брусчатку общемировой цивилизации. Теоретические всполохи его сознания закатывались на Западе, концентрирующем все движения общечеловеческой культуры. Западничество Лаппо-Данилевского, вписывающее в европейскую культурную традицию и Россию, казалось бы, без остатка вбирало в себя и саму его личность.

Россия, с конца XVII в. активно поглощающая культурные дотации, и прежде всего усваивающая принцип «личности», с полным правом может теперь довольствоваться своим европейским статусом и историческими привилегиями мировой державы. Специальные исторические изыскания Лаппо-Данилевского как раз и были посвящены процессам переваривания личности государством и сословно-общественными группами в России XVII–XVIII вв. Рецепт уже был предложен К.Д. Кавелиным и опробован на кухне «государственной» школы. Лаппо-Данилевский предпринял его фактологическое наполнение. Первый опыт, как указывал Лаппо-Данилевский в магистерской диссертации, показал, что перед «государственными интересами» «стиралось значение каждого отдельного лица»³. Петровская реформа также «не создала лица, как самостоятельной единицы общественного строения, но во всяком случае расчистила ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность»⁴. И лишь при Екатерине II «лицо» получило сословное определение (за исключением зависимых крестьян). Эти рассуждения легли в основу и многообразно реализовались в тонких анализах и удивительно фактологически слаженных построениях Лаппо-Данилевского. Однако не концепцией сильны исследования Лаппо-Данилевским русского XVIII в., а уникальным подбором материалов, источников и интерпретаций. Повторить их невозможно, вернее, чтобы их воссоздать или предложить нечто равноценное, необходимо посвятить им целую жизнь. Судить о них в полном объеме также может не всякий; рукописи Лаппо-Данилевского надежно охраняются архивными харонами.

Смысловая зависимость русской культуры от европейской, проявляющаяся в том числе и в идеале научного знания, требует тщательного обоснования всех утверждений. Идиографическая мелочность истории лишь усиливает это требование, воплощая его в каскаде следующих за текстом цитат и ссылок. Опыт Лаппо-Данилевского в этом отношении очень показателен. Вавилонский объем разноязычного научного аппарата в его исследованиях грозит перерасти в цунами, накрывающую основной текст и растворить с такой осторожностью и корректностью формулируемые выводы во множестве точек зрения, сомнений, предположений, комментариев и авторских дополнений. Отсюда внешняя дотошность и детализированность изысканий Лаппо-Данилевского, требовавшая, без сомнения, огромной подготовительной работы. Вместе с тем проблематическая природа примечаний делает окунающегося в них исследователя более свободным, поэтому петитные россыпи примечаний, как правило, сохраняют поисковый трепет и смысловые вибрации исторических погружений Лаппо-Данилевского.

Впрочем, не ювелирная детализация составила известность Лаппо-Данилевскому, а его теоретические работы, до сих пор понуждающие историографов и методологов въедливо вчитываться в каждую из трех редакций «Методологии истории». Тем не менее, причина такого пристального внимания, скорее, следствие недостатка – тяжелого и местами малопонятного языка сочинений Лаппо-Данилевского. Впечатление, оставляемое его «Методологией истории», двойственно: порой она кажется утомительной компиляцией, заглушающей ученой механикой ссылки любые стоны авторского голоса, а вместе с ним и мысли; а порой воспринимается как эзотерический текст, повергающий в длительные методологические медитации. Как бы там ни было, и достоинства, и недостатки его «Методологии истории» – плод европейского идеала учености, в целях онаучивания истории стремящегося подвести под нее теоретический фундамент.

Теория ценна не сама по себе, не своей умозрительной виртуозностью или «заоблачным зодчеством» (М.О. Гершензон), а, напротив, приземленностью, соотнесенностью с действительностью, своим конкретным, жизненным наполнением. Идеал научности, почерпнутый Лаппо-Данилевским, в частности, из позитивизма О. Конта предусматривал опо-

ру на реальность, предварительно вынося за демаркационные скобки вопрос о природе самой реальности. Реальность преднаходится наукой, дана и не может быть задана, сотворена. В то же время постижение реальности предполагает наложение на нее общеобязательных форм знания. Познание – встреча данного и заданного, путь модальной трансформации сущего: переход от существующего к необходимому или возможному (должному). Направление перехода предопределяется сценарием: эмпирико-сциентистским или неокантианским. Но приоритет всегда остается за существующим, онтология курирует деонтологию. Креативные способности сознания здесь сублимированы в методологию. Метод, собственно говоря, и есть мост к реальности. Посреднические услуги методологии обеспечены ее формальностью. Форма, в данном случае, может быть наполнена любым содержанием, что, однако, не лишает ее определенности, т. е. сохраняет за ней созидательный характер теоретического знания. Главная задача «Методологии истории» Лаппо-Данилевского – набросать такую форму для истории и указать ей тем самым путь-метод к реальности, т. е. обосновать возможность истории в качестве науки. Наука, несмотря на увещественность своих смыслов, сохраняет творческий активизм преобразователя жизни, что, к слову, и оправдывает властные притязания интеллектуалов. Чтобы говорить на равных с реальностью, науке (в частности, исторической) необходим свой тезаурус ценностей. Услуги по его составлению предлагает философия. Так рождается прислуживающий науке умозрительный кентавр – философия истории, — разум которого ворочает лишь нравственными категориями. В порядке его методологического кочевья должное обосновывает сущее, точнее, исходные положения исторической науки, пропускающие сквозь смысловые фильтры своего эпистемологического микроскопа крохи минувших событий таким образом, что предмет невозможного опыта после заклинательной мумификации принимает вполне пристойный вид воскрешенного факта. Здесь философско-исторический кентавр низводит свою генеалогию до кантовской химеры примата практического разума над теоретическим. Самонаведение разума науки на реальность происходит теперь под маниакальными внушениями императивного характера. Неудивительно поэтому, что теоретическая нудительность

такой методологии вполне логично заканчивает занудством ее практического воплощения.

Еще один шаг формальной поступи методологизма зримо предстает в систематичности знания. Система и есть формальные тиски знания, вгонка в которые фактического материала означает познание. История вколачивает в систему прошлое и делает это также систематически, т. е., согласно Лаппо-Данилевскому, методологически. По его проекту, систематичность следует распространить на все общественные дисциплины, для которых история способна послужить лабораторно замороженным образцом. Системно-методологическое отесывание прошлого неизбежно меняет его: отсекает лишнее, корректирует пропорции и создает, по существу, если и не новый предмет, то, по крайней мере, его новую редакцию – историческое бытие.

Инструментарий такой обработки предполагает дальнейшее усовершенствование спекулятивной технологии, оттачивание умственных созерцаний, выпестывание априорных форм. Предзаданный характер исторического знания, переходящий в алхимию методологических ухищрений – наиболее интересная часть теоретических штудий Лаппо-Данилевского. Сомнение в научном статусе историографии провоцируется тем, что историк практически никогда не соприкасается с исторической действительностью самой по себе. Историческая действительность субъективно скорректирована прежде всего в модальности своего существования: прошедшее в ретроспективном обзоре смысловых ракурсов современности при-нудительно восстанавливается из иллюзорного хаоса возможностей так, как если бы оно было на самом деле. Подделка под действительность, инкрустируемая всеми аргументативными узорами изворотливого разума науки, часто до неузнаваемости преобразует прошлое. Сличение оригинала и его более убедительной копии требует дополнительных дознавательных операций. Связующим звеном с реальностью, следом и сколком с действительности выступает документ, заменяющий наблюдение и свидетельство отсроченного временем *бывания*. Документ – посредник между историком и реальностью; и он же, а не факт, — историческая данность, после многочисленных герменевтических очных ставок и стравливания показаний признаваемая в качестве *факта*. Видовое разнообразие исторической даннос-

ти объемлется понятием *исторического источника*, а способы данности проверяются на прочность и удостоверяются *исторической критикой и интерпретацией*. Такова компетенция *исторической феноменологии*.

Нащупывание данности обозначает только первую половину методологического пути исторической науки. Вторая его часть – реконструкция исторической реальности, или *историческое построение*. Здесь как раз и приходится кстати аксеологический резервуар философии, готовый дедуктивным потоком излиться на безыдейную почву эмпирии. В качестве строительного материала в ход идут ценности. Сложность заключается в конфиденциальности ценностных счетов *чужого я*. Проблема решается на intersубъективной барахолке, где номинал *чужой одушевленности* разменивается на всеобщий эквивалент трансцендентальных идей. Попутно происходит и смена собственника: эмпирический субъект заменяется *сознанием вообще*. Дальнейшая сборка исторической квазиреальности происходит в диапазоне от *идиографического постоения* к *нотетическому*. Признавая как достоинства, так и ограниченность обоих крайних подходов, Лаппо-Данилевский считает более приемлемым для исторической науки путь *типологических* обобщений. Затем, столь же постепенно и поступательно, посредством *исторической связи* происходит растущая в масштабе до *исторического* или *мирового целого* достройка всего исторического здания. Предельным понятием исторического построения является понятие *человечества*. Методология истории, изживая местечковый характер своего эпистемологического аппетита, упирается в универалистские перспективы всемирно-исторического процесса.

Примечания

¹ Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб., 2000. С. 9.

² Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 67.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 502.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 16–17.

О. М. Медушевская (Москва)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ФИЛОСОФИИ И ЭМПИРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Мыслитель, далеко обогнавший свое время, вынужден долго дожидаться признания. В центре современных рефлексий научного сообщества — целостность и системность исторического процесса, его системные качества как части мирового целого, принципы самоорганизации эволюционного и коэксистенциального исторического целого, перспективы и возможности исторического познания. Обращаясь к наследию великого мыслителя, мы убеждаемся, что именно эти проблемы оказались в центре его внимания. Социальная реальность эпохи глобализации и информационных технологий поставила гуманитарные науки перед необходимостью системного осмысления способов гуманитарного познания: от методологического противопоставления наук о природе и наук о духе (как использующих принципиально различные познавательные стратегии), от монодисциплинарных взаимоисключающих методологий научное сообщество постепенно приходит к осознанию единства принципов научного познания в науках о природе, науках о жизни и науках о человеке. Естественно, что эти идеи, столь близкие А.С. Лаппо-Данилевскому и его ближайшим коллегам, интерпретаторам его творчества в первой четверти прошлого века, побуждают современных исследователей к более глубокому и философски целостному осмыслению творчества этого мыслителя и ученого. Оценивая вклад своего учителя как гуманитарного мыслителя и методолога, один из его наиболее глубоких интерпретаторов, С.Н. Валк, точно сформулировал главную суть его концепции, определив ее как «феноменологию культуры»¹. При этом он «с тревогою» писал в 1921 г. о грядущей судьбе идей ученого, понимая, что «лишь неустанным и общим трудом можно придать им новую жизнь и привести к полному раскрытию их основначала»². Тревога была не напрасна, хотя защитить целостную концепцию от поверхностного к ней подхода его интерпрета-

торы активно стремились. Один из ярких примеров непонимания — необоснованное определение философской ориентированности концепции Лаппо-Данилевского как неокантианской, берущее свое начало, по-видимому, от Н.И. Кареева, весьма бегло коснувшегося идей «Методологии истории» в его историко-социологических очерках³. Как известно, в работах В. Виндельбанда и Г. Риккерта проводится различие двух подходов к изучению явлений природы (выявление общего) и явлений духовной культуры (поиск единичного и специфически уникального). В «Методологии истории» Лаппо-Данилевского показано, что подобные два подхода к изучению явлений не только природы, но и истории имеют большое распространение. Различение номотетического и идиографического подходов к изучению исторического процесса ученый и положил в основу своего историографического анализа концепций методологии истории — от античности до современного ему исторического монизма. Главная идея концепции Лаппо-Данилевского, развитая во второй части его труда (методология источниковедения) и соответственно продолженная в завершающей части (методология исторического построения), состояла в другом, а именно: не в противопоставлении методов, но в синтезе, в применении обоих подходов к явлениям и природы, и общества. То есть, главная позиция неокантианства не только не разделяется Лаппо-Данилевским, но опровергается им. На это обратил особое внимание интерпретатор идей Лаппо-Данилевского как ученого и мыслителя А.Е. Пресняков: «Было бы, конечно, ошибкой сводить это различие у А.С. Лаппо-Данилевского к заимствованию у Виндельбанда и Риккерта»⁴. Пресняков справедливо отмечает, что у Лаппо-Данилевского оба подхода возможны в отношении к истории, они взаимодополняемы: изучая всеобщую историю, можно либо ставить целью выявить нормы общественного развития, общие всему человечеству, либо рассматривать историческое развитие отдельной народности, которая стремится к определению ее специфических признаков.

Отметим, что вопрос имеет принципиальное значение. Различение методов номотетики в науках о природе и идиографии в науках о духе для неокантианской философии означает отказ от исследования реального системного целого в науках о культуре. Здесь, по логике этой философии,

возможно лишь использование извне привносимой системы ценностей, но не исследование закономерностей возникновения «порядка из хаоса», которое по существу и является главной целью именно научного знания.

От неокантианского различения и противопоставления номотетики в науках о природе и идиографии в науках о культуре в научном сообществе произошло много важных и до сих пор еще дающих о себе знать методологических последствий. Научное сообщество историков, разделяющее подобные взгляды, по существу априорно исключает в принципе возможность выработки научных методов исследования исторического процесса. В свою очередь, это дает основание для отрицания методологического профессионализма в образовательной модели исторического знания. Сама идея преподавания теории и методологии истории становится нелогичной. Вполне очевидно, насколько данный подход не соответствует общей философской и конкретно историко-педагогической концепции Лаппо-Данилевского.

Использование Лаппо-Данилевским терминологии, введенной в научный оборот неокантианскими методологами, произвело определенное впечатление и на одного из первых интерпретаторов концепции Лаппо-Данилевского, выдающегося мыслителя и экономиста Н.Д. Кондратьева⁵. Однако, по мере углубления в текст, Кондратьев более точно улавливает различие двух философских подходов. Идиографический подход как обращение к структурным связям изучаемого объекта и номотетический как изучение его типологических черт не противопоставлены в «Методологии истории», но выступают как два взаимодополняющих подхода к одному объекту (будь то объект природы или общества, культуры). Кондратьев доводит свое рассуждение до логического завершения, восклицая: а где же отнесение к ценности?!

Действительно, не отнесение к ценности как систематизация идиографии извне, но другой, феноменологический, системный подход характерен для Лаппо-Данилевского и в теории, и в его исследовательской практике.

Единство гуманитарного и естественно-научного знания, противостоящее альтернативе обособления наук о природе и жизни наукам о человеке, важно в равной мере как для ученого гуманитария, так и для исследователя-натуралиста. Эта позиция сближает взгляды ученого с концепцией теории и

методологии знания о природе В.И. Вернадского. Нам уже приходилось отмечать идейную и философскую близость идей Лаппо-Данилевского и В.И. Вернадского. Идея системного целого, в котором человечество как феномен составляет лишь часть, но особенную, наделенную сознанием часть, в равной мере важна и для исследователя природы и жизни, и для исследователя наук о человеке. «Натуралист нередко выключает человека из других явлений природы, привыкает противопоставлять природу и человека, — благодаря этому в значительной степени искажает то представление о природе, которое лежит в основе его научной работы», — утверждает методолог наук о природе⁶.

В качестве необходимого эпистемологического принципа утверждения гуманитарного знания как строго научного у Лаппо-Данилевского выступает феноменологический постулат единства и системности объекта в себе самом, и потому, соответственно, единства и целостности познания каждого исторического явления. История отдельного народа, государства, личности возможна лишь как его интерпретация по отношению к системности мира природы и человечества. «Систематика, присущая науке, — конечно, настоящей, подлинной науке, — не есть наше изобретение; она коренится в самих вещах, и мы ее просто находим и открываем», — утверждает основатель феноменологической философии Э. Гуссерль⁷, и это положение вполне разделяет методолог Лаппо-Данилевский. Лаппо-Данилевский определяет в качестве объекта исторической науки (в широком смысле, как науки о человеке) человечество как системную часть мирового целого во всей полноте и реальности своего развития (эволюционное целое) и единстве взаимосвязей на каждый данный момент функционирования (коэкзистенциальное целое). Соответственно методология истории рассматривается им как методология познания строго научного, логически выведенного (построенного)⁸.

Близки идеи основателя феноменологии Гуссерля и феноменолога Лаппо-Данилевского и в отношении концепции преподавания науки, ее образовательной модели. Не набор конкретных данных, но метод добывания нового знания — такова центральная идея образования у обоих мыслителей.

Особую актуальность концепции Лаппо-Данилевского придает постановка вопроса о том, как соотносится наука с

преподаванием, как наука входит в образовательную модель исторического (общегуманитарного) профессионализма. Объем информации, функционирующей в современном знании, постоянно растет, и становится ясно, что количественные механизмы перевода науки в преподавание непродуктивны. Иной подход реализуется в той модели преподавания, которая представляет комплекс дисциплин теории и методологии истории как системообразующий компонент образовательной модели. Постановка вопроса о таком методологическом компоненте представлена в философской концепции Э. Гуссерля о наукоучении, логике науки как признаке всякой зрелой науки — точной, естественной, гуманитарной. Предмет этой дисциплины — собственно метод в его теоретических обоснованиях, в его истории развития, в его современных нормах и в его перспективах формирования новых научных методов. «Сравнительное изучение этих методических средств, — писал Гуссерль, — в которых отразились познания и опыт бесчисленных поколений исследователей, и может помочь нам установить общие нормы для подобных приемов, а также и правила для их изобретения и построения сообразно различным классам случаев»⁹. Наукоучение (*Wissenschaftlehre*) в свою очередь придает системное единство преподаванию науки. Ссылаясь на философа Больцано, Гуссерль вместе с ним отмечает, что «наукоучение и есть та наука, которая указывает нам, как целесообразно излагать науки — в учебниках».

Опытом подобного рода является, по-видимому, и работа самого Гуссерля «Начало геометрии». Не случайно она приковывает к себе внимание современных теоретиков и методологов научного знания¹⁰. Применительно к исторической науке блестящим опытом подобного теоретического курса наукоучения является «Методология истории» Лаппо-Данилевского. Этот труд отвечает всем критериям наукоучения по его основным параметрам, сформулированным Гуссерлем. Это — единство всего пространства познавательного процесса, в котором философское понимание, привлечение всего объема уже имеющегося готового знания и умение создавать реализованный интеллектуальный продукт — все три уровня связаны последовательными переходами, четко сформулированными алгоритмами. Опыт творческой модели гуманитарного образования теоретически обоснован и

практически реализован в исследовательской и преподавательской практике Лаппо-Данилевского в рамках Петербургского (позже Петроградского) университета и других учебных заведений, в которых ученый преподавал, вел курс «Методологии истории», семинары и читал лекции по теории и методологии исторического знания¹¹. В рамках интегральной образовательной модели формировались гуманитарии, обладающие цельностью концептуального видения собственного исследовательского проекта, способные творчески трудиться на уровне философской идеи замысла, обеспечения информационного объема и умения создавать индивидуальный интеллектуальный продукт строгого и точного знания. Среди представителей интеллектуальной элиты, сформировавшейся под непосредственным влиянием идей Лаппо-Данилевского были, как известно, не только собственно историки. «Кажется, — свидетельствовал философ Н.В. Болдырев, — никого нет среди философов молодых поколений Петербурга, кто не прошел бы его школу»¹². Среди тех, кто в своих работах обозначил влияние идей ученого, основатель социологии П.А. Сорокин, создатель экономической прогностики Н.Д. Кондратьев, историки А.Е. Пресняков, С.Н. Валк, А.И. Андреев, коллеги ученого С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс, Б.Д. Греков, В.И. и Г.В. Вернадские, Т.И. Райнов, Б.А. Романов¹³. А.И. Андреев, создатель источниковедческих и историко-научных исследовательских трудов, сумел практически реализовать идею преподавания методов исторического исследования в духе концепции Лаппо-Данилевского на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института, ныне Российского государственного гуманитарного университета¹⁴. Именно введение в преподавание трудов Лаппо-Данилевского и было поставлено ему в вину при проведении идеологических кампаний 1949 г.¹⁵. Но к тому времени главное — концепция и ее воплощение в программах учебных курсов уже было заложено, а впоследствии и продолжено¹⁶.

Таким образом, Лаппо-Данилевский явился основателем оригинальной, не имеющей аналогов в других направлениях западной или отечественной науки парадигмы — особого учения о методах, обеспечивающих строгую научность исторического и шире-гуманитарного знания. Суть ее состоит в особой интерпретации объекта исторического познания и его

реальных свойств и в построении, в соответствии с этими свойствами, логической системы методов исследования в науках о человеке. Феномен человеческого общения ученый рассматривает в его опосредованной, материализованной форме. Человек реализует свои возможности через создание произведений; они, в свою очередь, расширяют хронологические и пространственные пределы общения, информационного обмена. Источник в определении ученого — «реализованный продукт человеческой психики», и в этом смысле он реален. В общей концепции теории и методологии истории ученый различает два уровня. Каждый из них в принципе самодостаточен, но их взаимодействие и синтез открывают возможность построения строгого знания о человеке, его культуре. Произведение — исторический источник — восстанавливается в ходе исследовательских изысканий таким, каким его, возможно, не осознавали современники и сам автор, — как явление культуры (данной эпохи, страны, народа, государства, личности). В свою очередь, воссоздав культурное явление, гуманитарное знание получает новые возможности для постижения породившей это явление культуры.

Научно-педагогическая школа источниковедения, теории и методологии истории Историко-архивного института возникла в процессе деятельности ряда поколений и развивается в настоящее время в русле феноменологической философской концепции теории и методологии истории как науки о человеке¹⁷. В настоящее время, когда научное сообщество осознает необходимость отказа от традиционной транслирующей готовое знание образовательной модели и рефлексии о путях перехода к новой модели, направленной на творческое достижение нового и строгого знания, данная феноменология культуры особенно актуальна.

Гуманитарное образование в России и мире в целом находится в ситуации изменения, модернизации. Традиционная образовательная модель была ориентирована на подготовку специалиста, способного освоить и воспроизвести (транслировать в образовательных целях) определенный объем готового, уже добытого наукой знания. В условиях неустойчивого равновесия, быстрых социальных изменений, неконтролируемых процессов самоорганизации неравновесных систем, существования в реальных условиях разнооб-

разных политических систем, уровней экономического развития, диалога культур общество предъявляет гуманитарным наукам, исторической науке в ее широком понимании, новые вызовы. Это требует от специалиста нетрадиционных методологий, понимания нестандартных ситуаций, умения предложить для их решения новое историческое знание, добротный интеллектуальный продукт. Новая стратегия преподавания выдвигает на первый план проблематику теории и методологии истории — всего корпуса дисциплин, ориентированных на новое знание. В основе концепции новой образовательной модели должно находиться обеспечение фундаментального и прежде всего философски ориентированного знания. Первостепенное значение приобретает подготовка специалиста, способного к практическому применению методов исторической (в основе — источниковедческой) компаративистики, что необходимо в условиях противоречивого становления глобального мира. Данный подход имеет в своей основе понимание существенно общих универсалий историко-антропологических основ человеческой деятельности. В центре внимания феноменологического направления теории и методологии истории, источниковедения, источниковедческой компаративистики находится способность человека создавать реализованный интеллектуальный продукт своей целенаправленной осознанной деятельности. Фундаментализация гуманитарного образования, ориентация на исследовательский метод, обучение общим принципам и приемам информационно-источниковедческого поиска, эвристики и аналитики актуализируют идеи феноменологии культуры Лаппо-Данилевского¹⁸.

Опережала свое время и его идея единства строгого научного знания, направленного на выявление системных свойств реальности. Реальна природа, реально живое вещество, реальны и объекты культуры — исторические источники. Реализованные продукты культуры особенно важны, и на их изучение опираются науки о человеке. «Творческую силу исторического процесса он видит в человеческих сознаниях, и, стало быть, активным носителем в нем движения определяет человеческую личность — индивидуальную и коллективную, в ее разуме и свободе», — писал о концепции Лаппо-Данилевского И.М. Гревс¹⁹. Одной из системообразующих идей исследовательской и педагогической прак-

тики Лаппо-Данилевского, его активной работы по установлению более глубоких взаимосвязей с мировой наукой, формирования теоретических и методологических основ науки о человеке как строгой позитивной науки, — такой общей движущей идеей была идея установления новых либеральных основ российского общества. Он мечтал, как справедливо подчеркивает исследователь его философской концепции и жизненной личностной позиции А.Е. Пресняков, «о свободном сотрудничестве России, как органической части человечества, с другими народами: таков был завет русского мыслителя накануне великого кризиса всей мировой и русской жизни»²⁰. Исторический опыт развития русского государства и общества от средневекового растворения общества в государстве к деятельному консенсусу на свободной конституционно-правовой основе: этот исторический опыт переходного периода ученый считал бесценным и прилагал все усилия для его строгого и тщательного исследования и осмысления. Он всегда подчеркивал самодостаточность русской культуры и общественной мысли при освоении западных политических идей и изучал специфику формирования ее идентичности в условиях нового и новейшего времени. Формирование российской культурной идентичности стало темой его последних международных выступлений на Лондонском международном конгрессе историков в 1912 г.²¹, в выступлении перед интеллектуалами Кембриджского университета в ходе поездки российской группы политических и культурных деятелей в 1916 г.²². Ученый сам определял свою главную тему как «исследование русской общественной жизни — материальных, а отчасти духовных факторов ее культуры, взаимоотношений, какие обнаруживались между ее проявлениями и правовыми нормами»²³.

Важно подчеркнуть, что мощной движущей силой общественного развития и преодоления социального раскола ученый считал науку, деятельность научного сообщества в области науки, преподавания и политической жизни. Такое научное сообщество он видел цельным, без разделения на науки о природе и науки о культуре. Как историк науки и ее организатор, ученый был бесконечно далек от того набравшего силу альтернативного методологического противопоставления наук о природе и наук о культуре, разделения, последствия которого только теперь становится возможным

преодолевать.²⁴ Идея единства системного строгого знания, направленного на исследование реальных систем и подсистем мирового целого, в котором человечество составляет лишь часть, но особую, наделенную сознанием часть, становится основой фундаментальной концепции образовательного процесса.²⁵ «Русская мысль, — разъяснял фундаментальную для мыслителя идею сам он в надежде на понимание интеллектуальной английской аудитории, — упорно ищет единства, — концепций, которые данная наука изучает, и — всего мироздания». Впечатляет в этом замечательном тексте тот ряд выдающихся ученых — представителей наук о природе, наук о жизни и наук о человеке, которые, каждый через данные своего исследовательского пространства, обнаруживает системные связи реальности. Надо заметить, что именно «естественный союз философии и эмпирической науки» обнаружил как характерную особенность мышления самого ученого один из ранних интерпретаторов его наследия Т.И. Райнов. Сам Лаппо-Данилевский отметил синтез философии и науки в трудах таких ученых, как Н.И. Лобачевский, П.Л. Чебышев, Д.И. Менделеев, А.И. Гадолин, Н.Ф. Федоров, И.П. Павлов, В.О. и А.О. Ковалевские, И.И. Мечников, Вл.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой. Этот ряд ученых мирового уровня по праву может быть дополнен именем основателя феноменологии культуры, теоретика истории как строгой науки — академика Лаппо-Данилевского.

Примечания

¹ Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 254.

² Там же.

³ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 169.

⁴ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 66.

⁵ Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. XX. С. 125.

⁶ Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М., 1994. С. 49.

⁷ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 188.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 334-335.

⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. С. 197.

¹⁰ Гуссерль Э. Начало геометрии / Введ. Ж. Деррида. М., 1996.

¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. Автобиографический очерк // Ма-

териалы для Биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. I. С. 405-413.

¹² *Болдырев Н.В.* А.С. Лаппо-Данилевский // Мысль: Журн. Петерб. филос. общества. СПб., 1922. I. С. 152-163.

¹³ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

¹⁴ Источниковедение в России XX века: Научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 42-77

¹⁵ *Андреев А.И.* Автобиография // Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.

¹⁶ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. 702 с.; То же. М., 2000. 702 с.; *Румянцева М.Ф.* Теория истории: Учеб. пособие. М., 2002. 319 с.; *Казаков Р.Б., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Я иду на занятия по методологии и теории истории: Учеб.-метод. модуль / РГГУ. М., 2002. 198 с.

¹⁷ Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001; *Афанасьев Ю.Н.* Universitas humana: Гуманитарный университет третьего тысячелетия. М., 2000. С. 386-388.

¹⁸ *Медушевская О.М.* Феноменология культуры. Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 100-136.

¹⁹ *Гревс И.М.* А.С. Лаппо-Данилевский: опыт истолкования души // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

²⁰ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 94.

²¹ L'Idee de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles de XVII-ème siècles jusqu'aux réformes du XVII-me // Essays in legal history read before the International Congress of historical studies held in London. Oxford, 1913. P. 356-383; *Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до времени преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12.

²² Русский сезон в Кембридже // Речь. 1916. 24 авг.; *Лаппо-Данилевский А.С.* The Development of Sciences and Learning in Russia // Russian Reality and Problems. Cambridge, 1917. P. 153-229.

²³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Автобиографический очерк. С. 405-413; *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 93.

²⁴ *Илизаров С.С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993.

²⁵ *Райнов Т.И.* О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1915; Цельность философской концепции методологии истории и исследовательской практики ученого и мыслителя подчеркивали С.Н. Валк, А.Е. Пресняков, Н.Д. Кондратьев. См.: Русский исторический журнал. Пг., 1920-1922. Кн. 6, 8; *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 1997.

И. Д. Осипов (Санкт-Петербург)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Трудно найти область гуманитарного знания, где не проявились бы талант и блестящая эрудиция академика А.С. Лаппо-Данилевского. Особенно интересны его исследования в области взаимосвязи политики и культуры. Жизнь и творчество Лаппо-Данилевского прошли в период интенсивного развития отечественной науки. В это время сформировались новые научные направления: юридическая школа историографии, субъективная школа социологии, органическая социология, федеративная теория, концепция культурно-исторических типов. В работах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, Н.Я. Данилевского, Н.И. Кареева были поставлены ряд важных методологических проблем. Во второй половине столетия отечественная наука обрела подлинную зрелость, и идеал «народности науки» (Б.Н. Чичерин) постепенно становился реальностью. Конечно, существовала дистанция между столичной и провинциальной наукой, однако, если принять во внимание краткий промежуток времени развития научной культуры в России, то достижения её представляются весьма впечатляющими. Свидетельством зрелости отечественной науки является и постановка проблемы специфики научной мысли в России. По этому поводу Н.И. Кареев писал: «Итак, господа, вы видите, что наше историческое воспитание не позволяет нам коснуться на какой-нибудь односторонней точке зрения: оно сделало нас особенно способными к усвоению чужих идей, приучило черпать идейный материал отовсюду, заставляет нас совершать синтез разнообразных точек зрения, а вместе с тем приводит к исканию более широкого понимания общественной роли науки, которое устраняло бы занятие наукой только из-за мимолетной злобы дня или ученого любопытства, ставя ему целями жизнь и знание»¹. Синтетический характер отечественной науки отражал в целом соборность русской куль-

туры и стал важной предпосылкой формирования методологии гуманитарного знания.

Следует отметить и такую черту отечественной пореформенной науки, как либерализм. Лаппо-Данилевский назвал апогеем XVIII столетия «либеральные отношения просвещенного абсолютизма к зарождающемуся русскому обществу». Действительно, правительственный либерализм Екатерины II дал толчок развитию всем научным направлениям, и в этом проявилась их зависимость от власти. Однако дух либеральности проявился явственнее в следующем столетии и был обязан своим распространением не только властной воле, но и творчеству внесословной интеллигенции. Публичные лекции Т.И. Грановского и С.П. Шевырева, споры славянофилов и западников, защита автономии университетов, борьба за независимость науки содействовали научному просвещению общества, созданию свободного от диктата власти института науки. Идеи правовой монархии, конституционализма, земского самоуправления и свободной личности обязаны своим происхождением именно либерализму. В либерализме изначала отстаивается синергетический подход в социологии, что позволяет всесторонне изучать внутренние механизмы развития истории и общества.

При этом либерализм в России – это, как правило, западничество, которое в усвоении достижений европейской культуры видит основание для прогресса отечественной цивилизации. Западники выполняли и продолжают выполнять важную культурную миссию: активно усваивая западные идеи и ценности, они приспособливают их к российской идеологии. Чужое входило в национальный контекст и становилось своим, западничество и русификация – две стороны одной медали – культурного взаимодействия России и Европы. В этом заключена объективная культурная роль западников. Западниками были многие известные ученые, и среди них: Т.Н. Грановский, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, П.Н. Милюков, П.Б. Струве. Правда, западниками могли быть и консерваторы, как, например, М.Н. Катков, который был англоманом, однако здесь уже скорее исключение, чем правило.

В мировоззрении Лаппо-Данилевского в той или иной мере выразились названные особенности. По своим научным взглядам он принадлежал к либеральной государственной школе отечественной историографии, основателями которой

были С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, а развивали ее Ф.В. Леонтович, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский. Исходными теоретическими положениями этой школы было признание важной роли государственного начала в развитии русской культуры, обоснование идеи частно-правового характера русского государственного быта, а также понимание истории как развивающегося процесса смены политико-юридических форм. Исследование проблем возникновения крепостного права в России, крестьянской общины на основе методологии юридической школы создавало возможность для объяснения генезиса названных институтов, а также обоснования их несоответствия новым условиям прогресса России. По существу, это была первая оригинальная научная концепция отечественной исторической науки, и ее выводы сыграли важную роль для последующего формирования важнейших парадигм не только историографии, но и всей отечественной гуманитарной науки.

Неверно было бы трактовать данную школу как некое формальное единство. Ее исходные предпосылки позволяли ученым быть вполне самостоятельными в осмыслении тех или иных проблем. И как на основе субъективной школы социологии появились различные теоретические направления, так и юридическая школа историографии вызвала возникновение ряда концепций. «Сторонники государственной школы являлись крупными и неординарными фигурами русской исторической науки, поэтому можно говорить лишь о единстве их исходных научных принципов в понимании исторического процесса»². Впитавшая методологию сначала немецкой классической философии, а потом и позитивизма, юридическая школа историографии способствовала плодотворному синтезу политологии с философией истории, она позволяла обобщить множество разрозненных социокультурных фактов российской истории, подчинив их единой философско-концептуальной идее развития свободы в истории России.

В этой школе возникли и предпосылки социологических исследований. Чичерин изучал отношение метафизики к познанию общества и в этой связи подверг критике позитивистские модели социологического познания. В полемике с Контом он отстаивал принцип единства абстрактного и конкретного, сочетания эмпирического и теоретического в социальном познании. В трудах Кавелина и Градовского

можно найти интересные наблюдения и выводы, касающиеся социальных процессов в России. Таким образом, юридическая школа историографии явилась итогом плодотворного синтеза философии и права на основе исторического подхода.

Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что «плохую службу» сыграла принадлежность Лаппо-Данилевского «к государственно-юридическому направлению в историографии».³ Наоборот, методология юридической школы позволила ему корректно решать проблему развития личности в русской истории, анализировать личностные аспекты процесса формирования общественного сознания в России, раскрыть личностный контекст российской культуры. Выявляя специфику формирования самосознания в России, исследуя значение и смысл категории свободы – воляности в русской культуре, западники обратили внимание на специфику русской цивилизации, тем самым предваряя последующие цивилизационные исследования в науке.

Лаппо-Данилевский принадлежал к молодому поколению представителей этой школы. С первых же своих научных работ он обратился к изучению проблем государственности, политики и права в России. Этой теме были посвящены монографии «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890), «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» (СПб., 1898), «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (СПб., 1899). В них развивались главные положения юридической школы, прежде всего, идея активной роли государства в русском культурно-историческом процессе. Он писал, что в России «государство стало во главе общества, осуществило в себе идею государства и олицетворяло ее в царской власти».⁴ Тем самым аргументировался преимущественно политический характер развития русской культуры, и доказывалась тесная связь культуры и политики.

Из представителей юридической школы наибольшее влияние на Лаппо-Данилевского оказал Кавелин. Сближает их воззрения культурологический подход к анализу политической идеологии. Задолго до появления культурологии мы находим у Кавелина до полусотни концептов категории «культура»⁵. Категория культуры выполняла в его творчестве важ-

ную методологическую функцию, и если Чичерин выступал метафизиком данной юридической школы, то Кавелин был её культурологом. Для него категория «культура» во многом отражала процесс эволюции юридического быта в России, и разные периоды российской истории образовывали различные культурные формации.

Важное значение для Кавелина имела и категория быта, означавшая особый уклад человеческой деятельности, взятый в наиндивидуальной значимости и тотальности. При этом, в отличие от категории культуры, во многом имеющей динамический характер, быт отражал момент социальной статики, являясь существенной и специфической константой российской цивилизации. С этой точки зрения европеизация объяснялась объективными причинами, обусловленными как внутренними, бытовыми моментами развития российской государственности, так и внешними культурными предпосылками. Так, по мнению Кавелина, колыбель русской истории — западнорусские племена (малороссийские и белорусские). «Зачатки великорусского элемента, лежащего в основании Московского государства и Российской империи, были, по-видимому, вот какие: в XI или XII в. переселенцы двинулись разными путями на восток, в финские земли. Они не принесли с собой никакой культуры — ни умственной, ни гражданской. В новой родине, печальной и суровой, они не нашли ни образованных народов, ни даже остатков прежде бывшей культуры»⁶. Давая характеристику различного отношения к православию в Западной России и в Великороссии, он отмечает, что в первой развитие продолжалось на том же корню, на котором началось, и поэтому культура была здесь сравнительно выше; почему и православию воспринималось здесь более духовно. Вследствие всей совокупности условий «единственным путем культуры Великороссии — путем окольным и чрезвычайно длинным — было постепенное, так сказать, всасывание в себя образовательных элементов извне, из других стран, более образованных»⁷. Развитие культуры было чисто внешнее, и в нем не было ничего органического. Культурный процесс в России шел сверху вниз — образованное меньшинство проводило чужие идеи в народ, который пассивно воспринимал эти культурные элементы. Раздвоенность общества, отчуждение высших слоев общества от низших, посягательство меньшинства на

обычай и нравы большинства народа обуславливалось, согласно Кавелину, стремлением грубой среды к культуре.

В работах Лаппо-Данилевского мы не встречаем понятие «культурология», но ссылки на культурно-бытовые феномены в объяснении многих фактов отечественной истории были для него частыми и имели методологический характер. Они используются в связи с характеристикой истории политических идей и при анализе истории хозяйственной жизни в России, а также при рассмотрении проблемы распространения религиозных идей в русском обществе. Культура включает в себя совокупность идей, верований, обычаев, «психологических настроений», она вбирает в себя правовые нормы и принципы властвования. Она определяется с одной стороны структурно-как совокупность «элементов» (политических, религиозных, светских), а с другой – как нечто единое, целостное.

Рассматривая особенности культурных процессов в допетровской Руси Лаппо-Данилевский обращает внимание на их многоплановость, определенную многообразием влияния на русскую культуру латинско-польской схоластики, а также греческой образованности. Концепции правды, справедливости, естественного закона, власти развивались, по его мнению, в русском богословии и философии в связи с задачами не только теоретическими, но и практическими, стоящими перед обществом и властью. Власть «в теории придерживаясь учения о православном царстве, она на практике с чисто утилитарной точки зрения, начала стремиться к тому, чтобы воспользоваться культурными средствами западноевропейского образования». ⁸ При этом ученый выделяет утилитарный и рациональный аргументы в пользу принятия тех или иных культурных форм. Так, из-за того, что католическая образованность представлялась менее опасной, нежели протестантская, она оказалась в более благоприятном положении в Москве. Политика царя Алексея Михайловича, научная деятельность Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева способствовали проникновению католических идей в Россию. Эти идеи играли и позитивную культурную роль. «Латинско-польское схоластическое направление усилило интерес русских людей вообще к науке, связанной со школьным учением... снабдило их такими средствами, которые существенно облегчали им усвоение неко-

торых новых учений, между прочим, и в области морали и политики»⁹.

В концепции Лаппо-Данилевского особую роль играла и категория быта, которая включала явления материальной и духовной культуры и характеризовала взаимоотношение России с Западом. «Первый проблеск самосознания в народе, как и в отдельных лицах, является при сравнении своего национального Я с окружающей его средой. Но мало-помалу национальное Я начинает противопоставляться и квалифицированному не-Я и чему-нибудь такому, что имеет положительное, а не отрицательное содержание. Русский народ, с указанной нами точки зрения, долгое время находился в неблагоприятных условиях развития. На первых порах ему приходилось сталкиваться большей частью с такими племенами, которые стояли ниже его по своей культуре. Лишь со второй половины XVI в. он получил возможность сравнивать себя с народами более развитыми. События, которыми знаменуется переход от XVI в. к XVII и от XVII в. к XVIII в. в связи с такой сравнительной оценкой своего национального Я способствовали, конечно, более сознательному отношению русских к потребностям и задачам последующей их государственной жизни»¹⁰. Лаппо-Данилевский полагал, что Московская Русь вряд ли обладала культурой, способной к самостоятельности. Темная масса народа не могла усвоить высшие формы христианской культуры.

Для понимания политической культурологии ученого принципиальное значение имеет труд Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием её культуры и ходом её политики». По существу это первая научная работа в России, посвященная истории русских политических идей. Особую ценность этой работе придает культурологический подход к изучению идейной истории. Ученый обратил пристальное внимание на процесс распространения политических идей в России в контексте влияния европейской культуры на русское общество, в частности, им выявлены особенности распространения религиозных конфессий Запада в России. Историк объяснял: «Западноевропейская культура стала оказывать заметное влияние на Московское государство именно в то время, когда религиозное настроение и верховный авторитет западной церкви потеряли прежнее единство. Вот почему, рассуждая

о таком влиянии, надо различать в нем два течения – католическое и протестантское»¹¹. Зачастую религиозные воздействия имели синкретический характер и были смешаны с рациональными политологическими воззрениями европейских мыслителей.

Лаппо-Данилевский подчеркивал, что процесс усвоения чужой культуры, предполагает и встречное движение культур. Встреча культур – это всегда взаимодействие, в котором надо учитывать не только уровень культуры-донора, но и степень культурного развития реципиента. В данном случае оно определялось православием, которое в России «сохраняло полную силу в качестве мерила ценности человеческого знания». В борьбе с более сильными протестантской и католической культурами русские мыслители в эпоху позднего Средневековья должны были обладать столь же оригинальными воззрениями: «Они должны были переработать систему культуры, то есть создать новый и цельный тип культуры»¹². Но к этой работе русские мыслители не были готовы и поэтому «довольствовались усвоением отдельных идей, выхватывая их из цельного чужого знания». В эпоху же Просвещения, когда усилились процессы секуляризации культуры, а религиозные основания взаимовлияния культур существенно ослабели, на первый план выдвинулись секулярные основания взаимодействия культур.

Лаппо-Данилевский изучал и роль властителя в культурном прогрессе России. В частности, он полагал, что благодаря Петру Великому личность впервые появилась в России и способствовала развитию общественного сознания и культуры. Применительно к XVII столетию он говорил о торжестве идеи государства, воспринятой и осуществленной правительством; применительно же к XVIII в. – о постепенном развитии идеи личности. Ученый писал, что в XVII столетии значение каждого отдельного лица «падало перед правительством», воплощавшем в себе идею государства. В петровское время государственная власть также не давала возможностей для развития личности и общественных союзов. Но петровские реформы расчистили почву, «на которой свободно смогла с течением времени развиваться человеческая личность»¹³. Новая образованность и оживление хозяйственной деятельности создали духовную и материальную опору для проявления индивидуальной инициативы и самостоятельности

ти. Во второй четверти XVII в. правительственная власть ослабела, и начали развиваться общественные, преимущественно дворянские силы.

В оценке роли Петра Великого в развитии русской культуры точка зрения ученого отличалась от позиции Кавелина. Последний видел в фигуре Петра воплощение идеи личности в России, и специфика его позиции состояла в утверждении принципа преимущественно политического фактора развития личности. Властители, по его мнению, не только способствовали формированию личностного начала в России, но и сами были примером такого развития.

Согласно Лаппо-Данилевскому, решающую роль в развитии личностного сознания в России сыграли социокультурные факторы, среди них распространение концепций естественного права, полицейского государства и государства общего блага. Главными аспектами изучения истории культуры ученый считал «развитие народного самосознания, борьбу идей, формирование личного начала»¹⁴. Особую роль в этих процессах он приписывал русскому обществу второй половины века и видел примеры эмансипации личности в сословных привилегиях, полученных дворянством во второй половине XVIII в. В образе Екатерины II историк находил пример осуществления взаимной связи между престолом и гражданами, реализации идеала закономерной монархии. Целью ее политики Лаппо-Данилевский считал «народное благосостояние».¹⁵ Таким образом, рассматривая проблему культурного прогресса России, Лаппо-Данилевский исходит из наличия множества культурных факторов, которые дифференцированно влияют на результат культурного взаимодействия. В этой связи следует говорить не о прямом культурном прогрессе, а о некоторой равнодействующей культурной динамики. При этом существенным обстоятельством в понимании специфики России является то, что здесь процесс заимствования чужих культурных ценностей носил прерывистый характер, отражающий отсутствие культурной преемственности. «Политические идеи, получившие господство в эпоху преобразований и в век просвещения, не были, однако, вполне согласованными между собой, да и каждая из таких совокупностей содержала элементы, развитие которых приводило к отрицанию господствующей теории»¹⁶. Все это свидетельствовало об отсутствии единства

процесса эволюции политических идей в России. Ученый отмечает, что даже такие выдающиеся представители российской культуры, как Татищев и Щербатов, «были большей частью эклектиками и компиляторами».

Особый интерес в творчестве теоретиков юридической школы историографии вызывает концепция национального прогресса. Решая ее, Лаппо-Данилевский предпочитает говорить о нации как единстве личностей и прогрессе национального самосознания, обусловленного конкретными социально-правовыми и культурно-творческими процессами. Он подчеркивает, что в российском обществе сформировано национальное самосознание, которое связано и с разрешением культурных конфликтов, имеющих как сословный, так и политический характер. Исходя из этого, и борьбу идей в русском обществе можно объяснить как результат сложного и противоречивого процесса становления нации-государства.

Важное научное значение имеет и предпринятое Лаппо-Данилевским исследование хозяйственной культуры в России, в частности, феномена предпринимательства. Он его рассматривал как особую форму взаимодействия государства и личности. В торговых и промышленных компаниях ученый находил пример организации общественных сил, в которых проявилось начало личности в её взаимодействии с государством. Хозяйственная деятельность выступает в качестве важной культурной силы, способной объединить общество. Фигура предпринимателя в широком смысле оказывается принципиальной для рассмотрения социокультурных взаимодействий в России. Таким образом, экономическая политика государства является предпосылкой формирования национально-народной культуры.

В ряду отечественных ученых Лаппо-Данилевский выделяется плодотворностью научного творчества и личной скромностью. Чуждый карьерных интересов, он остался в памяти как человек-ученый и гражданин.

Примечания

¹ Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. М., 1992. С. 181-182.

² Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998. С. 44.

³ Клибанов А.И. Послесловие к книге: История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. С. 277

⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 501.

⁵ *Асоян Ю., Малафеев А.* Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков. М., 2001. С. 107.

⁶ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по русской истории и культуре. М., 1998. С. 197.

⁷ Там же. С.208.

⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 123

⁹ Там же С. 142.

¹⁰ *Черная Л.А, Сорокина М.Ю.* Вступ. статья к книге А.С. Лаппо-Данилевский. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 8.

¹¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 17.

¹² Там же. С. 19.

¹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. 16–17.

¹⁴ СПб отделение Архива АН СССР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 156.

¹⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. С. 3.

¹⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. С. 20

М. Ф. Румянцева (Москва)

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Глубокая методологическая рефлексия, свойственная современному гуманитарному познанию, невозможна без системного освоения и усвоения опыта предшественников. В последние годы все больший интерес как философов, так и историков/историографов привлекает теоретико-познавательная концепция гуманитарного знания, сформулированная в начале XX в. русским историком, философом, методологом Александром Сергеевичем Лаппо-Данилевским (1863—1919). Интерес к наследию Лаппо-Данилевского, на мой взгляд, неслучаен. Его концепция вполне адекватна современным проблемам гуманитарного знания. Будучи антропологически ориентированной, она отвечает потребности гуманизации социальных наук, а ее структурный характер дает методологические основания для поиска выхода из кризиса исторического метанарратива, обретения целостности культурологического и исторического знания как основы самоидентификации социального субъекта, его ориентации в коэкзистенциальном социокультурном и историческом пространстве. Однако адаптация концепции Лаппо-Данилевского к актуальным познавательным задачам в сфере социальных и гуманитарных наук требует исследования ее эпистемологических оснований и понимания ее генезиса в социокультурной ситуации рубежа XIX—XX вв.

Изучение теоретико-познавательной концепции Лаппо-Данилевского в соотношении с европейской философией второй половины XIX — начала XX вв. предполагает не столько поиск генетического родства, выявления прямых влияний и заимствований (хотя это очень важно и составляет неотъемлемую часть исследования), сколько анализ общих характеристик проблемного поля гуманитарного познания рубежа XIX—XX вв. и выявление на этом фоне специфики методо-

логических исканий Лаппо-Данилевского. В этом плане наиболее перспективно компаративное исследование феноменологических концепций Э. Гуссерля и Лаппо-Данилевского (напомним, что они были не только современниками, но и почти ровесниками).

Мировоззренческое и философское пространство, внутри которого предполагается осмыслить концепцию Лаппо-Данилевского, маркируется такими именами, как В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Гуссерль, З. Фрейд. При этом в центре внимания оказываются проблемы преодоления дихотомии субъект-объект и диалогичности гуманитарного знания, проблема интерпретации (герменевтика сознания и герменевтика бытия), а также проблема исторического построения — осмысления целостности исторического процесса.

Системообразующим принципом теоретико-познавательной концепции Лаппо-Данилевского является принцип признания «чужого Я», «чужой одушевленности», дающий методологическую основу понимания как имманентного свойства гуманитарного познания. Разработка принципа «признания чужой одушевленности» в философии рубежа XIX—XX вв. связана со становлением на протяжении XIX в. «философии жизни», с изменением взгляда на человеческую индивидуальность, с появлением новых подходов в психологии (в частности, с описательной психологией В. Дильтея). Рассматривая психологическое понимание человека как основную задачу гуманитаристики, а понимание человека прошлого (и шире — индивидуума, под которым может пониматься как отдельный человек, так и общность людей — в предельном смысле человечество) как задачу исторической науки, Лаппо-Данилевский создает оригинальное учение о продуктах культуры — исторических источниках, составляющих основу такого понимания. При этом ему удается преодолеть «психологизм» Дильтея за счет целостного рассмотрения как коэкзистенциального, так и эволюционного культурного пространства.

Воспроизведение «чужой одушевленности» достигается главным образом в процессе интерпретации исторического источника. Лаппо-Данилевский детально разрабатывает интерпретационные процедуры. Сочетание технической и типизирующей интерпретации, с одной стороны, и психологи-

ческий и индивидуализирующий, с другой, позволяет синтезировать герменевтику бытия (Гадамер) и герменевтику сознания (Шлейермахер, Дильтей) и на этой эпистемологической основе восстановить органическое единство макро- и микроподходов в истории. При этом исторический источник рассматривается, с одной стороны, как «продукт более или менее цельной индивидуальности», исследуемой с точки зрения историко-антропологического принципа «признания чужой одушевленности». С другой стороны, реконструкция системы исторических источников, порожденных той или иной культурой, позволяет воссоздать ее эволюционную и коэкзистенциальную целостность, что, в свою очередь, создает основу для адекватного понимания социальных и культурных феноменов и задает строгость научного подхода к проблеме исторического нарратива.

Хорошо известно, что сильнейшая идеологизация социального и гуманитарного знания в советский период российской истории привела как к пресечению (истончению) традиции российской гуманитарной мысли, так и к отрыву от европейских теоретико-познавательных исканий. Рассмотрение эпистемологических исканий русских философов и историков в контексте европейской интеллектуальной традиции способствует более осмысленной адаптации западноевропейского философского опыта XX столетия российской социальной и гуманитарной наукой и более органичной реинтеграции в европейское культурное пространство. С другой стороны, идентификация теоретико-познавательных поисков Лаппо-Данилевского в европейском познавательном пространстве необходима для более глубокого понимания концепции Лаппо-Данилевского, без чего невозможно корректное использование его наследия для решения актуальных познавательных проблем.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В РОССИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX В.

О. Б. Леонтьева (Самара)

СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ПОЗИТИВИЗМА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ РУБЕЖА XIX—XX вв.

В наши дни, когда методологическое самоопределение становится жизненно необходимым для развития отечественной исторической науки, особенное внимание исследователей привлекает судьба русской исторической науки на рубеже XIX—XX вв. — периода интенсивных методологических и историософских исканий, бурных научных дискуссий. Тогда боролись не просто разные школы в исторической науке: друг с другом соперничали разные типы исторической мысли, принципиально отличающиеся представления о сущности, задачах и пределах исторического знания.

В историографии советского периода то время называли «кризисом исторической науки», считая главным показателем кризиса разнообразие методологий, борьбу нескольких направлений в исторической мысли; такая оценка явно носила идеологизированный характер — методологическому «разброду и шатаниям» в исторической науке предреволюционной России противопоставляли концептуально-теоретическую целостность советской науки, опирающейся на принципы марксистско-ленинского учения¹. Сегодня же в историографии возобладала точка зрения, согласно которой методологические искания рубежа XIX—XX вв. были показателем не упадка, а, напротив, научной зрелости, поскольку русская историческая наука именно тогда достигла до уровня рефлексии, самооценки.

К настоящему времени общепринятым стало представление о том, что перемены в исторической науке начала XX в.

были симптомом «смены парадигм» или «парадигмальных установок» исторического мышления. Термин «кризис» по-прежнему употребляется при описании историографической ситуации рубежа XIX–XX вв., но теперь эту ситуацию характеризуют как «кризис позитивизма», как отход историков от господствовавшей до того времени позитивистской парадигмы исторического мышления².

В современной историографии сложилось достаточно четкое и общепринятое представление об определяющих чертах позитивистской парадигмы исторического мышления: в качестве этих черт историографы обычно выделяют гносеологический оптимизм (убеждение в том, что историю можно познать «как она была на самом деле»); установку на преобразование гуманитарного знания по образцу естественнонаучного; веру в прогрессивный, законосообразный и предсказуемый характер исторического развития; наконец, номотетический тип исторического познания, направленного на открытие исторических законов³. В русской исторической науке последней трети XIX в. позитивизм предполагал, кроме того, во-первых, интерес к истории социальных групп, их интересов и конфликтов, и, во-вторых, каузальное понимание истории («понять» историческое событие означало для историка второй половины XIX в. — описать комплекс причин, которые с неуклонной логической последовательностью к этому событию привели); все это влекло за собой некоторое пренебрежение к личностному и психологическому факторам, а также убеждение, что «история не имеет сослагательного склонения»⁴.

В начале XX в. российские историки вслед за их зарубежными коллегами предлагали несколько моделей исторического мышления, которые могли бы сменить позитивизм. На смену позитивизму шло неокантианство (противоборство позитивизма и неокантианства в русской исторической мысли к настоящему времени является достаточно хорошо изученным историографическим сюжетом⁵), а также исторический иррационализм (за рубежом он был представлен философией жизни, в России — религиозной мыслью, переживавшей тогда свой Ренессанс⁶). Для этих направлений была характерна познавательная установка, противоположная по отношению к позитивизму: и неокантианская процедура «отнесения к ценности», и разработанная ведущим российс-

ким историком-методологом того времени А.С. Лаппо-Данилевским программа реконструкции «Другого» в историческом познании и свойственной философии жизни стремление к «погружению» в непосредственно переживаемую реальность минувших эпох предполагали креативную активность субъекта, отказ от позитивистского идеала беспристрастно объективного познания.

Но переход от позитивизма к новым моделям исторического мышления не мог по своей сути быть резким: между ними должны были существовать промежуточные звенья⁷. Одним из таких промежуточных звеньев в истории развития исторической мысли можно считать «субъективную школу», или, по определению ее приверженцев, этико-социологическую школу, ведущими представителями которой в последней трети XIX – начале XX вв. были П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев (о своей принадлежности к этой школе в разное время также заявляли С.Н. Южаков, В.М. Чернов, Л.Э. Шишко, Р.В. Иванов-Разумник, С.И. Гальперин, П.Ф. Николаев и другие). К сожалению, в отечественной научной литературе на сегодняшний день субъективная школа недостаточно изучена: исследователи либо воспринимают ее идеи исключительно как теоретическое обоснование идеологии народничества⁸, либо обращаются к социологическому и социально-психологическому пластам идей субъективной школы⁹, оставляя без внимания теоретический вклад ее лидеров в формирование эпистемологии и методологии исторического познания. Однако, на наш взгляд, предложенные субъективистами теория исторического познания и теория исторического процесса могут быть интересны для современного исследователя не просто как одна из страниц прошлого русской мысли, но и как эвристически ценный опыт.

Особенность русской субъективной школы состояла в том, что эта школа родилась в недрах позитивизма (само понятие «субъективный метод» восходит к О. Контю¹⁰), но именно идеологи субъективной школы первыми осознали неудовлетворительность позитивистской парадигмы исторического познания и вступили на путь корректировки классического позитивизма. Важнейшими чертами, отличающими доктрину субъективной школы от классического позитивизма, нам представляются следующие:

1. В трудах приверженцев субъективной школы было

подробно разработано учение о «**субъективном методе**» (или, как иногда предпочитали его называть, о «**субъективном элементе**» в познании истории). Они признавали следующие способы применения субъективного метода в исторических исследованиях: выбор «**исторической перспективы**», т. е. проблематики исследования¹¹; создание предварительной исследовательской гипотезы¹²; реконструкция «**скрытых фактов**», не упоминающихся в источниках¹³; воссоздание внутреннего мира людей прошлого на основе «**сочувственного переживания**»¹⁴; этическая оценка деятельности людей прошлого, основанная на разграничении «**здоровых**» и «**патологических**» явлений в исторической жизни¹⁵; наконец, внесение в исторический труд «**элементов художественности**», необходимых для создания у читателя яркого, образного представления об ушедшей эпохе¹⁶. Таким образом, для приверженцев субъективной школы познающий субъект выступал как активное, креативное начало (что, безусловно, представляло собой отход от классической позитивистской доктрины); с их точки зрения, человек, приступивший к историческому исследованию, вносит в свою работу не только определенный багаж научных знаний и профессионального мастерства, но и свои нравственные представления, воображение, творческую интуицию, художественный талант. Как предупреждал Кареев, устранение этих субъективных элементов из научного исследования, «**обезличение исследователя**» нанесло бы ущерб в первую очередь самой науке, «**ибо самое безличие есть не что иное, как очень крупная односторонность, ограниченность**»¹⁷. В то же самое время теоретики субъективной школы считали своим долгом предостеречь историков от так называемого «**незаконного субъективизма**» — они настойчиво писали о недопустимости влияния на научные изыскания личного аффекта, национальных, партийных или конфессиональных пристрастий¹⁸.

2. Отказ от жесткого детерминизма при понимании исторической реальности и **восприятие исторического процесса как «антропо-телеологического»**¹⁹, — направляемого теми целями, которые сознательно выбирают и ставят сами люди. Как сформулировал П.Л. Лавров в «**Исторических письмах**», — работе, с которой фактически началась история субъективной школы, — в исторической реальности всегда действует такой фактор, как свободная воля челове-

ка, его способность сознательно ставить цели и достигать их²⁰. Теоретики субъективной школы не отрицали существования определенных исторических закономерностей; подробное критическое освещение в их трудах получили органическая теория развития общества; теория непроизвольного подражания, сформулированная Н.К. Михайловским в цикле статей о «героях и толпе»²¹; социал-дарвинистские теории²²; гипотеза М.М. Ковалевского о демографическом росте как одном из ведущих факторов социального развития²³; марксистская теория развития производительных сил как основы общественной эволюции²⁴ и т.д. Но в трактовке всех этих исторических закономерностей субъективисты были верны общему принципу: им представлялось несомненным, что действие объективных законов в истории корректируется, смягчается или даже аннигилируется теми целями, которые сознательно ставят себе люди. Так, Кареев полагал, что причинно-следственная зависимость в истории человеческого общества, несомненно, существует, но носит совершенно особый характер: источник каждого человеческого поступка кроется не только во внешних влияниях, но еще и в личной воле, во внутренних мотивах, в сознательно поставленных человеком целях, поэтому каждый человеческий поступок представляет собой «личное вмешательство в историю», попытку творчески воздействовать на ее ход²⁵. Такая трактовка исторического процесса и исторической причинности приходила в противоречие с господствовавшей в русской и европейской мысли XIX в. идеей существования объективных законов истории, направляющих ход истории вне зависимости от человеческих целей и желаний.

3. Тем самым приверженцы субъективной школы объявляли несостоятельными претензии теоретиков XIX в. на предсказание дальнейшего хода исторического развития. Ход исторических событий, с их точки зрения, определяет некая «равнодействующая», сложившаяся в результате сложения и столкновения разнородных социальных сил²⁶; предсказать заранее траекторию исторического развития невозможно, поскольку это означало бы устранение из исторического процесса психологического и антропокультурного факторов. История, в таком случае, воспринималась ими как **арена противоборства многих возможностей**; поэтому, с точки зрения субъективистов, в число задач историка следует вклю-

читать задачу реконструкции упущенных возможностей, при решении которой опять-таки должно проявляться авторское начало²⁷. Таким образом, русские субъективисты предвосхитили восприятие истории как «сада расходящихся тропок», сложившееся в культуре второй половины XX в.²⁸.

4. Одной из важнейших теоретических заслуг субъективной школы является постановка ее приверженцами **проблемы реконструкции внутреннего, духовного мира ушедших эпох** (эта задача логично вытекала из их восприятия исторического процесса как антропо-телеологического: чтобы понять историю – надо понять цели, которые ставили себе люди). Так, Н.К. Михайловский решающую роль в своей эпистемологии отводил «сочувственному переживанию» — «такому способу удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого»²⁹. Н.И. Кареев и В.М. Чернов разработали более строгую в научном отношении программу реконструкции «бессознательной философии общества»³⁰, которая, согласно Карееву, обнимает собой «общераспространенные мировоззрения, господствующие идеи, общепринятые и защищаемые нормы» данного общества; эти идеи и нормы, не всегда ясно сформулированные в сознании современников, тем не менее, определяют собой «дух времени», проявляясь и в религиозных верованиях, и в науке, и в искусстве, и в политических и правовых учреждениях, и в экономическом строе³¹; в основе «бессознательной философии» всегда лежит определенное представление о смысле жизни. Наконец, П.Л. Лавров выдвинул задачу реконструкции «исторических типов» – т. е. моделей для поведения, образцов для подражания, принятых в ту или иную эпоху. Одна и та же эпоха, как писал Лавров, может предлагать современникам несколько образцов для подражания, несовместимых друг с другом; а смена больших исторических эпох, согласно Лаврову, всегда сопровождается ломкой распространенных стандартов поведения и возникновением потребности в новых образцах для подражания³². Современники порой воспринимали цели субъективистов как ретроградство, возвращение от изучения социальной структуры и классово-борьбы к «истории идей», но с позиций сегодняшнего дня очевидно, что это был скорее шаг к рождению исторической антропологии – реконструкции систем ценностей ушедших эпох³³.

5. Теоретики субъективной школы также поставили проблему особого характера исторического познания, **особого места истории в ряду прочих наук**. Попытки преобразовать историю по типу «номологических» наук, занятых открытием законов повторяющихся явлений, означали бы, по словам Кареева, «ее упразднение или, вернее, превращение в социологию»³⁴. Согласно Лаврову, история по своей сущности является наукой «классификационной или морфологической», поскольку она имеет дело с неповторяющимися явлениями, связанными друг с другом эволюционной или генетической последовательностью³⁵. Н.И. Кареев вслед за Лавровым определял историю как науку, придерживающуюся «генетической точки зрения» и занятую реконструкцией «каузальных рядов» (причинно-следственных рядов событий, где каждое событие индивидуально и неповторимо) и «эволюционных рядов» (порядка смены фаз или стадий развития явлений, которые нельзя описать как детерминирующие друг друга)³⁶. Важно подчеркнуть, что, когда философы-неокантианцы баденской школы Г. Риккерт и В. Виндельбанд произвели эпистемологическую революцию в сфере исторического знания, провозгласив историю «индивидуализирующей», «идиографической» наукой в отличие от «генерализирующих», «номотетических» естественнонаучных дисциплин³⁷, Кареев неоднократно выражал свою солидарность с воззрениями Риккерта и Виндельбанда, отмечая лишь, что, поскольку немецкие мыслители не были профессиональными историками, их представления о задачах и характере исторических исследований грешат некоторым схематизмом³⁸.

Все эти аспекты воззрений субъективистов, безусловно, представляли собой явный пересмотр эпистемологической программы классического позитивизма.

Тем не менее, несмотря на столь радикальный разрыв теоретиков субъективной школы со многими постулатами классического позитивизма, отказ от прежней парадигмы научного мышления не стал окончательным и демонстративным — в их воззрениях сохранились неприкосновенными другие позитивистские принципы.

1. Приверженцы субъективной школы не утратили представлений о возможности сближения истории и естественных наук и создания на этой основе концептуально единой научной картины мира. П.Л. Лавров и Н.И. Кареев, провоз-

глашая специфику истории как «генетической» или «морфологической» науки, все же описывали эту специфику в рамках естественнонаучного дискурса, сравнивая историю с геологией, эмбриологией и другими науками, изучающими развитие органического и неорганического мира. (Показательно, например, что Лавров планировал начать фундаментальный труд по истории мысли с «доистории» — процесса выделения человека из животного мира, описанного в соответствии с теорией Ч. Дарвина³⁹). Это приводило к тому, что едва намеченная субъективистами граница между детерминистическим «миром природы» и антропо-телеологическим «миром истории», миром целей и ценностей, вновь оказывалась размытой и неопределенной.

2. Теоретики субъективной школы сохранили и склонность к построению **генерализирующих схем истории**. Так, они сочувственно относились к предложенной Дж. Вико идее исторического круговорота, считая, правда, что при целенаправленных усилиях творческой человеческой мысли это круговорот можно «разомкнуть»⁴⁰. В свою очередь, Лавров прослеживал в истории человечества непрерывную смену, ритмическое чередование «двух фазисов»: «фазис стремления установить прочную культуру, более или менее подавляющую инициативу мысли» сменяется «фазисом стремления преобразовать наличную культуру, стесняющую свободное развитие мысли»⁴¹. Подобные макроисторические теории, претендующие на понимание ключевых тенденций истории человечества в целом, легко превращались в методологическую платформу для поиска объективных законов исторического развития; но попытка соблюсти объективистский пуризм при открытии законов исторического процесса и одновременно с помощью особых методов реконструировать цели и ценности людей, «делавших» историю, была чревата внутренними противоречиями.

3. Для судеб субъективной школы в русской мысли роковым оказался **вопрос о существовании объективных законов истории**, действующих по аналогии с законами неорганического мира, и о соотношении этих законов с креативной свободой человека. Здесь теоретики субъективной школы оказались в плену противоречия, носившего не только научно-теоретический, но и ценностный характер: отвергнуть представления о свободе человека в историческом процессе

значило бы изгнать из исторического познания нравственно-этическую оценку, столь важную для русских субъективистов; полный отказ же от убеждения в закономерном и предсказуемом характере исторического процесса означал бы, с точки зрения XIX в., капитуляцию науки перед лицом провиденциалистов. Субъективистам так и не удалось выработать единую стратегию решения этого вопроса. Так, в работах основоположников субъективной школы – П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского – можно найти утверждения, что история представляет собой совокупность строго детерминированных явлений, где «все имеет свою необходимую причину и свое неизбежное следствие», а целенаправленность и свободный выбор личности – не более, чем иллюзии⁴². Напротив, такие представители субъективной школы, как Н.И. Кареев, Л.Э. Шишко, И.И. Каблиц (Юзов), В.П. Воронцов и С.И. Гальперин пришли к выводу, что законов истории не существует как таковых, поскольку история человечества в целом и каждый из составляющих ее событийных рядов носят однократный, неповторимый характер (по всей видимости, эта точка зрения сложилась у них в ходе полемики с марксизмом – сторонники народничества развивали именно те аспекты субъективистской историологии, которые были прямо противоположны марксистскому пониманию истории как объективно-закономерного процесса смены общественно-экономических формаций)⁴³. Наконец, в начале XX в. представители молодого поколения субъективной школы – Н.С. Рusanов, М.Ф. Суперанский – вернулись к представлению о существовании объективных законов истории, попытавшись объединить учение Лаврова и Михайловского с марксизмом⁴⁴. Наиболее перспективной нам представляется точка зрения В.М. Чернова, считавшего, что так называемые «законы истории» – не более, чем теоретические модели, необходимые для организации исторического познания, но ни в коем случае не управляющие ходом реальной истории, как флюгер не «управляет» ветром, направление которого показывает⁴⁵. Разумеется, отсутствие единодушия по кардинально важному теоретическому вопросу не способствовало росту авторитета субъективной школы в русской мысли, — тем более, что именно стремление к познанию объективных законов воспринималось тогда большинством мыслителей как определяющий критерий научности.

Таким образом, теоретические искания приверженцев субъективной школы органично вписываются в контекст развития не только русской, но и мировой исторической мысли XX века. Для современного историка вполне актуальными представляются их интерес к ценностной стороне исторической реальности; поставленная ими проблема исторического «понимания»; проблема креативной активности субъекта познания; наконец, восприятие истории как принципиально незавершенной смысловой целостности, допускающей бесконечное множество продолжений, а, следовательно, и бесконечное множество прочтений. Историческая истина представляла в их трудах как многогранное образование, слагающееся из всех возможных интерпретаций, а «смысл истории» — как ценностное содержание, которое вносится в исторический процесс размышляющим над ним человеком.

Можно заключить, что творчество мыслителей субъективной школы по своей парадигматической принадлежности носило переходный характер: они так и не смогли полностью отбросить представление о номотетическом характере исторической науки, но при этом уже приблизились к тому пониманию задач истории, которое получило развитие в XX в. — истории как реконструкции «Другого», воссоздания внутреннего мира ушедших эпох, диалога культур, разделенных не в пространстве, но во времени. Историческая мысль не в одночасье преодолела путь от громоздких историцистских схем XIX в. — гегельянства, позитивизма, марксизма, — к современной антропологической и лингвистической рефлексии. И важной ступенью на этом пути стали методологические искания мыслителей русской субъективной школы — яркого и оригинального направления гуманитарной мысли.

Примечания

¹ См., напр., характеристику «кризиса буржуазного исторического знания», сделанную в таких работах: *Нечкина М.В.* История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР М., 1965. С.6; *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. М., 1962; *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — нач. XX вв. Томск, 1978; *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1.

² *Нечухрин А.Н.* Смена парадигм в русской историографии все-

общей истории (90-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 1992. – Деп. в ИНИОН РАН за № 47748 от 22.02.93; *Макарихин В.П.* Идеино-методологические поиски в отечественной историографии XIX – начала XX в. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского: История. Социология. Политология. Н. Новгород, 1996. С. 27-31; *Рамазанов С.П.* Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Автореф. дис. на соиск. д-ра истор. наук. Томск, 1995; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Ч.1: Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград, 1999; *Жигунин В.Д., Мягков Г.П.* Между монизмом и плюрализмом: Российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Диалог со временем. М., 1999. Ч. 1. С. 215-222.

³ *Нечухрин А.Н.* Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в. – 1917 г.). С. 5-33; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века. Ч.1. С. 40-42.

⁴ *Мягков Г.П.* Русская историческая школа: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский. СПб., 1997; *Эммонс Т* Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45-61; *Raeff M.* Toward a New Paradigm? // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Thomas Sanders, ed. M.E.Sharpe, Inc., Armonk, NY, 1999. P. 481-486.

⁵ См., напр.: *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв.; *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998; *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. № 2. С. 100-136; *Румянцева М.Ф.* Эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: судьба наследия // *Философский век = The philosophical age: Альманах.* СПб., 1999. Вып. 10. С. 192-199; *Румянцева М.Ф.* «Чужое Я» в историческом познании: И.И. Лапшин и А.С. Лаппо-Данилевский // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 161-174; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

⁶ В начале 1920-х годов несколько крупных религиозных мыслителей в России одновременно обратились к проблемам методологии истории: *Карсавин Л.П.* Введение в историю (Теория истории). Пб., 1920; *Франк С.Л.* Очерк методологии общественных наук. М., 1922; *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. О характеристике их методологической платформы как «философии понимания» см.: *Дорошенко Н.М.* Философия и методология русской истории (Начало XX века): Учеб. пособие. СПб., 1995. С.4.

⁷ Так, А.Н. Нечухрин предложил считать таким промежуточным звеном «критический позитивизм» – направление в русской исторической науке, к которому он отнес Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, Е.В. Тарле, Н.А. Рожкова, М.М. Хвостова и др. (*Нечухрин А.Н.* Смена парадигм в русской историографии. С. 161-162.).

⁸ *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Идеологи русского народничества. Л., 1966; *Хорос В.Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в). М., 1972; *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979; *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995. С.81-120; *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997; *Vucinich A.* Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society 1861–1917. Chicago and London, The Univ. of Chicago Press, 1976.

⁹ *Казиков А.П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. Л., 1969; *Уткина Н.Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М., 1975; *Лионцеревиц И.Г.* Основные этапы развития субъективной школы в русской социологии // Социологические исследования. 1975. № 2; Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – нач. XX века. Л., 1978; *Ивонин Ю.П.* Между гармонией и восстанием (проблема социального идеала в русской философии «серебряного века»). Ч.1. Новосибирск, 1997.

¹⁰ *Конт О.* Катехизис промышленников (третья тетрадь) или система позитивной политики. Т.1. Ч.1 // Родоначальники позитивизма. Вып. 2-й. Сен-Симон, Ог. Конт. СПб., 1910. С. 150-152.

¹¹ *Лавров П.Л.* [Арнольди С.С.] Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898. С. 86, 92-93, 146, 203-204; Лавров П.Л. Собр. соч. / Под ред. Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. IV серия: Статьи историко-философские. Вып.1. Пг., 1918. С. 197.

¹² *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Изд. 4-е. СПб., 1909. Т. 1. Стб. 142; Т. 3. Стб. 8. Мнение Михайловского о конструктивной роли предвзятого мнения в любом научном исследовании разделял социолог С. Гальперин: *Гальперин С.И.* Современная социология (обзор социологической литературы за 1902 г.). Екатеринбург, 1903. С.51.

¹³ *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 163; *Кареев Н.И.* Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. СПб., 1913. С. 134-135, 160-161. Впервые понятие «скрытого исторического факта» предложил С.А. Муромцев: *Муромцев С.А.* Очерки общей теории гражданского права. М., 1877. С. 64-74. О дискуссии вокруг понятия «скрытых фактов», развернувшейся в российской научной мысли, см.: *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993. С. 49.

¹⁴ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. СПб., 1911. Стб. 56; Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 3. СПб., 1909. Стб. 402; Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 93, 370.

¹⁵ Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 609-613.

¹⁶ Лавров П.Л. Задачи понимания истории. С. 7-9.

¹⁷ Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. Изд. 2-е. СПб., 1899. С.232-233.

¹⁸ Лавров П.Л. Опыт истории мысли. Т. 1. СПб., 1875. С. 8; Лавров П.Л. [Арнольди С.С.] Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898. С. 86-87; Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 12. С.162; Кареев Н.И. Теория исторического знания. С. 241-267.

¹⁹ Сам термин «антропо-телеологический процесс» был предложен американским социологом Л. Уордом и охотно взят на вооружение такими приверженцами субъективной школы, как Н.И.Кареев, С.И. Гальперин и П.Ф. Николаев. (*Word L.F. Dynamic sociology or applied social science as based upon statistical sociology and the less complex sciences.* N Y., 1883.); Кареев Н.И. *Историология* (Теория исторического процесса). Пг., 1915. С. 149-150; Николаев П.Ф. *Активный прогресс и экономический материализм. Социологический этюд.* М., 1892. С. 5-35, 40; Гальперин С.И. *Современная социология* (Обзор социологической литературы за 1902 г.). Екатеринбург, 1903. С. 4-5, 9, 24-25, 46, 57, 123, 127.

²⁰ Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. Т.1. С. 34.

²¹ См. цикл статей Н.К. Михайловского: «Герои и толпа», «Патологическая магия», «Еще о героях», «Еще о толпе». (*Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т.2.*)

²² Шишко Л.Э. По вопросам истории и социологии. М., 1909. С. 123-124, 135-147, 175-180; Южаков С.Н. Социологические этюды. СПб., 1891. С. 64-96.

²³ Шишко Л.Э. По вопросам истории и социологии. С. 78-79, 87.

²⁴ Лавров П.Л. Собр. соч. IV сер.: Статьи историко-философские. Вып. 7. Пг., 1919. С.95-97; Шишко Л.Э. По вопросам истории и социологии. С. 73-74; Чернов В.М. Философские и социологические этюды. С. 24, 29, 79, 296, 314-316; Чернов В.М. *Монистическая точка зрения в психологии и социологии.* М., 1906. С.22-25.

²⁵ «Прагматические влияния одних людей на других подвергаются большей или меньшей внутренней переработке, прежде чем стать причинами новых поступков... В этой-то внутренней переработке прагматических влияний и состоит роль личности, как таковой, в историческом процессе, взятом с его прагматической стороны». (*Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль лично-*

сти в истории. СПб., 1890. С. 376-381. См. также: *Кареев Н.И.* Историология. С. 142-145; *Кареев Н.И.* Историко-философские и социологические этюды. 2-е изд. СПб., 1899. С.301-302.).

²⁶ Эту модель исторического процесса можно назвать «кинетической» по аналогии с тем разделом механики, который изучает движение тел под воздействием разнонаправленных сил. (*В.В.* [Воронцов В.П.]. Попытки обоснования народничества // Русское богатство. 1892. № 3. С. 79-84; *Чернов В.М.* Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 10. С. 243-244.).

²⁷ Так, Л.Э. Шишко упрекал П.Н. Милюкова за то, что в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры» историк «не оставил достаточно места» для анализа тех течений русской мысли, которые могли бы положить начало иному, альтернативному пути отечественной истории – «течения, воплощенного в Ниле Сорском или Максиме Греке», «течения, представляемого Николаем Новиковым». (*Шишко Л.Э.* По вопросам истории и социологии. М., 1909. С. 228-229.).

²⁸ Именно категорию «возможности» при решении социально-исторических проблем многие современники считали главной отличительной чертой субъективной школы. (*Кистяковский Б.А.* Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма: Сборник статей. М., 1901. С. 297-393.).

²⁹ *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 402.

³⁰ *Чернов В.М.* Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 11. С. 143-160; *Кареев Н.И.* Собр. соч. Т. 1. История с философской точки зрения. СПб., 1912. С. 108-118; *Кареев Н.И.* Историология. С.18. Термин «бессознательная философия общества» использовал и В.П. Воронцов: *Воронцов В.П.* [В.В.] Наши направления. СПб., 1893. С. 67.

³¹ *Кареев Н.И.* Историко-философские и социологические этюды. С. 196-197. В этом же значении употреблял термин «философия общества» и П.Л. Лавров; она, по его мнению, проявляется «в обычае и в учреждении, в сказке и в догмате, в действиях личностей и в переворотах государств»: *Лавров П.Л.* Статьи историко-философские. С.26, 46.

³² *Лавров П.Л.* [Доленга А.] Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903. С.227, 363, 746.

³³ Любопытно, например, сравнить программу реконструкции «бессознательной философии общества», предложенную Н.И. Кареевым, с теми задачами, которые поставил А.Я. Гуревич в знаковом для отечественной исторической антропологии труде «Категории средневековой культуры»: «реконструкции духовного универсума людей иных эпох и культур», «расшифровки картины мира, которую выработали люди той или иной эпохи и которой они руководствовались в своей жизни», «изучения не сформулированных

явно, не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок» (*Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 9.).

³⁴ Там же. С.70.

³⁵ *Лавров П.Л.* Важнейшие моменты в истории мысли. С. 179-180; *Лавров П.Л.* Собр. соч. IV серия. Вып. 1: Статьи историко-философские. Пг., 1918. С. 67-68, 135-136; *Лавров П.Л.* [Арнольди С.С.] Задачи понимания истории. С. 18-19.

³⁶ *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 155-159, 166.

³⁷ *Виндельбанд В.* Прелюдии: Философские статьи и речи. СПб., 1904. С. 313-333; *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908. С. 19-46.

³⁸ *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. С. 60-64.

³⁹ См.: *Лавров П.Л.* Опыт истории мысли нового времени. Т.1. Вступление: Задачи истории мысли. Кн.1: До истории. Вып.4. Женева, 1889.

⁴⁰ *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Т.3. Стб. 89, 104; *Лавров П.Л.* Статьи историко-философские. С. 144-156.

⁴¹ *Лавров П.Л.* Исторические письма // *Лавров П.Л.* Философия и социология. Т.1. С. 107-109; *Лавров П.Л.* [Доленга А.] Важнейшие моменты истории мысли. С. IV, 182-184.

⁴² *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 438, 440; *Лавров П.Л.* Статьи историко-философские. С. 101-104, 177.

⁴³ «Исторические законы, — писал Кареев, — нужно будет отнести к области химер вроде философского камня... Исторические законы — могила истории. Кто хочет убить науку, тот не может найти лучшего средства, как навязать ей несвойственную задачу». (*Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории: Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. В 2 т. Т. 1. М., 1883. С. 105-106, 113, 125, 137, 142; *Он же.* Историко-философские и социологические этюды. С. 135-137, 301-302; *Каблиц И.И.* [Юзов И.]. Социологические очерки. Основы народничества. С. 17-28; *Воронцов В.П.* [В.В.] Наши направления. СПб., 1893. С. 138; *Шишко Л.Э.* [П.Б.]. К вопросу об исторической необходимости // Русское богатство. 1897. № 9. С. 24, 31.).

⁴⁴ *Русанов Н.С.* [Кудрин Н.Е.] Лавров, человек и мыслитель (К десятилетию его смерти) // Русское богатство. 1910. № 2. С. 220-256; *Суперанский М.Ф.* (Ранский С.П.) Социология Н.К. Михайловского. СПб., 1901. 228 с.

⁴⁵ *Чернов В.М.* Философские и социологические этюды. С. 71-72, 84, 90, 301-303, 309, 320-321.

П.П. МИТРОФАНОВ
О РЕФОРМИРОВАНИИ ЦЕРКВИ ЭПОХИ
ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) и П.П. Митрофанов (1873–1917) – представители Санкт-Петербургской школы историков. Сколь широко было известно имя первого, столь же имя второго забыто¹. На этом разница в их судьбах, пожалуй, заканчивается. Больше в их фатуме схожести. Оба защитили магистерские диссертации в Санкт-Петербургском университете, причем одним из оппонентов на защитах выступил Н.И. Кареев, давший одинаково высокие оценки обеим диссертациям. Позднее Митрофанов подготовил и опубликовал первый том своего докторского исследования «Леопольд II Австрийский. Внешняя политика» (Пг., 1916).

Павел Павлович Митрофанов (1873–1917) – талантливый ученый-историк и педагог, автор основополагающих трудов по новой истории Австрии, ряда статей по античной и средневековой тематике – внес большой вклад в развитие русской исторической науки².

В них Митрофанов дал деятельности Марии-Терезии, Иосифа II и Леопольда II общепринятое название просвещенного абсолютизма. Однако в него он ввел некоторые оговорки, которые казались существенным отступлением от обычного понимания этого исторического явления. Так, Митрофанов обстоятельно показал, что идеологический элемент играл в реформах Иосифа очень незначительную роль, а теоретические положения просветительской теории также лишь в очень незначительной степени определяли правительственную политику. «Неоспоримость положений, выработанных самой жизнью, – писал Митрофанов, – была слишком очевидной и слишком бросалась в глаза. Не следовать им было прямо невыгодно для правительства»³. Именно с этой точки зрения историк рассматривал всю реформаторскую деятельность монархов, в том числе и их

религиозную политику, на которой нам бы хотелось остановиться подробнее.

В XVIII в. католицизм переживал острый кризис: догматы, его общественное и политическое положение критиковали философы, монархия превратилась во врага папства, даже «христианнейшие» государи изгоняли иезуитов и оккупировали папские области. Не было согласия и внутри самой церкви. «Туман неверия застилал семихолмный Рим и, казалось, древний Вавилон собирался не рухнуть великим падением, а медленно и бесследно осесть в старческом своем бессилии перед яркими лучами «просвещенной» эпохи», – так писал Митрофанов о ситуации, сложившейся к концу XVIII в. вокруг католицизма⁴. Правление просвещенных монархов пришлось именно на эту пору.

Императрицу Марию-Терезию (1740–1780) Митрофанов представил правоверной католичкой, не видевшей спасения ни для себя, ни для других вне церкви. Папа был для нее истинным заместителем Христа на земле, «монахи – Божиими людьми, и она искренне сожалела о судьбе своих «дорогих иезуитов», всеми силами стараясь облегчить их участь»⁵. Католичество было единственным дозволенным вероисповеданием в империи (за исключением Венгрии, Силезии и Галиции). Однако, по замечанию Митрофанова, «дух времени брал верх над благочестием»⁶ и императрица вынуждена была отступать от церковных догм. Так, она установила контроль над публикациями папских булл (некоторые из них не печатались вовсе), отменила папские индульты, а порой просто «изменяла церковные порядки, которые казались ей несоответственными с общим благом»⁷. Именно пониманием императрицей потребностей страны объясняет историк сокращение числа монастырей и секуляризацию их земель, ограничение вклада при поступлении на церковную службу, аннулирование завещаний в пользу монастырей, ограничение судебной власти церкви и многие другие.

Историк склонялся к мысли о том, что абсолютистские тенденции императорской власти проявились также и в вопросах церкви, которая могла противостоять централизаторским стремлениям монархов. Таким образом, в реформе церкви историк видел одну из попыток сдержать «безграничное хозяйничанье духовенства». Царивший в школе церковный порядок казался королеве несвоевременным, так как «не

отвечал назревшим потребностям омирщившегося общества и государства»⁸. Мария-Терезия освободила науку от старых пут, но зато наложила на нее новые. Поставив образование под контроль государства, она пыталась воспитать новых людей, которые могли бы способствовать государственному благоденствию.

Митрофанов планомерно доказывал утилитарность религиозного реформаторства императрицы, прослеженную им в присоединении Галиции, где ею была разрешена постройка лютеранских церквей. Однако ученый не был первым, кто обратил внимание на практическую значимость реформ императрицы. В свое время еще Фридрих II отмечал: «Императрица-королева не такая уж ханжа, чтобы смешивать политику с духовными делами и закрывать глаза на собственные свои интересы»⁹. Этому же мнению придерживался и учитель историка Н.И. Кареев, писавший о том, что Мария-Терезия, исходя из реальных потребностей политики, руководствовалась прежде всего «духом времени», вынуждавшем ее изменить прежнему охранительному направлению. Необходимо отметить, что Митрофанов в рассмотрении проблем просвещенного абсолютизма следовал идеям Н.И. Кареева. Именно он в третьем томе своего труда «История Западной Европы в новое время» наметил основные моменты австрийской модели просвещенного абсолютизма¹⁰, а Митрофанов в своих исследованиях развил эти положения. Так, оба исследователя сходились во мнении, что в своем реформировании Мария-Терезия была весьма либеральной и осуществляла нововведения со всем присущим ей тактом, чего нельзя было сказать о продолжателе ее религиозной политики Иосифе II (1780–1790).

Митрофанов назвал Иосифа «государственником и фанатиком общественного блага», который с «беспощадной строгостью» продолжил начатые его матерью религиозные реформы. Осуществляя политику веротерпимости (кстати сказать, исследователи видят начало истории австрийской веротерпимости именно в правлении Марии-Терезии, и особенно в политике ее сына Иосифа II¹¹), Иосиф узаконил наряду с католицизмом еще две религии: протестантизм (ни в одной католической стране до сих пор не «терпели» протестантов) и православие – в этом Митрофанов видит заслугу императора. Однако Иосиф пошел дальше, и, по словам

Митрофанова, этот его шаг заслуживает большого внимания, император узаконил не только «внутрихристианскую» терпимость, но и признал иудейскую общину. Экономические мотивы этих актов, по Митрофанову, несомненны, но так или иначе своими законодательными актами Иосиф создал предпосылки для будущей действительной эмансипации евреев. Именно желание заставить служить каждого гражданина интересам государства изменило отношение просвещенного монарха к некаатолическим конфессиям. Однако при этом довольно либеральном отношении к христианам и иудеям, положение сектантов оставалось не столь радужным. Митрофанов отмечал, что Иосиф, «совершенно беспощадно» реформируя церковное устройство, истинно был убежден в том, что он «верный сын католической церкви»¹². А столь суровую политику, проводимую в отношении католической церкви, историк видел в его фанатичном служении общественному благу и государству. «Вера оставалась верой, а государство – государством», – так, по словам историка, можно охарактеризовать религиозные мероприятия императора¹³.

Н.И. Кареев, занимаясь изучением этой же проблемы, разделил проводимые императором религиозные мероприятия на три группы. В первую он включил те реформы, которыми монарх-реформатор стремился «установить некоторую независимость Австрии по отношению к Риму. Законами второй категории он хотел ослабить силу духовенства в самой Австрии и подчинить его государству. Наконец, третья категория – та, где Иосиф II допустил со своей стороны прямое вмешательство во внутренние распорядки самой церкви»¹⁴. Не все эти три категории реформ церкви, по мнению Кареева, были в одинаковой мере успешными. Следует отметить, что Митрофанов не разграничил подобным образом религиозные реформы, хотя и достаточно подробно осветил каждую из названных групп.

Митрофанов тщательно проанализировал те реформы, которые были связаны с обособлением австрийской церкви от Рима, заметив при этом, что император не был новатором в этом смысле, и аналогичные реформы осуществлялись представителями государственной власти и в других странах. Одной из самых значительных реформ второй категории историк назвал реформу о жаловании священников. Эта ре-

форма имела большое значение, так как, даже будучи смертельно больным, Иосиф, отменивший большинство своих преобразований в Венгрии, декрет о жаловании приходским священникам оставил без изменений. Если первые две группы реформ касались только духовенства, то третья группа подняла протест в народной среде, так как, по словам ученого, Иосиф прямо покусился на вековые традиции верующих. Самым ярким примером здесь служат всем известные изменения в обряде погребения – холщовые мешки и общие ямы, заливаемые известью, – указывающим, по словам историка, на то, что Иосиф во всех своих действиях руководствуется лишь практическими соображениями, государственной пользой. Н.И. Кареев по этому случаю справедливо заметил, что Иосиф «не сумел сочетать в делах религии прав государственной власти с правами верующей совести»¹⁵. Митрофанов же, продолжая мысль учителя, писал, что в этом отношении «Иосиф менее всего был принципиальным человеком, а действовал исключительно в силу государственных соображений»¹⁶.

Вообще религиозной политике императора историк уделил значительное внимание, признавая тем самым особую важность предпринятых им мер, и это, на наш взгляд, не случайно. Ведь «йозефинизм» послужил исходным пунктом всей дальнейшей религиозной политики Габсбургов; имел он большое значение и для судеб самого католицизма¹⁷.

Чем же решительнее были сами преобразования, тем решительнее была оппозиция, особенно ярко проявившаяся в период правления Иосифа. Духовенство, по словам историка, было недовольнее всех. Папа так ничего и не добился во время своего приезда в Вену, дело чуть не дошло до разрыва. Епископы, лишённые своих доходов и подчинённые строгому контролю светской власти, мечтали о возвращении к старым временам и активно агитировала среди низшего духовенства и населения. Монахи, «обобранные, изгоняемые и порабощенные со всем пылом фанатизма и стремительностью обиды раздували пламя мятежа»¹⁸, белое же духовенство, плохо оплачиваемое и подчинённое контролю светских властей, уклонялось от службы. Среди мирян реформа, по Митрофанову, также не пользовалась популярностью. Население страны было настроено весьма правомерно, а дворянство понимало, что ослабление первого сословия неминуемо

приведет и к их ослаблению. Митрофанов в заключение констатировал: «Никто не нанес таких тяжелых ударов клерикализму и феодализму, как могучий деспот-император»¹⁹.

После смерти императора Иосифа наследником Венского престола стал Леопольд II. Этот человек долгое время оставался загадкой для историка. В личном письме С.Ф. Платонову Митрофанов писал из Вены: «Сажаю я в своего Леопольда и труд, и время – и как в прорву! Только оформишь его – и опять аминь, аминь, рассыпья!»²⁰. Этим объясняется изменение точки зрения историка на деятельность «флорентинца», произошедшее с 1910 г. («История Австрии») до 1917 г. («Леопольд II. Внешняя политика»). Если в 1910 г. Митрофанов рассматривал его как умного, расчетливого хитреца, сумевшего самостоятельно найти выход из сложного положения, в котором оказалось Австрийское государство после смерти Иосифа, то в 1917 г. он характеризовал его как уклончивого, лукаво осторожного и миролюбивого провинциала, не понимавшего общегосударственных потребностей, и поэтому не способного вывести страну из кризиса. Эту задачу, согласно ученому, выполнил советник императора Кауниц, который, будучи приверженцем великодержавных планов и ненавистником Пруссии, обладал сильным умом и твердым характером. Кауниц, прошедший школу Марии-Терезии и Иосифа II, имел и знания, и опыт, для того чтобы преодолеть сложнейшую кризисную ситуацию. Вполне ясно, со сколь различных позиций подходил Митрофанов к анализу реформаторской деятельности Леопольда.

Императору пришлось столкнуться с сильной оппозицией, требовавшей отмены новых порядков. Общество было возмущено, негодовало и постоянно жаловалось на неправомерные действия «мученика своего дела»²¹ Иосифа. Правитель позволил им сетовать, правильно предположив, что общество успокоится «истратив на громкие слова весь запас своего негодования», а потом можно будет распоряжаться по-своему, сообразно потребностям государства. Митрофанов пишет, что в мелочах оппозиции было уступлено, но в основном же система сохранилась иезефинская, только в несколько смягченном виде: по-прежнему администрация была всемогущей, монастырские земли остались секуляризованными, а протестанты уравнены в правах с католиками. Успокоив подданных конституционными уверениями,

в государстве остался «испытанный самодержавный режим»²².

Как видим, в своих произведениях Митрофанов подробно рассмотрел религиозную политику периода просвещенного абсолютизма, сделал ряд основательных выводов, осветил довольно подробно сущность и мотивацию правителей в проведении церковной политики.

Примечания

¹ Однако за последнее время появилось несколько статей о П.П. Митрофанове, в том числе: *Леушина Е.В.* Источники исследования П.П. Митрофанова об Иосифе II (опыт характеристики) // Клио. СПб., 2003. *Она же.* Русский историк П.П. Митрофанов: опыт реконструкции научной биографии // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 3. Ставрополь, 2003.

² Об интересе современников к трудам историка может свидетельствовать тот факт, что в 1910 г. по желанию австрийских коллег магистерская диссертация Митрофанова была переведена на немецкий язык: *Mitrofanov P. von. Joseph II. Seine politische und kulturelle Tätigkeit.* Wien, 1910. «Существует много биографий Иосифа II, – пишет современный немецкий исследователь, – среди которых основополагающей считается следующая, написанная русским историком: «Joseph II. Seine politische und kulturelle Tätigkeit». II Bd. 1910». (*Баумгарт П.* Иосиф II // Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997 С. 607.). Известный историк-славист О.В. Хаванова, касаясь вскользь исследований Митрофанова по истории Австрии, отметила: «Гордостью дореволюционной русской историографии по праву считаются труды историка П.П. Митрофанова. Его фундаментальное, до сих пор не утратившее своей актуальности исследование – «Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и враги»... до сих пор остается настольной книгой любого, кто изучает эпоху Иосифа II» (*Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре. М., 2000. С. 14).

³ *Митрофанов П.П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907; *Он же.* История Австрии. СПб., 1910; *Он же.* Леопольд II Австрийский. Т. 1. Ч. 1. Внешняя политика. Пг., 1916; *Он же.* Материалы к истории Иосифа II // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1903. март. С. 41 – 120; *Он же.* Оппозиция реформе Иосифа II в Венгрии. СПб., 1905; *Он же.* Маркиз Эммануил де Ноайль. Французский посол при Венском дворе (1783–1792) // ЖМНП. 1910. № 3. С. 251–271; *Он же.* Новая английская книга о Германии (Harold Temperley: Frederic the Great and Kaiser Joseph. An episode of war and Diplomacy in the XVIII century. London, 1915) // Там же. 1916. № 1. С. 157–162.

⁴ Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II... С. 76.

⁵ Митрофанов П.П. История Австрии... С. 120.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ См.: Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. СПб., 1913. §§ XIX, XXIV–XXVIII.

¹¹ Величко О.И. Проблемы веротерпимости в общественно-политической жизни Австро-Венгрии // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 118.

¹² Митрофанов П.П. История Австрии... С. 136.

¹³ Там же.

¹⁴ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. С. 394.

¹⁵ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. С. 373.

¹⁶ Митрофанов П.П. История Австрии... С. 128.

¹⁷ Величко О.И. Проблемы веротерпимости... С. 119.

¹⁸ Митрофанов П.П. История Австрии... С. 141.

¹⁹ Там же. С. 143.

²⁰ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Ед. хр. 3561. Митрофанов П.П. Письма Сергею Федоровичу Платонову 1901–1910 гг. Л. 19 об.

²¹ Ону А.М. Иосиф II и «философия» XVIII в. // Историческое обозрение. 1891. Т. 2. С. 1–2.

²² Митрофанов П.П. История Австрии... С. 154.

Е. А. Овчинникова (Санкт-Петербург)

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ XVII–XVIII ВВ.

XVIII в. вошел в историю России как век Просвещения, период формирования системы образования и своеобразной русской этико-философской мысли, просветительских ценностей и идеалов, определивших дальнейшее развитие русской культуры и морального сознания.

Этико-моральное сознание в России складывалось под воздействием, с одной стороны, западноевропейской мысли, с другой стороны, в процессе усвоения духовного наследия Древней Руси, сложившегося при непосредственном влиянии патристической литературы и древнеболгарской книжности.

Вслед за сложившейся традицией, представленной в сочинениях византийских авторов, философию на Руси разделяли на «зрительное и деятельное», т.е. теоретическое и практическое знание, при этом к «зрительному» относилось «богословное» (теология), «естественное» и «учительное» (математика), а к «деятельному» — «обычайное» (этика), «домостроительное» (экономика) и «градное» (политика). Таким образом, в древнерусской традиции «деятельная» философия ставилась выше теоретической, умозрительной. В традициях византийской духовности философия на Руси и воспринималась прежде всего как образ жизни, как нравственное наставление и поучение. Понимание философии как путевода жизни, нравственного наставления («философия учит благо жити») нашло свое непосредственное воплощение в русской философской традиции. В древнерусской культуре сложился и особый категориальный строй русской этической мысли, что также сказалось на дальнейшем развитии моральной философии в России.

Первые представления об этике как определенном знании, науке «ифике», были связаны на Руси с именем Аристотеля, который воспринимался прежде всего как «философ нравоучительны». Его имя встречается в «Изборниках»,

«Пчеле», ему часто приписывались нравоучительные высказывания, афористические суждения, вошедшие в обиход народного сознания нравоучительные поговорки и пословицы. В некоторых афоризмах Аристотелю приписываются наставления в христианских добродетелях¹. Упоминания об Аристотеле встречаем у Андрея Курбского, который пишет о своем знакомстве с текстами аристотелевских сочинений: «Прочитах, рассмотрях физические и обучахся и навыкох еттических».² Федор Карпов в известном Послании митрополиту Даниилу упоминает Аристотеля и приводит цитату из Десятой книги «Никомаховой этики», называя его «философ нравоучительны», а трактат Аристотеля – «Нравом».³ Таким образом, можно заметить, что представления об этике как науке нрава в древнерусской книжности связывались с именем Аристотеля, но формирование собственно этики как науки с четко очерченным предметом, структурой, категориальным аппаратом относится только ко второй половине XVII в. и связано, прежде всего, с западно-русским влиянием, освоением латинского наследия.

Актуализация данной проблематики – отношение к наследию латинской схоластики и, прежде всего, схоластизированной философской системе Аристотеля — была связана с процессом европеизации, наметившимся еще во второй половине XVI в. Но приобретает особенную остроту этот вопрос в середине XVII в., в эпоху царствования Алексея Михайловича. Это было связано, прежде всего, с политикой присоединения Украины к России, которая в полной мере выявила актуальность соотношения православия и католицизма, с одной стороны, и роли западного духовного наследия – с другой. Во второй половине XVII в. идеи Аристотеля проникали на Русь преимущественно польско-латинскими путями. Сочинения Аристотеля были известны на латинском языке и в польских переводах (например, польские переводы Себастиана Петриция «Политики» и «Этики» Аристотеля с комментариями). На тексты Аристотеля ссылаются Симеон Полоцкий и его последователи Сильвестр Медведев и Кирион Истомин, братья Лихуды.

Конец XVII – начало XVIII вв. характеризуется, прежде всего, постепенным переходом от теоцентрической картины мира к антропоцентрической. Раннепросветительская эпоха в России (конец XVII в.) формирует представление о неиз-

менности природы человека, величии его разума, внесловной ценности человеческой личности.

Наибольший интерес с точки зрения антропологического учения представляет творчество Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина.

Человек, утверждал Симеон Полоцкий, есть существо чувствующее и разумное, мыслящее. Сознание человека – это своего рода *tabula rasa* – «скрижали ненаписанные». На «скрижали» можно начертать как добро, так и зло. Истинное знание, мудрость, присущие человеческой природе, отождествляются им с добром, благом, добродетелью, невежество же порождает пороки, зло. Постоянный процесс познания, чтение «книги-мира» («Мир сей преукрашенный книга есть велика») совершенствует природу человека, его нравственное начало. Высшее познание – «художество художеств есть себя познати» – самопознание ведет к совершенству человека. Таким образом, во взглядах Симеона Полоцкого проявляются просветительские тенденции взгляда на человека как природно соравное существо, признается внесловная ценность человеческой личности, которая ставится в зависимость от знания, способности познания и самосовершенствования.

Следуя за своим учителем, Сильвестр Медведев мерилom человеческой духовности признавал разум, провозглашая его «благодатью Святого духа», наравне с волей и памятью.

Продолжая традиции своих предшественников, Карион Истомин представляет мир листами книги, в которой первый лист – небо, второй – земля, третий – человек. Однако человек объемлет весь мир, ибо он «по телу – земен», а «по душе – небесный». Благодаря существованию двух природ, человек равно познает как мирское, так и божественное, а посему и теология и философия равнозначимы в процессе познания и равно необходимы для человеческого существования.

Мыслителями XVII в. этика стала пониматься как самостоятельная философская наука, являющаяся не только составной частью философской системы, но фактически основой всех философских построений. Так, Симеон Полоцкий разделяет философию на «разумительную» (умозрительную), т.е. логику, «естественную» (физику) и «нравственную» (этику). Этике в этой системе отводилось первостепенное значение, ибо основной функцией и задачей философии, по мнению Полоцкого, является «врачевание души» («Яко враче-

ство болезнь исцеляет, философия нрав зол души исправляет»⁴). Задача философии видится Полоцкому в нравственном наставлении человека: «Философия учит благо жить»⁵.

В XVII–XVIII вв. происходит процесс становления этики как науки, что явилось результатом синтеза древнерусской духовности и традиций западнорусского Просвещения. В этот период переосмысляются основные этические понятия, наполняются новым содержанием, что было обусловлено общим процессом секуляризации русской культуры. В целом философия русского Просвещения была ориентирована на понятийное структурирование знания. Этика рассматривается русскими мыслителями не как простое знание, а как наука, которая включает в себя и экономические и политические представления. В этой нерасчленности понятий, в их своеобразном синкретизме проявляется несомненная тенденция рассматривать все области знания, связанные с человеком сквозь призму нравственного начала, этики. Именно поэтому этика предстает в сочинениях русских мыслителей эпохи Просвещения как интегративная наука, наука о человеке в его духовной, душевной, телесной целостности. Русская этическая мысль в XVIII в., как и в древнерусской книжности, находит свое воплощение в текстах поучительного, нравственно-дидактического характера, в исторических сочинениях, художественных, литературных произведениях. Но именно в этот период этика выделяется в самостоятельную область философского знания, формируется ее предмет и структура, усиливаются тенденции рационалистического обоснования морали. Однако при очевидном приоритете рационалистического начала в нравственной философии русского Просвещения сохраняется преемственная связь с предшествующей средневековой традицией, усматривавшей основания нравственности в стремлениях души и сердца. Для последующей русской философии было характерно стремление к взаимосвязи традиций «философии разума» и «философии сердца». В этом нам видится своеобразие этической проблематики в традициях русской философской мысли.

Структурирование этического знания сказывается и на дальнейшем формировании нравственных понятий. Поскольку становление этики как науки в России на рубеже XVII–XVIII вв. явилось во многом результатом синтеза древнерус-

ского духовного наследия и традиций западнорусского и европейского философского наследия, именно в этот период этическая терминология дополняется рядом понятий, заимствованных из западноевропейского лексикона. Именно с XVII в. в русской мысли появляется термин «мораль» (от латинского «*mos*», «*moralis*»), который, наряду с понятием «нравственность»⁶, будет обозначать все многообразие проявлений нравственной жизни.

Главными духовными посредниками между Европой и Россией в течение всего XVII и первой половины XVIII столетия выступали Украина и Белоруссия. Исключительно велика была роль Киево-Могилянской академии, преподавание в которой велось во многом по образцу польских коллегий и университетов. Ученые Киево-Могилянской академии поддерживали научные связи с рядом европейских университетов, в том числе со старейшим Краковским университетом. Преподаватели и выпускники Киево-Могилянской академии отличались блестящей эрудицией и знанием европейской философской мысли. Преподавание велось на латинском языке, однако помимо латинского, западнорусские ученые в совершенстве владели польским. По выражению современных исследователей, Киево-Могилянская академия была главным «связующим звеном между западной культурой и Восточной Европой», через Польшу и Украину просветительские идеи проникали в Россию⁷.

Влияние рационалистической мысли Запада, аристотелизма на формирование этического сознания в России в конце XVII – начале XVIII вв. сказалось прежде всего в курсах этики преподавателей Киево-Могилянской академии.⁸ Это лекции таких видных мыслителей, как Георгий Конисский, Стефан Калиновский, Михаил Козачинский, Сильвестр Кулябка⁹, Феофан Прокопович¹⁰.

Главную задачу киево-могилянские профессора видели в определении сущности этики, нравоучительной философии. Именно в этот период этика становится самостоятельной отраслью философской науки, обозначается ее предмет, структурируются, определяются основные этические категории. В своих лекциях профессора стремились логически четко и аргументированно выстроить курс, опираясь прежде всего на логические основания нравоучения. Многие из них читали курс этики следом за логикой, потом уже излагались

курсы натурфилософии и метафизики. (Эта традиция сохраняется и в дальнейшем: русским просветителям будет свойственно обращение к «науке ума» с целью доказать и обосновать положения морали).

Курсы этики профессоров Киево-Могилянской академии воспроизводят аристотелевскую этику в ее схоластицированном виде. Начинаются лекции с определения этической науки. «Существует два основных наименования этой дисциплины. Называется нравственной (наукой) или этикой. Нравственной называется от нравов, ведь нравы – это навыки хорошо или плохо жить, или, точнее, — это сами поступки, происходящие от таких навыков, в истолковании их – смысл этой науки. Из греческого (языка) происходит название «этика», что значит привычка...»¹¹ (Стефан Калиновский). Этика трактуется в курсах профессоров Киево-Могилянской академии как наука, а не как знание в собственном смысле. В этом они следуют традиции аристотелизма. «Наукам, — утверждает в своем этическом курсе Михаил Козачинский, — свойственно предписывать то, что можно и чего не следует делать, а кто не может это исполнить иначе, разве что свойством универсального суждения, то благодаря ей выделит главное в отдельных обстоятельствах, как всегда следует действовать. Значит, наука касается одновременно не только отдельных, но и универсальных понятий...»¹². Отсюда Козачинский делал вывод, что этика есть истинная наука, а значит она не может быть сведена к простому знанию. В свою очередь этика как наука рассматривается в двойном ключе: с одной стороны, как «дискурсивная», а с другой – как «активная». В качестве «активной» науки, этика имеет своей целью не только познание законов и правил морали, но прежде всего направление воли к нравственной добродетели.

Далее, этика как наука подразделяется на общую и частную. Под общей этикой понимается то направление нравственной науки, которое изучает добродетели и моральные законы, абстрагируясь от реалий человеческой жизни, т.е. независимо от того, живет ли он «один или в семье, или в государстве». Частная же этика изучает конкретные условия жизни человека, его непосредственные эмпирические обстоятельства. Она в свою очередь подразделяется на монастику, или «одинокую» этику, экономику, или «домашнюю этику», политику, или гражданскую этику. Этика-монас-

тика» есть «дисциплина, которая направляет частного человека к добродетели относительно собственного добра, или своего личного счастья»¹³. Этика-«экономика», напротив, ориентирует человека на добродетельное бытие в качестве члена семьи и участника семейных отношений. Что же касается этики-«политики», то она берет человека как члена государства и исследует его деятельность «относительно блага государства». В свою очередь, этика-«политика» бывает тройкого рода: монархическая, аристократическая и демократическая, в зависимости от типа государства, который определяет и добродетели человека, и блага государства.

По определению Г. Конисского, «этика – наука практическая, касающаяся человеческих действий, направленных к нравственному добру или согласованных со здравым смыслом»¹⁴. Этика рассматривается как самостоятельная наука, имеющая своим предметом благо и счастье. «...Первая обязанность этики, руководящей человеческими поступками, — пишет Конисский, — искать и учить, в чем состоит наилучшее добро или наивысшее благо и счастье. И это может проявиться не иначе как через раскрытие того, что человека наиболее совершенствует»¹⁵. Основные понятия этической науки – благо, добро, добродетель, счастье, свобода, деятельность. Таким образом, выстраивается аристотелевская система этических категорий. Добродетели трактуются как середина между крайними качественными состояниями. Свобода понимается прежде всего как свобода воли человека. «Подлинная свобода есть не что иное, как само свободное суждение воли или возможность выбирать из того, что относится к цели, предпочитая одно другому...»¹⁶ (Г. Конисский). Большое значение придается воспитанию, поскольку вслед за Аристотелем этическое, нравственное рассматривается как результат навыка, как формируемая, воспитываемая привычка (нрав).

Труды и лекции академических профессоров (как в Киево-Могилянской академии, так и в Московской славяно-греко-латинской академии) отличались приверженностью к схоластической строгости делений и структурирования философского знания.

Выпускник Киево-Могилянской академии, местоблюститель патриаршего престола и протектор Московской академии Стефан Яворский вводит в Московской академии «ки-

евские порядки» и «латинские учения», на что даже испрашивает у государя особый дозволятельный указ¹⁷.

По руководству Фомы Аквинского построена система Феофилакта Лопатинского.¹⁸ Так, Феофилакт Лопатинский разделял философию на созерцательную (*speculativam*) и деятельную (*practivam*), к первой относится метафизика, ко второй – логика и ифика, поскольку духовная деятельность человека рассматривается им как состоящая из двух начал – ума и воли. Собственно ифики в курсах лекций Лопатинского нет. Однако сохранились изложения этического курса, планы лекций, читаемые в академии, относящиеся уже к середине XVIII в. на латинском языке, которые воспроизводят схоластизированную схему аристотелевской этики.¹⁹

Поворот в противосхоластическую сторону был совершен Феофаном Прокоповичем. Во многом под влиянием лютеранских систем (которые, однако, не лишены были схоластических элементов) Феофан Прокопович отходит от схоластического направления. В богословии Прокопович «отделил богословие догматическое от нравственного, специализировав и то и другое и точнее определив их задачи», тем самым «утратив путаницу в преподавании того и другого».²⁰ Предмет нравственного богословия, по Феофану Прокоповичу, — «добрые дела, обозначаемые в Писании именем любви. Любовь двоякая: к Богу и ближним, поэтому нравственное богословие рассуждает 1) о религии, как выражении любви к Богу, 2) о справедливости, которая состоит в любви к ближнему». Этику Прокопович трактует как самостоятельную науку, отделяя, разграничивая этику и нравственное богословие, определяя предмет этической науки и нравственного богословия²¹.

К середине XVIII в. повсеместно преподавание философии от ориентации на схоластизированную систему Аристотеля переходит к вольфианскому учению.²² В соответствии с вольфианской системой философия разделялась на «рациональную, целью которой было научить управлять действиями ума; моральную, имевшую целью определить действия воли или нравы, и натуральную, или естественную, имеющую задачу исследовать все, что есть в природе»²³. В свою очередь натуральная философия разделялась на физику, математику и метафизику (именовавшуюся также естественным богословием), рациональная включала диалектику и

логику. Моральная философия изучала принципы и свойства человеческих действий с целью определить понятие высшего блага как конечной цели человеческого существования и основные добродетели, необходимые для достижения блага.

К концу XVII — началу XVIII вв. в России складывается предмет, структура, система моральной философии. Этот процесс формирования этического сознания происходит под непосредственным влиянием схоластической латинской мысли — схолатизированного Аристотеля. Формирующееся просветительское сознание усвоило пиитетный подход к понятийному структурированию знания, которое вообще составляло характерную черту средневековой философии. При рассмотрении истории становления этической мысли в России необходимо учитывать влияние поздней схоластики, позднего аристотелизма на формирование этики как научной философской дисциплины, этико-философского сознания. Далее, как уже было замечено выше, на понимание структуры философского знания оказывает влияние вольфианская система, позднее (в конце XVIII — начале XIX вв.) этическое знание в России испытывает воздействие моральной философии И. Канта, что сказалось на дальнейшем формировании идеи автономии морали.

Обоснование нравоучительной философии занимало важное место в сочинениях русских просветителей во второй половине 1760—1780-х гг. — Я.П. Козельского, С.Е. Десницкого, Д.С. Аничкова, Д.И. Фонвизина, Н.И. Новикова. В традициях просветительского рационализма они разграничивали философию на теоретическую, т.е. «философию в теснейшем смысле», и нравоучительную, или практическую. Философия теоретическая («умозрительная») включала в себя логику и метафизику, философия нравоучительная — юриспруденцию, или философию права, и политику.

В своем стремлении создать научную теорию морали русские просветители обращались к логике, которую трактовали как «науку ума». Наука, по определению Я.П. Козельского, «есть не что иное, как способность человеческого ума доказывать и выводить свои предложения из верных и неоспоримых оснований»²⁴. Так, для нравоучительной науки этим основанием представлялось право. Из права, «как от корней ветви», происходят законы, которые составляют

основание добродетелей. Справедливость закона гарантируется его соответствием праву. При этом права, как и основанные на них законы, разделялись на божественные (включающие десять библейских заповедей), натуральные (предполагающие реализацию естественных, природных прав и потребностей человека), всемирные (определяющие законы взаимоотношений народов и государств) и гражданские, целью которых должно быть благополучие всех граждан.

Всякая наука стремится к познанию истины через опыт или доказательство («умствование»), продолжает Я.П. Козельский. В соответствии с классификацией наук, истина бывает троякая – натуралистическая, логическая и нравоучительная. «Истина натуральная есть та, когда какая вещь имеет в себе все то, что к существу ее требуется». Логическая истина предполагает сходство наших мыслей с «вещью», тогда как ложь – это отсутствие такого сходства. Нравоучительная истина выражает соответствие наших мыслей и поступков²⁵.

Русские просветители стремились в своих концепциях к философско-рационалистическому обоснованию морали. Основные моральные понятия должны были, по мнению мыслителей, соответствовать как требованиям «натуры человека», так и «истины рассуждениям».

В идеологии Просвещения мораль рассматривается в неразрывной связи с политикой и юриспруденцией. Мораль трактовалась как «частная, домашняя политика» (по выражению Мабли), а политика, в свою очередь, интерпретировалась как общественная мораль.

Основой построения этических концепций русских просветителей второй половины XVIII в. была теория естественного права и общественного договора. В соответствии с этой теорией, основой нравственности просветители признавали естественные побуждения «человеческой природы». Человек есть часть природы. Естественными правами человека являются свобода, природное равенство и т.д. Однако только общественное состояние, по мысли просветителей, дает человеку наивысшие законы и принципы, согласующиеся с его природой при условии, что развитию истинной нравственности предшествует и способствует справедливое, рационально обоснованное законодательство и справедливые формы государственного правления.

Глубокое убеждение в том, что человек находится в гармонии с миром природным и социальным, было основой просветительского единства в понимании морали и политики, морали и науки, истины и добродетели. Там, где истина, там добродетель. На принципах разума должна быть основана и религия, в противном случае она становится источником пороков и заблуждений.

Проблемы обоснования морали, нравственных ценностей занимают одно из центральных мест в этических теориях русских просветителей 1790–1810-х гг.: А.П. Куницын, В.В. Попугаев, И.П. Пнин, А.С. Кайсаров, В.Ф. Малиновский продолжали и развивали традиции этической мысли своих предшественников – русских просветителей второй половины XVIII в.

Наиболее полно этико-правовая мысль русского просвещения этого периода представлена в сочинениях А.П. Куницына. Нравоучение, полагал мыслитель, имеет предметом «внутреннюю свободу человека», а правоучение – «внешнюю свободу». Внутренняя свобода человека может быть ограничена только нравственными принципами, признающими, что человек имеет право «на все деяния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может»²⁶. К первоначальным естественным правам человека относятся свобода и равенство. Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, посему, делал вывод мыслитель, другие люди не должны употреблять его как средство для достижения целей. Кто нарушает свободу человека, тот поступает против его природы. Поскольку природа всех людей одинакова, то любое нарушение свободы человека есть несправедливость. Правовые законы должны быть основаны на справедливости.

Подобную же точку зрения о нерасторжимой связи морали и права, морали и политики высказывали и другие русские просветители, стремясь дать моральной теории правовое и социально-политическое обоснование.

Целью человеческого общества должно быть достижение всеобщего благоденствия, утверждал А.С. Кайсаров. Под благоденствием граждан и всего государства в целом он понимал возможность личности распоряжаться своей свободой, в понятие благоденствия включалась также культура и образование, понимаемые как нравственное развитие челове-

ка. Источник зла виделся просветителю в социальном устройстве. Поэтому путь преодоления зла рассматривался им как путь социальных преобразований и прежде всего устранения крепостного права, поскольку оно «не опирается ни на какое законное обоснование».

В теориях русских просветителей этого периода просвещение отождествлялось с нравственным совершенствованием. Сам термин «просвещение» употреблялся мыслителями для обозначения определенного этапа нравственного развития человека и общества и одновременно для обозначения процесса формирования гражданских добродетелей.

Просвещение должно осуществляться через систему общественного воспитания. «Воспитание, — писал В.В. Попугаев, — есть первая пружина к общественному благосостоянию, есть первое средство, могущее привести в действие законы и поддержать конституцию». Общественное воспитание имеет цели политические и моральные — разъясняет обязанности человека к обществу и «научает средствам служить обществу», т.е. своей деятельностью способствовать утверждению общественного блага. В обществе, утверждал просветитель, довольно часто под просвещением понимается знание языков, наук или светских обычаев, чтение романов и стихотворений. Это мнение, утверждал Попугаев, хотя и не ложно, но несправедливо, поскольку такие знания дают нам относительное, или частное просвещение. Истинное же просвещение заключается в познании человеком своего предназначения, осознании цели «общественности», морального предназначения, связи с общественным целым, пониманием общественного блага²⁷.

Эпоха Просвещения в России характеризовалась, прежде всего, общим процессом секуляризации русской культуры, одним из важнейших признаков которого явилось формирование этико-философского сознания, определение предмета этики как философской науки, понятийное структурирование морального сознания. Внимание мыслителей XVIII в. привлечено к проблемам дефиниций, структурирования философского знания и конкретизации предмета моральной философии, поскольку этическая мысль высвобождается из-под влияния богословия и обращается все более и более к изучению человека, повышается интерес к человеку как существу природному и историческому.

Бесспорной заслугой русских просветителей стала разработка и обоснование ими системы этических категорий и принципов, оказавших непосредственное влияние на формирование морального сознания и этической теории последующих поколений русских мыслителей.

Одним из главных итогов XVII–XVIII вв. явилось формирование собственно морального сознания, определение его своеобразия и специфики, разработка категориальной системы и структуры этического знания, обоснование этики как философской науки.

Примечания

¹ См.: *Семенов В.* Древнерусская «Пчела» по пергаменному списку. СПб., 1893.

² См.: *Курбский А.* Предисловие к «Новому Маргариту»/А. Архангельский. Очерки по истории западнорусской литературы XVI–XVII вв. // ЧОИДР, 1888, кн.1. (Приложение. С. 10).

³ См.: Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу / Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из собрания XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 г. Вып. 21. СПб., 1909.

⁴ *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. М., Л., 1953. С.71.

⁵ Там же. С.70.

⁶ Термин «нравственность» славянского происхождения был зафиксирован в «Словаре Российской Академии» в 1789 г.

⁷ Проблема влияния на русскую мысль латинско-польской схоластики была одной из основных тем известного труда А.С. Лаппо-Данилевского «История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв.» (первая часть которого была опубликована в 1990 г.). В развитии русской мысли XVII в. историк выделил, прежде всего, область морали и политики и проанализировал влияние схоластики на становление морального сознания. Однако до настоящего времени феномен польского влияния в России не получил еще должного историко-философского осмысления. Между тем уже с начала XVII в. у нас переводится множество самых разнообразных польских трактатов, и среди них трактаты по философии, этике, этикету, исторические, теологические, нравоучительные сочинения, которые сыграли важную роль в процессе общей секуляризации духовной культуры России, в приобщении русского общества к идеалам и ценностям западноевропейского мира.

⁸ О Киево-Могилянской академии см.: *Ничик В.М.* Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII века. Киев, 1978; *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской ака-

демии. Киев, 1982; *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. Киев, 1988; Памятники этической мысли на Украине XVII – перв. пол. XVIII ст. / Составл., пер. с лат., вступит. статья и примечания М.В. Кашубы. Киев, 1987.

⁹ Курсы лекций профессоров Киево-Могилянской академии опубликованы в переводе с латинского в кн.: Памятники этической мысли на Украине XVII – перв. пол. XVIII ст. / Составл., пер. с лат., вступит. статья и примечания М.В. Кашубы. Киев, 1987.

¹⁰ Лекции по этике, прочитанные в КМА Феофаном Прокоповичем, сохранились и опубликованы в издании: Прокопович Ф. *Філософські твори*. В 3 тт. К., 1979. Т.1. С.286–335.

¹¹ Памятники этической мысли на Украине XVII – перв. пол. XVIII ст. / Составл., пер. с лат., вступит. статья и примечания М.В. Кашубы. Киев, 1987. С.49.

¹² Там же. С.303.

¹³ Там же. С.308.

¹⁴ Там же. С.422.

¹⁵ Там же. С.431.

¹⁶ Там же. С.457.

¹⁷ Православное обозрение. 1862. Т.IX. С.87–88. За это один из восточных патриархов Досифей Иерусалимский укорял Стефана Яворского в том, что он «еллинское училище в конец стерл и токмо о латинских старается, поставив учителей в догматах строптивых», доказывал, что еллинское учение превосходнее латинского и что, «кто предпочтет латинский язык, есть еретик и отступник, и еще яко на латинском языке написана суть толика ереси, толика шпынства, паче же безбожества». (Там же. С.88–89).

¹⁸ См.: *Бронзов А.А.* Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. СПб. 1901. С.23–25.

¹⁹ См: *Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

²⁰ *Бронзов А.А.* Нравственное богословие... С.26. См. об этом так же: *Тихомиров Ф.А.* Трактаты Феофана Прокоповича о Боге едином по существу и троичном в Лицах. СПб., 1884; *Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М.,1855; *Архангельский А.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. С.59.

²¹ См.: *Прокопович Ф.* *Філософські твори*. В 3 тт. К., 1979. Т.1. С.286–335.

²² См. *Артемьева Т.В., Микешин М.И.* Кристиан Вольф и русское вольфианство // *Философские науки*. 1990. № 1. С.64–74.

²³ См.: *Никольский Ал.* Русская духовно-академическая философия, как предшественница славянофильства и университетской философии в России // *Вера и разум*. Харьков. 1907 № 2.

²⁴ *Козельский Я.П.* Философические предложения // *Избран-*

ные произведения русских мыслителей втор. пол. XVIII века. В 2 т. Т. 1. М., 1952. С.462.

²⁵ Там же. С. 440–441.

²⁶ *Куницын А.П.* Право естественное // Русские просветители. В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 222.

²⁷ *Попугаев В.В.* О просвещении и личном достоинстве управляющих // Русские просветители. Т. 1. С. 310.

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ
КОНТАКТОВ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ:
ДЖЕРЕМИ БЕНТАМ
И ВАСИЛИЙ МАЛИНОВСКИЙ**

Как известно, А.С. Лаппо-Данилевский проявлял особый интерес и как историк, и как философ к политико-правовым идеям России XVIII в. Без всякого сомнения, век Просвещения существенным образом повлиял на умонастроения россиян, в том числе и в сфере политической мысли. Нам представляется крайне важным выявить степень влияния британского Просвещения в данной области, поскольку общепринято считать, что наиболее значимый след в России был оставлен французскими просветителями.

В данном ракурсе принципиально важной фигурой для всей эпохи европейского Просвещения предстает личность Джереми Бентама (1748–1832), известнейшего юриста, философа и общественного деятеля Великобритании. Его трудами зачитывалась вся Европа, включая многих русских современников, хотя, к глубокому сожалению, Джереми Бентам известен нам сегодня в основном не как политический мыслитель, а как основоположник философской школы утилитаризма.

Одним из главных постулатов философской и правовой теории Дж. Бентама стало провозглашение принципов пользы, находящих свою реализацию в том числе в конкретной государственной политике. Одним из основных постулатов его теории утилитаризма стало провозглашение главной цели общества – достижение «наибольшего счастья для наибольшего количества людей». Причем в соответствии с этой концепцией, легшей в основу европейской школы утилитаризма, британский мыслитель призывал рассматривать и деятельность государственных учреждений и оценивать их пользу в соответствии с тем, насколько они приносят счастье людям.

Дж. Бентам был разработчиком огромного числа гума-

нитарных идей эпохи Просвещения. Применительно к Англии он критиковал некоторые пережитки старой английской политической системы, являлся сторонником радикальной реформы выборов в парламент и длительное время поддерживал тесные связи с выдающимися британскими политиками. В частности, в книжном собрании известного российского юриста А.Я. Пассовера, ныне хранящемся в составе иностранного фонда Библиотеки Российской академии наук, содержится сборник политико-правовых работ известного британского мыслителя с дарственной записью: «To Joseph Hume Esq. M.P. from Jeremy Bentham»¹. Он также по праву считается одним из отцов-основателей Лондонского университета.

К числу интересных и требующих более глубокого прочтения работ английского ученого относятся и его русские переводы, в том числе «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении»².

Примечательно, что в Лондонском Британском музее хранятся 30 томов различных бумаг, принадлежавших сразу двум Бентамам – Джереми и Сэмюэлю, братьям, чья жизнь оказалась тесно связанной с Россией времени правления Екатерины Великой. Многие рукописные, как, впрочем, и некоторые опубликованные материалы, составляющие сегодня «Бентамиану», еще ждут своего исследователя. При этом важно отметить, что в последние годы возник новый интерес к творческому наследию основателя школы утилитаризма и его младшего брата, служившего управляющим в малороссийском поместье Г. Потемкина-Таврического³. Так, в 1998 г. в Петербургском отделении Академии наук состоялась Международная конференция, посвященная учению и деятельности английского мыслителя Дж. Бентама, материалам которой был посвящен специальный выпуск «Философского альманаха».

У Бентама-старшего были собственные представления и об английском общем праве, и о правовой традиции, и о равноправии, и о положении дел в России и в Европе. Как справедливо отмечал исследователь наследия Дж. Бентама Б. Парех, «...он великолепно опрокинул или, во всяком случае, подверг серьезному сомнению обоснованность целого ряда господствовавших в то время этических и политических доктрин»⁴.

Важно отметить, что сами идеи о государственном устройстве и обществе не являлись застывшей догмой для самого их создателя и на протяжении всей его долгой жизни претерпели существенные изменения – от резкого осуждения и критики демократических идей до их принятия.

Непосредственные контакты Дж. Бентама с русским обществом в период правления Екатерины Великой осуществлялись через его младшего брата, который приехал в 1779 г. в Россию в качестве морского инженера и через некоторое время был приглашен на службу в качестве управляющего поместьями влиятельнейшего царедворца Григория Потемкина, только за два года получившего от Екатерины II в дар 37 000 крепостных и 9 миллионов рублей⁵. Подобная щедрость императрицы, а также пышность образа жизни и размеры земельных владений ее ближайших сподвижников поражали даже английских наблюдателей: так, Уильям Тук отмечал, что многие представители высшей знати России этого времени являлись «владельцами имений, занимавших территорию, превосходящую по величине земли некоторых суверенных немецких властителей»⁶.

Это как раз о Сэмюэле Бентаме сообщал в своем дневнике знаменитый современник Франсиско Миранда, обласканный лично Г.Потемкиным и самой Екатериной Великой во время своего путешествия в Россию, совпавшего со временем пребывания там сразу двух Бентамов: «Пришел г-н Бентам (Сэмюель. – Г.П.), и мы совершили прогулку по городу. Он рассказал мне о Сибири, по которой путешествовал, и о положении ссылаемых туда пленных и преступников...»⁷ В результате состоялось первое непосредственное знакомство старшего брата – Дж. Бентама с Россией, куда он отправился в 1875–1876 гг.

Следует особо подчеркнуть, что уже после возвращения на родину Бентам-старший долгие годы будет сохранять самый непосредственный интерес и любовь к России. По крайней мере, в 1789 г. он вступает в острую полемику с официальными британскими кругами и пишет три статьи в «Public Advertiser», в которых критиковал антироссийский курс внешней политики Великобритании времени Георга III⁸.

Любопытно, что основная задача, поставленная перед младшим братом известного британского философа, была следующая: создать в одном из имений Григория Потемки-

на, расположенном в Могилевской губернии, образцовое, совершенное поместье и торговый центр по образцу и подобию английского. Сам С. Бентам долго готовился к русской службе, заручившись множеством рекомендаций самого высокого уровня. У Г. Потемкина младший Бентам реализует себя и как морской инженер, создав уникальное судно, подробно описанное Фр. Мирандой: «...под вечер прибыл Бентам на судне собственной оригинальной конструкции... Рано утром заехал комендант, сообщивший об удивительном корабле Бентама и о том, что последний собирается навестить меня. Мы отправились повидать его и его судно... Каковое имеет следующие особенности: оно состоит из 6-ти отдельных корпусов, сочлененных так, что корабль способен изгибаться наподобие червяка, и это самое поразительное сооружение, какое только можно себе представить, в то же время как нельзя более подходящее для плавания в подобных местах... Судно оснащено 120 веслами и движется со скоростью от 10 до 12 верст в час. Отплыв от пристани, мы попробовали управлять им, и было любопытно наблюдать, как это “червообразное” – так именуется свое судно его создатель – изгибалось и поворачивалось то в одну, то в другую сторону, совсем как угорь. Бентам сообщил нам, что все от начала до конца придумано им самим и что корабль обошелся ему в 9 тысяч рублей, кои он выложил из собственного кармана»⁹. Таким вот удивительным образом одаренный англичанин пытался внедрить в России, только выходящей на морские просторы Черного моря, свои новаторские идеи, проявляя одержимость и бескорыстие.

Еще более тесно был связан с «высшими правительственными сферами» Бентам-старший, известный нам сегодня не как политик, а как ученый-философ. Его философскими и политическими идеями в России века Просвещения увлекались весьма многие и влиятельные фигуры: В.П. Кочубей, Н.С. Мордвинов, Г.С. Салтыков, М.М. Сперанский, А.Е. Чарторыйский и др. И уже в начале правления внука Екатерины Великой Александра Павловича в достаточно официозном «Санктпетербургском журнале», издававшемся при попечительстве самого М.М. Сперанского, охотно печатались русские переводы трудов Дж. Бентама.

А старшим современником Бентама, лично знавшим его и находившимся под его непосредственным влиянием,

был еще один наш соотечественник – первый директор Царскосельского лицея, чей старший сын Иван был чрезвычайно дружен с юным лицеистом Александром Пушкиным – Василий Федорович Малиновский (1765–1814).

Малиновский-старший был также опытным дипломатом, который являлся другом Виктора Павловича Кочубея и участвовал в подписании мира в Яссах во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В.Ф. Малиновский после заключения мира с турками отправился в Англию в качестве члена посольства русской миссии и провел на Британских островах два года – с 1789-го по 1791 г. Это был период, когда Бентам-старший уже вернулся из русского путешествия и, как предполагают многие исследователи, встречался с нашим соотечественником. По крайней мере, как раз в Англии Малиновским и была создана первая часть ставшей весьма популярной у русских читателей уже в первой четверти XIX в. книги – «Рассуждение о мире и войне». Он написал это произведение в возрасте 25 лет, продемонстрировав свою солидарность со многими взглядами Бентама-старшего.

В.Ф. Малиновский исследовал в ней проблему мира и войны и обличал своекорыстие правителей и дипломатов. Его проект, по мнению современных теоретиков международного права, «один из наиболее глубоких проектов». Он излагал фактически демократические взгляды на благоденствие всех народов, а также был сторонником права народов «судить свое правительство». В основе всех конфликтов, как полагал русский мыслитель вслед за своим единомышленником Дж. Бентамом, лежат невежество и корысть.

В.Ф. Малиновский поддерживал также идею международного права, полагая, что государства должны соблюдать общие нормы и придерживаться правового понимания международной политики. Он фактически сторонник принципа императивного обязательства соблюдения международных договоров. Он, как и Джереми Бентам, поддерживал идею постоянной международной организации во главе с Советом и совместными вооруженными силами, чтобы «сохранять общую безопасность и собственность».

В 1803 г. дипломат возвратился в Петербург, и этот период оказался весьма плодотворным для В.Ф. Малиновского, который в течение нескольких лет смог создать несколько интересных работ. Помимо его знаменитого «Рассужде-

ния о мире и войне», труда, начатого еще во время пребывания в Англии, в Ричмонде в 1790 г., в это время выходят «Осенние вечера» – еженедельное издание в восьми номерах. Осмелимся предположить, что то вольнодумство и те идеи, которые олицетворяли и журнал, и книгу, снискали славу не очень удобного автора, что явилось должным основанием для дальнейшего творческого забвения писателя. А ведь именно в «Рассуждении» и в «Вечерах» Малиновский развивает мысли Бентама применительно к России и к складывающейся международной ситуации.

Политическое будущее России и развитие добрососедских отношений с ведущими странами Европы – вот что волновало русского почитателя Дж. Бентама. В «Рассуждении о мире и войне» он писал: «Война заключает в себе все бедствия, коим человек по природе своей может подвергнуться. Она есть адское чудовище, которого следы повсюду означаются кровью, которому везде последует отчаяние, ужас, скорбь, болезни, бедность и смерть...»¹⁰ Заметим, что это писал человек конца века Просвещения, имевший определенный дипломатический и политический опыт, видевший на практике, сколько горя приносит мирным людям война. Те же мысли, что и в «Рассуждении», звучат в отдельных эссе «Осенних вечеров», в том числе в эссе «Любовь России»: «Славою и могуществом своим Россия есть первое государство в свете, соединившись с одним которым Аглинским или Французским, оно может управиться со всею Европою...»¹¹

Мы полагаем, что сам Малиновский являлся не только издателем еженедельника, но и автором его материалов. По крайней мере, содержание эссе «Любовь России» тесно перекликается с мыслями написанной несколькими годами раньше первой части «Рассуждения о мире и войне».

Размышляя о демографических проблемах современного ему российского общества, В.Ф. Малиновский также касался темы особенностей русского характера. Он отмечал как положительные качества русских: они «не злы», но при этом подчеркивал и отрицательные стороны русской души: «бранчливы и насмешливы» и «не оставили ни одного из иноплеменных единоплеменцев без обидного названия – свое полякам, свое лифляндцам, татары – бусурмане, вместо мусульман...»¹²

Как известно, один из главных вопросов, который

волновал Бентама-старшего, – это вопрос о совершенствовании российского законодательства; он обсуждал этот вопрос с различными русскими деятелями. Спустя многие годы после первого знакомства с Россией Дж. Бентам в «Вестминстерском обозрении» в первом номере нового британского журнала, в 1824 г., опубликовал большую статью «Политика и литература в России», выступив в качестве большого знатока не только реальной жизни российского общества, но и его проблем. Общий лейтмотив «Обозрения» – российское общество нуждается в коренных реформах судопроизводства, прессы, образования, а в целом – государственного управления¹³. Точно такие же вопросы волновали и Малиновского, писавшего о том, что «надо учредить законный путь для выявления требований и недостатков всех состояний» России..

Вершиной творчества В.Ф. Малиновского, относящаяся к теме преобразований государственного устройства России, можно считать его неопубликованный дневник, которому он доверял свои самые сокровенные мысли. Впервые выдержки из него были напечатаны в журнале «Голос минувшего» В.И. Семевским в 1915 г. Полностью же текст дневника Малиновского был опубликован в его «Избранных общественно-политических сочинениях», изданных в 1958 г. Институтом философии Академии наук СССР. Подчеркивая традиционность монархии как формы государства, автор акцентировал внимание на необходимости ограничения власти императора от «самопроизвольного делания зла». В дневнике Василий Федорович давал оценку некоторым действовавшим тогда российским институтам власти. Так, к примеру, он критиковал функционирующую в условиях самодержавной политической системы судебную практику, когда множество судей вынуждены «брать взятки» из-за «недостаточнейшего жалованья».

Наконец, в самой развернутой форме В.Ф. Малиновский затрагивал проблему крепостничества и отмены крепостного права. Дело в том, что еще в 1800 г. он благодаря ходатайству своего друга Ф.В. Растопчина, министра коллегии иностранных дел, был назначен на должность генерального консула в Яссах, чтобы содействовать «благоденствию сих земель». И именно здесь им была написана «Записка о освобождении рабов», которая была адресована министру внутренних дел графу В.П. Кочубею. Общий смысл этого

документа заключался в следующем: крепостничество как одна из форм насилия над человеком должно быть отменено. Таким образом, «Записка», сочиненная В.Ф. Малиновским в 1802 г., стала одним из первых проектов отмены крепостного права в России в самом начале XIX в. К идеям, изложенным в «Записке», он неоднократно возвращался в других своих работах, когда главным лейтмотивом стало требование «учредить законный путь для выявления требований и недостатков всех состояний». И вот уже в своем дневнике Малиновский вновь возвращается к проблеме крепостничества и подробно анализирует принятый в 1803 г. закон «о вольных хлебопашцах». Он заключает: «Кто любит добродетель и Отечество, должен стараться о прекращении рабства».

Вообще, В.Ф. Малиновский как последовательный сторонник идей Дж. Бентама полагал, что России недостает нужных законов и просвещения. Именно для совершенствования законодательной системы страны он предлагал учредить принципиально новый орган законодательной власти — «Собрание депутатов». А что касается всей Европы, то согласно русскому мыслителю: «Мир распространит в Европе изобилие и правосудие, составляющее благоденствие народов, он сохранит ее в настоящем состоянии независимости и целости и доведет распространяющееся в ней просвещение до высочайшей степени человеческой мудрости...»

Таким образом, Василий Федорович Малиновский предстает перед своими современниками и потомками в качестве одного из твердых последователей политико-правовых идей английского просветителя Дж. Бентама, ратовавшего за скорейшее преобразование системы управления и судопроизводства России конца XVIII — начала XIX в. На примере анализа политико-правовых идей Бентама и Малиновского можно сделать вывод о том, что политическая программа британского Просвещения в лице Джереми Бентама существенным образом повлияла на российскую, тем самым способствуя подготовке важнейших буржуазных реформ второй половины XIX столетия.

Примечания

¹ См. Джереми Бентам (1748–1832). Каталог выставки, организованной в Библиотеке Российской академии наук / Составители: Г.Н. Питулько и С.Н. Чебанова // Философский век. Альманах. № 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия. СПб., 1999. С. 334–337

² *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении, изданное в свет на французском языке Степ. Дюмоном по рукописям, от автора ему доставленным. Переведенное Михаилом Михайловым. Т. 1–3. СПб., 1805, 1806, 1811.

³ *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.

⁴ *Parekh V.* Introduction // *Bentham's Political Thought.* L., 1973. P. 44.

⁵ См. подробнее: *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 130–135.

⁶ *Tooke W.* View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second and to the Close of the Present Century. 3 vols. L., 1799. V. 2. P. 304.

⁷ *Миранда Франсиско де.* Путешествие по Российской империи / Пер. с исп. М.С. Альперовича, В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М., 2001. С. 62.

⁸ *Покровский П.* Бентам и его время. Пг., 1916. С. 262–263.

⁹ *Миранда Франсиско де.* Путешествие... С. 149.

¹⁰ *Малиновский В.Ф.* Рассуждение о мире и войне. СПб., 1803.

¹¹ Осенние вечера / Под ред. Ф.В. Малиновского. Еженедельное издание. СПб., 1803. № 5. С.33.

¹² Там же. С. 36.

¹³ Подробнее см.: *Покровский П.* Бентам и его время. С. 522–538.

ОБРАЗ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Л. П. КАРСАВИНА

Изучение творчества любого крупного ученого, каким безусловно являлся и А.С. Лаппо-Данилевский, в качестве одного из важных аспектов может включать в себя и освещение восприятия идей и личности этого ученого потомками и современниками. Мы же попробуем рассмотреть только один из аспектов обозначенной темы на сознательно ограниченном, локальном материале. Нас будет интересовать специфика восприятия идей и личности А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) его младшим современником – историком и философом Л.П. Карсавиным (1882–1952). Для характеристики обозначенной темы предлагается последовательно рассмотреть три взаимосвязанных момента. Во-первых, условно говоря, мы пунктиром обозначим пересечение жизненных путей ученых. Во-вторых, следует обратить внимание на тексты, написанные Карсавиным, в которых он так или иначе высказывает свое отношение к личности и творчеству Лаппо-Данилевского. В-третьих, попытаться предложить свою интерпретацию этих текстов. Вернее, кратко обозначить ее направление. Предполагается, что даже предварительное, беглое рассмотрение этого сюжета способно предложить некоторую значимую, интересную информацию как для характеристики личностей обоих ученых, так и для понимания специфики межличностных коммуникаций научного сообщества петербургских историков начала XX в.

В 1901 г. Карсавин поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Лаппо-Данилевский к тому времени, успешно защитив магистерскую диссертацию в 1890 г., был, как известно, приват-доцентом кафедры отечественной истории. По мнению большинства исследователей его творчества, «центр тяжести» научно-организационной работы Лаппо-Данилевского и в этот, и в последующий периоды находился в силу многочисленных причин за пределами университета — в различных

структурах Академии наук¹, где ему в полной мере удалось реализовать свой талант организатора науки. В 1899 г. Лаппо-Данилевский был избран адъюнктом Академии наук, в 1902 г. – экстраординарным, а в 1905 г. – ординарным академиком. По словам А.Е. Преснякова, «А.С. Лаппо-Данилевский так и остался до конца своих дней вне факультета, на ролях приват-доцента. Членом факультета, полноправным и влиятельным в направлении факультетской деятельности, он так и не стал»².

Карсавин специализировался на изучении культуры раннего западноевропейского средневековья под руководством И.М. Гревса, семинарии которого стали для молодого историка основной школой. Лаппо-Данилевский, безусловно, был ему хорошо известен, хотя к непосредственным учителям Карсавина его вряд ли можно отнести. Разница в 17 лет также безусловно влияет на отношение, определяя дистанцию. На уровне идентификации Карсавин должен был относить себя к другому поколению – поколению молодых ученых, «учеников», в иное время входящих в науку. Значимым в этом случае является и то, что Лаппо-Данилевский находился в очень теплых дружеских отношениях с И.М. Гревсом и его женой.

В 1906 г. по окончании университета Карсавин был по ходатайству Гревса оставлен при кафедре для «приготовления к профессорскому званию». В 1913 г. он успешно защитил магистерскую диссертацию, в 1916 г. – докторскую. Параллельно с этим развивалась и преподавательская карьера: с 1909 г. он преподавал на Высших женских курсах, в 1912 г. стал приват-доцентом университета. Хотя профессором университета Карсавина избирают только в 1918 г., в 1920–1921 гг. он исполнял обязанности ректора. В том же 1918 г. избирается «сверхштатным» профессором университета и Лаппо-Данилевский. Работая в одних и тех же структурах, ученые, естественно, должны были соприкасаться друг с другом, теперь уже как коллеги. Так, в 1913 г. Карсавин принимал участие в проходящей под руководством Лаппо-Данилевского организации «предварительного исторического съезда, который должен был определить программу и состав органов»³ IV Международного конгресса историков в Санкт-Петербурге. Но длился этот период недолго. Бурные события политической жизни России сказались и на судьбе

историков. В 1919 г. умирает Лаппо-Данилевский. А в 1922 г. после ареста на «философском пароходе» был вынужден покинуть Россию и Карсавин. Для него начинался совершенно новый этап жизни.

Специальных работ, посвященных Лаппо-Данилевскому, у Карсавина нет. Это само по себе уже показательно. Образ Лаппо-Данилевского приходится реконструировать на основании маргиналий карсавинских текстов. И при этом получается в результате довольно целостный образ, проявляющийся во всех текстах, независимо от их жанра и специфики. Этот образ, сохраняя свою целостность, несколько видоизменяется с течением времени. Для Карсавина Лаппо-Данилевский в первую очередь автор «Методологии истории».

В годы ученичества Лаппо-Данилевский долго был для Карсавина «фигурой умолчания». Первое по времени упоминание о нем содержится в письмах Карсавина своему учителю И.М. Гревсу. В письме от 10 июня 1912 г. он пишет: «...прочтение курса Лаппо меня обозлило. И не догадываюсь, каким образом. Позволю себе объяснить это, набравшись храбрости. Необыкновенно бездарный, бледный курс, 9/10 которого [неразборчиво] переливами из пустого в порожнее и мнимой ученостью, выражающейся в том, что вместо слова “копье” говорится “орудие для передачи кинетической энергии на расстояние”, вместо “лезвие” – “результат приложения сил на одной линии” и т. п. Я просто поражен несоответствием своего высказывания с репутацией почтенного академика... Я помню, как дерзко приближаться к авторитету Л.-Д., но глубоко убежден в своей правоте, в том, что при больших (хотя часто и нудных) знаниях, у него полное отсутствие оригинальной мысли и таланта»⁴.

Мы, безусловно, имеем дело с текстом, написанным в тот период, когда у Карсавина начинает формироваться собственная концепция исторического познания, весьма отличная от той, что была предложена Лаппо-Данилевским⁵. В силу этого Карсавин считает возможным выразить собственное негативное восприятие, невзирая на авторитеты, не столько в плане содержательной полемики, сколько в плане проговаривания общего впечатления. Такой подход, впрочем, вполне укладывается в теоретическую модель Карсавина. Он неоднократно говорил в теоретических трудах о «схватывании» целостного образа, часто интуитивном как про-

дуктивным методе познания. Важным окажется и момент «полемиического» разворачивания собственных взглядов, отталкиваясь от противного. В плане личностного контекста важным, на наш взгляд, оказывается то, что Карсавин делает это в письме к И.М. Гревсу, бывшему одному из немногих близких к Лаппо-Данилевскому людей, впоследствии автору наиболее эмоционального некролога историку. Более того, делает это тогда, когда Гревс является для него самого достаточно близким человеком, к которому он относится с большим уважением и к суждениям которого прислушивается. Впоследствии, как известно, личные отношения Карсавина и Гревса значительно ухудшились⁶.

Второе упоминание о Лаппо-Данилевском является одновременно и первым печатным, т. е. публичным. В приложении к своему учебному пособию «Введение в историю. Теория истории» (1920), характеризуя труды Лаппо-Данилевского по методологии, Карсавин пишет: «Труд покойного академика... представляет собой один из наиболее обширных и систематических курсов по теории и методологии истории... автор предпосылает критико-систематическому изложению подробные историографические и в первой части дает два «построения» теории исторического знания: с номотетической и с идеографической точек зрения... Являясь защитником идеографической точки зрения, А.С. Лаппо-Данилевский старается внести в нее некоторые поправки и выяснить ее основания... Собственное построение автора, на наш взгляд, недостаточно ясно и обоснованно, теряясь в историографических обзорах. В частности, спор между представителями двух главных направлений решается внешне – посредством признания ценности обоих, и единого построения задач и методов истории не дано. Тем не менее книга исключительно полезна богатством и полнотой изложения и рядом критико-историографических обзоров и замечаний. Для всякого, серьезно изучающего вопросы теории истории, она является необходимой. К сожалению, приходится отметить... чрезвычайно тяжелый, можно сказать – «схоластический» язык, требующий от читателя большого внимания»⁷.

Специфика жанра (учебное пособие не поле для полемики) и времени (недавняя смерть Лаппо-Данилевского) требуют от Карсавина сменить тон. Необходимо найти достоинства. Карсавин их находит совершенно искренне и обоснованно.

но. Но в то же время итоговый вывод остается тем же самым: собственной продуктивной теории истории у Лаппо-Данилевского нет! Лаппо-Данилевский, по мнению Карсавина, «вязнет в мелочах», не создав стройной логичной системы.

В важнейшем своем труде по проблемам теории исторического познания, опубликованной уже в Германии книги «Философия истории», Лаппо-Данилевский также представлен в качестве маргинального персонажа. Так, например, выступая против использования модели причинно-следственных связей в истории как важнейшего метода исторического объяснения, Карсавин в качестве негативного примера приводит «ошибочное и необоснованное мнение»⁸ Лаппо-Данилевского. Хотя при этом содержательной полемике с неокантианской концепцией исторического познания уделяется достаточно много места и сил.

Еще раз к образу Лаппо-Данилевского Карсавин обратится в статье «Русская философия истории», написанной им для журнала «Этос» (1925—1926). Ставя Лаппо-Данилевского в один ряд с М.М. Хвостовым и Н.И. Кареевым, Карсавин пишет: «Эта методология представляет собой попытку систематического изложения истории в духе Риккерта. Необыкновенно богатая историографическими анализами, она хотя и пытается развивать принятую теорию до мельчайших подробностей, но страдает педантизмом, недостатком самостоятельности и философского чувства»⁹.

В целом получается, что образ Лаппо-Данилевского в текстах, написанных Карсавиным, оказывается негативным. При этом следует учитывать тот любопытный факт, что научным сообществом историков, в первую очередь столичными историками начала XX в., оба воспринимались в качестве схожих маргинальных фигур, ушедших из чистой истории в философию и поэтому потерявших органическую связь с историей, ставши для истории «неинтересными». Одиночество, обособленность наших героев в академическом мире отмечают И.М. Гревс, говоря о Лаппо-Данилевском, и Н.П. Анциферов, говоря о Карсавине¹⁰. Эта обособленность подчеркивается. Для самих историков подобный «уход» был органическим развитием исторических исследований. И ушли они в разную философию.

Вряд ли можно говорить о «конфликте поколений», поскольку деятельность Карсавина и Лаппо-Данилевского раз-

ворачивается хотя и рамках единого социального поля, но конкурентно не пересекаясь. В содержательном плане — оба «борцы» против «ошибок» позитивистской теории исторического познания, т. е. «делают одно дело». Правда, социальная идентификация Карсавина выстраивается с очевидной опорой на религиозную составляющую, и в этом отношении он сознательно противопоставляет свою позицию светскому либерализму «своих учителей», считавших религию «личным делом» и отдававших предпочтение «религиозному чувству», а не «церковным обрядам». Карсавин, напротив, активно демонстрирует собственную воцерковленность. Но в отношении к Лаппо-Данилевскому этот момент не является определяющим.

Теоретические расхождения концепций исторического познания Карсавина и Лаппо-Данилевского в общих чертах уже реконструированы в статье О.М. Медушевской¹¹. Они, безусловно, весьма значимы. Но столь же значимо и то, что Карсавин уклоняется от содержательной полемики с Лаппо-Данилевским. Вступить в такую полемику, последовательно приводя аргументы «за» и «против», означало для Карсавина «игру на поле соперника», необходимость «размениваться по мелочам» с боязнью потерять при этом главное. Лаппо-Данилевский в текстах Карсавина (совершенно независимо от того, насколько это имеет отношение к реальному Лаппо-Данилевскому) предстает в качестве персонификации «излишней» науки, науки засушенной, оторванной от жизни, т. е. фактически как персонификация одной из сторон современного кризиса исторического знания. Кризиса, который Карсавин своим творчеством старался преодолеть. «Схоластические»¹² трактаты, в которых бы сочетались «наука и жизнь», рациональный дискурс — с интуицией и апелляцией к опытам, Карсавин мог позволить себе писать, лишь развивая собственные взгляды.

В своей работе «Философия истории» Карсавин писал, критикуя «гипертрофированное» развитие «техники исторического исследования»: «Техника историческая развилась; зато угрожает исчезновением сама история... Яд мнимой научной точности проникает глубже: историк считает необходимостью прочесть всю литературу вопроса и, уж конечно, не забывает известить о том — прямо или косвенно — своих читателей, хотя девять десятых ее никому и ни для чего не

нужны»¹³. Очевидно, что эти слова созвучны оценке, даваемой Карсавиным как характеру научной деятельности, так и выводам Лаппо-Данилевского. И в силу этого содержательная полемика с ним непродуктивна. «Романтическая»¹⁴ ре-визия науки толкает Карсавина на создание целостного (и, естественно, негативного) образа человека, стремившегося «излечить науку наукой», «изнутри» опираясь на отрефлек-сированное развитие ее же собственных принципов.

Примечания

¹ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Вып. 1. СПб., 1999; *Он же.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. Сборник научных работ Вып. 1. СПб., 2001; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Брачев В. С.* «Наша петербургская школа историков». СПб., 2002.

² *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 25.

³ *Ростовцев Е.А.* Деятельность... С. 241.

⁴ СПб. ФАРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 135. Л. 125 об.

⁵ Общий анализ концепции исторического познания Л.П. Карсавина см.: *Ястребицкая А.Л.* Лев Платонович Карсавин: творчество историка и историографический процесс // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001; *Степанов Б.Е.* Проблема достоверности в методологии истории культуры Л.П. Карсавина // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. М., 2002; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века. Часть 2. Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. Волгоград, 2000.

⁶ См.: Российская историческая мысль: Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина: Письма И.М. Гревсу (1906–1916). М., 1994.

⁷ *Карсавин Л.П.* Введение в историю. Теория истории. Пг., 1920. С. 49–50.

⁸ *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 22.

⁹ *Карсавин Л.П.* Русская философия истории // Ступени. Философский журнал. СПб., 1992. № 3. С. 41.

¹⁰ См.: *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 54; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1991. С. 281.

¹¹ См.: *Медушевская О.М.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археогра-

фический ежегодник за 1994 г. М., 1996; Ср.: *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С. 45–46.

¹² О схоластическом стиле Карсавина писали многие его критики. См., например: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX в. Ч. 2. Л., 1931.

¹³ *Карсавин Л.П.* Философия истории. С. 216–217.

¹⁴ *Степанов Б.Е.* Проблема достоверности в методологии истории культуры Л.П. Карсавина. С. 205.

П. А. Трибунский (Рязань)

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

В 1941 г. для централизованного хранения «литературных фондов» был создан Центральный государственный литературный архив СССР (с 1952 г. – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР). В 1992 г. хранилище приобрело современное название – Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Основу архива составляют материалы, собранные из разных архивохранилищ Советского Союза. В числе фондообразователей архива – писатели, артисты, художники, деятели культуры и науки, общественные и государственные организации.

Осенью 2002 г. нами была проведена работа по выявлению материалов о жизни и деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в РГАЛИ. Наличие документов, так или иначе связанных с Лаппо-Данилевским, отмечено в 14 фондах. Среди них – 13 личных фондов и 1 фонд общественной организации. Удалось изучить 13 фондов. Один личный фонд (С.Д. Мстиславского (Масловского)) закрыт родственниками фондообразователя на неопределенное время¹. В одном из обследованных фондов (И.А. Шляпкин) временно недоступен для исследователей дневник фондообразователя².

Характер обнаруженных материалов следующий. В подавляющем большинстве просмотренных фондов (в 12 из 13) содержатся исключительно письма Лаппо-Данилевского своим корреспондентам. В фонде историка и литературоведа И.А. Шляпкина обнаружено письмо с упоминанием Лаппо-Данилевского³. В собрании В.Г. Дружинина, помимо эпистолярных материалов, находятся многотомные мемуары, ряд страниц которых посвящен Лаппо-Данилевскому. Последним мы намереваемся посвятить отдельную работу.

В настоящем обзоре будет сделана попытка рассмотреть содержание сохранившихся в РГАЛИ писем Лаппо-Данилевского и вписать их в контекст биографии и деятельности историка. Всего обнаружено 105 писем Лаппо-Данилевского 13 адресатам. Их хронологический диапазон – 1886–1918 гг. Подавляющая часть писем относится к 1900–1910 гг. Почти все они носят деловой характер и невелики по объему. В девяти фондах число писем от 1 до 3. Лишь в трех фондах (В.Г. Дружинин, С.П. Мельгунов, В.И. Саитов) письма Лаппо-Данилевского составляют большие комплексы:

Фонд	Количество писем	Крайние даты
Ф.87 (Н.П. Барсуков)	1	1896
Ф.95 (А.Л. Волынский)	2	1918
Ф.167 (В.Г Дружинин)	50	1889–1893, 1902–1904, 1907, 1909–1911, 1913 26 недатированных писем за вторую половину 1880–1900 гг., в том числе одно письмо С.Ф. Платонову
Ф.305 (С.П. Мельгунов)	26	1909–1918
Ф.436 (И.И., В.И., И.И. Срезневские)	1	1914
Ф.437 (В.И. Саитов)	16	1909–1917
Ф. 442 (М.К. и Т.О. Соколовские)	1	1916
Ф.461 (П.К. Симони)	1	1915
Ф.1277 (В.Н. Перетц)	3	1918
Ф.1691 (Л.Ф. Пантелеев)	1	1895
Ф.2032 (А.К. Дживилегов)	2	1910
Ф.2176 (Санкт-Петербургское религиозно-философское общество)	1	1914

Рассмотрим в хронологическом порядке содержащиеся в обнаруженных материалах сведения о жизни и деятельности Лаппо-Данилевского. Обзор будет начат с фондов, содержащих небольшие по объему комплексы документов, после чего будет уделено внимание фондам В.Г. Дружинина, С.П. Мельгунова, В.И. Сайтова.

Одно из наиболее ранних посланий Лаппо-Данилевского в РГАЛИ сохранилось в фонде историка *В.Г. Дружинина*. Это малоизвестное письмо Лаппо-Данилевского С.Ф. Платонову, датируемое второй половиной 1880-х гг. Письмо помечено 10 января. Хронологические рамки можно несколько сузить: в письме упоминается дочь Платонова Нина, появившаяся на свет 26 мая 1886 г., т. е. письмо написано в 1887 г. или позже. Для более точной датировки данных обнаружить не удалось. Не вполне понятно и то, каким путем письмо Лаппо-Данилевского Платонову оказалось в фонде Дружинина.

В письме Платонову Лаппо-Данилевский сообщает о своем посещении библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии и работе с одним из рукописных сборников («Соф. № 1468»). Лаппо-Данилевский сообщает адресату имя переписчика (инок Кириллова монастыря Гурий), приводит перечень произведений, помещенных в сборнике, датируя его первой половиной XVI в. Изучение данного сборника не дало Лаппо-Данилевскому положительных результатов («в нем нет того, что нужно»), на которые он рассчитывал. Из письма явствует, что Платонов сообщил Лаппо-Данилевскому об одной из хозяйственных книг, хранившихся в библиотеке. Как писал Лаппо-Данилевский, он «постиг... всю прелесть указанной мне Вами хозяйственной книги, относящейся как раз к тому времени, которым занимаюсь». Письмо относится к тому периоду, когда между Платоновым и Лаппо-Данилевским не было серьезных расхождений и разногласий, и последний, интересуясь днем заседания «кружка русских историков», охотно их посещал⁴.

В фонде революционера и издателя *Л.Ф. Пантелева* находится письмо Лаппо-Данилевского от 19 мая 1895 г. Автор сообщает о желании двух студентов, оканчивающих курс в Санкт-Петербургском университете, «взяться по моей рекомендации и под моим наблюдением за перевод небольшой книжки Keynes'a "The Scope and Method of Political

Есоному"»⁵. Лаппо-Данилевский предложил Пантелееву издать перевод, но ответа не получил. В том же году Лаппо-Данилевский пытался выяснить через своего друга В.И. Вернадского, не найдутся ли в Москве желающие издать означенный перевод⁶. Этот перевод не был осуществлен и напечатан. Указанная книга Кейнса в другом переводе вышла в московской серии «Научно-образовательная библиотека» в 1899 г.⁷

В фонде историка *Н.П. Барсукова* отложилось одно небольшое письмо Лаппо-Данилевского 1896 г. Предыстория его появления такова. Археографическая комиссия на заседании 7 февраля 1895 г. поручила Лаппо-Данилевскому редакцию издания «Писцовой и переписной книг XVII в. по Нижнему Новгороду». На заседании комиссии 29 апреля 1896 г. Лаппо-Данилевский прочел предисловие к публикации писцовой и переписной книги. Было постановлено «за сделанными со стороны некоторых членов замечаниями одобрить это предисловие к напечатанию»⁸. Присутствовавший на заседании комиссии Н.П. Барсуков в письме Лаппо-Данилевскому от 29 апреля сообщил, что «П.И. Мельников в 1846 году пользовался ныне Вами издаваемыми нижегородскими писцовыми книгами», дав отсылку на собственную работу (*Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина*. СПб., 1894. Кн.8. С. 411–413). В письме от 1 мая Лаппо-Данилевский поблагодарил Барсукова «за сделанные... указания», сообщив, что не преминет «ими воспользоваться при печатании моего предисловия к писцовой книге»⁹. Свое обещание Лаппо-Данилевский сдержал, отметив в предисловии к публикации источника, что он уже был объектом изучения со стороны П.И. Мельникова¹⁰.

В двух кратких письмах *А.К. Дживелегову* от 16 и 24 июня 1910 г. обсуждаются технические вопросы, связанные с подготовкой Лаппо-Данилевским к печати работы «Екатерина II и крестьянский вопрос»¹¹. Предложение подготовить статью на подобную тему для первого тома юбилейного сборника «Великая реформа» поступило в октябре 1909 г. от С.П. Мельгунова (см. ниже). Сборник готовился Исторической комиссией учебного отдела Общества распространения технических знаний, членами которой были Дживелегов и Мельгунов. Оба участвовали в подборе авторов и редактировании поступивших рукописей. Письма свидетельствуют о щепетильном

отношении Лаппо-Данилевского к корректуре подготовляемых работ. Необходимость неоднократного просмотра корректуры обусловила назначение новых сроков представления работы и, соответственно, ее печатания.

В кратком письме ученому хранителю Рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук *В.И. Срезневскому* от 26 февраля 1914 г. Лаппо-Данилевский просил оказать содействие Ф. Голдеру «в разыскании архивных материалов, касающихся истории Америки и Русско-Американских отношений»¹². Это небольшое послание ценно для восстановления обстоятельств научной командировки Голдера, представителя бюро исторических исследований института Карнеги (Вашингтон, США). Многолетний проект Института предусматривал изучение архивов в разных странах мира с целью учета и приведения в известность материалов по американской истории. Первоначально предложение заняться выявлением документов по истории Америки в русских архивах было сделано П.Н. Милюкову (1905 г.)¹³, но последний не принял его. Следующий подходящий кандидат появился только спустя несколько лет. Приехавший в Россию Голдер находился под внимательной и чуткой опекой Лаппо-Данилевского, который всячески способствовал исследованиям американца. В изданном путеводителе по материалам для американской истории в России Голдер отметил ценную помощь со стороны А.С.¹⁴

Письмо Лаппо-Данилевского от 23 апреля 1914 г. обнаружено в фонде *Петербургского религиозно-философского общества*. Поблагодарив секретаря К.А. Половцеву за приглашение на заседание общества, Лаппо-Данилевский просил снять упоминание своего имени в повестке предстоящего собрания. На 25 апреля в обществе было намечено выступление немецкого философа Германа Когена с лекцией «Сущность еврейской религии». Лаппо-Данилевский сообщил Половцевой, что «никогда не занимался темой доклада проф[ессора] Когена и не могу считать себя подготовленным для ее обсуждения». В газетном отчете о заседании религиозно-философского общества 25 апреля среди выступавших в прениях после доклада Г. Когена имени Лаппо-Данилевского не значится¹⁵.

В кратком послании от 4 ноября 1915 г. Лаппо-Данилевский интересовался у библиографа *П.К. Симони*, не у

него ли находится один из необходимых ему номеров журнала «Русский вестник» за 1858 г.¹⁶

Письмо от имени Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов при имп. Русском историческом обществе было отправлено 15 октября 1916 г. председателю вновь образованной Петроградской ученой архивной комиссии, библиографу и историку литературы *М.К. Соколовскому*. Письмо за подписью секретаря Особой комиссии Лаппо-Данилевского сообщало о ее создании¹⁷.

Три письма Лаппо-Данилевского за 1918 г. литературоведу *В.Н. Перетцу* добавляют новые детали к истории одного из неосуществленных академических проектов. Созданная в 1916 г. имп. Академией наук Комиссия по культурному сотрудничеству с союзниками выступила с предложением издать сборник «Русская наука», подводивший итоги развития разных отраслей знаний в стране. Проект возглавил Лаппо-Данилевский, составивший план сборника (июнь 1917 г.) и приступивший к приглашению авторов. Раздел «Русский язык и литература в связи с их историей» был поделен между академиками А.А. Шахматовым и В.М. Истриным¹⁸. В первом письме Перетцу (февраль–март 1918 г.) Лаппо-Данилевский сообщал, что Истрин, «взявшись было за составление очерка по истории литературы... [был] вынужден отказаться от него, т. к., проживая в Серпухове, не имеет под рукой нужных книг». Лаппо-Данилевский настоятельно просил Перетца принять участие в написании очерка для сборника, тем более ценно, что адресат был знаком и с историей украинской литературы. Очерк должен был сопровождаться указателем «*главнейших* трудов по библиографии предмета», который мог дать «наглядное понятие о движении данной науки»¹⁹.

Перетц ответил согласием на предложение Лаппо-Данилевского. Об этом было официально сообщено на общем собрании Российской академии наук 7 (20) апреля 1918 г. Письмо Лаппо-Данилевского от 27 марта посвящено прояснению ряда вопросов, возникших у нового участника проекта. Прежде всего Перетц интересовался тем, стоит ли ему принимать во внимание «итоги» или «положительные приобретения изучений истории русской литературы». Не будучи специалистом по русской литературе XIX в., Перетц выражал сомнение в своей возможности подготовить квалифицирован-

ный материал по этому периоду. В ответ на первый вопрос Лаппо-Данилевский указал, что в очерке необходимо отметить (хотя бы в главнейших чертах), «в чем именно заключалось движение данной науки и в какой зависимости последующие ее моменты находились от предшествующих». Лаппо-Данилевский от имени комиссии просил Перетца взять на себя и XIX в., так как «дробить изложение и разделять его между двумя лицами» было бы нежелательно. Лаппо-Данилевский надеялся получить очерк Перетца в августе или сентябре, сделав поправку на обстоятельства революционного времени («если все мы будем живы») ²⁰.

Последнее письмо Лаппо-Данилевского Перетцу не датировано, но, скорее всего, относится к осени 1918 г. Оно появилось как ответ на сомнения Перетца, выраженные в одном из писем, о возможности выполнения взятых на себя обязательств. Судя по ответу Лаппо-Данилевского, Перетц считал, что не успеет в такие сжатые сроки подготовить очерк, дополнив его библиографическими указаниями. Лаппо-Данилевский стремился развеять страхи своего адресата. Он сообщал, что хотя набор сборника после летнего простоя академической типографии уже начался, но очередь очерка истории русской литературы «еще не так скоро настанет». Это, по мнению Лаппо-Данилевского, давало Перетцу возможность подготовить указанный очерк («по крайней мере, в общих чертах»), печатание которого предполагалось начать в январе 1919 г. Такая отсрочка позволяла навести дополнительные справки для очерка, равно как и подобрать по просьбе Перетца необходимую библиографию в Петрограде ²¹. Обстоятельства сложились так, что очерк В.Н. Перетца не был подготовлен к сроку. Что до самого сборника «Русская наука», то в условиях революционного времени его публикация оказалась невозможной.

Два письма журналисту *А.Л. Волынскому* относятся к июлю 1918 г. Последний просил Лаппо-Данилевского дать какой-нибудь материал для газеты. (Речь идет о вечернем выпуске «Новых ведомостей», который стал выходить после запрещения советской властью «Биржевых ведомостей», где прежде работал Волынский.) Эта просьба пришла 1 июля, и в тот же день Лаппо-Данилевский ответил, что «на днях» вышлет в редакцию статью «о плане учреждения Института социальных наук в Петрограде». Подоб-

ная оперативность объяснялась тем, что незадолго до предложения Волынского Лаппо-Данилевский выступил на общем собрании Российской академии наук 5 (18) июня 1918 г. с запиской об институте социальных наук²². Желая, чтобы его предложение получило общественный резонанс, Лаппо-Данилевский пошел на сотрудничество с газетой, чего он обычно избегал.

С письмом от 11 июля 1918 г. Лаппо-Данилевский выслал Волынскому внушительную по объему статью, предложив не разбивать ее на две части. Академик, упоминая о «желательности распространить мою заметку в некоторых кругах», просил сообщить ему дату выхода номера со статьей, дабы он мог купить несколько экземпляров. Идея Лаппо-Данилевского о создании института не нашла поддержки у новой власти²³. Просмотр подшивки «Новых ведомостей» убедил, что статья Лаппо-Данилевского по каким-то причинам не была опубликована. А 3 августа 1918 г. газета вообще была закрыта советской властью.

Рассмотрев небольшие по объему материалы о жизни и деятельности Лаппо-Данилевского в десяти фондах, обратимся к трем фондам, содержащим внушительные эпистолярные комплексы.

В фонде библиографа, заведующего Русским отделением имп. Публичной библиотеки *В.И. Саитова* отложилось 16 писем Лаппо-Данилевского, относящихся к 1909–1917 гг. Все они носят деловой характер, многие датированы, в основном написаны на визитных карточках. В девяти посланиях Лаппо-Данилевский просит Саитова допустить к работе в отделении или оказать содействие лицам, так или иначе связанных с проектами имп. Академии наук или лично с Лаппо-Данилевским. Среди тех, за кого ходатайствовал Лаппо-Данилевский, А.И. Андреев, Г.В. Вернадский, Ф. Голдер²⁴ и др.

Письмо от 15 марта 1914 г. позволяет утверждать, что избрание Лаппо-Данилевского в действительные члены имп. Русского исторического общества, состоявшееся 13 марта 1914 г., прошло не без содействия Саитова. Поблагодарив за хлопоты, связанные с избранием, Лаппо-Данилевский спрашивал совета у Саитова, кому и в какой форме он должен выразить свою благодарность за оказанную честь. Академик уточнял: «...являться ли мне к Великому князю [председате-

лю общества в. кн. Николаю Михайловичу], когда и в каком виде (т. е. форме одежды)? И достаточно ли такой явки?»²⁵

Три письма (за 1915–1917 гг.) связаны с участием Лаппо-Данилевского в деятельности Русского исторического общества и, в частности, в составе Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов. В члены Особой комиссии Лаппо-Данилевский был избран 12 января 1915 г. Через 19 дней он стал секретарем комиссии, сменив на этом посту скончавшегося С.М. Середонина. В письме Саитову от 11 апреля 1915 г. Лаппо-Данилевский просил выслать протокол заседания общества или выписку из него, где речь шла о предложении А.Н. Филиппова «о составлении списка трудов комиссии: она нужна для заседания особой комиссии». В письме от 8 марта 1916 г. обсуждался вопрос о присылке Лаппо-Данилевскому корректуры его статьи «Участие общества в правильной постановке архивного дела в России», помещенной в юбилейном сборнике Русского исторического общества. При письме Саитову от 27 апреля 1917 г. Лаппо-Данилевский посылал краткий отчет о деятельности Особой комиссии, добавляя, что «за последние месяцы особая комиссия сделала немного. Если будете упоминать о затруднительных условиях работы в военное время, внесите что-нибудь подобное и в начало или конец моего отчета»²⁶. Это последнее из сохранившихся писем Лаппо-Данилевского Саитову.

В фонде историка и общественного деятеля *С.П. Мельгунова* отложились 26 писем Лаппо-Данилевского за 1909–1918 гг. Они в основном посвящены подготовке Лаппо-Данилевским ряда работ для изданий, в редактировании которых принимал участие Мельгунов.

Первое письмо Лаппо-Данилевского датировано 30 октября 1909 г. Оно появилось как ответ на предложение Мельгунова написать статью на тему «Екатерина II и крестьянский вопрос» для первого тома юбилейного сборника «Великая реформа» (о сборнике см. выше). Лаппо-Данилевский, вполне сочувствовавший проекту, согласился подготовить указанную статью, отметив, что «больше я, к сожалению, обещать не могу». Вероятно, Мельгунов предлагал Лаппо-Данилевскому еще какие-то формы сотрудничества в сборнике. Академик просил разъяснить ряд возникших у него затруднений. Прежде всего возможность изменения назва-

ния работы, если он придумает «что-либо более подходящее к содержанию предполагаемой статьи». Лаппо-Данилевского смущало то, что он еще в 1905 г. в «Очерке истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» касался тех же вопросов, которые предстояло осветить в новом сборнике. Академик опасался, что не сможет удовлетворить требованию Мельгунова «звести живость изложения», признавая ее желательность. Лаппо-Данилевский не настаивал на своей кандидатуре в качестве заявленного очерка, оговаривая, что, если Мельгунову «попадется более подходящий, чем я, сочинитель, приглашайте его взамен меня». Лаппо-Данилевский предложил Мельгунову предусмотреть в сборнике очерк по истории украинских крестьян, что и было сделано (статья Н.П. Василенко).

Второй вопрос, поднятый Мельгуновым, касался возможности проведения исследований в Синодском архиве. Лаппо-Данилевский выражал сомнения в осуществимости такого предприятия, но от помощи не отказался. В письме от 24 февраля 1910 г. наведший необходимые справки Лаппо-Данилевский сообщал, что попасть в указанный архив будет достаточно сложно, даже в случае ходатайства от имп. Академии наук. Руководство архива обязательно постарается узнать, не агент ли старообрядцев Мельгунов, и не хочет ли проявить неуважение к церкви. Лаппо-Данилевский предлагал повременить с этим делом до той поры, пока у Мельгунова не появятся какие-нибудь научные работы, снабженные ученым справочным аппаратом²⁷. В наиболее полной биографии Мельгунова его работа в Синодском архиве не отмечена²⁸. Анализ его работ по истории русских религиозно-общественных движений показал, что все они построены исключительно на опубликованных материалах²⁹.

Пять писем посвящены обстоятельствам подготовки статьи для юбилейного сборника. В письме от 19 мая 1910 г. Лаппо-Данилевский сообщал, что еще не начал работу над очерком. Он писал Мельгунову: «Если Вам удобнее выбросить мою статью из Вашего сборника, то, конечно, я против этого ничего не имею». В противном случае Лаппо-Данилевский обещался подготовить свой труд в течение июня. В заключении Лаппо-Данилевский настойчиво предлагал поручить «составление статьи кому-нибудь другому». Очерк был подготовлен Лаппо-Данилевским в июне и выслан 16-го чис-

ла, но вот далее начались недоразумения с редакцией сборника. Лаппо-Данилевский почти два месяца дожидался присылки гранок. Столь поздняя присылка первой корректуры вызвала письмо от 31 августа 1910 г., где академик недвусмысленно писал Мельгунову: «Если Вы не можете прислать мне еще одной корректуры, то лучше статьи не печатать». Резкие слова вызвали объяснения с Мельгуновым, в ходе которых Лаппо-Данилевский (письмо от 3 сентября) разъяснил и смягчил свою позицию, заметив, что о «непечатании статьи я просил, опасаясь, что Вы чрезмерно спешите и что я задержу Вас». Академик обещал не задерживать корректуры, ограничившись мелкими исправлениями. Принципиальная позиция Лаппо-Данилевского сыграла свою роль, и в письме от 9 сентября он уже сообщает о получении части корректур. Вторая часть пришла 11-го числа. Весьма тщательно относившийся к корректуре собственных работ, Лаппо-Данилевский (письмо от 12 сентября) настойчиво напоминал Мельгунову, чтобы «все сделанные мною исправления действительно были исправлены: иначе могут оказаться ошибки в тексте». Понимая, что еще одну корректуру ему не вышлют, Лаппо-Данилевский просил «наблюдсти за тем, чтобы все было сделано». Осознавая, что его правка «превышает меру дозволенного», Лаппо-Данилевский соглашался уплатить за возможную переверстку³⁰. В конце концов все закончилось благополучно, и статья Лаппо-Данилевского была опубликована в сборнике «Великая реформа».

От ряда мероприятий и издательских проектов, предложенных Мельгуновым, Лаппо-Данилевский отказался. Так, он не принял участие в сборнике по истории Отечественной войны 1812 г., редактированием которого занимался Мельгунов. Не подготовил статью по русской истории для журнала «Голос минувшего» (Москва), которую обещал В.И. Семевскому, соредактору Мельгунова. Лаппо-Данилевский не смог приехать на вечер памяти В.О. Ключевского, в числе организаторов которого был Мельгунов, но поучаствовал в памятном сборнике. Подготовив к марту 1918 г. статью «Россия и Голштиния», Лаппо-Данилевский первоначально предложил ее для «Голоса минувшего». Но в письме от 22 сентября 1918 г. академик попросил разрешения у Мельгунова напечатать обещанный труд в петроградском издании, ссылаясь как на некоторые особенности работы (предмет ста-

тьи, объемные примечания), так и на затруднительность в пересылке рукописи и получение корректур. В результате первая часть очерка «Россия и Голштиния» была напечатана в «Историческом архиве»³¹.

Обещание Лаппо-Данилевского Мельгунову («если... у меня окажется что-либо годное для Вашего журнала по части общей теории») частично оказалось выполненным. О прочтении академиком доклада «Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований» на международном историческом конгрессе в Лондоне (1913 г.) стало известно Мельгунову, предложившему напечатать его в «Голосе минувшего». Лаппо-Данилевский, прочитавший доклад на французском языке, посчитал такую публикацию возможной, но предварительно хотел оговорить это с редактором сборника докладов историко-юридической секции П.Г. Виноградовым. Виноградов не стал возражать. Сведения о начале перевода доклада с французского на русский язык содержатся в письме Лаппо-Данилевского от 26 февраля 1914 г. Автор сделал несколько частных изменений в тексте. В ряде писем обсуждаются технические детали подготовки доклада к печати. Как всегда, Лаппо-Данилевский писал о необходимости исправления всех погрешностей, отмеченных им в корректуре. Он просил максимально возможное количество оттисков (французский текст доклада он никому не отсылал), изъявляя готовность оплатить изготовление дополнительных (до 50). Но количество оттисков оказалось минимальным³².

Отдельным вопросом в письмах Лаппо-Данилевского Мельгунову стала судьба архива и библиотеки скончавшегося в 1916 г. В.И. Семевского, а также мемориальные мероприятия его памяти. Узнав, что вдова Семевского Е.Н. Водовозова собралась передать архив и библиотеку мужа Мельгунову, Лаппо-Данилевский выразил желание встретиться с ним по этому делу. Вероятно, на этой встрече зашел разговор о создании фонда памяти В.И. Семевского. В письме от 29 декабря 1916 г. Лаппо-Данилевский сообщал Мельгунову, что он «с удовольствием готов присоединить под письмо по поводу образования этого фонда и мое имя». В результате подпись Лаппо-Данилевского появилась под обращением группы российских интеллектуалов, напечатанном в журнале «Голос минувшего». Инициаторы обращения сообщали

о своем желании учредить при одном из ученых обществ премию В.И. Семевского за исследования по истории русской общественности, а также стипендию его имени на историко-филологическом факультете Петроградского университета³³.

В письмах Лаппо-Данилевского Мельгунову рассеяны любопытные детали распространения его произведений, обстоятельств подготовки им своих работ. Так, в письме от 17 января 1913 г. он сообщал Мельгунову, что у него не осталось экземпляров второго выпуска «Методологии истории», «которые очень скоро расхватили». Печатание второго издания первого выпуска «Методологии истории» (1914 г.), по словам Лаппо-Данилевского, «очень мучает меня». Он предполагал завершить публикацию к осени того же года. В письме от 28 июня 1917 г. Лаппо-Данилевский рекомендовал Мельгунову Н. Забугина, который был заинтересован «в образовании в Риме Русского института»³⁴.

Наибольшее количество писем Лаппо-Данилевского сохранилось в фонде историка и археографа *В.Г. Дружинина*. Частые личные контакты и проживание в одном городе привели к тому, что большое количество сохранившихся писем (около 40 %) малоинформативны. Как правило, в подобных посланиях Лаппо-Данилевский просит вернуть книги, назначает место и дату встречи и т. д. Совместная деятельность Лаппо-Данилевского и Дружинина в ряде научных учреждений Санкт-Петербурга позволяет сгруппировать и рассмотреть письма по нескольким направлениям (Русское археологическое общество, Археологическая комиссия, Археологическая комиссия, Академия наук).

Рассмотрение писем Лаппо-Данилевского Дружинину начнем с трех писем 1886 г. и двух посланий 1890 г., которые могут быть охарактеризованы как личные, нежели как деловые. Все три недатированных письма за 1886 г. отправлены Дружинину из Москвы, где Лаппо-Данилевский занимался в архивах по теме магистерской диссертации. Они содержат ряд интересных деталей как по обстоятельствам пребывания Лаппо-Данилевского во второй столице, так по его характеристикам московских архивистов. Письма пропитаны добрым отношением к членам «кружка русских историков», участником которого на первых порах был и Лаппо-Данилевский. Лаппо-Данилевский упоминает о поручениях С.Ф. Платонова, М.А. Дьяконова, Е.Ф. Шмурло, которые он или испол-

нил, или убедился в необходимости личного присутствия заинтересованного лица. Лаппо-Данилевский с нетерпением ожидает возможности встретиться с Дружининым, признаваясь, что «соскучился тут порядком, почти в полном одиночестве».

О своих занятиях Лаппо-Данилевский сообщает своему адресату немного: «Работы мои идут кое-как. Давеча просмотрел каталог все в 1-м и 2-м отделении. Ожидал большего». В другом месте Лаппо-Данилевский упоминает, что «в субботу [когда хранилище официально было закрыто для исследователей] я действительно выпросил позволения работать в архиве».

В одном из писем Лаппо-Данилевский дает интересную зарисовку нравов. Так, сотруднику Московского архива Министерства юстиции И.Н. Николеву молодой Лаппо-Данилевский «преподнес маленькую шпильку»: «При первом знакомстве он не поздоровался как следует. В следующий раз протянул было руку, а я как будто и не заметил». Добродушный директор архива Н.А. Попов получает неодобрительную характеристику в устах Лаппо-Данилевского: он, «по обыкновению, толст и противен».

Две записки 1890 г., составленные в полусуфликовой форме, приглашали Дружинина и членов «кружка» на лекции Лаппо-Данилевского. Первая лекция о податных классах должна была состояться в Петербургском археологическом институте 25 января. Лаппо-Данилевский хотел предупредить «гг. историков, что они нового в этом реферате ничего не услышат и только будут жалеть, что приехали, буде кто из них потщится совершить такого рода подвиг». Свою вступительную лекцию в Историко-филологическом институте (сентябрь) Лаппо-Данилевский также самоуничижительно не рекомендовал посещать³⁵.

Комплекс писем, относящихся до имп. Русского археологического общества, насчитывает 12 писем. Из них лишь одно датировано. Протоколы общества позволили датировать остальные (иногда с точностью до месяца и даже недели). Основные темы, поднимаемые в письмах, касаются чтения рефератов в заседаниях отделения славянской и русской археологии, подготовки работ к печати, технических вопросов.

Протоколы Русского археологического общества свидетельствуют, что Лаппо-Данилевский стал посещать его заседания в качестве гостя еще в 1886 г. 21 октября 1888 г. он

был избран членом-сотрудником, а 23 февраля 1889 г. – действительным членом общества. В последующие семь лет он принял активное участие в деятельности общества, особенно отделения русской и славянской археологии.

Письмо от 26 октября 1890 г. позволяет уточнить обстоятельства избрания Лаппо-Данилевского секретарем отделения русской и славянской археологии. До него эту должность занимал В.Г. Дружинин. 13 апреля 1890 г. он был выбран в секретари общества. Между Дружининым и Лаппо-Данилевским произошел какой-то разговор, где первый, вероятно, пытался убедить Лаппо-Данилевского дать согласие на баллотировку на освободившуюся должность. Видимо, Лаппо-Данилевский согласился, но чуть позже спохватился, что, «быть может, неловко исправлять секретарские обязанности в двух обществах». Лаппо-Данилевский имел в виду то, что он был избран 6 декабря 1889 г. в члены комитета Исторического общества и при распределении обязанностей стал секретарем общества. Признаваясь, что он «не мастер на такого рода соображения», Лаппо-Данилевский давал Дружинину карт-бланш. Как результат, Лаппо-Данилевский был избран в секретари отделения буквально на следующий, после письма, день – 27 октября 1890 г.³⁶

По истечении первого срока Лаппо-Данилевский был избран 26 ноября 1893 г. секретарем отделения вторично. Его письмо секретарю общества Дружинину от 21 ноября позволяет утверждать, что и на этот раз не обошлось без предварительного неформального обсуждения ситуации. Судя по письму, Дружинина интересовало, готов ли Лаппо-Данилевский быть секретарем отделения. Последний ответил согласием, добавив, что если дела отделения «пока идут неважно, то в этом едва ли могу винить себя». Лаппо-Данилевский надеялся, что «это положение не безнадежно и за последние два года все же вижу маленький успех в нашей деятельности»³⁷.

Письмо, написанное между 9 и 14 февраля 1895 г., позволяет не только ответить на вопрос о причине единственного пропуска Лаппо-Данилевским заседания отделения русской и славянской археологии в этом году, но и добавляет ряд штрихов к взаимоотношениям его с С.Ф. Платоновым. Лаппо-Данилевский сообщил Дружинину о своей случайной встрече 9 февраля с Платоновым, который «заявил мне»,

что заседание отделения назначено на 14-е число, вторник. Лаппо-Данилевский утверждал, что «об этом *ничего* не знал, пока не видался с Платоновым». Масла в огонь добавил отказ Платонова перенести заседание, хотя Лаппо-Данилевский еще за полмесяца до этого назначил студенческую беседу именно на 14 февраля. Желая объяснить причины своего отсутствия, Лаппо-Данилевский и написал указанное письмо секретарю общества. Подобные отношения между управляющим отделением (Платонов возглавил его 6 апреля 1894 г.) и его секретарем вряд ли могут быть признаны нормальными.

После этого случая Лаппо-Данилевский оставался секретарем отделения до конца срока. На заседании 10 декабря 1896 г. он попросил освободить его от должности. Вместо него в секретари был выбран С.М. Середонин, близкий Платонову человек³⁸. Стоит ли говорить, что в следующем, 1897 г., Лаппо-Данилевский не был ни на одном заседании отделения славянской и русской археологии.

Важной составляющей деятельности любого научного общества того периода было чтение рефератов и сообщений на заседаниях. Впервые подобный вопрос поднимается в письме от 8 ноября 1889 г. Лаппо-Данилевский изъявлял готовность прочесть в ближайшем собрании отделения славянской и русской археологии сообщение «Значение писцовых книг для русской археологии» (или, «если это не по вкусу», «О городском и острожном деле в XVII в.»). В протоколах чтение Лаппо-Данилевским указанных рефератов не отмечено. В письме 1892 г., обсуждая программу ближайшего собрания отделения (9 декабря), Лаппо-Данилевский указал, что «материала будет довольно для того, чтобы заполнить заседание». Помимо сообщения В.Г. Дружинина о его раскопках городища близ кыштымского завода, в заседании должны были прозвучать два реферата А.И. Соболевского. В случае, если вышеупомянутые доклады оказались бы небольшими по объему, Лаппо-Данилевский соглашался ознакомить собравшихся с работой, посвященной анализу состава и происхождения металлов – «бывших в употреблении у жителей Кубанской области» в IV–III вв. до н. э. Данный реферат был основан на результатах исследования находок из кургана Карагодеуашх (см. ниже). Однако читать Лаппо-Данилевскому «третье немалое и прескучное» (по его собственной характеристике) сообщение не пришлось. В дру-

гом письме (апрель 1893 г.) Лаппо-Данилевский сообщал о реферате А.А. Спицына, который он подкорректировал и был готов прочесть. На заседании отделения славянской и русской археологии 15 апреля 1893 г. Лаппо-Данилевский прочел реферат отсутствовавшего Спицына о мордовских могильниках IX–XVII вв.³⁹

В письмах к Дружинину немалое место уделено публикации работ Лаппо-Данилевского. Одна из них, рецензия на труд А.М. Сементовского «Белорусские древности», появилась как результат участия Лаппо-Данилевского в действиях комиссии по присуждению медалей Русского археологического общества. В 1890 г. Лаппо-Данилевским, как членом комиссии, был составлен отзыв на сочинение Сементовского, который и был послан Дружинину. Рецензент предлагал поместить его или в «Записках», или «Журнале Министерства народного просвещения», или «Библиографе». Два последних места публикации вызывали у Лаппо-Данилевского сомнения («не знаю, насколько это удобно по отношению к медальной комиссии»). В конце концов рецензия была напечатана в «Записках» Русского археологического общества⁴⁰.

Другая (неопубликованная) работа Лаппо-Данилевского была подготовлена в ходе изучения рукописи Я. Лазаревского, посвященной могиле скифского царя (Александропольский курган), а также рисунков найденных древностей. Желая сопроводить последние небольшим предисловием и выпустить в качестве отдельного издания, Лаппо-Данилевский не мог обойти собственно работу Лазаревского, которую, судя по письму, он основательно раскритиковал. Но со временем подобная публикация вызвала у Лаппо-Данилевского ряд возражений, которые он изложил в послании Дружинину. Лаппо-Данилевский отметил, что в его труде не сделаны точные и полные указания на литературу предмета, и «на это времени у меня положительно не имеется». Лаппо-Данилевский не имел никаких сведений об авторе и истории его рукописи. Необходимость подвергнуть критике статью пятидесятилетней давности, «не говоря, в сущности, ничего в ее пользу», казалась Лаппо-Данилевскому мало уместной. Число изготовленных рисунков почти не превышало количества экземпляров, в котором издавались «Записки», что делало невозможным отдельное издание рисунков с предисловием Лаппо-Данилевского. Изложив свои воз-

ражения, Лаппо-Данилевский посоветовал Дружинину просто опубликовать статью Лазаревского, сообщив о ее происхождении и оговорившись, что она во многом устарела, хотя и дает некоторые новые сведения по истории раскопок. Из своей заметки Лаппо-Данилевский рекомендовал использовать составленную им синоптическую таблицу. Дружинин поступил так, как советовал Лаппо-Данилевский. Статья была сопровождена всеми необходимыми оговорками, а также «Синоптической таблицей рисунков, помещенных в приложении к настоящей статье и в Атласе к древностям Геродотовой Скифии»⁴¹.

Одна из крупнейших работ Лаппо-Данилевского по археологии – «Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х.» появилась в рамках издания «Материалы по археологии», предпринятого имп. Археологической комиссией. Курган Карагодеуашх находился в двух верстах от станицы Крымская (станции Тихорецко-Новороссийской железной дороги). Он был раскопан в 1886–1888 гг. есаулом Кубанского казачьего войска, членом местного статистического комитета Е.Д. Фелицыным. Свои находки он доставил в Археологическую комиссию. Участие В.Г. Дружинина в деятельности комиссии сделало возможным как знакомство Лаппо-Данилевского с найденными вещами, так и, возможно, привлечение последнего в качестве одного из исследователей карагодеуашхских находок.

Впервые о древностях кургана Карагодеуашх Лаппо-Данилевский сделал сообщение на заседании отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества 28 декабря 1890 г. В начале следующего года Лаппо-Данилевский принял на себя поручение Археологической комиссии сделать описание и исследование вещей из раскопок Е.Д. Фелицына. Изучение и публикация находок затянулась на три года. Несколько писем Дружинину посвящено подготовке указанного выше труда к печати, и прежде всего технической стороне (хлопотам об исследовании химического состава металлических предметов, вычитке корректур, изготовлению пробных оттисков изображений, сверке их с вещами)⁴².

Другой комплекс писем Лаппо-Данилевского В.Г. Дружинину связан с имп. Археологической комиссией. Лаппо-

по-Данилевский был избран членом комиссии 20 сентября 1894 г. и сразу активно включился в ее работу. Переписка между Лаппо-Данилевским и Дружининым по делам комиссии начинается с 1903 г., после избрания последнего председателем дел вместо П.А. Гильтебрандта (5 марта).

В письме от 11 сентября 1903 г. Лаппо-Данилевский интересуется положением дел с одним из самых продолжительных (21 год!) по времени издания проектом Археографической комиссии – письмами иезуитов. Предложение адъюнкта областного архива в Праге Ф. Дворского издать документы о католической пропаганде в конце XVII – начале XVIII в. в России (переписка иезуитов) поступило в комиссию весной 1883 г. На заседании 20 августа 1883 г. переписку было решено издать, поручив ее подготовку М.О. Кояловичу, а перевод с латинского – преподавателю Гатчинского сиротского института Виноградову. Однако Коялович до своей смерти лишь успел приготовить и напечатать оригинальный текст и часть перевода, тогда как примечания и указатель остались неподготовленными. Другие попытки составить примечания к тексту и указатель потерпели крах вследствие смерти одного за одним членов комиссии, которым было поручено закончить издание (Е.Е. Замысловский, А.А. Кунник, Л.Н. Майков). Предложение Е.Ф. Шмурло подготовить примечания к переписке по каким-то причинам не было поддержано. В конце концов был лишь составлен указатель имен В.В. Майковым, просмотренный Дружининым. Последний написал к публикации небольшое предисловие, зачитанное на заседании комиссии 16 декабря 1903 г. В 1904 г. злополучное издание увидело свет⁴³.

В двух письмах Дружинину (от 13 сентября 1907 г. и 1 марта 1909 г.) затрагиваются вопросы публикации «Актов о посадских людях-закладчиках», подготовленных Н.П. Павловым-Сильванским. Записка Павлова-Сильванского с предложением издать документы XVII в. о сыске закладчиков по Твери, обнаруженные им среди столбцов Оружейной палаты, была зачитана на заседании Археографической комиссии 8 февраля 1905 г. Комиссия согласилась с предложением, вознамерившись поместить публикацию в 17-м выпуске «Летописей занятий». Редакторская работа Лаппо-Данилевского затянулась на пять лет, закончившись уже после смерти публикатора. Павлов-Сильванский успел лишь частично

приготовить введение к актам, не разобрал ряд поднятых вопросов и не сверил последний лист набора с подлинником. Не был также составлен указатель имен. На заседании комиссии 16 декабря 1908 г. Лаппо-Данилевский по неизвестной причине настоял на том, что указатель не будет приложен к актам. С этим предложением комиссия согласилась. Вероятно, составление указателя могло еще затянуть публикацию актов. Отметим, что в тех случаях, когда Лаппо-Данилевский был увлечен материалом и сочувствовал идее издания, он задерживал публикации, дабы подготовить их в достойном виде, сопроводив всем необходимым справочным и изобразительным аппаратом.

Судя по всему, Лаппо-Данилевский относился к публикации актов о закладчиках неодобрительно, не соглашаясь с Павловым-Сильванским в том, что публикуется не весь комплекс материалов, а лишь его часть. В кратком предисловии к публикации Лаппо-Данилевский отметил, что публикатор счел «возможным ограничиться изданием только части этого обширного собрания, ныне хранимого в архиве Оружейной палаты». В письме к Дружинину от 1 марта 1909 г. Лаппо-Данилевский указал, что подготовленное им предисловие поможет «объяснить, в чем дело, и намекнуть на некоторую односторонность издания»⁴⁴.

Одно письмо Лаппо-Данилевского Дружинину (от 3 марта 1907 г.) связано с деятельностью окончившей Высшие женские курсы М.А. Островской. Впервые ее имя прозвучало на заседании Археографической комиссии 21 февраля 1906 г. Островская предложила (вполне вероятно, с подачи С.Ф. Платонова) описать документы, поступившие в комиссию из Вятской казенной палаты. Комиссия согласилась с предложением. Описание было подготовлено весьма скоро и помещено в «Летописях занятий». Но вот от услуг Островской в деле описания олонекских актов комиссия по каким-то причинам сочла нужным отказаться.

Вдохновленная изучением документов, Островская подготовила исследование «Из истории землевладения государственных крестьян в Обонежье», приложив ряд актов для публикации. Судя по письму Лаппо-Данилевского, он низко оценил качество представленной статьи. Он писал: «...мне казалось, что лучше было бы придать этой работе по возможности характер *введения* к печатаемым документам, т. е. со-

общить возможно более обстоятельные сведения о характере самого собрания актов, его составе (местность, время и проч.), о типах самих актов, их общем содержании и т. п.». Представленный же труд носил характер исследования, причем основанного на ограниченном круге источников и в то же время затрагивавший весьма тонкие вопросы (семейная организация и товарищество, общее владение и совладение и т. п.), «за правильную постановку и такое же решение которых трудно поручиться». На заседании комиссии 3 апреля 1907 г. работу Островской было поручено рассмотреть Лаппо-Данилевскому, который должен был решить вопрос о целесообразности помещения ее в «Летописях занятий». Судя по тому, что статья Островской не вышла в этом издании, Лаппо-Данилевский провел свою точку зрения на эту работу. Отметим, что в 1913 г. вышла работа Островской «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках», в которой затрагивались вопросы, поднятые в статье 1907 г.⁴⁵

Шесть писем Лаппо-Данилевского Дружинину за 1903–1904 гг. добавляют ряд новых деталей к истории подготовки и публикации академической серии «Памятники старинного русского законодательства XVII–XIX вв.»⁴⁶. В докладе Лаппо-Данилевского на заседании историко-филологического отделения имп. Академии наук 16 октября 1902 г., сформулировавшем основные цели и задачи проекта, в числе первых исполнителей отмечены М.А. Дьяконов (Уложение 1649 г.), О.И. Остроградский (Новоторговый устав), Н.Д. Чечулин (Наказ Екатерины II). Обнаруженные письма позволяют утверждать, что четвертым участником издания, привлеченным к проекту уже в декабре 1902 г., должен был быть Дружинин. Он согласился приняться за издание Духовного регламента. В письме от 21 декабря 1902 г. Лаппо-Данилевский всячески подбадривал Дружинина: «Вы ведь будете полным хозяином Вашего выпуска, который должен будет выйти, как мне представляется, отдельною книжкою под вашей редакцией». Здесь же Лаппо-Данилевский предлагал составить список рукописей регламента и относящихся к нему бумаг, дабы иметь возможность получить их во временное пользование из архивов и библиотек через Академию наук. В письме Дружинину Лаппо-Данилевский делился своими планами по координации проекта: «Я мечтаю о том, чтобы

собрать как-нибудь всех или большинство участвующих в нашем издании для того, чтобы несколько объединить предприятие; но я думаю, что такое собрание (одно или несколько) будет плодотворным, если участники примут в нем участие уже после некоторой предварительной работы каждого из них по своему департаменту». Письмо от 21 декабря 1902 г. интересно и тем, что свидетельствует о начале собственных работ Лаппо-Данилевского по Учреждению о губерниях 1775 г.

Другие письма сообщают о присылке одной рукописи из Московского архива Министерства юстиции для издания Духовного регламента. Сотрудничество Дружинина и Лаппо-Данилевского по проекту «Памятники старинного русского законодательства XVII–XIX вв.» продлилась один год. В конце декабря 1903 г. Дружинин предложил передать издание регламента другому лицу. В письме от 22 декабря 1903 г. Лаппо-Данилевский предпринял усилия удержать Дружинина в рядах участников проекта. Лаппо-Данилевский писал, что участие Дружинина в проекте «очень ценно и его нельзя заменить», к тому же уход из «начинающегося предприятия вызовет, конечно, разные толки и вредно отзовется на его успехе, прежде всего в самой же Академии наук, которая признала Ваше участие в нем весьма желательным». Лаппо-Данилевский писал и о возможном негативном впечатлении других участников серии, а также о возникающей трудности в приглашении новых специалистов, когда от проекта «отказываются его основатели». По-видимому, та личная встреча, о которой просил Лаппо-Данилевский, состоялась. Судя по письму от 23 февраля 1904 г., в ходе ее Лаппо-Данилевский смог переубедить Дружинина не покидать (возможно, временно) серию. Этим письмом Лаппо-Данилевский приглашал Дружинина на предполагавшееся на 26 февраля собрание «для обсуждения правил издания памятников старинного русского законодательства»⁴⁷. Дальнейшие обстоятельства дела не прослеживаются по переписке, но, судя по последующим событиям, Лаппо-Данилевскому не удалось удержать Дружинина в числе сотрудников проекта, в результате чего подготовка Духовного регламента к печати перешла к другому лицу (А.В. Карташеву, позже – к П.В. Верховскому).

К академической деятельности Лаппо-Данилевского от-

носится и письмо Дружинину от 28 ноября 1911 г. В нем Лаппо-Данилевский от имени Академии наук предлагал Дружинину составить рецензию на труд П.В. Никольского «Монашество на Дону» (Воронеж, 1909) и изданные им же «Материалы по истории монашества на Дону» (Воронеж, 1905. Вып.1), представленные на соискание премии им. графа Уварова. Согласно отчету, Дружинин выполнил академическое поручение, правда, труды Никольского не были удостоены искомой награды⁴⁸.

Письма Лаппо-Данилевского могут служить ярким показателем изменения его отношения к кругу С.Ф. Платонова и к Дружинину как одному из наиболее нейтральных его представителей. От искренних и теплых писем начальной поры (1886, 1890 гг.) Лаппо-Данилевский постепенно переходит к деловому тону посланий. После самоустранения Лаппо-Данилевского из Русского археологического общества переписка с Дружининым возникает лишь спорадически и всегда связана с каким-нибудь научным предприятием, находящимся на границе интересов и занятий обоих.

В целом проведенное выявление материалов Лаппо-Данилевского в РГАЛИ убедительно доказывает необходимость как можно более широкого охвата источников в рамках исследования по истории науки, что дает возможность восстанавливать непротиворечивую версию событий прошлого и по минимуму насилловать материал, подгоняя его под заданные схемы.

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф.306. Оп.8. Д.594. По описи и каталогу в деле значится визитная карточка А.С. Лаппо-Данилевского, адресованная Н.П. Павлову-Сильванскому.

² См.: РГАЛИ. Ф.1296. Оп.1. Д.27.

³ В письме от 5 февраля 1891 г. историк Н.Д. Чечулин приглашает И.А. Шляпкина на обед в ресторан Донона, который предполагалось устроить 8 февраля (в день основания Санкт-Петербургского университета). На обеде собирались присутствовать В.Г. Васильевский, С.Ф. Платонов, В.Г. Дружинин, С.М. Середонин, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Л. Степанов, Н.М. Бубнов, Е.Ф. Шмурло и автор письма (почти все члены «кружка русских историков») (РГАЛИ. Ф.1296. Оп.1. Д.177. Л.3).

⁴ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.730. Л.1-1 об. Подробнее о взаимоотношениях А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова см.: *Ростов-*

цев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып.1. С.128–165.

⁵ РГАЛИ. Ф.1691. Оп.1. Д.319. Л.1. Полное название книги: *Keynes J.N. The Scope and Method of Political Economy.* Lnd., N. Y., 1891. XIV, 359 p.

⁶ Архив Российской академии наук. Ф.518. Оп.3. Д.923. Л.21–21 об.

⁷ Кейнс Д.Н. Предмет и метод политической экономии / Пер. с англ. А. Гуковского; Предисл. А.А. Мануйлова. М., 1899. IV, 279 с. (Сер. «Научно-образовательная библиотека»).

⁸ Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1895–1899 годы. СПб., 1901. Вып.12. С.4, 54, 55.

⁹ РГАЛИ. Ф.87. Оп.1. Д.78. Л.798, 799 а.

¹⁰ [Лаппо-Данилевский А.С. Предисловие] / Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду / Изд. имп. Археографической комиссией; Под ред. и предисл. А.С. Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. XVII (сборный). С. VII. Прим. 4.

¹¹ РГАЛИ. Ф.2032. Оп.1. Д.303. Л.1–2; Лаппо-Данилевский А.С. Екатерина II и крестьянский вопрос // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание / Изд. Исторической комиссии учебного отдела О.Р.Т.З.; Под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. М., 1911. Т.1. С.163–190.

¹² РГАЛИ. Ф.436. Оп.1. Д.2771. Л.1.

¹³ J.F. Jameson to P.N. Miliukov, May, 30, 1905 // P.N. Miliukov papers. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (New York, USA). Благодарю П.Ц. Насцименту, предоставившего мне копию данного документа.

¹⁴ *Golder F.A. Guide to Materials for American History in Russian Archives.* Washington, 1917. P.IV Подробнее о поездке Ф. Голдера в Россию см.: *Dubie A. Frank A. Golder: An Adventure of a Historian in Quest of Russian History.* Boulder, 1989. P. 24–42. «Русские» дневники Голдера за 1914 год опубликованы (см.: *Golder F.A. War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 / Comp., ed., and introduced by T. Emmons and B.M. Patenaude.* Stanford, 1992. P. 6–26).

¹⁵ РГАЛИ. Ф.2176. Оп.1. Д.53. Л.1; Герман Коген в Религиозно-философском обществе // Речь (СПб.). 1914. 26 апреля.

¹⁶ РГАЛИ. Ф.461. Оп.2. Д.138. Л.1.

¹⁷ РГАЛИ. Ф.442. Оп.1. Д.77. Л.1. О деятельности Особой комиссии см.: [Лаппо-Данилевский А.С.]. Участие общества в пра-

вильной постановке архивного дела в России // Имп. Русское историческое общество, 1866–1916. Пг., 1916. С.113–124. См. также отд. отт.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов, 1911–1916 гг. Пг., 1916. 12 с.

¹⁸ Подробнее о подготовке сборника «Русская наука» см.: *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т.67, № 12. С.1129–1139.

¹⁹ РГАЛИ. Ф.1277. Оп.1. Д.44. Л.2–3.

²⁰ Там же. Л.4-4 об.; Протоколы заседаний общего собрания Российской академии наук. 1918. С приложением перечня заседаний и алфавитного указателя. [Пг., 1919]. С.46; *Есаков В.Д.* Указ. соч. С.1138.

²¹ РГАЛИ. Ф.1277. Оп.1. Д.44. Л.5–5 об.

²² РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Д.590. Л.1; Протоколы заседаний общего собрания Российской академии наук. 1918. С.91; [*Лаппо-Данилевский А.С.*]. Об Институте социальных наук: записка комиссии Российской академии наук // Там же. С.108–110.

²³ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Д.590. Л.2-2 об.; *Ольденбург С.Ф.* Работа А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн.6. С.178; Протоколы заседаний общего собрания Российской академии наук. 1918. С.91.

²⁴ РГАЛИ. Ф.437. Оп.1. Д.190. Л.4-4 об., 9-9 об., 13-13 об.

²⁵ Там же. Л.10–10 об.; Годичное общее собрание имп. Русского исторического общества под председательством Его Императорского Величества Государя Императора 13 марта 1914 года. СПб., 1914. С.19.

²⁶ РГАЛИ. Ф.437. Оп.1. Д.190. Л.15–17; Имп. Русское историческое общество, 1866–1916. Пг., 1916. С.163; [*Лаппо-Данилевский А.С.*]. Участие общества в правильной постановке архивного дела в России // Там же. С.120, 124.

²⁷ РГАЛИ. Ф.305. Оп.1. Д.471. Л.1–2 об., 3–4; *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй: Сб. ст. А.А. Корнилова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Семевского и И.М. Страховского / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и гр. С.Л. Толстого при участии редакции газеты «Право». СПб., 1905. Т.1. С.1–156. (см. также отд. отт.: СПб., 1905. 156 с.). Н.П. Василенко с подачи Лаппо-Данилевского принял участие в первом и четвертом томе юбилейного сборника (см.: *Василенко Н.П.* Прикрепление крестьян в Малороссии // Великая реформа. Т.1. С.108–126; *он же.* Крестьянский вопрос в юго-западном и северно-западном крае при Николае I и введение инвентарий // Там же. Т.4. С.94–109.

²⁸ См.: *Емельянов Ю.Н.* С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.

²⁹ См.: *Мельгунов С.П.* Москва и старая вера: Очерк из истории религиозно-общественных движений на рубеже XVII–XVIII вв. М., 1917; *он же.* Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.: Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектанство. М., 1919; *он же.* Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922. Все эти работы представляют собой сборники статей и очерков, опубликованных Мельгуновым в периодической печати в 1905–1917 гг.

³⁰ РГАЛИ. Ф.305. Оп.1. Д.471. Л.5–11 об.

³¹ Там же. Л.3–4 об., 15, 21–21 об., 35–36 об.; *Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.100–116; *он же.* Россия и Голштиния. Очерк из истории германо-русских отношений в XVIII веке // Исторический архив. 1919. № 1. С.255–282.

³² РГАЛИ. Ф.305. Оп.1. Д.471. Л.21 об., 23–24 об., 26–27 об., 29–30 об.; *Lappo-Danilevskii A.S.* L'idée de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles du XVII-eme siècle jusqu'aux reformes du XVIII-me // Essays in Legal History Read before the International Congress of Historical Studies Held in London /Ed. by P.Vinogradoff. Lnd., N. Y., 1913. P.348–355; *он же.* Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С.5–38.

³³ РГАЛИ. Ф.305. Оп.1. Д.471. Л.32–33 об.; Фонд имени В.И. Семеновского (письмо в редакцию) // Голос минувшего. 1917. № 1. С.324.

³⁴ РГАЛИ. Ф.305. Оп.1. Д.471. Л.22, 24 об.–25, 34–34 об.

³⁵ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.2, 4, 41–42, 43–43 об., 55–56. Подробнее о «кружке русских историков» см.: *Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С.126–143.

³⁶ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.47; Протоколы заседаний Исторического общества за 1889–90 г. // Историческое обозрение. СПб., 1890. Т.1. С.18–19 отд. паг.; Отчет о состоянии и деятельности Исторического общества при имп. С.-Петербургском университете в 1890 году // Там же. С.53 отд. паг.; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1892. Т.V, вып.1–2. С.X, XXXII.

³⁷ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.54; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1894. Т.VII, вып.3–4. С.LXIX.

³⁸ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.34–34 об.; Протоколы заседа-

ний имп. Русского археологического общества // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1897. Т.IX, вып.1-2. С.XXXI, XLI.

³⁹ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.1 об., 29-30, 51; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1894. Т.VII, вып.1-2. С.XXVIII; То же // Там же. Т.VII, вып.3-4. С.LXVIII.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.48-48 об.; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1892. Т.VI, вып.1-2. С.XIX; *Лаппо-Данилевский А.С.* Рец. на: Семеновский А.М. Белорусские древности. СПб., 1890. Вып.1 // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1891. Т.V, вып.1-2. С.385-389.

⁴¹ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.44-44 об., 58; *Лазаревский Я.* Александропольский курган. Могила скифского царя // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1894. Т.VII, вып.1-2. С.24. Прим.1; С.45. Прим.1.

⁴² РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.29, 29 об., 36, 37, 40, 45; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества // Записки имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1892. Т.V, вып.1-2. С.XXXVIII; *Лаппо-Данилевский А.С.* Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV-III вв. до Р. Х. // *Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб., 1894. С.3, 5, 6, 11, 13. Прим.13; 16. Прим.4. (Материалы по археологии России /Изд. имп. Археологической комиссии. № 13).

⁴³ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.12; Летопись занятий Археографической комиссии, 1882-1884 годы. СПб., 1893. Вып.9. С.15-16, 33, 34 отд. паг.; То же, 1885-1887 годы. СПб., 1895. Вып.10. С.2, 16; То же, 1888-1894 годы. СПб., 1903. Вып.11. С.21, 104, 112, 113-114, 115, 116-117, 136, 160-161; То же за 1895-1899 годы. СПб., 1901. Вып.12. С.126, 143, 161-162, 196, 212, 217, 233; То же за 1900 год. СПб., 1901. Вып.13. С.11; То же за 1901 год. СПб., 1902. Вып.14. С.57; То же за 1903 год. СПб., 1906. Вып.16. С.27; То же за 1904 год. СПб., 1907. Вып.17. С.17; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. [С.1-2].

⁴⁴ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.22-22 об., 23; Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1905 год. СПб., 1907. Вып.18. С.4-5; Акты о посадских людях-закладчиках / Подг. к печати Н.П. Павлов-Сильванский; Напечатано под ред. А.С. Лаппо-Данилевского // Там же за 1909 год. СПб., 1910. Вып.22. С.III, IV.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.21–21 об.; Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1906 год. СПб., 1908. Вып.19. С.8–9, 10, 12, 48–49; То же за 1907 год. СПб., 1908. Вып.20. С.18; *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. X, 370, 96 с.

⁴⁶ Подробнее о проекте и его осуществлении см.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.178–189.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф.167 Оп.1. Д.304. Л.9–10, 15–19, 33–33 об.; Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1902. С приложением алфавитного указателя [СПб., 1903]. § 188. Е.А. Ростовцев ошибочно утверждает, что работа по изданию Духовного регламента началась лишь осенью 1907 г. (*Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук. С.186). Требуется корректировка и другое утверждение Е.А. Ростовцева о прекращении П.В.Верховским работ по изданию Духовного регламента в связи с начавшейся войной (см.: Там же. С.187). Духовный регламент и все сопутствующие материалы были изданы Верховским, правда, не под грифом серии «Памятники русского законодательства 1649–1832 гг.» (см.: *Верховский П.В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России: исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916. Т.2. Материалы).

⁴⁸ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.26; Отчет о пятьдесят четвертом присуждении наград графа Уварова / Читан в публичном заседании имп. Академии наук 25 сентября 1912 г. Пг., 1915. С.1,11.

**Н. И. КАРЕЕВ О СООТНОШЕНИИ
ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО
В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИКА:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Проблема реконструкции схемы взаимоотношений исторического прошлого как объекта познания и историка как познающего субъекта остается актуальной в исторической науке. Обращение к опыту, накопленному русской историко-философской мыслью на рубеже XIX–XX вв., важно именно сегодня, когда в условиях смены господствующих парадигм, с одной стороны, и «вызова» постмодернизма, с другой, наметился процесс пересмотра теоретико-методологических оснований нашей науки.

Различные элементы теории исторического знания выдающегося русского историка и социолога Николая Ивановича Кареева уже становились предметом изучения в отечественной историографии¹. Сам ученый неоднократно обращался к философской рефлексии по поводу способов и средств познания истории, став тем самым, по выражению А.В. Шмелевой, «родоначальником исторической эпистемологии в России»². Его многочисленные дискурсы содержат суждения о предмете, задачах, методах, материалах исторической науки, классификации исторических источников, их критике, констатации исторических фактов и т. д. Ученый указывал на правомерность выделения специальной дисциплины «историософии», которая должна, по его мнению, установить необходимые истоки полагания смысла истории, группировки событий по важности и т. д.

Концептуальную форму собственной доктрине исторического знания Кареев придал в курсе лекций по общей теории истории, читавшемся на Бестужевских курсах, а затем

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке научной программы «Университеты России», грант УР 10.01.057.

и в специальной монографии³. Суть всех эпистемологических построений Кареева, по существу, сводится к выяснению условий научности исторического знания, говоря его словами, «при каких условиях история заслуживает звания науки»⁴. При этом доминирует позитивистская посылка о беспристрастии во имя объективной истины как главной качественной характеристики работы историка, т. е., по мысли ученого, «связывать между собою факты, сравнивать их одни с другими, делать обобщения историк... обязан, строго придерживаясь логических приемов мысли и научного метода, отнюдь не подгоняя факты к известным желательным выводам»⁵.

Однако, призывая к беспристрастию, ученый говорит и о том, что достичь абсолютного объективизма в истории невозможно. Необходимо, писал он, устраняя «влияние характера и среды» на исследователя, освободиться от стремления «вносить произвол, пристрастие и односторонность»⁶. При этом нужно делать поправку на то, что «исторические факты так или иначе соприкасаются с областью наших философских убеждений, моральных принципов, общественных идеалов, и если пристрастие – грех против науки, а беспристрастие – научная добродетель, то и индифферентизм есть еще бесстрастие, апатия, при которых философия истории невозможна: где мы тогда найдем критерий для оценки важности исторических событий?»⁷

Кареев предлагает такой критерий, а именно – общечеловеческую точку зрения, присущую всесторонне развитой личности, т. е. тот самый «законный субъективизм», по поводу которого, по выражению Г.П. Мягкова, «разыгрался заключительный акт бытийной истории “субъективного метода в социологии”»⁸.

С легкой руки российских теоретиков марксизма Кареев был причислен к особому направлению «субъективистов», т. е. тех, кто выделял «область общественных явлений... из области естественно-исторических явлений» и потому использовал «совсем особый субъективный метод в социологии»⁹, охарактеризованный Г.В. Плехановым как «доведенный до абсурда идеализм»¹⁰. Не убедило последующих критиков¹¹ и то, что в литературе начала XX в. имела место и противоположная точка зрения. Так, А.К. Дживелегов справедливо отмечал, что «субъективизм Кареева...

всецело обосновывается средствами позитивизма... Метод исторической науки объективен. Субъективно только наше отношение к установленным уже научным исследованием историческим фактам»¹².

Подводя итоги многолетней полемики со своими критиками, Кареев писал: «Исследователю общественной жизни нельзя не рекомендовать объективизма, которому противоречит всякий субъективизм, имеющий характер пристрастия и односторонности, но что в общественных науках известный субъективизм неизбежен, поскольку у исследователя есть те или другие моральные и социальные убеждения, поскольку общественные науки не могут ограничиваться изучением только внешней стороны общественных отношений и форм, не проникая во внутренний мир людей, к которому нельзя не относиться оценочно, с тем или другим в нем соглашаясь или не соглашаясь, то или другое оправдывая в нем или не одобряя...»¹³

Задача историка усложняется тем, что с соблюдением принципа научности необходимо сохранить специфику предмета исторического познания. Понятно, что исторические факты и эмпирически фиксированная их связь объективны; субъективна лишь процедура суждения, т. е. отнесение факта к целому или к идее. Эта процедура состоит из двух моментов – отбора фактов и их нравственной оценки. В значительной степени определяющее специфику исторического познания, делающее его (познание) отличным от естественнонаучного (позитивизм О. Конта и его последователей, как известно, отрицал такое отличие) – этическая оценка прошлого («суд над историей»¹⁴ в терминологии Кареева) подразумевает, по мнению ученого, не способ отбора существенного в истории («категория ценности» у неокантианцев¹⁵), а построение «идеалов должного... под условием, конечно, чтобы этим не нарушались права чисто теоретического, в строгом смысле слова, научного исследования»¹⁶.

Любые другие виды субъективизма «незаконны», способны лишь исказить истину и поэтому должны быть элиминированы из практики исследователя. Если существо научности заключается в формулировке законов, то этот метод может быть применен к истории с целью превращения ее в науку. Именно это заставляет Кареева разделить процедуры отбора фактов и их этическую оценку. Согласно сложившейся

философской традиции, собственной целью познания может быть только обобщение суждений. В результате поиск общего в истории приводит к убеждению, что единственным универсальным признаком является изменение. «История, – как подчеркивает Кареев, – должна заниматься переменами, что перемена наступает тогда, когда одни повторяющиеся факты сменяются другими повторяющимися фактами»¹⁷. В результате получается такое общее, в котором индивидуальное как специфически историческое получает смысл. При этом ясно, что само по себе изменение есть лишь констатация преходящего характера всего происходящего. Поэтому вопрос должен встать о значении изменений. Понятно, что предпочтение одних изменений другим без дополнительных оснований будет казаться произволом, простого обобщения для решения этой задачи явно недостаточно, поэтому рассуждения о необходимости и возможности разведения случайного и законного субъективизма становятся обязательными.

От какого рода субъективизма при познании прошлого предостерегает Кареев? Прежде всего это национализм в истории. Естествен и понятен преимущественный интерес каждого народа к собственному прошлому, складывающийся на почве национальной традиции и идеологии. Однако, как пишет ученый, «научная работа историков по самому своему существу находится в постоянном конфликте с националистической традицией», ибо само развитие историографии заключается «в постоянном пересмотре всех прежних решений исторических проблем... диктовавшихся желанием не столько нечто узнать, сколько нечто доказать»¹⁸. Заниматься такого рода доказыванием значит для Кареева заниматься не наукой, а публицистикой, и чем меньше последняя церемонится с фактами, тем дальше отстоит она от исторической истины, которая, как и любая другая научная истина, может быть только одна для людей всех национальностей, т. е. «относительно одного и того же факта не может быть двух или более истин, одна с другою не согласных, – истины французской и истины немецкой, истины русской и истины польской»¹⁹. Националистический субъективизм в истории, столь характерный для охранительной российской историографии XIX в. (славянофильство, «теория культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского и т. п.), не является порождением только русского духа. Кареев справед-

ливо отмечает такие тенденции у весьма уважаемых им Гизо, Бокля, не говоря уже о Гегеле.

Конфессиональный субъективизм имеет, по мнению ученого, такой же характер, что и национальный. Одни и те же исторические факты религиозной истории человечества получают разную интерпретацию, «смотря по тому, к какому вероисповеданию принадлежит автор того или другого сочинения»²⁰. Это имеет отношение к таким, например, событиям всемирной истории, как разделение вселенской церкви на католическую и православную, Реформация в Европе, раскол русской православной церкви и т. д. Причем для Кареева антирелигиозный нигилизм приравнивается к вероисповедному субъективизму, представляя собой одну из его разновидностей.

Третьему виду «незаконного» субъективизма – партийному – ученый уделяет больше места, и это связано не только с традиционной для него критикой материалистического понимания истории. Одной из задач уже критики источников он называет изъятие «из известий о прошлом всего того, что можно поставить в счет партийности (конечно, не в современном парламентском смысле слова. – *В.Ф.*) тех авторов, от которых мы имеем интересующие нас известия»²¹, такая же работа должна быть проведена на всех последующих ступенях работы историка. Только беспристрастная историческая наука должна решать вопрос о правоте или неправоте в идеологических разногласиях относительно прошлого. Примером такого подхода могут служить исследования самого Кареева по истории Французской революции²².

Но, устранив из исторического исследования все виды «незаконного» субъективизма, не впадает ли историк в другую крайность, устранившись от всякой оценки прошлого? Критикуя румынского историка А.Д. Ксенополя, рекомендовавшего «воздерживаться от всякого рода оценок и строго ограничиваться установлением фактов, сообразно действительности, с указанием их причин», Кареев восклицает: «Если бы это было возможно! Конечно, лучше отказаться от какой бы то ни было оценки в истории, нежели делать критериями патриотические, конфессиональные и т. д. точки зрения и заменять ими общечеловеческую точку зрения чистой этики»²³. Историк призван не только описывать, но и объяснять (оценивать) эмпирический материал. Заблуждения та-

кого рода имеют место и сегодня²⁴. Сам Кареев в своих мемуарах оставил свидетельство о профессоре греческой истории Петербургского университета Ф.Ф. Соколове. Это был, по его словам, «человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов, но читавший нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было»²⁵. Кареев, напротив, даже своим конкретно-историческим курсам старался придавать обобщающий (дискурсивный) характер, на что обратил внимание один из ранних рецензентов Кареева, известный русский антиковед В.И. Модестов: «Особенность, отличающая г. Кареева от других наших историков, – писал он, – заключается в философском направлении его исторических занятий... Для этого требуется не только положительное и уверенное в себе знание, но и философский склад головы, которым обладают у нас далеко не все современные историки. Историков-исследователей и историков-рассказчиков у нас достаточно, но историками, умеющими проникать во внутренний смысл истории, приводить отдельные и разрозненные явления в систему, подводить их под общие точки зрения, мы не богаты»²⁶.

Для Кареева важно акцентировать существование субъективной стороны в историческом факте. Если задачей истории ставится познание причин конкретного поступка, то они не могут быть в полной мере объяснены общепсихологическими законами поведения индивидов. Причины сводятся к мотиву, и понять событие означает вжиться в мысли, чаяния и эмоции исторического лица, породившего то или иное историческое событие, причем это будет не просто акт вживания, а акт сочувствия, сопереживания объекту, что позволит наиболее полно познать комплекс причин, обусловивших появление этого события²⁷. Именно процедура сопереживания порождает «законный субъективизм» как точку зрения разумной личности, видящей в прошлом приближение или удаление от исповедуемых ею идеалов, выступающих условием связи фактов, данных нам в эмпирии. Речь, таким образом, идет не просто о единично-конкретном как предмете исторического познания, а о переменах, заключающихся в движении к идеалу. Следовательно, среди разнообразия исторических событий и действий интерес будут

вызывать поступки тех персонажей, которые ставили целью изменить наличную действительность.

Причины такой постановки Кареевым вопросов исторической эпистемологии сложно понять вне контекста общего состояния исторической науки рубежа XIX – первых десятилетий XX в. На наш взгляд, русский ученый попытался уйти от крайнего объективизма позитивистов, догматически следующих учению О. Конта, и крайнего субъективизма неокантианцев (прежде всего Г. Риккерта, В. Виндельбанда и их последователей), отрицавших объективный характер исторической науки и представлявших ее только потоком сознания каждого конкретного историка. Позиция Кареева во многом вполне сопоставима со взглядами М. Вебера, который, оставаясь в целом на неокантианских позициях, ревидовал учение Г. Риккерта и выступал против крайнего релятивизма последнего, а также А.С. Лаппо-Данилевского.

По верному замечанию Кареева, русский историк конечной целью исторического синтеза «признавал построение истории человечества, которое было бы не только построением действительности, но и объединением ее, и ее оценкою»²⁸. Характеризуя особенности плана общеобразовательного курса по истории человечества²⁹, Кареев тонко подметил двойственность репрезентации в нем отдельных стран: с одной стороны, они выступают как представители отдельных типов политической организации (воинствующая держава древнейшего времени, государство-город древнего мира, феодальное государство средних веков, национально-правовое государство нового времени); с другой – как составные части некоторого целого (доисторическая Европа, международная общеевропейская цивилизация новейшего времени)³⁰. Именно это позволило Карееву сделать вывод, что здесь у А.С. Лаппо-Данилевского «индивидуализирующая точка зрения уступает место генерализирующей и в смысле... замены идеографичности типологичностью, и в смысле стремления каждой исторической индивидуальности усматривать лишь часть одного всеобъемлющего целого»³¹.

Конечно, универсалистическая точка зрения Кареева не представляется бесспорной, есть основания для упрека его в эклектизме, в размытости критериев внесения в историческое исследование «субъективного элемента», ведь до сих пор не существует внятной дефиниции «общечеловеческих

ценностей», кроме восходящей к сформулированной западной либеральной общественно-политической мыслью еще в середине XIX в. Зыбким представляется и выбор нравственности в качестве оценочного мерила, поскольку последняя обусловлена человеческой природой, т. е. редуцируется к нравам. Уязвима его позиция и в вопросе о «незаконном субъективизме». Однако многое из того, о чем рассуждал русский историк в начале века, вызывает переключку сегодня. Достаточно вспомнить об исканиях П. Сорокина, А. Тойнби, историков школы «Анналов», представителей русского неокантианства и западного постмодерна.

Таким образом, следует признать амбивалентно-интегративный характер эпистемологических штудий Кареева. С одной стороны, он, оставаясь на позициях позитивизма, выступает за объективный характер исторического исследования и необходимость изъятия из него субъективизма, связанного с национальными, религиозными, партийными и другими предубеждениями и интересами; а с другой – признает законность привнесения в него особого субъективного элемента познания истории, существование которого обусловлено специфической природой исторического факта, вызывающего к себе ценностное отношение. Именно наличие этого элемента придает исследованию дискурсивный характер, делает его научным и очеловеченным одновременно.

Примечания

¹ См., напр.: *Нечухрин А.Н.* Проблема специфики исторического познания в творчестве Кареева // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск, 1979. Вып. 13; *Золотарев В.П.* Историческая концепция Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988; *Коргунюк Ю.П.* Разработка вопросов методологии истории в творчестве Кареева: Автореф. дисс. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. М., 1990; *Пронштейн А.П.* Вопросы исторической критики в трудах Кареева // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990; *Сафронов Б.Г.* Кареев о структуре исторического знания. М., 1995 и др.

² *Шмелева А.В.* Суд над историей: теория исторического знания Кареева // Поволжский журнал по философии и социальным наукам. Электронный журнал. 1999. № 6. Аб. 2 (www.ssu.samara.ru/research/philosophy/frame.asp?journal=6).

³ См.: *Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же.

⁶ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. I. С. 382.

⁷ Там же. С. 383. «Наука, – уточнял он позднее, – должна быть объективной в смысле беспристрастия, но не может быть бесстрастной, индифферентной в делах общественных» (*Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 76).

⁸ *Мягков Г.П.* «Субъективный метод» в контексте отечественной социальной науки // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 96. В этой статье убедительно показана несостоятельность причисления Кареева к так называемой «субъективной школе в социологии» только на основании внесения им в объективное изучение истории «субъективного метода» (в терминологии Кареева – «субъективного элемента»).

⁹ *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 132.

¹⁰ *Плеханов Г.В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 671.

¹¹ См., напр.: *Вебер Б.Г.* Кареев Николай Иванович // Советская историческая энциклопедия. Т. 7 Стлб. 27–28

¹² *Дживелегов А.К.* Кареев: к 40-летию научной деятельности // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 326.

¹³ *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. С. 76.

¹⁴ Смысл тезиса о суде над историей у Кареева сводится к оценке прошлого как благоприятного или неблагоприятного процесса, породившего такое же настоящее. См.: *Кареев Н.И.* Суд над историей: Нечто о философии истории // Русская мысль. 1884. № 2. С. 8.

¹⁵ Правомерность включения идеалов в структуру научного знания была обоснована одним из основателей баденской школы неокантианства Г. Риккертом.

¹⁶ *Кареев Н.И.* Что такое общественные науки? // Введение в изучение социальных наук Сб. статей / Под ред. проф. Н.И. Кареева. СПб., 1903. С. 2.

¹⁷ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 295.

¹⁸ *Кареев Н.И.* Историка. С. 197.

¹⁹ Там же. С. 198. Кареев в собственной дискурсивной практике постоянно обращал на это внимание, часто вызывая негодование у «патриотически настроенной» читательской публики. См., напр.: *Кареев Н.И.* О духе русской науки // Русская идея. М., 1992. С. 171–184; Мои отношения к полякам // Кареев Н.И.

Polonica: Сборник статей по польским делам (1881–1905). СПб., 1905. С. 207–222 и др.

²⁰ *Кареев Н.И.* Историка. С. 208–209.

²¹ Там же. С. 212.

²² См., напр.: *Кареев Н.И.* Великая французская революция. Пг., 1918 и др.

²³ *Кареев Н.И.* Историка. С. 236. Прим. 2.

²⁴ См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История как теоретическое знание // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. М., 2000. С. 15–33.

²⁵ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 249.

²⁶ *Модестов В.И.* [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. СПб., 1886 // Новости. 1886. № 77. 19 марта.

²⁷ Ср.: «Всякое понимание чужой душевной жизни предполагает личное переживание и воспроизведение ее» (*Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. II. СПб., 1913. С. 435.)

²⁸ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 129.

²⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища. 1902. Ч. I. С. 87–101.

³⁰ Попутно отметим, что и у неокантианца А.С. Лаппо-Данилевского, и у позитивиста Кареева наименования выведенных ими типов социально-политической организации практически совпадают (у Кареева: монархии древнего Востока и греко-римского мира, государство-город античного мира, поместье-государство, сословная и абсолютная монархии средних веков и нового времени, современное народно-правовое государство; см.: *Кареев Н.И.* Типологические курсы по истории государственного быта. Вып. I–V. СПб., 1903–1908).

³¹ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского. С. 130–131.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ОЧЕРК ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II»

«Очерк внутренней политики Екатерины II» (далее – «Очерк...») – незначительное по объему (менее трех листов) сочинение А.С. Лаппо-Данилевского. «Очерк...» был подготовлен к столетней годовщине кончины Екатерины Великой и был первый раз опубликован в виде статьи в журнале «Космополис» в 1897 г.¹, а на следующий год вышел в свет отдельным изданием: «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» СПб., 1898. Настоящая публикация приводится по этому последнему изданию.

Несколько слов о месте «Очерка...» в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского. Как известно, в 1890-е гг. внимание Лаппо-Данилевского постепенно переключается с исследования Московской Руси на последующий период русской истории – XVIII в. «Очерк...» занимает центральное место в серии работ Лаппо-Данилевского 1890–1900 гг., посвященных екатерининской эпохе². После выхода в свет этого небольшого труда за Лаппо-Данилевским еще более утверждается репутация тонкого историка общественной мысли и права³ – области, к которой он обратился в самом начале своей ученой деятельности⁴ и которая стала главным объектом его конкретно-исторических исследований, в частности, так и не увидевшей свет при жизни Лаппо-Данилевского (и незащищенной) докторской диссертации «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (первая часть труда опубликована под названием «История русской общественной мысли и культуры»⁵). Новаторские работы Лаппо-Данилевского по истории XVIII в. послужили одной из основных причин, побудивших Академию наук в 1899 г. избрать его в свои члены⁶.

С чем же связано появление «Очерка...» и других работ автора, посвященных истории России нового времени? Как кажется, причиной такого поворота творчества Лаппо-Дани-

левского стало удачное сочетание академического заказа и историко-теоретических поисков ученого.

Прежде всего следует отметить, что серьезное изучение истории Екатерининского времени в отечественной исторической науке было начато только в последние десятилетия XIX – начале XX в.; – в этот период появляются работы Н.Н. Фирсова, Д.А. Корсакова, Н.Д. Чечулина, В.И. Семевского, А.А. Кизиветтера. Среди «первооткрывателей» «Екатерининской эпохи» следует назвать и имя Лаппо-Данилевского. Представляется уместным отметить и некоторые персональные обстоятельства А.С. Лаппо-Данилевского, побудившие его обратиться к изучению эпохи нового времени. Как известно, после защиты магистерской диссертации в 1890 г. («Организация прямого обложения в Московском государстве»⁷) Лаппо-Данилевский становится приват-доцентом на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета (при профессоре С.Ф. Платонове, ставшем его постоянным научным и личным оппонентом)⁸ и начинает читать курс «Общественный строй Московского государства до эпохи преобразований». Однако уже в 1891 г. Лаппо-Данилевский перешел от чтения этого обширного курса (параллельного общему курсу русской истории, который читал С.Ф. Платонов) к чтению курсов по XVIII в. Сосредоточение интересов Лаппо-Данилевского на XVIII в. в условиях Петербургского университета не только разграничило предметы научных интересов его и С.Ф. Платонова, но и обусловила новаторские позиции курса А.С. Лаппо-Данилевского в системе университетского преподавания. Увлеченно готовя новый курс («История сословий в России XVIII в.») летом 1891 г., Лаппо-Данилевский замечал: «Я думаю, что курс может выйти интересным. Судьба русской истории в наших университетах довольно странная: на нашем факультете читается только древний период, официальный профессор не доходит до XVIII века... Между тем в XVIII в. завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время»⁹. Среди курсов по истории XVIII в., читанных Лаппо-Данилевским в 1890-е гг.: «История сословий в России XVIII века», «История России в XVIII столетии», «Истории русского общества в XVIII столетии», «Главнейшие направления в русской историографии XVIII– XIX вв.»¹⁰.

Однако куда большее значение, нежели обстоятельства университетского преподавания в изменении научных интересов Лаппо-Данилевского, имели его историко-теоретические поиски 1890-х гг. Действительно, методологическая концепция Лаппо-Данилевского (как раз формировавшаяся во второй половине 1890–1900-х гг.)¹¹ была напрямую связана с его историософскими взглядами и предопределила выбор нового предмета его конкретно-исторических исследований. Можно констатировать, что методологические взгляды ученого в целом обусловили своеобразие его интерпретации государственно-юридической концепции российской истории. Как справедливо отмечал А.Л. Шапиро, отличие концепции Лаппо-Данилевского от воззрений представителей других направлений теории «государственного фактора» заключается в его идейно-исторической доктрине¹². Центральный исторический ряд фактов национальной истории Лаппо-Данилевский группировал, исходя из господствующей в сознании русских людей ценности «государства» (и формируемой на ее основании нормативной «идеи государства»), и таким образом реконструировал картину российской истории XVI–XVIII вв. как «эволюционного целого» (одно из основных понятий его методологии истории). При этом, согласно Лаппо-Данилевскому, сначала, в XVI в., идея государства в России носила религиозный характер, и ее окончательную победу в национальном сознании Лаппо-Данилевский относит к XVII столетию. В то же время ученый считал, что именно тогда религиозный характер государственной идеи стал постепенно меняться под влиянием светского элемента¹³. Уже к началу XVIII в. государственная идея становится скорее светской, чем религиозной, а это приводит к тому, что в национальном сознании в XVIII в. повышается значение ценности «личности», хотя ценность «государства» все еще является определяющей. XIX в., следуя логике Лаппо-Данилевского (хотя мы и не встречали его прямых замечаний на этот счет – исследования ученого в основном ограничиваются XVII–XVIII вв.), должен быть эпохой дальнейшего усиления идеи личности в России. Идейно-историческая концепция Лаппо-Данилевского позволила ему реконструировать историю России как историческое целое, представив ее как смену двух культурно-исторических типов. Московская Русь вплоть до XVII в. представляет собой

цельный культурно-исторический тип в своеобразной статической законченности, поскольку средневековое мировоззрение этой эпохи характеризуется высокой степенью единства. Однако постепенная секуляризация мышления в XVII в. разлагает единство духовной культуры, и настает период, длящийся до конца XVIII в., который, согласно Лаппо-Данилевскому, можно охарактеризовать как эпоху искания новых форм общественности и мышления, усвоения новых элементов просвещения в связи с усилением западных влияний. По мнению Лаппо-Данилевского, только к XIX в. русское мышление вернулось к поиску единства, а русская наука и просвещение приобрели национальные черты, русская мысль получила самостоятельность и сформировался новый национальный тип¹⁴. Такое понимание Лаппо-Данилевским хода отечественной истории объясняет, почему основным объектом изучения истории России, начиная со второй половины 1890-х гг., для него стал XVIII в. По представлению ученого, это был ключевой период российской истории, поскольку в это время происходила смена национального типа. Она заключалась в постепенной смене государства как доминирующей (и общепризнанной) ценности и главного фактора исторического развития ценностью свободы личности («личного начала»). Эти изменения, согласно Лаппо-Данилевскому, проходили под воздействием западноевропейских идей, усваиваемых русским общественным сознанием.

В контексте этих историософских представлений Лаппо-Данилевского и следует рассматривать «Очерк...». Из изложения автора видно, что он поставил задачу показать, как Екатерина Великая последовательно реализовывала основные «идеи» своего царствования через сословную политику. Согласно Лаппо-Данилевскому, западные идеи (доктрина «естественных прав», «общего блага» и т. п.), декларируемые императрицей, соединились с подготовленной почвой в сознании русских людей («стремление к личной свободе»), что предопределило характер екатерининских преобразований, итогом которых стало усиление в российской общественной жизни «личного начала». Важно подчеркнуть, что для Лаппо-Данилевского эта установка не догма, а скорее методологический прием, помогающий группировке исторических фактов, можно сказать, что материал как бы рассмат-

ривается автором по отношению к определенной концепции. Однако в результате такого подхода достигается искомый результат: читатель находит в рамках небольшой работы широкую и яркую панораму истории русского общества второй половины XVIII в.

Таким образом, не будет преувеличением охарактеризовать «Очерк...» как ценный памятник не только творчества Лаппо-Данилевского, но и истории исторической науки, новая публикация которого представляется обоснованной.

Е.А. Ростовцев

Примечания

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Императрица Екатерина II (Очерк внутренней политики) // Космополис (Cosmopolis). 1897. Т. VII. № 1. С. 48–69, № 2. С. 92–111; Т. VIII. № 1. С. 28–48.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1897; Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899; И.И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904; Отзыв о сочинении Н.Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II» // Записки АН по ИФО. 1906. Серия VIII. Т. VIII. № 2. С. 5–38. и др.

³ См.: [Рец.:] *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898 // Мир Божий. 1898. № 7. С. 60–62.

⁴ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В.И. Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. Ч. ССXXXIII. Май. Отд. II. С. 21–38; Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. Ч. 241. № 9. Отд. II. С. 66–106; [Рец.:] Дм. Цветаев Обрусение иноземцев, иностранцев в Московском Государстве // Библиограф. 1887. Отд. 1. № 2; [Рец.:] Ф. Успенский. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887 // Библиограф. 1887. Отд. I. № 6–7; [Рец.:] Архив Юго-западной России, изданный Комиссией для разбора древних актов. Ч. VII. Т. I. Киев, 1886 // Библиограф. 1887. Отд. I. № 10–11. С. 113–115 и др.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.

⁶ *Веселовский К.С., Латышев В.В., Янжул И.И., Дубро-*

вин Н.Ф. Записка об ученых трудах профессора Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. III Приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения Академии наук (ИФО) 15 сентября 1899 г. // Протоколы заседаний ИФО за 1899 г. СПб., 1899.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

⁸ См.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I. С. 128–165.

⁹ А.С. Лаппо-Данилевский – Е.Д. Бекарюковой (Лаппо-Данилевской). Июнь 1891. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л. 15–15 об.

¹⁰ Обзорение преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на осеннее и весеннее полугодия 1890–1918 гг. СПб. [Пг.], 1890–1918. Ср.: Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890–1918 гг. // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 42–43.

¹¹ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; Методология истории. СПб. 1913; Методология истории. Пг. 1923. Вып.1; Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 acad. году. Литография Богданова [Спб., 1909] и др.

¹² См.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 579–581.

¹³ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Полис. 1994. № 1. С.178. (первое издание: Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38; последнее издание: Русский мир. Геополитические заметки по русской истории. Сб. М.; СПб., 2003).

¹⁴ См.: Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 91–94.

А. С. Лаппо-Данилевский

ОЧЕРК ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

На долю людей, одаренных могучими характеристиками и способных уловить благоприятный момент для выполнения целей данного общезиятия выпадает обыкновенно важная роль в историческом процессе: через их посредство осуществляется превращение потенциальной энергии общества в кинематическую. Следует заметить при этом, что, в силу односторонней последовательности человеческого развития, лишь те деятели надолго оставляют по себе видимый след в истории, которые выразили передовые особенности своего времени так, что сами не только подчинились окружающей их среде, но и оказали на нее заметное воздействие.

В тех случаях, когда эти личности руководятся в своей деятельности самостоятельными и смелыми ассоциациями по сходству, образование которых, по-видимому, обусловлено обстоятельствами, благоприятствующими указанному превращению, мы называем таких деятелей гениями; наоборот, когда они поставлены в теснейшую зависимость от той же среды и действуют под влиянием чужих, более или менее готовых идей, которые разрабатывают или применяют к данному обществу, мы признаем в них более или менее крупные таланты.

Из русских государей, царствовавших в России XVIII-го века, после Петра Великого, наиболее видное место по своему таланту занимает, конечно, Екатерина II. Недавно миновавшая столетняя годовщина со дня смерти императрицы дает нам повод, хотя бы в общих чертах, припомнить итоги ее внутренней государственной деятельности. Выяснение среды, в которой она сложилась, ее основных задач и их результатов, во всяком случае не менее внешней политики заслуживает внимания, а между тем явления подобного рода труднее ясно восстановить в их целостности и отчетливо представить в кратком очерке. Не претендуя поэтому исчерпать тему, которая уже вызвала в нашей литературе несколько

специальных монографий, но еще не разработана целиком ни в одном общем сочинении, мы тем не менее считаем полезным с указанной точки зрения взглянуть на царствование императрицы Екатерины II-й и таким образом посылить содействовать уразумению того значения, какое это царствование имело в истории России.

I

Общий ход развития русской жизни в последние два столетия повлиял, конечно, на направление, какое приняла внутренняя политика императрицы Екатерины II.

Уже со времени созвания первых земских соборов в этой жизни нельзя не заметить раздвоения: хотя незадолго до смуты значительная часть общества все еще оставалась верной стародавним преданиям, тем не менее, представители более интеллигентных слоев его начинали чувствовать потребность в перемене и охотью разыскивать средства для ее осуществления в началах западноевропейской цивилизации. Антагонизм между консервативным и прогрессивным направлениями, развивавшийся в течение всего XVII-го века, ярко сказался в начале XVIII-го, когда страстная преобразовательная деятельность Петра Великого натолкнулась на тупое недоверие народных масс и на глухую оппозицию в небольшой группе лиц, получившую, как известно, политический оттенок.

С конца 1720-х годов, однако, противоположность между этими направлениями стала сглаживаться: не одни положительные, но и отрицательные последствия реформы привлекли внимание бывших ее поклонников, да и прогрессивная деятельность самого правительства заметно ослабла; то же случилось и с консервативным направлением, находившим себе гораздо менее пищи в самом обществе, члены которого успели несколько освоиться с новыми началами, внесенными в русскую жизнь реформой Петра Великого.

При таких условиях «взаимная связь между престолом и гражданами», между ослабевшим правительством и усилившимися общественными элементами (по крайней мере, свободными классами общества) становилась возможной.

В это время во главе государства оказалась Екатерина Алексеевна; она-то и попыталась осуществить указанное вза-

имодействие, положив в основу его идею о закономерной монархии и избрав идеальной целью таковой народное благосостояние.

Взгляды подобного рода, конечно, не чужды были и предшественникам императрицы. Систематическое проведение их, однако, в таком именно сочетании, поскольку оно согласовалось с принципами просвещенного абсолютизма и данными условиями русской общественной и государственной жизни, едва ли не впервые ясно обнаружилось во второй половине XVIII века, благодаря деятельности Екатерины II.

II

Личная жизнь Екатерины Алексеевны несколько подготовила ее к выполнению тех трудных задач, какие выпали на долю ее царствования.

Екатерина родилась 21 апреля 1729 года. Довольно рано вырванная из родной семьи, она пятнадцати лет попала в чуждую ей обстановку русского двора (1744 г. февраля 3-го), а через полтора года уже стала супругою великого князя Петра Федоровича (21-го августа 1745 г.). Ни в супружестве, ни в родительском чувстве Екатерина, однако, не нашла счастья. Сама она, несмотря на свою природную веселость и твердый характер, слагавшийся в тяжелых условиях этой обстановки, с горечью вспоминала о том, как ей, быть может, не столько по собственному желанию, сколько по вине обстоятельств, пришлось навсегда отказаться от семейных радостей.

Способная, любознательная и славолубивая Екатерина постаралась, однако, не только случайными удовольствиями, которыми изобилует придворный быт того времени, но и более серьезными занятиями восполнить этот пробел, образовавшийся в ее жизни. «С тех пор, как я вышла замуж, читаем мы в ее мемуарах, я только и делала, что читала... У меня в то время бывала всегда с собою книга и каждую свободную минуту я проводила в чтении».

По мемуарам Екатерины не трудно проследить, как она после увлечения романами, в роде *Tiron le blanc* и других, заинтересовалась письмами г-жи де Севинье и сочинениями Вольтера; от них и, пожалуй, благодаря влиянию этого последнего, она перешла к ознакомлению с трудами Плутарха,

Цицерона, Тацита, а также к чтению нескольких мемуаров и сочинений по гражданской и церковной истории Европы (напр., Брантона, Перефикса, Барра и Барониуса, а потом и Гиббона). Тем не менее блестящим произведениям Вольтера, «особенно любимого писателя», Екатерина «преимущественно обязана была своими познаниями»; эти произведения интересовали ее гораздо более парадоксальных теорий Руссо; считая Фернейского философа «знаменитейшим из людей своего века, не сравнимым с другими», она, напротив, полунасмешливо, полувраждебно отзывалась о «Св. Бернарде», авторе «Общественного договора», а его «Эмиля» признавала даже книгой вредной для государств¹. Более сочувственно относилась Екатерина к сочинениям Дидеро, который занял отчасти место, принадлежавшее Вольтеру в первой половине прошлого века: впрочем, и к его взглядам она умела относиться критически. Наконец, не говоря о многих других сочинениях, весьма разнообразных свойств и достоинств, молодая женщина с редким прилежанием одолела критический лексикон Бэйля, после которого не раз обращалась к французской энциклопедии, о чем свидетельствуют между прочим писанные ее рукой длинные перечни названий наиболее интересовавших ее статей. Более специальное политическое образование Екатерина стала приобретать с того времени, как принялась за внимательное изучение творений Монтескье, вместе с Плутархом способствовавшего «укреплению склада ее ума и души»; «Дух законов» она называла, как известно, своим «молитвенником» и также охотно обращалась к «Наставлениям» Бильфельда, популяризатора взглядов Монтескье; не следует думать, однако, что внимание Екатерины обращено было исключительно на одну французскую литературу: она не забывала сочинений Локка, а также Беккариа и (позднее) Блэкстона, из «комментарий» которого сама не раз делала пространные выписки.

Привычки к серьезному чтению, приобретенной до вступления своего на престол, Екатерина, как видно, не потеряла и впоследствии; напротив, она поддерживала ее постоянно, между прочим, благодаря довольно объемистой и любимой ею библиотеке. Из 4-х часов, которые императрица уделяла ежедневно умственным занятиям, немало времени уходило, впрочем, и на письмо: «не пописавши, нельзя и одного дня прожить», сказала она однажды своему секретарю Грибовс-

кому. Громадное количество писанного Екатериной, и притом писанного большею частью собственноручно, можно видеть уже из того, что издание полного собрания ее сочинений заняло бы, вероятно, не менее 15-и томов, считая до сих пор еще неизданное.

Во время одинокой и замкнутой жизни, какую Екатерина Алексеевна вела до вступления на престол, она не замедлила ознакомиться и с русским языком, которому училась с интересом, в виду его «богатства и выразительности», успела приглядеться и к русскому быту. Несмотря на увлечение рационализмом XVIII века, она не раз говаривала, что «не зная прошлого народа, нельзя принимать и какие-либо меры для него в настоящем и будущем». Следуя этому правилу, императрица прислушивалась к рассказам своих приближенных о прошлом и (особенно в последние годы своего царствования) охотно занималась русской историей. Благодаря таким занятиям, вероятно, сложилось и то чувство глубокого уважения, какое императрица Екатерина питала к «вселюбезнейшему деду» своему, «гениальному» Петру Великому. Впрочем, действительность выяснялась ей и другим путем: еще в бытность свою великой княгиней она знакомилась с наказами русских послов и их докладами императрице Елисавете; по вступлению же на престол Екатерина лично входила во все важнейшие и даже нередко мелочные государственные дела. При подобном рода условиях она несколько ближе узнала русский народ и стала усматривать в нем народность: «Русский народ, писала она однажды, есть особенный народ в целом свете; он отличен догадкою, умом, силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту моего царствования. Бог дал русским особенное свойство». Такие принципы не оставались без влияния на правительственную деятельность Екатерины и в особенности на ее внешнюю политику, которой они и придавали национальный оттенок.

Взгляды Екатерины на задачи властвования также должны были отозваться на характере ее царствования. Недаром читала она лучшие произведения иностранной литературы; из них она почерпнула знакомство с идеей закономерного государства и усвоила ее лучше своих предшественников. С этой точки зрения императрица не только признавала себя государыней самодержавной, но указывала и на то, что «власть без доверенности народа ничего не значит» и что

«предлогом» самодержавного правления должно служить не «лишение людей естественной их вольности», а направление «действий их к получению самого большого от всех добра», чем и отличала монархию от «деспотичества». Средство, пригодное, по ее мнению, для достижения подобного рода цели, императрица определила довольно ясно в известном манифесте 1764 г., когда «наиторжественнейше обещала своим императорским словом узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного отечества в своей силе и при надлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка». Возлагая на себя тяжелые обязанности по управлению империей, императрица не без преувеличения признавала ответственность, падавшую на нее перед населением. «Всегда, — писала она сыну, — государь виноват, если подданные против него огорчены...»

Выработанный характер и просвещенные взгляды, с какими Екатерина вступала на престол, заставляли современников признать в ней выдающиеся способности к властвованию. «Более, чем кто-либо в свете, — по словам Каткарта, — она способна была вести такую сложную машину», как русское государство.

Мало-помалу подготавливая себя к будущей просветительской деятельности, великая княжна Екатерина Алексеевна легко могла убедиться и в ее необходимости для государства, механизм которого за последнее время царствования императрицы Елисаветы функционировал довольно плохо. «Сей эпох, говорит, например, Н. Панин про царствование Елисаветы, заслуживает особое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотением припадочных людей (т. е. фаворитов) и всяким посторонним малым приключениям в делах». Наконец, далеко еще не прочное положение, в каком находилась Екатерина по воцарении, также вызвало с ее стороны энергичные меры для водворения государственного порядка и кое-какие уступки в пользу наиболее видных классов общества.

Таким образом, приобретая личные средства для проведения реформы в государственной жизни России, Екатерина одновременно чувствовала ее настоятельную необходимость, в виду некоторой беспорядочности предшествовавшего цар-

ствования и опасений, вызванных собственным ее, первоначально довольно шатким, положением на престоле.

III

Когда после переворота 28 июня 1762 года, вызванного личной предприимчивостью будущей императрицы и ее приверженцев, опасным положением их при дворе и сильным недовольством общества против правительства, Екатерина вступила на престол, она ужаснулась, увидевши, в каком печальном положении находилось государство. Первоначально императрица думала одновременно собрать возможно более обстоятельные сведения о состоянии империи и сразу решить вопрос о реорганизации государственного порядка в комиссии о сочинении проекта нового уложения (1767—1774 гг.); но вскоре, разочаровавшись в благополучном исходе затеянного ею предприятия, она стала по частям выполнять ту же задачу. Остановимся прежде всего на первом из этих моментов ее внутренней политики.

Императрица Екатерина сильно увлекалась, особенно в первые годы своего царствования, идеей о единообразном, согласованном во всех своих частях и правомерном государстве; между тем приступить к систематическому выполнению этой идеи казалось всего легче с составления нового уложения. Пример предшественников императрицы и соседних государей, также стремившихся к славе законодателей, вероятно, повлиял на Екатерину II, укрепив ее в этом намерении. Наконец, помимо отвлеченных соображений, и действительное положение дел вызывало со стороны императрицы желание возможно скорее приступить к работам по кодификации права.

Созванию комиссии предшествовало приготовление императрицей знаменитого Наказа, написанного главным образом по сочинениям Монтескье и Беккариа. Наказ известен нам в нескольких редакциях: императрица, как видно, работала над ним довольно усердно².

Составительница Наказа признавала личность гражданина (свободу совести и мнения, личные и имущественные права), но указывала и на необходимость сословного строя с дворянством во главе, умеряемого правомерными отношениями сословных групп друг к другу. Далее, императрица в

своей инструкции указывала на личность гражданина, как на цель попечений государственной власти, и на регулятивное значение законов, которые должны запрещать лишь то, что может быть вредно каждому в частности или всему обществу в его совокупности; настаивая при этом на человеческом производстве суда вообще, она, в частности, считала возможным устранить пытку из уголовного производства. Наконец, принцип закономерной деятельности подчиненных властей и основные законы «самодержавного правления» составляют также темы, разработке которых посвящено несколько глав Наказа.

Следует заметить, что члены комиссии постоянно читали Наказ на своих заседаниях, часто ссылались на его статьи и принимали во внимание их содержание при составлении разных проектов. Экземпляры Наказа разосланы были также в присутственные места, куда чиновники «должны были съезжаться по субботам» для чтения этого произведения; наконец, несмотря на то, что Наказ не имел силы закона, в последующее время иногда встречаются ссылки на статьи его для подтверждения или разъяснения вновь издаваемых законоположений.

Если в Наказе императрица высказывала общие начала предполагаемого ею уложения, то в «коммиссии сводов», учрежденной до открытия действий «большого собрания», думала подготовить исторический материал, необходимый для кодификационных работ по русскому праву.

Надзор за комиссией и общее управление ее деятельностью Екатерина поручила лицам, пользовавшимся ее доверием: кн. А.А. Вяземскому и А.И. Бибикову. Для участия же в занятиях «большого собрания» призваны были депутаты не только от присутственных мест, но и от всех сословий (кроме крепостных и духовенства). Такой способ организации кодификационных работ вызван был, конечно, частью примером предшественников императрицы Екатерины II, частью знакомством ее с иностранной политической литературой и с некоторыми из учреждений Западной Европы. Следует иметь в виду также, что осуществление всеобщей потребности в новом уложении давало императрице возможность взять на себя инициативу и непосредственное руководство «эффектным» делом, которое должно было «занять ее подданных» и распространить славу мудрой законодательни-

цы по всей Европе. Сами задачи комиссии поставлены были чрезвычайно широко: предшествующие собрания работали, в сущности, лишь над двумя уложениями (гражданским и уголовным), между тем как депутаты, созванные в 1767 г., должны были сообщить императрице о «нуждах и чувствительных недостатках каждой округи», пересмотреть все законодательство и составить проект уложения почти по всем отраслям государственной жизни.

В кратком очерке нам нет возможности останавливаться на организации этого дела и на работах депутатов, созванных со всех концов России; отметим только два противоположных отзыва современников о значении «большой комиссии», окончательно закрытой, как можно убедиться по некоторым данным, 4 декабря 1774 г. «Я предвидел, — писал А.Т. Болотов, — что из всего сего великого предприятия ничего не выйдет, что грома наделается много, людей оторвется от домов множество, денег на содержание их истратится бездна, вранья, крика и вздора будет много, а дела из всего того не выйдет никакого и все кончится ничем». Однако лица, принимавшие участие в деятельности комиссии и далеко не расположенные судить о ней благосклонно, тем не менее отзывались о ее значениях иначе. «Важное в сей комиссии, по словам кн. М. Щербатова, было то, что всякое состояние людей всякого уезду, через свои наказы их депутатам, объясняло свои нужды, а губернаторы объяснили состояние их губерний. И хотя, истину сказать, самые сии наказы наполнены были теми же предубеждениями, каковыя в голосах у депутатов являлись, но сия была грязь, из которой можно было много золота получить: ибо среди самого непросвещения, пристрастия и, можно сказать, безумия, каждый, однако, не оставлял объяснить, что ему тягостно быть казалось; присутственные же места в своих наказах изъяснили, что темно, что неудобноисполнительно и что недостаточно в законах находят, каждое по препорученным ему делам; а сего и довольно для заготовления вещей к сочинению законов». Это мнение человека, далеко не безусловно поклонявшегося Екатерине, тем не менее, совпадает с собственным ее взглядом на значение комиссии. Во-1-х, она признавала, что «коммиссия уложения, быв в собрании, подала ей свет и сведение о всей империи, с кем дело иметь и о ком пещись должно». Во 2-х, Наказ комиссии, по ее

мнению, ввел «единство в правило и в рассуждения, не в пример более прежнего. Стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере стали знать волю законодавца и по одной поступать». Ясно, таким образом, что комиссия принесла свою долю пользы и обществу и правительству. В самом деле, она оказала некоторое влияние на реформу областных установлений и на развитие сословного строя: с одной стороны депутаты укрепили верховную власть в намерении осуществить эти преобразования, с другой — взаимным обменом мыслей, спорами на заседаниях большого собрания и занятиями по различным отраслям действующего права в частных комиссиях сами подготовили себя к принятию учреждения о губерниях и жалованных грамот.

«Коммиссия уложения, — писала Екатерина, — все части закона собрала и разобрала по материям и более того бы сделала, ежели бы Турецкая война не началась». Каковы бы ни были причины закрытия комиссии, во всяком случае она не успела составить цельного свода, а тем паче сочинить нового уложения.

Разочаровавшись в возможности сразу кодифицировать все русское право, императрица принялась за выполнение по частям двойной задачи, предложенной комиссии: с одной стороны, она рядом сепаратных указов и «грамот» позаботилась об улучшении положения русского общества и разграничения интересов сословных групп, с другой — таким же путем отделенными учредительными актами и мероприятиями попыталась упорядочить систему государственных органов и установить деятельность их на более закономерных основаниях.

Бросим взгляд на эту сословную и правительственную политику императрицы Екатерины II.

IV

Вопрос о положении русского общества в государстве был очередным вопросом в русской жизни второй половины XVIII века. Естественно, поэтому, что императрица Екатерина II посвятила не мало труда для того, чтобы решить его сообразно собственным своим взглядам на задачи «самодержавного правления» и на сословный строй.

1.

Следует заметить прежде всего, что Екатерина содействовала численному размножению населения, нужного, по ее мнению, для развития народного благосостояния.

Выдающиеся европейские авторитеты XVII—XVIII вв. уже задолго до рождения Екатерины считали размножение населения одною из основных задач мудрого правления. Императрица, конечно, следовала этому правилу, высказанному большинством известных ей писателей (Локком, Монтескье, Бильфельдом, Юсти, Вольтером, Руссо и особенно Зонненфельсом, а также Татищевым и Ломоносовым), и сама не замедлила обнародовать его в Наказе. «Одна из верховных должностей и добродетелей каждого боголюбивого владетеля, — писала она в двадцатой главе своей инструкции, — состоит в умножении полезных обществу жителей; поэтому не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве». Но, не довольствуясь теорией, императрица Екатерина попыталась осуществить эти взгляды на практике.

Частная комиссия о размножении народа (1767 г.) в числе причин, мешавших росту населения, отметила «препятствия по дальным свойствам в браках», т. е. невозможность заключить их хотя бы отдаленным родственникам между собою, и «весьма раннюю женитьбу у земледельцев, кои детей своих стараются женить для работ лет 12 и меньше, а притом на взрослых девках». Хотя Екатерина прямо и не устранила этих причин, лежащих в народных обычаях и мало поддававшихся воздействию правительства, тем не менее, учреждением народных училищ и мерами по развитию народного хозяйства косвенно могла ослабить их значение. Указ о невенчании малолетних женихов с «возрастными девками», прямо направленный против одного из перечисленных зол, едва ли получил надлежащее применение в действительной жизни. Менее затруднительно было устроить уход за незаконнорожденными младенцами, нужный для предупреждения их чрезмерной смертности. Этой цели императрица думала достигнуть основанием Воспитательного дома, предназначенного между прочим для «попечения о умножении полезных обществу жителей» (1763 г.). Вообще, прискорбно за младенцами (в том числе и рожденными в закон-

ном браке), вероятно, несколько улучшился по изданию устава о повивальных бабках.

Вопросы народной гигиены также обращали на себя внимание императрицы. Сама она решила привить себе оспу в 1768 г., и вскоре той же мере предосторожности подвергла цесаревича Павла. Слухи о «великой отважности императрицы» проникли всюду; ее пример, конечно, увлек и придворных, а Вольно-Экономическое Общество немало содействовало распространению оспопрививания в низших классах населения. С введением учреждения о губерниях (7-го ноября 1775 г.) попечения о народном здравии получили более устойчивую организацию: открытые в 40 из них приказы общественного призрения должны были, между прочим, завести сиротские дома, больницы и богадельни, дома для неизлечимо больных, для сумасшедших и работные (для доставления работы нуждающимся); в силу «учреждения 7-го ноября» те же приказы заботились об основании аптек, на что каждому из них было ассигновано единовременно 15000 рублей, и вообще наблюдали за всеми этими установлениями. Кроме того, аптеки получили дальнейшую организацию с изданием «аптекарского устава» 1789 г. В тесной связи с мерами по народной гигиене стоял и вопрос о народном продовольствии, получившем, благодаря попечениям Екатерины II, менее случайный и произвольный характер, чем то было раньше. Кое-где, например, заведены были хлебные магазины; они появились не только в городах, но и в некоторых деревнях.

Наряду с этими мероприятиями, имевшими в виду более или менее постоянные явления народной жизни, можно поставить еще и такие, которые преследовали более случайные, хотя в данное время и не менее существенные цели. На неустойчивость населения влияли, например, постоянные побегы его за границу. Борьба с этим злом, продолжавшаяся в течение всего XVIII века, естественно привлекала внимание Екатерины, издавшей до 50 указов о беглых, отличных, однако, от предшествовавших распоряжений этого рода по своему направлению. «Чтобы прекратить побег, — читаем мы в одном из них, — нужно отнять к оным повод и способы». Поэтому в указах о беглых не раз было обещано смягчение их положения. Удерживая наличное население в пределах империи, Екатерина II заботилась также о привлече-

нии чужеземных поселенцев в Россию, в виду чего и учредила канцелярию опекунов иностранных колонистов (1763 г.). Манифест о переселении иностранцев предоставлял им разного рода льготы и привилегии при пользовании земельными участками, лежавшими, главным образом между Саратовым и Астраханью, в Новой Сербии и в восточных областях.

Разнообразные средства, к каким прибегала Екатерина для размножения населения, вероятно, не пропали даром. Численность его, во всяком случае, возросла с 19-20 миллионов (в 1762 г.) до 29 (в 1796 г.), не считая населения вновь приобретенных при Екатерине местностей. Можно думать, что годичный (арифметический) прирост населения за эти 34 года, равный 2 или 2,25%, значительно превышал прирост его в предшествующее время.

2.

Обширное население Российской империи не могло, конечно, представлять однородной массы; строение ее зависело от того положения, какое заняло лицо в русском обществе и государстве XVIII-го века.

Реформа Петра В. хотя и не создала лица как самостоятельной единицы общественного строения, но во всяком случае расчистила ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность. Русский человек начала XVIII в. уже находил в новом образовании и более оживленной, а также усовершенствованной хозяйственной деятельности духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности, которые влияли на развитие его индивидуальности. В то время впервые к русскому обществу стали прививаться и теории естественного права, способствовавшие распространению и утверждению понятий о личных и имущественных правах человека, получивших впоследствии доступ в наше законодательство. Правительство не только косвенно, но и прямо содействовало образованию таких результатов целым рядом указов.

Императрица Екатерина хорошо понимала значение этих явлений. «Два есть оссы (т. е. оси), писала она, на которых должна вертеться вся громада законов: первое юстиитская голова с ее отраслями, а просто сказать, правила о безопасности особы всякого жителя в империи; другая ось есть о

владении имений с наследствы или безопасность во владении имением всякой особы в империи. Есть ли около сих двух беспрепятственно будут колеса вертеться, т. е. правосудие беспрепятственно будет иметь течение, то можно почесть, что государство приведено в твердое состояние, понеже всякий живущий в империи будет тогда почитать, что его благополучие зависит от непременных оных узаконений». Взгляды, изложенные в этой заметке, императрица пыталась развить в проекте «гражданских законов»; в предисловии к проекту (начала 1774 г.) указаны цели сочинения их, согласные с вышеприведенными теориями; но самый проект, по-видимому, не был осуществлен.

Причины такой неудачи едва ли принадлежали к разряду случайных: слишком рано было думать о свободной человеческой личности вне подчинения ее той общественной группе, к которой она принадлежала в силу обстоятельств. И действительно, лицо с самого начала XVIII века стояло еще беззащитным перед государством: между тем и другим не существовало никаких преград. Поэтому дальнейшая судьба «личного начала» поставлена была в зависимость от образования прочных сословно-общественных групп, в пределах которых личность и продолжала развиваться.

Человеку нового времени трудно было, однако, осуществить более или менее сложные гражданские права в тех старинных дворовых и служебных (т. е. тягловых или служилых) союзах, которые выросли в России задолго до XVIII века. Ни тот, ни другой вид этих союзов не удовлетворял насущным потребностям живой и свободной человеческой личности; поэтому когда последняя в XVIII века постепенно стала заполняться содержанием, она все менее и менее соглашалась довольствоваться прежней законной сферой обязательной деятельности, отведенной ей правительством, и стремилась выйти из круга этих отношений на волю. Старые формы общественности стояли не прочно: задружные союзы теряли внутреннюю связь, некогда объединявшую их членов между собою, а тяглые и служилые не могли вырастить ее в своих недрах. Стремление к личной свободе пробилось наружу сквозь эту порастрескавшуюся оболочку; стали образовываться новые соединения, в основе которых лежали не так давно зародившиеся сословные интересы русского общества. Возникновение их тесно было связано с разложе-

нием старинных форм нашей общественности. Каждый человек в первой половине XVIII века хотел перетянуть на свою долю возможно большую сумму прав, какую при наличных своих средствах он мог себе представить. Для этого, однако, недостаточно было выпутаться из задружных или служебных отношений; в одиночку, вполне независимо от других, он не надеялся справиться с могучими силами государства, да и чувствовал вредные последствия таких одиночных попыток, которые приводили к принципиальному оправданию кулачества в деревне, монополий в торговле и фаворитизма на службе. Он понимал, что в союзе с лицами, попавшими в такое же положение, как и он сам, каждому можно будет найти опору для своих собственных законных претензий при предъявлении их государственной власти и поэтому соглашался поступиться частью желанных преимуществ в пользу таких лиц. Словом, в глазах русского человека половины XVIII века сословная группа более и более становилась обществом взаимного страхования свободной жизнедеятельности каждого из ее членов, наилучшей политической гарантией его гражданских прав. Все эти идеи, выращенные самою жизнью, мало-помалу пробились в сознание русского общества и встретились здесь с довольно смутными общественными идеалами, пересаженными сюда с Запада.

Таким образом, понятие о лице, т. е. особе, наделенной определенными гражданскими правами (личными и имущественными), находилось в прямой зависимости от понятия о государственных родах, на которые распадалось современное Екатерине общество. Из такого воззрения вытекали следующие общие положения: 1) каждому лицу принадлежат лишь те права, какие присущи его состоянию (*status*); 2) лицо пользуется ими до тех пор, пока не переменит своего состояния на другое; 3) с переходом лица из одного состояния в другое соответственно меняется и его правоспособность.

Императрица немало содействовала развитию этого процесса, частью косвенно — своей экономической и просветительской политикой, частью прямо — путем установления сословных отношений общественных групп друг к другу в законе.

Вопрос о положении лица в государстве поставлен был, как видно, в прямую зависимость от вопроса о сословной организации русского общества. А зачатки подобного рода организации стали складываться в России задолго до вступления на престол Екатерины и продолжали развиваться отчасти независимо от влияния императрицы. Но если Екатерина не создала сословности, то она тем не менее способствовала развитию ее и направила последнее сообразно с теми целями, какие преследовала ее внутренняя политика. На эту роль государыни необходимо обратить внимание.

В образовании сословного строя действовали факторы экономического и духовного порядка.

Экономическая политика Екатерины, не раз прибегавшей в ведении ее к помощи известного дельца Г.Н. Теплова, с указанной точки зрения имела значение главным образом, поскольку коснулась вопросов о производстве и распределении главным образом недвижимых имуществ.

Решение первого из них скорее повлияло на судьбу названных классов, решение второго особенно сильно отозвалось на положении высших слоев общества.

Вообще можно сказать, что политика императрицы Екатерины содействовала развитию хозяйственных занятий, служивших отличительными признаками разных общественных групп.

В самом деле, в царствование Екатерины II приобетена была почти вся черноземная полоса; сюда стала передвигаться часть населения северной и средней России, что можно доказать сравнением статистических данных о населении по губерниям в 1724–1885 гг.; этот процесс постепенно способствовал развитию земледелия в тех местностях, где сама природа наиболее пригодна для процветания подобного рода занятий. Таким образом земледельческая культура впервые со второй половины XVIII века получила прочное основание и более устойчивое значение в русском хозяйстве. При этом вывоз хлеба за границу значительно усилился (размеры вывоза пшеницы из главных портов, кроме остзейских, в 1779 г., например, превышали размеры вывоза того же продукта в 1766 г. в девять с лишком раз), что, вероятно, содействовало повышению цен на хлеб, которые в 1760-х гг. возрасли втрое. Подобное явление, ко-

нечно, побуждающим образом должно было действовать на земледелие.

Наряду с экономическими причинами и духовные влияли на развитие той же отрасли производства: Екатерина придерживалась физиократических взглядов, впрочем, довольно неопределенных, и способствовала их распространению в русском обществе. Кроме того, в Наказе императрица высказывала пожелание, чтобы в России появились книги, «изданные о земледелии, из которых каждый крестьянин мог бы в своих недоумениях пользоваться наставлениями». Позднее, действительно, вышли русские переводы нескольких таких книг, чему немало способствовало и основанное императрицей Вольно-Экономическое Общество; из записок современников видно, например, какое влияние имели его издания на повышение интереса к сельскому хозяйству.

Не менее благотворны были меры Екатерины по части русской промышленности и торговли. Екатерина стояла за свободную конкуренцию в производстве, по крайней мере, в пределах данного (среднего) класса. Поэтому уже указом 31-го июля 1762 г. она старалась подорвать ту систему монополий, которая так сильно развилась в конце предшествовавшего царствования; против этого зла императрица боролась постоянно. Не менее замечательна и та новая точка зрения, которая позднее высказана была правительством о фабриках, как объекте имущественных прав: в силу указа 1780 г. «принадлежащая частным людям собственно фабрики и мануфактуры не иначе должны быть разумеемы, как собственное имение, которым каждый может свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволения от начальства». Таким образом, правительство с этого времени стало признавать возможность свободного развития фабричного производства, независимо от правительственного принуждения. Мероприятия подобного рода благоприятствовали росту частного крупного производства. Действительно, при вступлении Екатерины на престол можно было насчитать всего до 500 фабрик, между тем как к концу столетия их оказалось в четыре раза больше; во всяком случае число важнейших из них к этому времени, по-видимому, возросло приблизительно на 40%. Фабричное дело развивалось не только в количественном, но в качественном отношении.

Сравнительно с прежним временем заметно выдвинулось

производство полотен и шелковых тканей, стекла и золотых, а также серебряных изделий; еще более развились фабрики купоросные и сахарные, суконные (а также изготовлявшие другие шерстяные материи) и ситцевые; наконец, за тоже время появились и новые фабрики: красильные. Вообще, кожевенные, шелковые, полотняные, а затем и суконные фабрики к концу века превосходили своею численностью остальные. Крупное производство, как видно, начинало сообразоваться не только с правительственными, но и с общественными нуждами, а это придавало указу 1780 г. не одно формальное значение.

Развитию крупного производства способствовало также отчасти им же самим вызванное усиление обращения богатств. Просвещенные взгляды и политика императрицы Екатерины немало содействовали этому. «Коммерция, писала Екатерина И. Неплюеву, по большей части процветает вольностью и свободою». Поэтому в ее царствование привилегии разных торговых компаний были уничтожены так же, как и откупы на таможенные сборы; притом меркантилизм в глазах императрицы уже потерял прежнее свое значение, что давало большой простор ввозу. Далее, Екатерина позаботилась о введении более однородного и устойчивого курса на металлическую валюту и о замене медных денег ассигнациями (с 1769 г.), первоначально «знатно облегчившей самым делом обращение»; последнее обстоятельство, разумеется, имело положительное значение не надолго. Наконец, появление новых кредитных установлений (открытие банков 1762 и 1786 гг.: государственного, ссудного и сохранной казны) для всех сословий, причем в разряд банковских операций включены не только выдача ссуд, но с 1770 г. и прием вкладов на хранение с платежом процентов вкладчику, должно было оживить торговлю. При таких условиях торговля, развитию которой способствовало улучшение путей сообщения и почт, а также зарождение торгового флота, вызывавшего столь мало забот до этого времени, должна была усиливаться тем более, что возможность правильных торговых сношений была гарантирована внутри государства новым уставом купеческого водоходства, а вне его границ известною «морскою конвенцией для охранения нейтрального торгового кораблеплавания» 1780 г. и учреждением генеральных консульств в нескольких заграничных портах. И дей-

ствительно, тогда как вывоз в 1762 г. не превышал 13 мил. руб., размеры его к концу столетия доходили до 57 мил.; ввоз за тот же период времени возрос почти в одинаковой степени, ибо с 8 мил. (с небольшим) перешел на 39 мил. Итак, ввоз, по-видимому, развивался несколько быстрее вывоза, несмотря на то, что после тарифа 1766 г., понизившего ввозные пошлины, издан был новый тариф 1782 г., менее благоприятный в этом отношении.

Сверх того, не мешает заметить, что в то же время окончательно выяснилось положение России на международном рынке: вывоз жизненных припасов и материалов для промышленной обработки значительно возрос в ущерб вывозу разного рода изделий и товаров; обратные перемены произошли в ввозе. Россия, таким образом, все более стала поставлять сырье на международный рынок и получать отсюда предметы обрабатывающей промышленности. Этот процесс был несколько приостановлен изданным Императрицей Екатериной тарифом 1782 г. и позднейшими распоряжениями, задержавшими привоз в Россию многих предметов роскоши.

Заботы Екатерины простирались не только на усиление обрабатывающей и передаточной промышленности, но и на развитие духовных сил, нужных для ее преуспевания. «Честность (вместе с кредитом) — душа коммерции», писала она в Наказе. Может быть, под влиянием этой мысли Екатерина и заботилась об образовании промышленного торгового класса: во всяком случае она поощряла путешествия молодых купцов за границу, основала коммерческое училище и Академию Художеств с «воспитательной школой» для мещанских мальчиков и, кроме того, издавала и безденежно распространяла книги, «полезные купечеству»; согласно ее желанию Вольно-Экономическое Общество также должно было изучать вопросы подобного рода.

Правительственная политика, как видно, значительно повлияла на производство и усилила различия между занятиями земледельческого населения и занятиями промышленно-торгового класса, а это давало экономические основания для разграничения их сословных интересов и между собою, и по отношению к высшим слоям общества. «Земледельцы (т. е. крестьяне), писала, например, Екатерина, живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и

сей есть их жребий». Такой взгляд, однако, невозможно было последовательно провести в законодательстве: в силу указа 1776 г., напр., крестьян, производивших купеческие промыслы, пришлось включить в состав купеческих гильдий, а через год таким же образом велено было поступать с крестьянами, желавшими записаться и имевшими на то законное увольнение от своих помещиков или от своих ведомств. Промышленно-торговые занятия, например, по мнению императрицы, должны были характеризовать средний род людей; соответственно этому она подтвердила (в 1762 и 1784 гг.) указ своего предшественника, запрещавший покупку деревень к заводам и фабрикам. Фактически, однако, купцы и фабриканты нередко принадлежали и к землевладельческому, или крепостническому классу; само правительство не в силах было вполне уничтожить эти злоупотребления. Занятия, приличные для купечества, оказывались, однако, с точки зрения Екатерины, несовместимыми с достоинством «благородного». «Противно существу самодержавного правления, читаем мы в Наказе, чтобы в одном дворянство торговлю производило»; оно должно хозяйничать в собственных населенных имениях или отправлять гражданскую и военную службу во славу самодержавного правления, а не заниматься торговыми делами. Тем не менее императрица подтвердила право дворянам содержать заводы и фабрики «по деревням и вести оптовую торговлю произведениями собственных хозяйств, даже за границу, а также предоставила им возможность (в 1786 г.) входить во всякого рода откупы и подряды, свойственные дворянской собственности. Впрочем, она с неудовольствием смотрела на тех из них, которые широко пользовались этой привилегией, а записывание их в гильдии окончательно воспретила указом 1790 г. (октября 26).

Приурочение определенных хозяйственных занятий к известным классам общества, как видно, не могло быть выполнено и нарушалось главным образом в пользу высшего дворянского класса, который через посредство своих крепостных или лично получал возможность участвовать в производительной деятельности, принципиально принадлежавшей одному среднему состоянию.

Экономическая политика императрицы Екатерины II, однако, не только направлена была на то, чтобы удержать определенные отрасли производства за низшими классами,

но повлияла и на более резкое распределение недвижимых поземельных имуществ между ними и высшими слоями общества.

Государственное межевание, предпринятое в 1765 г. (комиссия о межевании учреждена 5 марта 1765 г.) привело к трем особенно важным последствиям: к отобранию в казну многих земель, распаханых помещичьими крестьянами, без прав на это, что, естественно, должно было вызвать сокращение крестьянских запасок и отозваться на их благосостоянии; далее, к лишению имений лиц из среднего класса, незаконно ими владевших и, наконец, к укреплению за землевладельцами законно принадлежавших им имений, причем этим лицам предоставлена была возможность выкупить из казны часть припаханных ими земель. Государственное межевание, таким образом, поставило в более определенные отношения казну и дворянство, как главнейших представителей землевладения того времени.

Контингент государственных земель и крестьян значительно увеличился после окончательной секуляризации имений духовенства (1764 г.), так как крестьян за ним числилось в это время около 1 мил. душ мужского пола³. Но и количество земель с крестьянами, принадлежавших дворянству, также сильно возросло, благодаря раздаче императрицей большого числа населенных имений; в самом деле, всего за царствование Екатерины II пожаловано было до 400 000 душ мужского пола или до 800 000 душ обоего пола, т. е. на 300 000 душ обоего пола больше того, что было роздано почти за такой же срок от 1725 по 1762 г. Землевладение, как видно, становилось исключительным атрибутом казны и дворянства, в отличие его от остальных классов населения.

Таковы были важнейшие мероприятия Екатерины II, содействовавшие развитию экономических факторов в образовании сословного строения русского общества.

Выше мы уже указывали на то, что это строение отчасти вызвано было не только хозяйственными, но и духовными факторами, сыгравшими под влиянием правительства довольно видную роль в первоначальном развитии преимущественно одних высших сословий (дворянства и духовенства). Императрица Екатерина в известной мере, обеспечила и даже поддержала прежний порядок вещей. Ближайшими и главными помощниками ее в деле развития народного просвеще-

ния нельзя не признать И.И. Бецкого и Ф.И. Янковича де Мириево.

Важнейшим из духовных факторов в образовании сословного строя надо считать обязательно-сословное образование, наследственно получаемое членами одного и того же общественного слоя. Правда, что профессиональный характер его значительно ослабел (напр., в кадетском корпусе), а обязательность окончательно уничтожена была при Екатерине; но теперь сами сословия готовы были смотреть на такое образование не как на обязанность, а как на свою привилегию. Начало сословности, хотя и стало менее исключительным, однако, также продолжало держаться в среднем образовании, где наряду с прежними профессионально-сословными заведениями появились новые, отличные от них лишь тем, что давали воспитание вместе с образованием в сословном духе порознь детям обоего пола. Новые школы предназначались не только для высших классов, но и для среднего (напр., коммерческое училище); при этом состав учащихся в духовных семинариях, число которых заметно возросло при Екатерине II, существенно изменился: довольно пестрый в первой половине XVIII века, он в это время ограничен был детьми одних церковнослужителей. Итак, сословный характер образования все еще ясно сказывался в системе, принятой императрицей Екатериной II-й.

Нельзя сказать, однако, чтобы ученица Локка удовлетворилась началом сословного образования. Общеобразовательная и бессословная школа, преследующая педагогические, а не профессиональные цели, впервые утвердилась в России в ее царствование и благодаря ее собственной деятельности, что, разумеется, несогласно было с началом сословности в образовании. Комиссия об устройстве народных училищ в России, основанная императрицей в 1782 г., к концу прошлого века (1796 г.) учредила до 316 народных училищ, в которых более 17 000 детей обоего пола (преимущественно мальчиков) и разных состояний получали общее образование; университетские курсы, о которых заботилась Екатерина, также предназначены были для лиц, происходивших из разных слоев общества.

Тем не менее, система образования при Екатерине не утратила сословного характера. Живучесть этого начала, быть может, объясняется популярностью тех идей о сословном го-

сударстве, которые высказывались на Западе многими авторитетами и были восприняты Екатериной; не только сама она, несомненно, находилась под их обаянием, но и в русском обществе содействовала распространению тех же взглядов.

Итак, из всего вышесказанного следует, что императрица Екатерина подчинялась влиянию слагавшейся до нее организации русского общества, почему и расширила, и усилила действие факторов, сыгравших под давлением законодательства важную роль в образовании сословного строя; вместе с тем она, однако, принуждена была сделать несколько уступок в пользу такого распределения хозяйственных и духовных средств между общественными группами, которое более соответствовало естественным условиям развития бессословного государства.

V

Перейдем теперь к краткому обзору внутренней политики Екатерины, прямо обращенной на формирование русского общественного строя.

Задача эта, по ее мнению, сводилась, главным образом, к возможно более правильному разграничению сословных интересов в законе. Такая точка зрения имела свои основания: общественный раздел в то время зависел не столько от фактического положения, в каком находились разные классы, сколько от бесправия одних и привилегированности других.

Для того, однако, чтобы прочно установить определенные нормы, нужно было подготовить и твердые гарантии в их исполнении. Реальных гарантий в самом быту Екатерине так и не удалось разыскать, быть может потому, что она об этом деле заблаговременно не подумала или боялась приниматься за такую кропотливую, малозаметную работу, результаты которой были еще далеко впереди. О формальных гарантиях императрица также вспомнила не сразу, хотя и дала их обществу в виде местных учреждений, введенных губернской реформой 1775 г.

Как бы то ни было, вопрос о разграничении сословных интересов Екатерина думала первоначально обсудить в частных комиссиях с бюрократическим характером, учрежденных в 1763—1765 гг. Затем, не удовлетворившись их деятельностью, она, как известно, поручила осуществление той

же задачи большой комиссии о составлении проекта нового уложения; хотя и работы депутатов не приведены были к окончанию, однако, их мнения и проекты многое выяснили самой императрице и отчасти предрешили направление ее сословной политики. Осуществлению этих задач способствовали, конечно, и статс-секретари Екатерины и некоторые из ее приближенных.

На низших ступенях общественной лестницы стояли крестьяне, самый многолюдный класс русского общества. Положение важнейших из разрядов этого слоя не было одинаковым.

Казенные крестьяне (дворовые и государственные), число которых значительно увеличилось по секуляризации имений духовенства и по присоединении к ним однодворцев (1764 г.), а также некоторых второстепенных разрядов населения, менее других нуждались в улучшении своего быта⁴: эта группа крестьян оставалась относительно свободной, за исключением разве одних «приписных», находившихся в тяжелой фактической зависимости от владельцев частных заводов. Хотя императрица в одной из своих собственноручных заметок и выразила твердое намерение «освободить всех государственных дворцовых и экономических крестьян», даже тех из них, которые будут пожалованы, «кой час положение сделано будет, как им быть», однако судьба этих классов, значительно уравненных между собою, существенно ни в чем не изменилась в течение ее царствования; лишь быт приписных крестьян был несколько улучшен благодаря указам 1779 и следующих годов.

Гораздо тяжелее было положение крепостных, число которых несколько превосходило количество казенных крестьян.

Вопрос о личных и имущественных правах крепостных крестьян не назрел еще в первой половине XVIII века, когда все население одинаково было закрепощено государству и частный характер крестьянской крепости еще не вполне выяснился. Но после того, как со второй половины XVIII века крестьяне оказались единственным классом, крепким дворянскому сословию, а дворянство, напротив, получило «вольность», причем власть его над крепостными стали отличать от государственной власти, вопрос о положении их в обществе выступил резче прежнего на первый план. В то

время начали также сознавать, что «крестьянство, яко весьма многолюдный, полезный и необходимый род государственной, приносящий не токмо помещику, но и самому государству пользу и необходимые надобности, имеет право столько же, как и прочие государственные роды, требовать защищения от причиняемых ему насилий, тем наипаче, что если при всех суровостях помещиковых отказать крестьянину в сем последнем его прибежище, то ему ничего иного не останется, как одно только отчаяние, побег и чтобы восстать против своего господина».

Императрица Екатерина хорошо усвоила себе эти взгляды. Она первая из русских государей решительно высказала мысль о том, что крепостной — такой же человек, как и его господин, и с едкой иронией вывела последствия обратного взгляда. «Есть ли крепостного нельзя признать персоною, читаем мы в одном из ее собственноручных заметок, следовательно, он не человек; но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет. Все, что следует (говорится) о рабе, есть следствие сего богоугодного положения и совершенно для скотины и скотиною делано». Крепостей в глазах Екатерины был не только человеком, но и персоною, т. е. должен был быть особою, наделенною известными личными и имущественными правами. «Естественная вольность» даже в среде крестьян должна подлежать возможно меньшим ограничениям. Эта мысль всенародно высказана была в виде вопроса, предложенного Вольно-Экономическому Обществу и в виде общего принципа в XI гл. Наказа. Идеи, провозглашенные императрицей, многими живо обсуждались и в обществе и в комиссии, многих просветили и большинство членов комиссии 1767–1774 г. склонили в пользу улучшения крестьянского быта.

Но все эти *pia desideria* легче было высказать, чем осуществить на деле.

Крепостное право, окончательно сложившееся, в сущности, лишь после первой ревизии, при Екатерине, еще не отжило; простое смягчение его сопряжено было с целым рядом практических затруднений, на которые охотно указывали дворяне, и которые не могли не смущать императрицу. Но были и другие обстоятельства, затруднявшие проведение реформы. Слабость сил принуждала правительство передо-

вать господам выполнение мелких административных и судебных функций по отношению к крестьянам. Дворянство, пользуясь такою слабостью местных учреждений, превратило врученные ему служебные полномочия в сословную привилегию: крестьяне сделались подданными своих господ — «государей». Эти отношения закрепились были и политической теорией монархического строя, по которой дворянство должно было естественно исполнять роль посредствующей власти между верховною и народом. Результаты такого превращения ясны. Господа-государи стали между своими крестьянами-подданными и государственной властью. Этим объясняется отсутствие законов касательно крестьянских прав; для крестьян законом служила воля или, точнее, произвол их господ-государей; помещичьи имения стали «непроницаемы для государственной власти». С такой именно точки зрения можно было отстаивать и неизменность крепостного быта, опираясь не на начала частного права, а на основной принцип русского государственного права того времени о неизменности монархической формы правления, что и делали члены комиссии 1767–1774 гг., высказывавшиеся против ограничения власти господина над крестьянами. Далее, следуя мнениям «лучшего о законах писателя» Екатерина должна была признать, что нарушение прерогатив дворянства (*les prerogatives des seigneurs, du clerge, de la noblesse et des villes*) должно повести к водворению в стране демократического или деспотического государства. Наконец, так как императрица смотрела на дворян, как на опору монархии, то и с этой точки зрения, по-видимому, не решилась коснуться их преимуществ: вполне удобного случая для выполнения этого сложного дела ей не представилось. В начале ее царствования, например, исключительное положение императрицы, после переворота 28 июня и продолжавшиеся волнения крестьян не давали ей возможности ограничить дворянские привилегии. Позднее собственное ее настроение несколько изменилось, тем более, что либеральные планы императрицы не находили достаточно прочной поддержки в окружавшем ее обществе: все свободные классы старались добиться права владения крепостными; большинство дворян, в том числе и люди, не лишённые известного образования, признавало крепостное право явлением более или менее нормальным, недоверчиво относилось к крестьянской свободе и

считало вмешательство государственной власти в отношения свои к крепостным излишним для правительства и оскорбительным для себя. При таких условиях Екатерине трудно было не только подвергнуть общественный строй коренному преобразованию, но и в известной степени смягчить отношения, уже установившиеся между общественными группами до вступления ее на престол. Пример западноевропейских государей не мог повлиять на направление сословной политики русской императрицы: к реформе Марии Терезии она относилась не без сочувствия, но и довольно скептически; при этом Екатерина не могла не отметить и обратного течения в европейской литературе и законодательстве.

Одно перечисление всех этих неблагоприятных условий, в какие поставлено было проведение реформы, быть может, несколько объясняет, почему Екатерина, мечтавшая о том, чтобы крепостные «могли заплатить за освобождение своему господину», а дети их, рожденные после 1785 года, получили бы свободу без всякого выкупа, в сущности так мало сделала для простого улучшения их быта. Правда, она запретила свободным людям и вольноотпущенникам поступать в крепостное состояние (указы 1775 и 1783 г.), а также уничтожила продажу крестьян без земли при продаже имений с аукциона (1771 г.) и вообще несколько ограничила торговлю крепостными. Но в то же время Екатерина способствовала усилению крепостного права в Великороссии и распространению его на новые области. Крепостным, например, запрещено было жаловаться на помещиков (1767 г.), даже в тех случаях, когда господин подвергал их «пристрастным» допросам и тяжелым наказаниям, сообразно им же самим придуманному «уложению» или собственному произволу, причем подобного рода наказания иногда равносильны были мучительной смертной казни. Несмотря на то, что в силу учреждения о губерниях наместник должен был защищать крепостных от притеснений господ и что подобное вмешательство действительно обнаруживалось иногда в последней четверти XVIII века, сама императрица сознавала необходимость, не довольствуясь случайными и нередко противоречивыми карательными мерами, общее «положение о том сделать, что с такими чинить, кои суровость против человека употребляют», но, по-видимому, не позаботилась о скорейшем пополнении одного из наиболее существенных проб-

лов современного ей законодательства. Напротив, она даже расширила карательную власть господина над своими крепостными, дозволив ему отсылать своих людей на каторжные работы с правом брать их обратно по своему усмотрению (1765 г.), причем суд «не мог даже спросить его о причине ссылки и исследовать дело». Заметим, что этот указ не только не вызван был, как закон 1760 г., государственными соображениями, но в известной мере прямо противоречил им. Усиливая крепостное право в Великороссии, Екатерина, кроме того, способствовала его распространению в областях, недавно присоединенных или вновь приобретенных русскими войсками (в Белороссии, Малороссии и Новороссии).

Таким образом, до 45% всего населения империи (в Великороссии и Сибири), несмотря на желание Екатерины улучшить его положение, продолжало пребывать в рабстве у ничтожной по размерам своим группы общества и в течение всего царствования ее напрасно ожидало мероприятий, которые существенным образом изменили бы порядок, «противный справедливости». Тяжелые последствия этого порядка ярко, хотя и несколько односторонне, изображены в знаменитой книге А. Радищева.

Гораздо более сделано было императрицей Екатериной в пользу свободных классов общества, получивших в это время те «прерогативы», благодаря которым Екатерина усматривала в своем царствовании монархический, а не деспотический характер.

Ко второй половине XVIII столетия состав среднего рода людей в русских городах не только увеличился (он доходил в это время до 228,2 тысяч душ без малаго)⁵, но и заметно осложнился: наряду с промышленно-торговыми классами появились разряды лиц, оказывавших услуги не чисто материального свойства; кроме того, много мелких общественных групп, не находивших себе места в других сословиях, приходилось включать в этот же «род людей». Естественно, поэтому, что Екатерина представляла себе среднее сословие в довольно туманных очертаниях: считая название его «следствием трудолюбия и добронравия», она причисляла к нему, главным образом, всех тех, «кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, науках, в мореплавании (т. е. заграничной торговле на собственных судах), торговле и ремеслах». Но, отличая данное состояние от

остальных присущими ему занятиями, императрица, тем не менее, сюда же причисляла и другие разряды на новых основаниях, например: всех выходявших из училищ и воспитательных домов, «детей» приказно-служителей не из дворян и не выслужившихся в дворяне. Позднее взгляды Екатерины не стали яснее: к «среднему роду», по ее мнению, должны были принадлежать то владельцы недвижимого имущества в пределах городской черты, отправлявшие известные занятия и тягости, то лица, положение которых характеризовалось одними занятиями и тяглом.

Как бы то ни было, «средний род» людей в глазах Екатерины оказывался представителем не только материальных благ, но и культурных средств населения; теряя при этом исключительно тяглое значение, он получал более самостоятельное положение в государстве, чему немало способствовали мероприятия императрицы.

Свобода от телесных наказаний, например, дарованная именитым гражданам и купцам первой и второй гильдий, а также дозволение купцам держать лавки в домах своих и производить торговлю в них, расширили личные и имущественные права среднего рода людей. «Чувствительное купцам сравнение их с крестьянами положением в подушный оклад», приводившее их «в такую косность, что они сами бытием своим стыдились», было уничтожено указом 1775 г., установившим 1% сбор с капиталов, «по совести объявляемых» купцами, записавшимися в гильдии; этот указ, собственноручно написанный Екатериной, по словам самих купцов, освобождал их от «бывшего невольничества» и, делая их «вольными гражданами», снимал с них «презрительную подать, по которой они почти не отличаемы были от крестьянства». Вскоре те же классы получили возможность лично не отправлять рекрутской повинности (1783 г.), о чем они также не раз просили правительство. Но отправление «казенных служб», отнимавших у купечества немало сил, несмотря даже на указания самих губернаторов, не было снято с людей среднего состояния (за исключением разве купцов первой гильдии) и все еще отчасти придавало ему прежний тяглый характер.

Зато организация этого состояния получила, благодаря деятельности Екатерины, дальнейшее развитие. Учреждением о губерниях императрица даровала среднему роду людей

право представлять выборных в городские установления и право сословного суда (в магистратах и ратушах, с 1773 г. подчиненных в некоторых отношениях губернаторам), а жалованной грамотой городам (1785 г.) надолго выяснила их общественное устройство. Уже в «проекте законов о правах среднего рода государственных жителей», сочиненного в комиссии о составлении проекта нового уложения, намечены были важнейшие пункты, затронутые и отчасти разработанные в жалованной грамоте, «одном из главных непреложных и неприкосновенных государственных постановлений» Екатерины. В силу этого акта «градское общество», состоявшее принципиально из среднего рода людей, но фактически включавшее и другие элементы, получило значение юридического лица, со свойственными ему имущественными правами и политическую власть по отношению к каждому отдельному обывателю. Далее, среднее сословие окончательно приобрело характер наследственного состояния, доступного, впрочем, при соблюдении известных условий и другим разрядам населения. Наконец, это состояние, поделенное в каждом городе на несколько групп, довольно резко отличавшихся друг от друга по правам и обязанностям, подчинено было установлениям (думам), в которых начало бессословное скомбинировано было с сословным, так что все шесть классов городской обывательской книги, хотя и не все в одинаковой мере, были представлены здесь в лице своих гласных.

Новое устройство долго оставалось, однако, мертвой формой, лишеною живого содержания. Члены «третьего» сословия, с одной стороны, все еще не обладали достаточным запасом материальных и духовных сил для того, чтобы занять отводимое им место в общественном порядке, с другой, охотно оставляя свое состояние, столь доступное низшим классам, и не переходили в состав более привилегированного дворянского сословия. Попытка Екатерины создать «средний род людей» оказалась не только преждевременной, но едва ли не излишней: постоянные колебания в определении состава «среднего рода людей» и смешанный характер его организации сами по себе свидетельствовали о невозможности выделить их в замкнутое сословие, резко обособленное от других.

В ином положении находилось русское дворянство. Уже

до вступления Екатерины на престол оно успело приобрести довольно существенные выгоды, как, например, «вольность» и исключительное право владеть не только населенными имениями, но и крепостными без земли, как полную собственностью, часто, впрочем, нарушаемое на практике. Естественно, что после переворота 28 июня русское дворянство с нетерпением стало ожидать от Екатерины II дальнейшего расширения своих привилегий и более прочной организации «дворянского корпуса». Сама она немало способствовала развитию этих ожиданий и образованию «особливого рода людей, поставленных между государством и народом». Уже в молодости она признавалась, что чувствует великую склонность «читать древние роды», а в зрелом возрасте находилась под влиянием учения Монтескье, по которому опорой монархии должно служить дворянство, и хорошо усвоила себе основное, по его мнению, правило монархического строя: «point de noblesse, point de monarque».

В определении этого состояния Екатерина, однако, отступила от теории Монтескье. Хотя и по Наказу «дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены», однако рядом с честью (*honneur*), единственно признаваемой Монтескье как принцип монархического строя, императрица ставила еще добродетель, т. е. начало, положенное автором «Духа законов» в основу демократии, а не монархии; тем не менее, по мнению его ученицы, оба начала должны были служить «правилами для дворянства».

При таких взглядах Екатерины на значение дворянства в империи, понятны ее заботы об этом сословии.

Манифест 18 февраля 1762 г., предоставивший дворянству вольность, т. е. свободу от служебных обязанностей, не всех привел в тот восторг, который так ярко описывает один из современников; в столице были дворяне, которые видели в нем одну «тень свободы». Не уничтожая силы закона 18 фев., Екатерина поручила поэтому учрежденной ею «комиссии о вольности дворянской» рассмотреть манифест Петра III и «привести его содержание в лучшее совершенство» (1763 г.). «Доклад», сочиненный членами комиссии в узко-сословном духе и затрагивавший, главным образом, одни личные права дворянства, не удовлетворил императрицу: она воспользовалась вновь созданной комиссией о сочинении проекта

нового уложения для того, чтобы возложить на нее, между прочим, работы и по этому делу. Проект «правам благородных» (1768 г.), вместе с остзейским дворянским правом, послужил прототипом жалованной грамоты дворянству (1785 г.); впрочем, одна из ее первоначальных редакций написана еще под влиянием старого понятия о служилом классе, в противоположность другой, имевшей в виду исключительно сословную точку зрения. Хотя Екатерина и приняла во внимание поправки, внесенные в текст грамоты некоторыми из ее приближенных, однако она сумела воздержаться от крайностей того и другого взгляда.

В жалованной грамоте 1785 г., подтвердившей почти все важнейшие права русского дворянства, впервые окончательно установлено понятие о свободном лице, по крайней мере, в пределах одного класса и дана прочная общественная организация всему высшему сословию, отчасти уже затронутая в учреждении о губерниях (1775 г.). В самом деле, в силу жалованной грамоты дворяне получили «личные преимущества», как-то: вольность и свободу от обязательной службы, а также избавлены были от телесных наказаний, несоответствовавших новым понятиям о сословной чести дворянской; за ними утверждено было, кроме того, исключительное право на поземельную собственность, распространенное на все произведения земли, не только на поверхности, но и в недрах ее находящихся; разнообразные способы хозяйственной эксплуатации природных богатств в дворянских имениях также получили охрану закона, а конфискация их была уничтожена. Все эти личные и имущественные права дворянства (к которым были присоединены и некоторые податные привилегии) обеспечивались неприкосновенностью дворянского достоинства, защищаемого судом и верховною властью.

Но кроме гражданских прав дворяне, в силу жалованной грамоты 1785 г., получили и более прочную организацию. Местные дворянские общества почти не существовали в начале прошлого века; даже составители проектов 1730 г. имели еще довольно смутное понятие о них. Лишь по освобождении дворян от обязательной службы (1762 г.), отлив их в провинцию становился возможным, что создавало, разумеется, и более благоприятные условия для образования местных обществ, необходимость которых уже довольно ясно сознавалась представителями этого сословия в 1767—1774 гг.,

тем более, что выборы предводителей и депутатов в виду предстоявших занятий комиссии о составлении проекта нового уложения уже породили зачатки такой организации. Вопрос этот, еще слабо затронутый в проекте 1767 г., был решен окончательно лишь жалованной грамотой 1785 г., предоставившей местным дворянским обществам существенные права. Собранию дозволено было поверять дворянскую родословную книгу, составленную дворянскими депутатами, и исключать из своей среды дворянина, который чем-либо опорочен; выбирать должностных лиц, удовлетворявших известному цензу и образовывать особливую казну добровольными складками дворянства; ему же, наконец, разрешено было представлять генерал-губернатору или губернатору об общественных нуждах и пользах дворянства, а также «приносить» представление и жалобы через депутатов как сенату, так и государю.

Таковы были важнейшие права и преимущества, дарованные Екатериной русскому дворянству. Большинство дворян, однако, мало «читало и понимало» грамоту, а меньшинство, способное понимать ее, было недовольно ее содержанием. В самом деле, хотя одни из современников называли жалованную грамоту Екатерины «подарком дворянству, цены неимущим», за то другие усматривали в ней «более лишение, нежели дание прав»; действительно, грамота предназначена была для дворянского сословия во всей его совокупности, и тем самым не оправдывала ожиданий родовитого дворянства, недовольного, вероятно, тем, что Екатерина противостояла желанию большинства его представителей замкнуться в наследственную касту: согласно мнению своему о том, что «добродетель с заслугой возводит людей на степень дворянства», императрица в числе источников этого достоинства удержала выслугу, чем окончательно лишила возможности русское дворянство приобрести строго аристократический характер. Самостоятельное политическое значение местных дворянских обществ подорвано было и тем, что в состав их продолжали входить большей частью дворяне малообразованные, охотно уклонявшиеся от служб по выборам и неспособные воспользоваться данными им правами; ввиду этих причин, а также недостаточной определенности закона дворянские собрания были фактически в значительной степени подчинены губернаторам и генерал-губернаторам.

При явном благоволении своем к дворянству императрица смотрела, однако, на членов этого сословия, как на людей нравственно обязанных отправлять службу военную или гражданскую, на которую с 1771 г. прямо воспрещено было принимать людей податного звания; в связи с этим взглядом стояло и водворение сословной (дворянской) привилегии в чиновпроизводстве по тому и другому роду службы.

Таким образом, хотя Екатерина и признала выслугу источником дворянского достоинства, но одновременно затруднила достижение его для лиц недворянского происхождения, и, следовательно, давала перевес той сословной точке зрения, с которой она приступала к законодательству по этой части.

Внимание Екатерины обращено было преимущественно на светское общество; положение духовенства само по себе мало интересовало поклонницу Вольтера, тем более, что отчасти оно уже было выяснено известными указами 1762 г., вызвавшими сильное недовольство лиц духовного звания на ее предшественника. Екатерина едва ли много способствовала образованию этого сословия, уже приобретавшему в ее время наследственный характер: соглашаясь на освобождение духовенства от телесных наказаний, «чинимых от духовных командиров», она затруднила доступ в монашество и облегчила выход из духовного звания. Законом 1764 г., упразднявшим церковные вотчины и введившим церковные штаты, было уничтожено, как известно, старое тягло, которое духовенство несло в пользу архиереев; из-под власти их ускользнуло также более 30 000 заштатных церковников, распределенных по разным службам. Этими распоряжениями духовенство превратилось в состояние, члены которого получали жалование от правительства; естественно, что при таких условиях оно потеряло значение более или менее независимой политической корпорации в государстве.

Таково направление, в каком императрица Екатерина II думала решить вопрос о разграничении сословных интересов. В намеченной ею системе крестьяне не только служили опорой государству, но становились и поддержкой для дворянства. В среднем сословии она усматривала источник материальных и культурных (духовных) сил империи, а дворянство признавала сословием, властвующим над низшим слоем и подчиненным верховной власти, отныне стоявшей во главе вполне секуляризированного государства.

Положение общественных групп в России того времени, как видно, все еще определялось почти исключительно их значением для государства, но цели его расширились, отсюда и положение этих групп потерпело соответственные перемены.

Нельзя сказать, однако, чтобы идея о бессловном обществе вполне отсутствовала у людей того времени; она выработывалась не только отвлеченно, но и конкретно, применительно к провинциальному быту. Сама Екатерина кое-что сделала в этом отношении: город, городское управление и, в особенности, полиция в ее законодательстве не раз получали общесловное значение; но систематическое развитие этой идеи в действительной жизни принадлежало еще далекому будущему.

Формальные гарантии установленного ею общественно-го строя императрица думала найти в новых органах исполнительной полиции и суда: одни должны были скорее предупреждать правонарушения, другие преимущественно призваны были к восстановлению нарушенных прав.

Первые введены учреждением о губерниях (1775 г.) и уставом благочиния (1782 г.), вторые — тем же учреждением о губерниях, отчасти пополненным в этом отношении жалованными грамотами 1785 года.

В силу принципа подсудности каждого только равным себе, которого старалась придерживаться Екатерина II, не только состав областных установлений в значительной мере набирался из выборных от местных обществ (за исключением разве духовенства и крепостных крестьян), но и система их подчинена была, по крайней мере, в средних и низших инстанциях, сословной организации, что, разумеется, предопределяло функции каждого из таких установлений. Некоторая независимость судебной власти от административной придавала сословным судам еще большее значение.

Впрочем, в совестном суде, едва ли, однако, имевшем то значение, какое приписывала ему Екатерина, можно уже видеть зародыши суда присяжных; последним императрица, несомненно, интересовалась: сохранились собственноручные заметки ее об этом суде и его достоинствах.

Таким образом, местные органы полиции и суда, введенные губернской реформой, должны были служить юридическими гарантиями правомерных общественных отноше-

ний в сословном духе, и в известной степени, действительно, осуществили эту цель.

VI

Сословная реформа Екатерины II сводилась, в сущности, к попытке водворить правомерные отношения сословных групп друг к другу и к государственной власти. То же направление нетрудно усмотреть и в правительственной политике императрицы: благодаря ее посредству русское общество, как совокупность этих групп, получило несколько более самостоятельное значение в государстве, а деятельность подчиненных властей приобрела большую закономерность.

Воспитание в духе, согласном с принципами просвещенного абсолютизма, казалось Екатерине могучим средством для политической формировки населения. «Правила воспитания, писала она в Наказе, суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами». Хотя Екатерина и не выполнила проекта одной из частных комиссий 1767—1774 гг. о введении в России всеобщего обязательного обучения, тем не менее, она позаботилась об учреждении первых в России народных школ и об усовершенствовании высшего университетского образования; под ее же непосредственным влиянием издано было много книг, получивших, вероятно, более широкое распространение, чем прежде, благодаря несколько большему оживлению книжного рынка. К числу педагогических мер Екатерины можно присоединить также и многие из ее указов и «учреждений», в которых она не раз давала обществу уроки политической мудрости.

Но воспитанные таким образом граждане не могли оставаться безгласными существами, осужденными на «онемение». И действительно, императрица, говорившая, что «свобода — душа всего на свете» и что «без нее все мертво», должна была допустить некоторую независимость в мнениях своих подданных. Всего легче это было сделать относительно тех ее проявлений, которые не имели прямого политического значения; к числу таковых принадлежала, например, свобода совести, которую отчасти признавала и сама Екатерина в своем Наказе. «В 60 лет, говорила она однажды А. Храповицкому, все расколы исчезнут; сколь скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истре-

биться само собой; тут насилия не надобно». Сообразно с этим взглядом она «отменить соизволила прежние чинимые раскольникам за их суеверство жестокости и притеснения» и издала указ о терпимости всех вероисповеданий (1773 г.); но отмеченная точка зрения не помешала Екатерине подвергнуть строгому наказанию Арсения Мацеевича, открыто выражавшего свое недовольство по поводу секуляризации церковных имений и виновного «в оскорблении ее императорского величества», а также предпринять карательные меры против последователей скопческой ереси, вредной для государства.

Труднее было решить вопрос о значении общественного мнения в политическом отношении. Екатерина, сама прибегавшая к печати для распространения своих взглядов, должна была с отвлеченной точки зрения просветительной философии XVIII в. ценить свободу слова, отсутствие которой в государстве «было бы, по ее мнению, великим несчастьем»; «никто без исключения, писала она в одной из своих заметок, не становится вне суда, презрения или уважения общества». Но и на практике императрица на первых порах относилась к общественному мнению снисходительно, тем более, что не усматривала в нем самостоятельного значения и считала возможным не выпускать его из-под своего руководства. Вот почему Екатерина, вообще содействовавшая развитию русской литературы, находила нужным принимать во внимание и настроение членов известной комиссии о составлении проекта нового уложения, временно игравшей роль своего рода периодической прессы для правительства, не менее охотно покровительствовала и журналам, в которых иногда сама принимала непосредственное участие (напр., во «Всякой всячине»); вскоре по закрытии большого собрания комиссии и до учреждения губерний их возникло немало, полтора десятка с лишком. Пока эти органы иронизировали над недостатками старого времени и касались случайных проявлений, а не принципов государственного порядка, Екатерина не стесняла их деятельности. Но как только они стали обращать свою сатиру на вопросы современной жизни и перестали с прежнею осторожностью обходить молчанием промахи текущей политики, то и почувствовали давление, под влиянием которого вскоре перестали удовлетворять живым запросам едва появившейся русской читающей публики. Указ о «вольных типографиях» (1783 г.) не способен

был поддержать прежнее оживление, ознаменовавшее русскую журналистику 1769—1774 гг.; благодаря ему, однако, ярко обнаружилась плодотворная издательская деятельность «Дружеского ученого общества», которой так много способствовал Н. Новиков; тем же указом воспользовался и А. Радищев для напечатания своего «Путешествия из Петербурга в Москву». Деятели и писатели этих направлений начинали уже вместе с некоторыми другими (напр., Фон-Визиним) сознавать себя «стражами общего блага». Вскоре, однако, Екатерина прекратила просветительную деятельность русских розенкрейцеров, исходившую из идеи личного усовершенствования и получившую столь замечательную организацию, а книгу Радищева, так резко указывавшего на бесправное положение большинства русского общества, повелела изъять из обращения. Обеспокоенная этими самостоятельными проявлениями еле зародившегося общественного мнения, борьбу с которым она начинала считать труднее войны с внешними врагами, императрица не только подвергла наказанию главных его представителей, но обнародовала и несколько общих узаконений, ограничивших свободу книгопечатания и ввоз иностранных книг (1790—1796 гг.). Тем не менее, можно сказать, что Екатерина немало способствовала зарождению общественного мнения и собственными своими сочинениями, и некоторыми из своих установлений, и, наконец, общим их характером; императрица признавала даже значение этой силы, так как кое-какие реформы осуществила под ее непосредственным, хотя и довольно случайным влиянием.

В связи с теми же взглядами стояли и другие принципы, которых Екатерина старалась придерживаться в управлении: она с одной стороны желала видеть в населении «не рабов, а людей, повинующихся законам», с другой сознавала необходимость «доверенности народа» и его «почтения» к правительству. «Власть без доверенности народа, писала она, ничего не значит». Для достижения этой последней цели она, следуя примеру Петра Великого, старалась по возможности водворить законность в управлении; ближайшими советниками и помощниками ее в этом деле состояли некоторые из высших сановников того времени, как, например, И. Неплюев, гр. А. Бестужев-Рюмин, князь Я. Шаховской, Н. Панин и кн. А. Вяземский.

Закономерная деятельность подчиненных властей находилась в ближайшей зависимости от характера государственных установлений и от способа отправления ими своих должностей.

Пока первый из этих вопросов подвергался обсуждению в разных комиссиях, императрица приступила к решению второго. Злоупотребления бюрократией (в частности и главным образом — лихоимство) зависели от причин духовного и материального свойства: чиновники оказывались слишком малообразованными и получали слишком ничтожное жалованье для того, чтобы не прельщаться «лакомствами», которые предлагали им люди, нуждавшиеся в их услугах. Екатерина попыталась устранить действие этих причин. Считая не только общее, но и специальное юридическое образование необходимым для лиц, отправляющих государственные должности, и встречая в обществе явное сочувствие подобной точке зрения, императрица предприняла некоторые преобразования на юридическом факультете Московского университета и посылала молодых людей за границу для изучения права; с тою же целью были переведены и изданы кое-какие сочинения иностранных ученых, напр., «политические наставления» бар. Бильфельда. Несколько позднее (к 1783 г.), вероятно, под влиянием Екатерины сделана была попытка составить сборник законов, долженствовавший служить материалом для учебника по русскому праву и справочным пособием для всякого должностного лица, да и образованного человека вообще. Одновременно Екатерина позаботилась также об улучшении материального положения чиновников: новые штаты вышли в 1763 г.; вскоре затем последовала конфирмация сенатского доклада о пенсиях. Меры эти, однако, оказались недостаточными и поэтому мало помогали водворению законности в управлении: приходилось не только заботиться о «наполнении» присутственных мест «достойными и честными людьми» и настаивать на «точном и немедленном исполнении указов», но и постоянно бороться с преступлениями по службе, т. е. неисполнением, злоупотреблением и пренебрежением должности, а также ошибками в отправлении ее (умышленными и неумышленными). Трудно было, однако, устранить злоупотребления чиновников в обществе, обнаруживавшем постоянную склонность к «ябеде» и тяжбам. При таких условиях им-

пертрица не могла либерально отнестись и к более частному вопросу о толковании закона судебною властью; в Наказе она восстала против этого и, несмотря на ее же высказанную мысль о том, что «справедливо есть, буде родится сомнение о понятии какого ни есть узаконения изыскать намерение законодавца, вникая в смысл и умствование закона», на практике придерживалась других правил. Водворению законности в управлении мешало, наконец, и «самовластие бояр», так сильно развившееся в предшествовавшие царствования. Екатерина не без некоторой доли справедливости указывала на то, что она «поправила это, не ссылая и не казня».

Неудачный исход работ в комиссии 1767—1774 гг. привел, как мы видели, императрицу Екатерину к необходимости предпринять реформу государственных установлений по частям. Важнейшим из этих преобразований, между прочим и для того, чтобы достигнуть точного и быстрого исполнения уже изданных или «впредь издаваемых полезнейших узаконений» в государстве, было, конечно, «учреждение о губерниях, всего более требовавших поправления»; недаром сама Екатерина, писавшая «учреждение» пять месяцев, ставила его гораздо выше своего Наказа, а население (в особенности дворянство) высказывало потребность в такой реформе. Кабинетные работы по этой части возложены были главным образом на Г. Козицкого, Г. Теплова, П. Завадовского и гр. А. Безбородко.

Провинция начала XVIII века была прототипом Екатерининской губернии. Но до Екатерины II вопрос об областном устройстве трудно было решить, в виду ничтожного развития местных общественных сил и интересов, связанных с проведением подобного рода реформы. По воцарению Екатерины, напротив, этот вопрос стал возбуждать внимание недавно зародившихся местных обществ (в особенности дворянских): его обсуждали уже в 1762 г., а также в частной комиссии о порядке государства в силу общего права (1767 — 1774 гг.) и в сенате. В первой половине 1760-х гг. для предотвращения беспорядков, возникавших в областях, власть губернаторов была усилена (1762, 1764 гг.); областные деления также не раз подвергались частным изменениям, но окончательно вопрос о губернском устройстве решен был лишь в 1775 г.

Согласно с мнением некоторых из своих приближенных

(например гр. А.П. Бестужева-Рюмина), императрица хотела учреждением о губерниях привлечь местные общества, в особенности дворян, недавно освобожденных от обязательной службы, к деятельности в установлениях, основанных отчасти в виду их же собственных выгод. Правительство, таким образом, не теряло общественных сил, вышедших из-под его непосредственного контроля после появления манифеста 1762 г. И действительно, вскоре по издании учреждения о губерниях, более 10 000 человек занимало выборные должности.

Помимо этих целей, императрица надеялась введением нового губернаторского устройства упорядочить местное управление. Реформа действительно привела к плодотворным результатам и в этом отношении. Учреждение о губерниях впервые прочно установило начало децентрализации и таким образом сблизило управляющих с управляемыми. Новое начало осуществлено было довольно удачно: губернские присутственные места отличались местным составом и получили независимую от центра систему, что придавало им особый характер, отчасти утраченный ими впоследствии. В указанной системе обнаружилась и первая более или менее удовлетворительная попытка разделения властей: органы администрации (коронные и общественные) были обособлены от органов суда, что давало возможность каждой группе действовать быстрее и правильнее. Отделение суда от администрации, которое напрасно пытался осуществить Петр Великий, удалось Екатерине; она давно уже признала важное значение судебной функции в государстве: «наше главное попечение будет, читаем мы в одном из ее указов, обнаруженном уже двадцать дней спустя по воцарении, изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога нам преданное Св. Его писанием повеление». Это средство найдено было в разделении властей: суд, в прежнее время игравший подчиненную роль в управлении, наделен был, наконец, самостоятельностью, нужную для беспристрастного и бесстрашного производства дел; при этом был установлен и более правильный порядок апелляционных инстанций. Заметим, наконец, что в «учреждении о губерниях» лучше прежнего была проведена идея местного самоуправления и что в силу того же положения высшие губернские места получили право представления:

они могли приостановить обнародование неудобноисполнимого, по их мнению, закона и представлять об этом сенату; в случае, однако, если последний оставлял такое представление без уважения, губернские места обязаны были повиноваться беспрекословно. Кроме этих ближайших юридических последствий, реформа имела значение и в бытовом отношении. Благодаря открытию губерний, местная жизнь заметно оживилась: в городах стали появляться «люди весьма порядочные», под влиянием которых прежняя грубость уступала место «людскости, вежливости и другим качествам, свойственным благоустроенным обществам»; в числе таких качеств нельзя не упомянуть о чувстве законности: реформа губернских установлений способствовала его развитию в местных обществах.

В новом губернском устройстве вскоре, однако, обнаружилось и довольно крупные недостатки. Искусственное происхождение губерний не придавало им внутреннего единства; вновь созданные провинциальные центры нередко оказывались фиктивными; в 40 «городах», например, в 1775 г. не было ни одного купца; не менее 45 других находилось, вероятно, в таком же положении. Отсутствие бытовой цельности в области не вознаграждалось единством ее в правовом отношении: губерния не обладала свойствами юридического лица. Далее, самую организацию областного управления легче было сочинить в «учреждении», чем привести в исполнение на месте. Разделение властей, например, едва ли строго применялось на практике: существование обособленных органов администрации и суда сопровождалось фактическим вмешательством одних в функции других, вопреки закону, тем более, что ясно выраженное желание мыслящих людей этого времени (напр. членов комиссии о порядке государства в силу общего права, кн. М. Щербатова и Д. фон-Визина) о предоставлении суду гласности (что способствовало бы выделению его в независимую отрасль) не получило удовлетворения. В большом затруднении оказалось также правительство при образовании состава вновь открытых присутственных мест; трудно было набрать достаточное количество «достойных и честных людей, пригодных для отправления новых должностей»; приходилось довольствоваться прежними малодостойными и злоупотребления в некоторых отношениях не только не умалились, но возрасли еще более,

«особенно в последние годы» жизни учредительницы нового порядка. Естественно, что при таких условиях губерния поставлена была в значительную зависимость от губернатора. Следует иметь в виду, наконец, что новое устройство, может быть, не всегда соответствовало областным особенностям на далеких окраинах империи и в таких случаях еще ярче обнаруживало все вышеуказанные недостатки.

Попечения Екатерины об «общем благе» простирались не только на введение законности в управление, чему, конечно, содействовало ее учреждение о губерниях, но и на защиту закона в уголовной юстиции, задача которой, по мнению императрицы, должна была состоять в охране общества от «вреда». Согласно с этим взглядом, она с одной стороны ясно определила сущность преступления и его разновидности, чем точнее установила и самую ответственность всякого, кто нарушал закон, с другой – смягчала суровость взысканий: в ее время уже были известны «исправительные» наказания, членовредительные почти вышли из употребления, а смертная казнь применялась лишь во «время безначалия». Смягчение карательных мер в законодательстве Екатерины II не переходило, однако, в послабление преступлению: напротив, «преступающий законы» должен был подлинно знать, что он «непременно будет наказан».

Преобразовательная деятельность Екатерины по части управления и суда обращена была преимущественно на губернии: введение нового порядка, которому содействовали, например, гр. К.Е. Сиверс, гр. З. Чернышев, кн. Г. Потемкин, «вернейший и умнейший друг» императрицы, и другие, продолжалось в течение последних двух третей ее царствования и, распространяясь на вновь присоединенные области, немало способствовало объединению государственной территории. Впрочем, учреждение о губерниях само собой вызвало перемены и в центральных учреждениях: оно повело к упразднению некоторых из центральных органов, что породило новые отношения между остальными. Екатерина не успела, однако, провести эту часть реформы: почти все уцелевшие установления сохранили прежний характер, хотя некоторые из них уже до 1775 г. и поделены были на департаменты для скорейшего решения дел. Тем не менее, наряду со старым порядком возникал и новый. Придавая важное

значение личному (министерскому) началу управления, Екатерина значительно стеснила полномочия Сената как представителя коллегиального принципа и, напротив, так усилила власть генерал-прокурора, который в ее время заведывал почти всеми важнейшими отраслями администрации и суда, что к концу своего царствования собиралась даже подразделить круг его ведомства между несколькими должностными лицами. Склонность императрицы к этому же началу доказывается и проектом ее учреждения Расправной палаты, составленным, по-видимому в 1785 г.; первому департаменту Расправной палаты, в котором должен был заседать юстицканцелер, императрица думала поручить «надзирание прав и правосудия во Всероссийской империи». Новые взгляды в этом «учреждении» (1-м департаменте) формулированы самой Екатериной уже довольно ясно.

Не только министерское начало, но и другие реформы последующих царствований в виде проектов, более или менее осуществленных, уже были высказаны под непосредственным влиянием императрицы или лично ею самой.

В системе центральных установлений XVIII-го века не было такого, которое заполнило бы пробел, существовавший между специальными органами управления и верховной властью. В течение всего прошлого века напрасно старались исправить этот недостаток: роль посредника то выпадала на долю какого нибудь специального установления, то разыгрывалась вновь образованным «советом», претендовавшим иногда на властвование и посягавшим поэтому на прерогативы русских самодержцев. Уже при Петре III учреждение такого посредствующего органа с общими государственными функциями казалось желательным; записки современников свидетельствуют, что и Екатерина II думала о том же. Вероятно, с ее согласия или даже по ее поручению написан был известный проект «императорского совета». Проект сочинен был Н. Паниным, для того, чтобы в производстве дел установить «действие более (скорее) силы персон, нежели власти мест государственных», иными словами, для того, чтобы «непоколебимо утвердить форму и порядок, которыми под императорскою самодержавною властью государство навсегда управляемо быть должно». Хотя «главное, истинное и общее о всем государстве попечение, пишет составитель проекта, замыкается в персоне государевой», однако,

он никак свою власть «в полезное действие произвести не может, как разумным ее разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон».

Содержание проекта соответствовало указанной цели: совет, очевидно, должен был придать действиям верховной и в особенности законодательной власти закономерный характер: с этой точки зрения он получал отчасти такое же значение, как и позднейшее установление, известное под тем же наименованием. Екатерина, однако, не решилась на это: ее, по-видимому, смутила мысль генерал-фельдцеймейстера Вильбуа о том, что «императорский совет слишком приблизит подданного к государю и у подданного может явиться желание поделить власть с государем»; поэтому, встречая опору в партии, враждебной «новому распоряжению в правительстве», императрица вскоре уничтожила силу подписанного ею учредительного акта. Военный совет, образованный несколько позднее (1769 г.), не заменил, конечно, установления, о котором шла речь в проекте Н. Панина: внутренние дела обсуждали в нем преимущественно лишь в связи с военными. Таким образом, хотя Екатерина уже довольно ясно обозначила различие, существующее между высочайшим повелением и законом (1762), однако ей не удалось обособить «закона» от «указа».

Но даже в том случае, если бы проект Н. Панина не потерпел столь печальной участи, все государственные установления должны были, по мнению Екатерины, подчиняться ее верховной власти, а следовательно оставаться и подзаконными. «Всероссийская Империя, писала она... не подвергается иным законам, кроме императорского величества самодержавной и законодательной властью изданным для блага общего и частного». Хотя Екатерина не раз высказывала свои взгляды на происхождение и сущность этой власти, «воспринятой от Всевышнего Бога», «основанной на силе, мудрости и “кротости”», «нераздельной с законодательной» и поэтому «никому на свете о своих делах ответу не дающей и управляющей своими государствами и землями по своей воли и благомнению»; хотя императрица и провозглашала в Наказе, что в России «всякое другое правление (кроме монархического) не только вредно, но и разорительно» и что, следовательно, здесь государь «источник всякой государственной и гражданской власти», а слава граждан, государства и

самодержавного государя» — «намерение и конец» его правления, однако она не разработала всех этих идей в основных законах империи. Правда, в бумагах Екатерины сохранились отрывочные заметки, писанные ею, может быть, в виду такой цели, но она ими не воспользовалась для издания какого-либо общего положения. Даже вопрос о престолонаследии, несмотря на просьбы некоторых лиц, подвергся той же участи. Впрочем, проект манифеста о майоратном единонаследовании престолом по мужской линии (в нисходящем порядке), а за пресечением ее и по женской, составленный императрицей, доказывает, что она сознавала необходимость восполнить по крайней мере этот пробел в основных законах империи. Судя по проекту, такое наследование становилось доступным лишь лицам греко-российского закона, женатым или состоявшим замужем за лицами того же вероисповедания. «От наследия самодержавством и короной всероссийской отрешались также тот или та, кому досталась корона иной державы». Но и этот проект, установлявший законный способ перехода верховной власти в нисходящее потомство Екатерины, не дождался обнаружения.

Таким образом, в области основных законов империи Екатерина всего менее успела содействовать водворению того закономерного порядка, над установлением которого в государстве она трудилась в течение многолетнего своего царствования. Новый порядок продолжал зависеть от довольно случайного совпадения личных вкусов государыни с общими интересами государства, подчиненного ее самодержавной власти.

VII

В проведении всех этих реформ Екатерине, однако, немало мешали затруднения, встречаемые ею на пути с самого восшествия ее на престол, а также обстоятельства, все более и более нарушавшие естественное течение преобразований. Для беспристрастной оценки деятельности императрицы нельзя не сказать о них несколько слов.

«Императрица Екатерина, писал один из иностранных дипломатов при Петербургском дворе в 1768 г., становится смелее по мере того, как она себя чувствует все более и более в безопасности и власть ее упрочивается». Такое настроение

императрицы первоначально может быть и способствовало ускорению ее преобразований, но та же относительная независимость от окружавшей ее социальной среды едва ли выгодно отозвалась на содержании реформ и, во всяком случае, задержала дальнейшее их развитие. В самом деле, в восьмидесятых годах прошлого века Екатерине уже минуло 50 лет. Она видимо старилась, теряла прежние силы и способность работать над отвлеченными вопросами законодательства. На первых порах она пробовала скрывать это от приближенных, но вскоре сама принуждена была сознаться перед ними в том, что давно уже не может приняться за письмо и читает «вздор», а вместо законодательства, которым занимается с трудом, думает взяться за сочинение истории для внуков. Теряя силы, императрица вместе с тем теряла и бодрость духа, надежду на успех. «Не вем, — писала она в одной из своих заметок (1787 г.?), — ради ково тружусь и мои труды, попечение и горячее к пользе империи радение не будут ли тщетны, понеже вижу, что мое умоположение не могу учинить наследственное». Приближенные Екатерины (например, кн. П. Зубов) мало заботились о том, чтобы изменить ее настроение. «Люди с способностями, писала она, по-видимому, около этого времени, переводятся до такой крайности, что ни с кем ни о каком деле переговорить нельзя». Императрица тем более чувствовала это отсутствие поддержки, что врагов было у нее не мало.

Агитация в пользу цесаревича Павла, например, а также дела Мировича и Пугачева (не говоря о менее важных) должны были, конечно, оставить следы в ее душе; волнения подобного рода повлияли и на направление ее внутренней политики. Известно, например, что вскоре после заговора Хрущевых и Гурьевых, чуть ли не восстановлена была тайная канцелярия: во всяком случае, несмотря на указы 21 февраля и 19 октября 1762 г., она под разными наименованиями просуществовала в течение всего царствования Екатерины II-й.

Далее, преобразования, предпринятые Екатериной, требовали денежных средств, добывание которых сопряжено было с большими затруднениями. Правительство постаралось устранить их. Благодаря общей для всей империи окладной книге, над сочинением которой трудилась сама императрица, сосредоточению финансовых функций в руках

Приложение

генерал-прокурора кн. А.А. Вяземского, основанию экспедиции о государственных доходах и казенных палат введено было большее единство в финансовое управление и водворилась более строгая отчетность, что не замедлило обнаружиться и на положении бюджета. Впрочем, хотя общая сумма доходов к концу царствования возросла с 16,5 мил. руб. (в 1763 г.) до 68,3 мил. руб., но и государственные расходы увеличивались, несоразмерно естественному росту доходов. Расточительность двора, например, вызывавшая вредное раздражение в состоятельных классах общества, постепенно росла и своими размерами удивляла иностранных дипломатов. На содержание присутственных мест и армии в конце царствования также требовалось по крайней мере вдвое больше средств, чем в начале его. Правда, относительное значение этих статей в государственном бюджете изменилось: расходы по управлению (вместе с финансами) и суду заняли в нем гораздо более важное место, чем прежде; а военные расходы, напротив, понизились; в таком бюджете, как видно, отражался просветительный характер царствования Екатерины. Но в общей сложности, однако, расходы государства за это время, тем не менее, сильно возросли, ибо с 17,2 мил. руб. в 1763 г. достигали 65,1 мил.руб. в 1794 г., считая чрезвычайные.

С первого взгляда при сравнении балансов в бюджетах 1763 и 1794 гг., последний может показаться в более удовлетворительном состоянии, чем первый. Не следует забывать, однако, что такие результаты удалось осуществить лишь ценою крупных жертв, а именно: увеличением налогов, умеренным выпуском ассигнаций и покрытием экстраординарных расходов государственными займами.

Налоги давно уже возрастали постепенно: к концу царствования Екатерины подушный сбор, все еще игравший довольно значительную роль в бюджете (39,6%), увеличился более чем в полтора раза: косвенные подати благодаря новой организации таможенного ведомства и регалий, в особенности винной, также повысились почти в $2\frac{1}{2}$ раза, почему и заняли более видное место в государственной росписи (51,3% вместе с регалиями).

Несмотря на то, что в царствование Екатерины было вычеканено в полтора раза больше монет, чем за все предшествовавшее время, с 1700 г., чувствовался сильный недо-

статок в пригодных для обращения денежных знаков. В виду первой турецкой войны пришлось прибегнуть к внутреннему займу, давно уже подготовляемому путем обесценивания медной монеты, т. е. к выпуску ассигнаций (1768 г.). Первоначально ассигнации заменяли соответствующие ценности в металлах, на которые могли размениваться без лажа. Поэтому и ассигнационные банки (29-го декабря 1768 г.) на первых порах были чисто депозитными, и ассигнационный рубль до 1786 г. почти постоянно держался *al pari* с серебряным; но, по переклеймению медной монеты в двойном количестве, уже в 1796 г. вместо 50 мил. рублей, как было в 1785 г., в кредитной валюте обращалось вдвое больше (157 мил. рублей). Соответственно этому в 1796 г. при размене взимали до 31 ¹/_{коп.} лажа.

Все эти мероприятия оказались, однако, недостаточными для покрытия (главным образом, военных) расходов. Благодаря заграничному кредиту, которого у нас не было до Екатерины II, наряду с внутренними долгами, появились и внешние. К концу ее царствования первых можно было насчитать до 82,5 мил. рублей, вторых, не менее 43,7 мил. рублей (1793 г.). Само собою разумеется, что к погашению внешних долгов присоединялось и уплата процентов по ним, начинавшая обременять государственный бюджет.

Таким образом, несмотря на то, что взамен прежнего дефицита, равного 0,7 мил. руб. в 1763 г., императрица Екатерина кончала царствование с 8,6 мил. избытка (1794 г.), финансовые затруднения, не только не исчезли, но, пожалуй, возрасли еще более в ее «маленьком хозяйстве» и задерживали естественное течение реформ, требовавших денег.

Не одни эти затруднения, однако, приостановили преобразовательную деятельность Екатерины II-й. После неудачного исхода работ в комиссии о составлении проекта нового уложения она стала все более и более интересоваться внешней политикой, руководство которой отвлекало ее от забот о внутреннем состоянии империи. На остановку в ходе преобразований сильно повлияли также события, совершившиеся во Франции в конце XVIII ст. и вызвавшие охранительные меры Екатерины в России; «не время теперь делать реформы», говорила она одному из своих приближенных незадолго до французской революции.

Обзор блестящих успехов внешней политики Екате-

рины II не входит в задачи настоящего очерка. Осязательные результаты ее всем нам хорошо известны. После двух войн с Турцией и трех разделов Польши Россия приобрела значительную область с населением в 7 миллионов человек и получила доступ к Черному морю и к Константинополю, а также вступила в непосредственные пограничные сношения с Пруссией и Австрией.

Благодаря всем этим условиям и военным силам, численность которых за время царствования Екатерины возросла не менее как в два раза (до 312 тысяч человек, 67 линейных кораблей и 40 фрегатов в 1790 г.); Россия при помощи реорганизованного войска и флота окончательно отвоевала себе видное место в системе европейских держав и, получив самостоятельное значение в международных отношениях революционной эпохи, «приняла на политическом театре действительную роль».

Эта «роль» все более и более увлекала Екатерину, льстила ее словолюбию. С 1778 г. она задумывалась над будущей судьбой Франции, а позднее выступила против революционных начал, тем более, что влияние их стала усматривать и в России. Так, например, общественное движение, во главе которого после И. Шварца стоял Н. Новиков, представлялось Екатерине опасным не только потому, что оно самостоятельно преследовало свои задачи, но и в виду предполагаемых связей его с революционными течениями западной Европы; А. Радищев, сильно уколотивший самолюбие императрицы, был также обвинен в «разсеивании заразы французской». Явления подобного рода вызвали со стороны Екатерины охранительные меры внутри империи и усилили враждебное отношение ее к французской революции, в особенности после того, как распространился слух о возможности появления революционных агентов и в России. Все эти обстоятельства подчинили направление государственной деятельности Екатерины интересам ее внешней политики; она поняла, что «ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии» и потому решилась принять деятельное участие в «дирекции» европейских дел. Но во время приготовлений к заграничному походу, вызванному «искренним, непреложным стремлением восстановить французскую монархию, как естественное средство водворить прочный мир» и желанием играть свою самостоя-

тельную «роль» в международных отношениях Европы, императрицы не стало.

Смерть внезапно постигла Екатерину 6-го ноября 1796 г.

VIII

Многие обстоятельства, как видно, мешали естественному ходу преобразований, предпринятых Екатериной в первую половину ее царствования. Гуманные и либеральные начала, провозглашенные ею, способствовали брожению идей в обществе, но пока еще мало содействовали улучшению его быта, формы которого нельзя было уложить в рамки, намеченные «мудрой законодательницей»; частью отставая, частью опережая в своем развитии политику императрицы, этот быт иногда мешал выполнить на практике законы, обнародованные в виду «общего блага»; несоответствие подобного рода придавало новым учреждениям довольно случайный и малозаконченный характер.

И чем выше стояли начала, провозглашенные Екатериной, тем труднее было осуществить их на деле, и тем строже современники отнеслись к государыне, которая начала свое царствование обещаниями сделать народ свой «столь счастливым и довольным, сколь человеческое счастье и довольствие простираться может на сей земле» и, разумеется, не сдержала своего обещания. Выдающиеся представители позднейших поколений, может быть успевшие забыть это обещание, все же иногда слишком резко судили о царствовании Екатерины: его недостатки представлялись им более конкретными, чем его достоинства; поэтому описанное время легче было подвергать односторонней критике, чем всесторонней оценке. Нередко, наконец, личные свойства Екатерины без достаточных предосторожностей переносили на ее политику или, наоборот, делали эту последнюю ответственной за такие темные явления русской жизни, которые вытекали из общих условий развития и слишком мало поддавались какому бы то ни было правительственному воздействию.

В настоящее время спокойному наблюдателю нельзя не признать, однако, что государственная деятельность Екатерины оставила глубокий и во многих отношениях плодотворный след в русской жизни. Не имея возможности в кратком очерке развивать это положение, припомним лишь не-

сколько фактов, подтверждающих его справедливость. Принципы экономической и просветительной политики Екатерины, например, не утратили своего значения и до сих пор. Наказ ее несомненно повлиял на литературу и законодательство начала XIX века, а вместе с ним перешел отчасти и в современное право. Далее, бумаги комиссии о составлении проекта нового уложения, созванной императрицей, пригодились для кодификационных работ, предпринятых в царствование императора Николая I.

Основные начала сословной политики Екатерины, правда, уступили место новым взглядам. Процесс этот происходил, однако, очень медленно: лишь сто лет спустя по вступлении ее на престол окончательно водворились новые общественные отношения. При этом организация свободных классов русского общества, данная им Екатериной, надолго пережила ее царствование: городское положение 1785 г., например, применялось всюду до 1846 г., когда городские учреждения получили менее сословный характер, а в большинстве русских городов и до 1870 г.; жалованная грамота дворянству, хотя и подвергалась частным переделкам (например в 1831 г.), однако до сих пор еще не утратила своей силы, так же, как и важнейшие мероприятия императрицы касательно духовенства.

Еще в большей мере это можно сказать о началах, выказанных в учреждениях о губерниях; несмотря на то, что состав губернских установлений, набиравшийся из местных элементов, и самостоятельная независимая от центра система их потерпела с основанием министерств существовавшие перемены, тем не менее, эти начала в известной степени сохранили свое значение до последнего времени.

Наконец, проекты Екатерины об учреждении центральных установлений с характером министерств и государственного совета, как известно, получили свое осуществление при Александре I (в кабинете которого между прочим найден был проект Н. Панина о совете), а манифест о престолонаследии в существенных чертах уже повторен в «духовном завещании» цесаревича Павла (1788 г.) и вслед за тем с дополнениями последующих государей перешел в ныне действующее право.

Все эти факты показывают, что большинство реформ Екатерины не пропало даром для русской жизни и надолго

успело вкорениться в нее. Не только по отдельным отраслям законодательства, но и по общему характеру своего царствования деятельность Екатерины получила важное значение в нашей истории.

Екатерина, сама служившая «общему благу», в лице своих подданных видела «не рабов, а людей, повинующихся законам». Из этого принципа вытекали и другие, не менее важные; таковы: с одной стороны признание личности гражданина государственною властью, с другой — начало закономерного повиновения, впрочем, уже хорошо известное предшествующему законодательству (Петра Великого). В силу того же взгляда императрица желала основать отношение власти к населению на взаимном доверии; для этого она прислушивалась к «голосам» депутатов, принимавших участие в комиссии 1767—1774 гг., временно содействовала развитию общественного мнения в печати, предоставила право представления местным обществам и установлениям и готова была признать полезные результаты, какие должны были сказаться в ее законодательстве благодаря такому общению между правительством и обществом, зависевшему, конечно, от усмотрения верховной власти. В заключение следует заметить, что устойчивость означенного порядка вещей была, по крайней мере отчасти, гарантирована некоторыми из важнейших установлений, учрежденных Екатериной II.

Царствование, отличавшееся такими особенностями, несмотря на все его темные стороны, должно было занять выдающееся место в прогрессивном ходе нашей отечественной истории: и действительно, в нем нельзя не видеть зачатки будущего развития русского общества и дальнейшего преуспеяния начала законности в русском государственном порядке.

Примечания

¹ Уже в 1755—1756 гг., Екатерина приобрела «Discours» de J.J.Rousseau в свою библиотеку.

² Судя по материалам для составления Наказа, хранящимся в Императорской Академии Наук, в работе его автора нетрудно наметить следующие стадии: 1) по мере чтения Екатерина делала выписки понравившихся ей текстов; они следуют поэтому друг за другом без всякого порядка (Л. 1-39; лист = 4 стр.); 2) вслед затем Императрица приступила к распределению собранного материала.

Приложение

Для этого она на полях выписок системой особых знаков отметила однородные материи; 3) далее группы выписок, однородных по содержанию, она привела в систему по главам, которые остались и в печатном наказе (лл. 64-99 и 99-117); сюда же можно отнести дополнения к Наказу лл. 117 + 7 (до конца); при этом сделаны были добавления и исправления; 4) в таком виде работа Екатерины перешла к переписчику и снова пересмотрена ею, причем сделаны были небольшие поправки, кажется, рукою самой Императрицы (лл. 44-56), собственноручно переписавшей, кроме того, некоторые из глав (лл. 55-64); 5) наконец, при последней редакции Наказа текст подвергся небольшим, хотя и довольно существенным сокращениям, особенно в главе о «служащих» (= serfs), а также незначительным переменам в стиле и способе ссылок («un pais» вместо En France и т. п.), причем все сочинение разбито на статьи. Первоначально императрица, по-видимому, не вполне точно определила материал, долженствовавший войти в состав Наказа. Поэтому, кроме выписок, помещенных в манифест 14 дек. 1766 г. (лл. 39-41), среди «материалов» встречаются заметки, сперва попавшие в первую редакцию (л. 25), а потом выделенные в генерал-прокурорский Наказ (лл. 41-44).

³ Впрочем, судя по «ведомости, учиненной из присланных в 1769 г. от губернаторов ведомостей, сколько по последней ревизии положенных в подушный оклад душ, принадлежавших короне, считается», экономических крестьян числилось тогда (в Велико-россии и Сибири) несколько более общепринятой цифры, т. е. 992 000, а 1 006 021 д.м.п.

⁴ Судя по «ведомости, учиненной из присланных в 1769 г. от губернаторов ведомостей, сколько по последней ревизии положенных в подушный оклад душ, принадлежащих короне, считается», количество казенных крестьян доходило до 3 380 372 д.м.п., что составит около 46% всего крестьянского населения Велико-россии и Сибири.

⁵ Вместе с «купечеством» губерний: Новороссийской, Азовской, Полоцкой и Могилевской его насчитывали до 240 тыс. д. (Вышеуказан. ведомость, 1769 г.).

**Философский факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Институт международных образовательных программ
Санкт-Петербургского государственного политехнического
университета
Санкт-Петербургский общественный
фонд культуры и образования**

**22-23 апреля 2005 г.
проводят Вторые Санкт-Петербургские чтения по
теории, методологии и философии истории**

**ФИГУРЫ ИСТОРИИ
ИЛИ
«ОБЩИЕ МЕСТА» ИСТОРИОГРАФИИ**

Предлагаемые темы докладов и выступлений

- Современные направления исторической науки
- От исторической критики к герменевтике истории
- История: от текста к бытию
- История: реальность события и реальность текста
- История: между описанием и обобщением
- История: топы письма и логика фактов
- Типология исторических дискурсов
- История и риторика
- Генезис и модификация исторической терминологии
- Исторический жаргон или на каком языке говорят историки

- Историческое повествование: сюжеты и фабулы
- По следам аналогий: история и литература, история и лингвистика
- Риторическая традиция в русской историографии

ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ:

Для участия в конференции необходимо прислать в оргкомитет заявку и тезисы предполагаемого выступления объемом 2-3 страницы (500-1000 слов) на русском языке или полный текст доклада до 0,5 авторского листа (до 20000 знаков) на русском языке. Текст доклада можно представить непосредственно на конференции. Материалы для регистрации должны поступить в оргкомитет до 18 марта 2005 г. По итогам конференции оргкомитет предполагает опубликовать поступившие материалы. Оргкомитет оставляет за собой право предварительного отбора и редактирования присланных материалов. Материалы не рецензируются и не возвращаются.

Тексты и тезисы докладов должны быть представлены в печатной форме и в электронном варианте в редакторе Word 6.0-8.0.

Заявку, включающую авторскую справку и материалы необходимо высылать на имя
ученого секретаря конференции – А.В. Малинова
по электронному адресу:

rusphil@philosophy.pu.ru

или

kmo@imop.spbstu.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ

ИСТОРИИ В РОССИИ XX ВЕКА

К 140-летию со дня рождения

академика А.С. Лаппо-Данилевского

Материалы всероссийской научной конференции

21 апреля 2003 г.

Санкт-Петербургские чтения по

теории, методологии и

философии истории.

Выпуск I.

Издательство «Северная Звезда»

Лицензия ИД № 04018 от 12.02.2001

Редактор: А.М. Большаков

Подписано в печать 29.12.2003. Формат 60x90/16.

Гарнитура SchoolBookСТТ. Печать офсетная.

Уч.-изд.л. 26 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № 20.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК “Бионт”»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,

тел. (812) 322-68-43